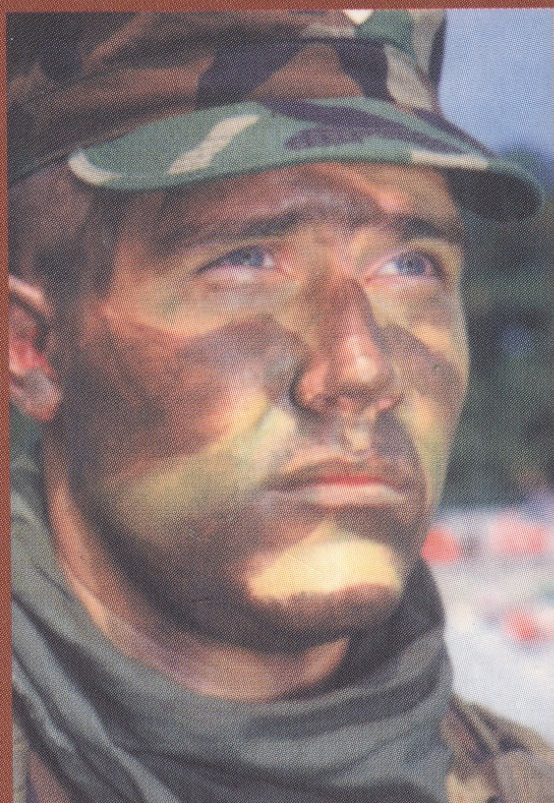

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

В ПОИСКАХ ДУХА ВОИНА

НОВЕЙШИЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ПОДГОТОВКЕ
«ЗЕЛЕНых БЕРЕТОВ»

*Эту книгу должен
прочитать
каждый десантник
и боец спецназа.*

Кит М. Найтингейл,
командир тренировочной
десантной диверсионно-
разведывательной бригады

**Новое: боевое
искусство
американской
морской пехоты**

РИЧАРД СТРОЦЦИ-ХЕКЛЕР

Предисловие Джоржа Ленарда

РИЧАРД СТРОЦЦИ-ХЕКЛЕР

**В ПОИСКАХ ДУХА
ВОИНА**

Москва
АСТ • Астрель
2006

УДК 355/359 (73)

ББК 68.49 (7Сое)

С86

Оформление
Дизайн-студия «Дикобраз»

Перевод с английского
Махалиной Л.В.

Настоящее книга представляет собой
перевод оригинального английского издания
In Search of the Warrior Spirit
Richard Strozzi-Heckler

Подписано в печать 15.01.2006. Формат 84x108¹/₃₂.
Гарнитура «Ньютон». Бумага газетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 5000 экз. Заказ № 3159.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 - книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005

Строцци-Хеклер, Р.

С86 В поисках духа воина / Ричард Строцци-Хеклер; пер. с англ. Л.В. Махалиной. - М.: АСТ: Астрель, 2006. - XVI, 396 [4] с.

ISBN 5-17-036172-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-13719-8 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 1-55643-425-1 (англ)

Книга американского тренера по айкидо Ричарда Строцци-Хеклера - это увлекательная летопись событий, происходящих в одной из частей спецназа морской пехоты, где солдаты проходят необычный курс боевой и психологической подготовки. Эта книга - блестящее повествование о силе и мужестве, размышления о том, что значит быть настоящим мужчиной, настоящее откровение для тех, кто считает себя настоящим воином.

УДК 355/359 (73)
ББК 68.49 (7Сое)

ISBN 5-17-036172-6

(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-13719-8

(ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 1-55643-425-1 (англ)

Copyright © 1990, 1992, 2003 by Richard Strozzi-Heckler
© ООО «Издательство Астрель», 2006

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Хочу выразить особую признательность Ричарду Гроссингеру за его антропологические комментарии, а также за неоценимую помощь, поддержку и редактирование в ходе создания этой книги. Огромная благодарность Ариане Строцци-Хеклер за ее любящую поддержку, терпение и помощь; Линди Хок за помощь; Джорджу и Энни Ленард за свежий взгляд и советы; Роберту Холлу за поддержку; Лайзе Герритсен за компьютерные услуги.

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие к новому изданию

Предисловие Джорджа Ленарда

Приглашение

Приготовления

В чреве

Война

В лагере

Настоящий воин

Душа и тело

Боевое товарищество

Вестерн

Морские учения

Целостность

Путь воина

Свет и тени

Эпилог

Пять лет спустя

Пятнадцать лет спустя

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Прошло уже более семнадцати лет с начала проекта «Троянский воин», секретной экспериментальной программы американской армии, целью которой было повышение уровня боевой, физической и интеллектуальной подготовки элитных частей спецназа. Теперь, осенью 2002 года, я оглядываюсь назад с чувством восхищения, удивления и удовлетворения от проделанной работы. Засиживаясь по ночам, чтобы сделать записи в своем дневнике, я и не предполагал, что мои наблюдения и впечатления лягут в основу книги, увидевшей свет в 1990 году. Разве мог я тогда представить, что этому проекту будет суждено осуществить мою самую заветную мечту, что основы древнего воинского искусства когда-нибудь станут обязательной частью подготовки американской армии?

О том, как осуществлялась эта мечта, и что стало продолжением этого успешного эксперимента, рассказано в главе «Пятнадцать лет спустя: боевое искусство морской пехоты». Надеюсь, читателю будет интересно узнать о дальнейшей судьбе участников проекта в главе «Пять лет спустя», которая была написана в приложение ко второму изданию книги.

Оригинальное предисловие Джорджа Ленарда к этой книге служит прекрасным вступлением к рассказу о том, как древнее воинское искусство начало прокладывать путь в современной американской армии, а мои замечания в конце книги подытоживают почти двадцатилетнюю историю этой необычной программы. Сегодня каждый рядовой и офицер морской пехоты начинает свой путь в армии с обязательного знакомства с боевым искусством, которое не прерывается на протяжении всей службы. Такой подход к подготовке личного состава много раз обсуждался с руководством американской морской пехоты, министерства обороны и военно-морского флота. В настоящее время свою заинтересованность в проведении подобного эксперимента уже выразили другие военные ведомства, а также правоохранительные органы. Я убежден, что личные качества и навыки традиционного воина приобретают особую важность сегодня в нашей «войне против терроризма», а также в различных операциях, не связанных с ведением боевых действий. Но ни слова больше. Приглашаю вас к самому началу, в 1985 год, в другое время и к другим мыслям, когда проект «Троянский воин» только начинался

- Ричард Строцци-Хеклер, д.п.н.
Петалума, Калифорния
Октябрь 2002 год.

ПРЕДИСЛОВИЕ Джорджа Ленарда

Весной 1972 года в секции айкидо, где я тогда тренировался, появился новый ученик. На вид ему было не больше тридцати, он был возмутительно хорош собой и двигался с невероятной легкостью. Кто этот парень, подумал я?

Айкидо, возможно, самый трудный вид боевого искусства. Сама идея, на котором оно построено - высвобождение энергии путем слияния с противником, даже любви к нему, - часто вызывает непонимание. Добавьте сюда сложные движения, мощные броски и падения, на отработку которых тратится основная часть тренировок, и вы поймете, почему не слишком много желающих заниматься айкидо и почему большинство начинающих бросают занятия в первые же месяцы. Поэтому появление новичка, проявляющего упорство, - это всегда событие.

К тому времени я уже занимался айкидо полтора года и имел голубой пояс, который всего лишь на одну ступень выше белого пояса начинающего айкидиста. Но наша секция только что открылась, и я считался старшим учеником, так что немудрено, что я наблюдал за новичком с некоторой ревностью, как обычно старшие подростки наблюдают за всяким незнакомцем, внезапно появившимся на их законной территории. Он носил белый пояс, но по его движениям было видно, что раньше он уже занимался айкидо, или каким-нибудь другим боевым искусством. Чаще всего он держался в стороне, внимательно наблюдая за движениями тренера. В том, как он выполнял упражнения, была видна серьезная настойчивость и особое ощущение присутствия, которое выделяло его из всех остальных.

Однажды, пока тренер демонстрировал новый прием, я подсел к нему и поклонился, давая понять, что прошу его стать моим партнером. Мы встали. Я протянул правую руку, он взялся за мое запястье, и я с помощью приема, который называется икке, вывернул его руку, заставив его согнуться. Потом в течение десяти минут мы по очереди отрабатывали икке. За все это время мы не произнесли ни слова. Нам и не нужно было ничего говорить. Мы общались на языке движений, которые невозможно описать словами. Не потому что в языке нет таких слов, а потому что эти движения сами говорят больше всяких слов. Так я познакомился с Ричардом Строцци-Хеклером. Хотя мы не могли этого знать, но уже тогда нас связывали тонкие ниточки. Теперь этих ниточек так много, что, наверное, их просто невозможно сосчитать. И в 1985 году одна из таких ниточек помогла Ричарду Строцци-Хеклеру сыграть ведущую роль в одном из самых дерзких и необычных экспериментов, которые когда-либо проводились при подготовке нашей армии. Но в 1972 году об этом эксперименте, который является предметом этой книги, никто даже и не думал. Скажу больше, даже вероятность его казалась невозможной. Мы с Ричардом продолжали тренироваться вместе, и постепенно наше знакомство стало выходить за рамки спортивного зала. Я узнал, что он работает над докторской диссертацией по психологии и что он шесть месяцев занимался айкидо на острове Кауаи, где пытался основать школу психологического тренинга. Оказалось, что врач, с которым он собирался работать, был моим знакомым и даже когда-то провел мне несколько сеансов массажа Ролфинга.

Шли годы. Люди приходили и уходили, исчезая из памяти, а мы продолжали тренироваться, неизменно получая огромное удовольствие от этого мощного и красивого

искусства. И не переставали набивать синяки и шишки. А как же без них? Иногда случались травмы и посерьезнее. Уже имея коричневый пояс, Ричард как-то сломал руку в двух местах, неудачно приземлившись после броска тренера. На весь зал было слышно, как хрустнула кость. Но через пару недель Ричард снова был на мате и продолжал тренироваться, как ни в чем не бывало, несмотря на гипс.

Еще до того, как мы стали обладателями черных поясов, наш тренер назначил Ричарда, меня и еще одну способную ученицу Уэнди Палмер своими помощниками. Наша работа состояла в том, чтобы вести занятия с начинающими. В феврале 1976 года, в возрасте пятидесяти двух лет, я успешно сдал экзамен и получил черный пояс. Уэнди и Ричард догнали меня через три месяца. Я выполнял роль соперника на экзамене у Уэнди, поэтому во время экзамена Ричарда был свободен и мог наблюдать, сидя на краю мата. Этот бой до сих пор остается в моей памяти как самый драматичный и незабываемый эпизод за всю почти двадцатилетнюю историю моих занятий айкидо.

Обстановка с самого начала складывалась очень сложно. За три месяца до экзамена наш тренер подверг Ричарда такому суровому испытанию, о котором мы можем читать только в восточных легендах. За последние три недели он ни разу не взглянул на Ричарда и называл его исключительно «этот, как его там». До самого последнего момента Ричард не знал, допущен ли он к экзамену. Только найдя свое имя в списках, он понял, что будет участвовать. Но и тогда наш учитель по причине, известной ему одному, отказывался говорить с ним.

Наконец, экзамен начался, и, как позже я написал в своей книге «Молчащий пульс», «с самого начала стало ясно, что на наших глазах происходит что-то необычное. Такое ощущение возникает во время ярких и незабываемых спортивных событий, вроде национального чемпионата по бейсболу или боя быков. Тогда каждый зритель так или иначе ощущает, что происходящее на поле - это больше, чем игра, что на его глазах разворачивается некая невероятно красочная и роковая мистерия, которая неожиданно на миг приоткрывает завесу над вечной тайной мироздания». Бой Ричарда был таким красивым, что - здесь я рискую вызвать скептическую улыбку - в зале даже изменилось освещение. Это заметил не только я, но и многие присутствовавшие. Кульминация наступила, когда в ходе заключительного рандори против Ричарда выступили сразу три обладателя черного пояса.

Для человека, который впервые наблюдает рандори, с его безудержной, стремительной и сокрушительной силой, это зрелище производит неизгладимое впечатление. Оно захватывает и переворачивает все внутри. Опытный же айкидист в это время внимательно наблюдает за всеми техническими приемами и движениями, отслеживает появление брешей в энергетическом поле обоих соперников. Но в этот день и зрители, и знатоки - все сошлись во мнении, что в рандори Ричарда было, прежде всего, ощущение гармонии, согласия и примирения. Какие бы сильные и стремительные удары ни сыпались на него, они не могли достичь его, потому что он каждый раз оказывался в той переменной точке, которая удерживает противодействующие силы в абсолютном напряжении. Что же касается ощущений самого Ричарда, то он не испытывал ни усилий, ни напряжения. В голове у него раздавалось только одно: «Это не Ричард». В тот момент, под градом ударов, потеряв границы определенности, в которой он привык искать спасения, лишенный поддержки учителя, лишенный даже собственного имени, он обрел то, о чем и не смел мечтать. Он не боялся, что его могут ударить или взять в захват. Если бы понадобилось, он мог бы

продолжать бой бесконечно, уверенный, что все это происходит не с «ним». Внутренний голос продолжал ясно повторять: «Это не Ричард. Это не Ричард».

Спустя четыре месяца после этого экзамена, в октябре 1976 года, мы втроем открыли собственную школу айкидо в Милл Вэлли, чем несказанно удивили все местное спортивное сообщество. Дело в том, что, как правило, обладатели черного пояса первой степени не открывают собственных школ. Однако школа «Тамалпаис» оказалась очень успешной с самого начала. Мы втроем продолжали тренироваться и совершенствовать свое мастерство, и сейчас наша школа считается весьма серьезным спортивным заведением, что вызывает у нас заслуженную гордость.

Тот самый телефонный звонок, который на полгода разлучил нас с Ричардом, зазвонил весной 1985 года. Это был Крис Мэйер, президент компании «Спортсмайнд», известной успешным проведением программы физической подготовки в армии. Мэйер сказал мне, что «Спортсмайнд» получила задание разработки особой программы для подготовки группы спецназовцев. Программа должна была использовать новейшие научные достижения в области исследования человека, включая курсы медитации, биоэнергоконтроля, айкидо и психофизиологии - не в полной мере, естественно, а в той части, которая способствовала бы повышению уровня боеготовности солдат, в том числе способности длительное время оставаться без движения, сохраняя высокую степень концентрации внимания. Мэйер попросил меня подыскать человека на должность руководителя проекта.

Джек Сири был самой подходящей кандидатурой. За год до этого он окончил напряженный двухмесячный курс занятий по моей авторской программе, в которой я постарался соединить айкидо с западной психологией. Подполковник морской пехоты, заслуженный ветеран двух вьетнамских кампаний, он пришел на мои курсы сразу после выхода в отставку. Одни только знаки воинского отличия этого человека могли внушить уважение солдатам спецназа. Но Сири был не просто доблестным героем войны, но и к тому же человеком огромной души, жизнерадостным и романтичным, открытым и искренним. Так я и описал его Мэйеру.

Другой парень по имени Джоуэл Леви уже был зачислен в команду как преподаватель биоэнергоконтроля и медитации. Когда позднее встал вопрос, кто мог бы составить компанию Сири и Леви в качестве тренера по айкидо, я немедленно порекомендовал Ричарда Строщи-Хеклера. Я жалел только о том, что нам будет не хватать его в нашей школе. Так была составлена команда из трех руководителей для этого необычного эксперимента, которому было суждено изменить саму систему подготовки в армии.

Проект начался в августе 1985 года. В середине октября я на три дня прилетел на базу в качестве одного из лекторов, приглашенных принять участие в том, что проходило под кодовым названием проект «Троянский воин». Меня поселили в отдельной комнате большого старинного особняка, где жили руководители проекта. Было очевидно, что все трое были утомлены до предела. Сказывались многочасовые занятия, выматывающие тренировки и недосыпание. Но даже после 16-часового рабочего дня Ричард находил время, чтобы делать записи в своем дневнике. Для чего? Он и сам не знал. Проект был тогда засекречен. Просто он делал то, что считал нужным.

Нам повезло, что он считал именно так, потому что из дневниковых записей Ричарда Строщи-Хеклера появилась книга, не менее оригинальная, поразительная и неожиданная, чем сам проект. Книга «В поисках духа воина» это, прежде всего, новый взгляд на современную армию, но я вовсе не хочу сказать, что это единственная или главная ее

ценность. Теперь, после выхода в свет этой книги, невозможно представить себе, чтобы при обращении к воинской теме можно было бы обойтись без упоминания работы Строчи-Хеклера.

Эта книга ставит перед читателем непростые вопросы. Еще до начала проекта на Ричарда обрушился поток критики со стороны людей, считавших, что нельзя преподавать айкидо и вообще технику управления сознанием «зеленым беретам», этим, как говорили они, «наемным убийцам». Значит ли это, что мы настолько любим мир, что согласны отказаться от армии вообще? А если у нас все-таки есть армия, нужно ли нам, чтобы она была лишена доступа к самым передовым технологиям? Разве мы хотим иметь слабоумных, тупых солдафонов, не обладающих ни сознанием, ни способностью к сопереживанию? А если мы научим их сопереживать и чувствовать, то как они смогут выполнять те суровые задачи, которые ставит перед ними общество? Естественно, нам не нужно, чтобы толпы железных Рэмбо были пущены гулять по свету. Но если не Рэмбо, то кто?

На эти вопросы нет простых ответов. Однажды, во время медитации, Ричард открыл глаза и заметил, что человек, сидящий рядом с ним, глубоко погружен в медитативный транс. Он сидел очень прямо. Его дыхание было глубоким и ритмичным. «Неожиданно, - пишет Ричард, - мой взгляд упал на его черную футболку, обтягивающую мощные бицепсы и атлетическую грудь. На футболке были видны череп и скрещенные кости, отпечатанные белой краской, над черепом красовалась надпись «82-Я ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНАЯ ДИВИЗИЯ», внизу крупными буквами: «СМЕРТЬ С НЕБЕС». Ричард мгновенно пришел в замешательство. Люди в таких майках не медитируют, и все же человек был действительно погружен в медитацию. «Это не укладывалось у меня в голове, - пишет Ричард. - Убийство и медитация взаимно исключают друг друга».

Ведя читателя через такие противоречия, книга подталкивает его к неожиданным решениям. В конце концов, мы понимаем, что парни в зеленых беретах ничем не похожи на Рэмбо, что они такие же, как мы - романтичные и циничные, вдумчивые и легкомысленные, смелые и трусливые, ранимые и трогательные в своем стремлении скрыть от посторонних глаз свои слабости.

«Проект «Троянский воин» - это, прежде всего, приключенческая повесть, одиссея - человека, пустившегося в поиски самого себя в наш век утерянных ориентиров. И в какие удивительные приключения он попадает! От первой главы до последней Ричард не успевает отражать атаки своих друзей, разделяющих людей на «своих» и «чужих»; «зеленых беретов», настороженно встречающих всякого незнакомца и готовых подставить подножку в любую минуту; своих собственных страхов и сомнений, злости и самолюбия, которые нет-нет да и прорвутся, несмотря на долгие годы суровой дисциплины. Это напомнило мне то самое рандори, те безудержные, стремительные и сокрушительные удары со всех сторон, которые сыпались на Ричарда во время его экзамена на получение черного пояса, за тем исключением, что это рандори многогранное и многоплановое, и оно не имеет конца. Так, когда Ричард, наконец, соглашается показать одному из солдат, «как оно действительно работает», тут же возникает еще один вопрос, еще один уровень, ждущий своего разрешения: как совместить физическое противостояние с принципом любви и согласия?

Думаю, излишне будет добавлять что-нибудь еще, кроме того, что вас ждет удивительная история с множеством неожиданных открытий, написанная ярким и живым языком. Читая ее, вы поймете, что «мы» и «они» не существуют, что народы и страны, военные и гражданские, «зеленые береты» и их инструкторы, и даже вы и я - все мы - части единого

целого. Как много лет назад сказал основатель айкидо Морихэй Уэсиба: «Наш единственный враг находится внутри нас»

- Джордж Ленард.

Когда самурай Кикуши опустил свой меч и был посвящен в дзэн, его учитель сказал ему: «Ты должен сосредоточиться и отдаться целиком каждому дню так, будто огонь ревет в твоих волосах».

ПРИГЛАШЕНИЕ

В жаркий июньский день 1985 года на моем рабочем столе зазвонил телефон. Я заканчивал правку своей книги по айкидо и был рад отвлечься от монотонного редактирования.

«Привет, Ричард. Это Джек Сири. У меня к тебе предложение. Ты не хотел бы преподавать айкидо «зеленым беретам»?»

Не зная, как отреагировать, я попытался отшутиться: «А ты не хотел бы преподавать боулинг ангелам в аду?»

На том конце провода послышался смех: «Нет, я серьезно. Мы начинаем через полтора месяца. Двадцать пять «зеленых беретов». Будешь учить их каждый день в течение шести месяцев». У меня перехватило дыхание. Это была именно та работа, о которой я мечтал и которой одновременно боялся. Джек продолжал: «Мы будем все делать с этими ребятами - бегать, совершать марш-броски, плавать, медитировать и даже участвовать в боевых учениях».

Неожиданно я почувствовал себя так, как будто мне подали блюдо, которое я заказал очень давно. Но сначала немного предыстории:

В начале 1980-х в известную организацию «Спортсмайнд», которая базировалась в Сиэтле, обратился командование дивизии войск специального назначения. «Спортсмайнд» успешно занималась подготовкой спортсменов разного уровня и имела превосходную репутацию. Предложение, с которым выступило военное командование, заключалось в том, чтобы компания разработала экспериментальную учебную программу для американского спецназа. Звучало невероятно, но военное начальство действительно собиралось использовать нетрадиционные методы для индивидуальной подготовки солдат. Три года ушло на то, чтобы разработать концепцию этой необычной программы, составить учебный план шестимесячной подготовки и пройти все бюрократические препоны, пока, наконец, идея не была одобрена и не получила финансовую поддержку Министерства обороны. Чиновник, курировавший проект, присвоил ему кодовое название «Троянский воин». По-видимому, в его представлении, новая элитная группа, подготовленная с использованием самых последних технологий, должна была стать той самой ударной силой внутри армии США, какой в свое время были победоносные древнегреческие воины, спрятавшиеся в чреве деревянного коня. В качестве эмблемы был выбран летящий конь со скрещенными под ним саблями. Надпись внизу, гласила по-латыни: *Vi Cit Tecum* - «Да будет сила с тобой».

Я был приглашен участвовать в проекте как психолог и специалист по айкидо. Вместе с двумя другими членами команды я должен был войти в основную группу преподавателей. Я был назначен ответственным за проведение месячного курса медитации, а также должен был преподавать основы психологии. Двум моим коллегам предстояло выполнять самые разнообразные задачи. На них возлагалось общее руководство проектом, организация правильного питания и системы биоконтроля, учебная и физическая подготовка и некоторые дополнительные занятия по психологии.

Предложение звучало четко и недвусмысленно: если я соглашусь, путь назад для меня будет отрезан. Вся моя жизнь и жизнь моих коллег будет принадлежать войскам спецназа.

Нам придется разделять с солдатами все тяготы армейской жизни, участвовать в боевых учениях, и все это изо дня в день по шестнадцать часов в сутки.

Когда Джек предложил мне участвовать в проекте, я почувствовал, как внутри меня поднимается ликующее «Да!». Разве мог я отказаться от такого предложения? Моя привычная жизнь будет нарушена, и мне придется объяснять моим детям и бывшей жене, что ближайшие восемь месяцев я не смогу быть с ними (добавь сюда объяснения с клиентами, поиски нового учителя для своей группы айкидо, а также квартиранта, который пожил бы все это время в доме и согласился бы присматривать за животными). И все же я был счастлив. Ведь впервые в армии будет создана совершенная система воспитания воина, система, идеально сочетающая в себе все стороны человеческого существования: разум, тело и душу. Я смогу преподавать современное боевое искусство элите нашей армии и, значит, прикоснусь к той области, которая всегда занимала мое воображение. Я смогу наблюдать, как шаг за шагом современный солдат превращается в мужественного и неустрашимого воина. Да, это было именно то блюдо, которое я заказывал. После того как я принял предложение, я был потрясен тем, сколько препятствий, оказывается, поджидало меня на пути. Какое-то время я, правда, находился в безоблачно-приподнятом настроении. Но уже скоро был вынужден спуститься на землю.

«Как ты представляешь себе обучение профессиональных убийц средствам медитации?» Светло-голубые глаза Андреа смотрят на меня с холодной укоризной. Ее тон звучит как приговор: «Этот человек просто сошел с ума».

«Но послушай, - отвечаю я, - это же прекрасная возможность обучить наших солдат искусству айкидо».

«Обычное мужское желание самоутвердиться, - бросает она. - Ну что ты хочешь доказать самому себе? Как только это могло прийти тебе в голову - преподавать айкидо солдафонам?»

Я был поражен. Впоследствии мне еще не раз придется сталкиваться с этим вопросом. Он чаще других будет возникать в моих спорах с друзьями, да и с самим собой. Андреа работает психотерапевтом в Берлине. Она мой старинный добрый друг. Узнав о том, что я согласился участвовать в проекте, она заявила, что это аморально. После целого вечера жарких споров я неожиданно поймал себя на том, что называю ее самым черствым и бездушным человеком, скрывающим свое истинное лицо под маской безразличия, агрессии и внешней благопристойности.

Тогда, засидевшись до поздней ночи, мы вели дискуссию, которую на протяжении нескольких недель мне пришлось продолжать со своими друзьями и коллегами. В их представлении то, что я собирался делать, было скорее похоже на кричащие заголовки газет, вроде «Рэмбо учится управлять своим сознанием!», «Рассказ человека, который медитировал с 25 «зелеными беретами» и остался жив!» или «Громилы из спецназа открыли для себя скрытые возможности человека!» Самые непримиримые убеждали меня, что обучение солдат технике управления сознанием приведет к катастрофическим последствиям. Они были уверены, что военные обязательно употребят эти знания во зло, а я только помогу им в этом, потому что научу их совершенным методам боя, и тем самым сделаю их еще более опасными. «Твоими учениками, - говорили они, - станут отборные солдаты, лучшие из лучших, и без того уже обученные быть инструментом силы в руках политиков». Я чувствовал, что становлюсь чем-то вроде общественно опасного преступника. Врагом номер один. «Как можно передавать эти священные знания Им?» - с

ужасом восклицали они.

Мы и Они. Я и не подозревал, что между нами такая огромная разница. Для меня солдаты не были они. Это были люди, которые больше других нуждались в моих знаниях. Научить их искусству, которое изменило всю мою жизнь, было моей прямой обязанностью. К сожалению, это было очевидным только для меня, и, хотя с самого начала я был готов к определенному противодействию, я никак не мог предположить, что оно пойдет по пути деления на «нас» и «них».

Первая проблема, которая не давала мне покоя, была связана с агрессивной внешней политикой нашего государства. Мне не нравилось то, что наше правительство применяет военную силу в разных точках планеты. Мои детство и юность совпали с войной во Вьетнаме, и с тех пор любое вмешательство нашей страны в чужие конфликты вызывает во мне резкое сопротивление. Обучая спецназ, не окажусь ли я невольным пособником той опасной политики, которую мы развязываем теперь в Центральной Америке? Может быть, тем самым я только подолью масла в огонь, который и без того уже разжигают безрассудные политики? Что если, участвуя в проекте, я стану на сторону правительства, с которым абсолютно не согласен? А может, наоборот, я стану проводником высоких идеалов воинского искусства в нашей армии, а айкидо окажется тем самым недостающим звеном, которое, наконец, изменит наши узкие представления о целях и задачах армии?

Но почти все мои оппоненты высказывали противоположную точку зрения. Дело не в нашей внешней политике, дело в Нас и в Них. Они - это плохие люди. Если Мы будем поддерживать связи с Ними, это бросит тень и на Нас. Мы выше Их, Мы во всем отличаемся от Них, и потому Мы не должны Им верить. Мне даже показалось, что некоторые из моих друзей восприняли мое решение как личное оскорбление. Многие смотрели на меня с сожалением, как будто я не оправдал их надежд. Медитация и тренировки научили нас тому, что сострадание и терпимость - это добро, а жестокость и насилие - зло. В отличие от многих традиционных боевых искусств, делающих упор на атакующие действия, айкидо имеет чисто оборонительный характер, оно целиком проникнуто человечностью и основано на законах природной гармонии. «Каким образом, - спрашивали меня друзья, - ты собираешься обучать этому искусству Их, людей, которые будут использовать его в целях разрушения?»

Я был потрясен. Что значит «Они»? Разве эти люди чем-то отличаются от меня самого? Разве это не те же самые парни, с которыми я играл в баскетбол, служил в морской пехоте, которых встречал в спортивных залах и на вечеринках? А, может, мне только так кажется, потому что я вырос в семье военного и сам когда-то носил военную форму? Или, может, все дело в том, что в жизни я успел повидать самых разных людей, и плохих, и хороших. Одни мне нравились, другие вызывали раздражение, но одно мне было абсолютно ясно - несмотря на все различия, в главном люди всегда и везде остаются одинаковыми.

И к тому же разве не важно научить людей - этих людей в первую очередь - древнему искусству физического и духовного совершенствования, которое раскрывает перед человеком смысл жизни и формирует целостную, гармонично развитую личность? Для меня это были свои парни - ребята, которых я знал с детства, еще живя в Сан-Диего. Я хотел встретиться с ними, чтобы научить их тому, что успел узнать сам. И еще мне хотелось своими глазами увидеть, какими они стали, служа в спецназе, и узнать, что они думают о воинском искусстве.

Их я не боялся. Я боялся тех, кто стоит у руля нашей внешней политики и отдает

команды. В конце концов, это Они с завидным постоянством совершают одну ошибку за другой, а люди в форме - это всего лишь пешки в их руках. Они ничем не отличаются от меня, и уж тем более не являются людьми второго сорта. Я давно мечтал поговорить с ними на эту тему, и теперь у меня появилась такая возможность.

Кстати, если бы меня пригласили преподавать айкидо в Белом доме, я бы, не раздумывая, согласился. Точно так же я поступил бы, если бы получил приглашение от советского Политбюро... Я бы с удовольствием обучал пенсионеров, не отказался бы учить - и действительно учил - городских хулиганов, малолетних преступников, полицейских, директоров компаний и детей с неустойчивой психикой. Разве из-за этого я перестал уважать себя? И все же, кто я такой - герой или глупец?

Скорее всего, и тот и другой. Даже когда я пытался убедить себя, что мастер Морихэй Уэсиба, основатель айкидо, в свое время тоже обучал японских солдат и полицейских, мне не становилось легче. С каждым днем вопросов у меня становилось все больше, а ответов - все меньше. Я понимал только одно: передо мной стоит трудный выбор, и от того, как я поступлю, зависит мое будущее.

Если я решался высказывать вслух свои надежды и опасения, то всякий раз натывался либо на откровенное непонимание, либо на глухую стену молчания. Меня обвиняли в том, что я наивный идеалист. Друзья заявляли, что я вступаю на - скользкий путь и вообще захожу слишком далеко. Накануне моего отъезда ученики из группы айкидо устроили прощальный вечер и вручили в подарок дорожную сумку. Мой давний друг и коллега Джордж Ленард выступил с речью, в которой сказал, что я отправляюсь «из до-дзе* «Тамалпаис» прямо в пасть дракона». Он объявил, что мне предстоит посвятить в тайны айкидо братство воинов под названием «зеленые береты» и пожелал мне удачи в этом благородном деле.

Потом ко мне подходили друзья, люди, с которыми я делил радость и огорчения, как в спорте, так и в жизни. Каждый жал мне руку, похлопывал по спине и желал удачи. Все это было очень трогательно, но я чувствовал грусть и одиночество. В моей голове почему-то вертелся герой из романа Конрада «Сердце тьмы», которого неудержимо влекло к опасности.

Из истории мы знаем, что воин не всегда несет с собой гибель и разрушение. В древности исполнять воинский долг считалось священным и благородным делом. Об этом говорит нам индийская «Бхагавадгита», повествующая о воинах Кришне и Арджуне. Герой Гомера Одиссей предпочитал побеждать своих врагов хитростью, а не силой. Японский самурай был мудрым правителем, что не мешало ему оставаться целостной и гармоничной личностью. Он не только в совершенстве владел боевыми искусствами, но еще и прекрасно сочинял стихи, а в часы досуга не считал зазорным заниматься каллиграфией и икебаной. Американские индейцы жили в полной гармонии с природой, их войны носили ритуальный характер и служили скорее доказательством личной отваги, чем агрессии и насилия. Тибетский воин легендарной Шамбалы использовал свою силу для достижения духовного совершенства. А знаменитый воин-шаман Дон Хуан Матус из романа Карлоса Кастанеды? Эти реальные и вымышленные герои достигали физического и духовного совершенства, преодолевая свои собственные внутренние пороки. Они стремились жить в гармонии с природой и помогать другим. Я верил и продолжаю верить, что если мы вернемся к прежнему идеалу воина, то перестанем, наконец, выискивать внешних врагов и вести

● «место постижения Пути», зал для занятий айкидо

бессмысленные войны, угрожая миру на планете.

Остаток времени прошел в сборах. Я уложил вещи, нашел квартирантов, завершил дела с клиентами по своей психотерапевтической практике и закончил книгу по айкидо. Самым трудным оказалось прощание с детьми. Я рассказал Джанго, который теперь называет себя Ди Джей, и Тиффани о том, что я собираюсь делать и пригласил их поехать со мной. Тиффани было четырнадцать лет, и она не захотела уезжать от своих друзей. Ди Джею - шесть; он предпочел остаться со своей сестрой и матерью. Я уходил от них, мучимый угрызениями совести, ругая себя за то, что повторяю ошибки собственного отца. Прощание было трогательным. Уходя с комком в горле, я обещал писать и звонить. Глядя в иллюминатор на бурые, выжженные солнцем хребты, окружающие залив Сан-Франциско, я пытался представить себе, каким стану, когда вернусь.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

4 августа

Выходные ушли на то, чтобы устроиться на новом месте. Просторный двухэтажный особняк викторианской постройки должен был на ближайшие шесть месяцев стать нашим домом. Он расположился на окраине маленького уютного городка в западном Массачусетсе, в каких-нибудь двадцати минутах ходьбы от знаменитого Уолденского озера Торо. Моя комната находится наверху, как раз между комнатами Джека и его жены Энн Бартли с одной стороны, и Джоуэла и Мишель Леви с другой. Джоуэл и Джек последние полгода работали вместе в Сиэтле. В каком-то смысле я оказался лишним, так как приехал один. Но это можно не принимать в расчет, потому что с самого начала стало ясно, что все мы - одна большая семья. Джек - подполковник морской пехоты. У него за плечами двадцать лет службы и две вьетнамские кампании. После двух месяцев работы в нашем проекте, где он вместе с Джорджем Ленардом будет вести курс внутреннего энергоконтроля, он собирается подать в отставку. В бытность свою в Йельском университете Джек был капитаном студенческих сборных по боксу и футболу. Кроме того, он имеет диплом по менеджменту. Прирожденный лидер и неутомимый труженик Джек успел даже поработать в Пентагоне. Ходят слухи, что он непременно дослужился бы до кресла командующего, если бы не порвал контракт. Я сразу проникаюсь к нему симпатией. Это серьезный человек, в котором великолепно сочетаются блестящий интеллект и мужественное спокойствие. Лучшего связующего звена между нами и солдатами просто не придумаешь. Он вызывает у меня безраздельное доверие. Меня тревожит вопрос, смогу ли я работать под чьим-либо руководством после того, как столько лет был сам себе хозяином?

Джоуэл на десять лет моложе нас с Джеком. Он будет вести курс медитации и биоконтроля. Высокий, худой и бородатый, с живыми, блестящими глазами, он увлечен проблемами медитации и состоянием измененного сознания. Мы зовем его Спец, мистер Наука Нового Времени. Ранее он занимался у двух признанных учителей тибетской медитации, Калу и Зонг Ринпоче. Сейчас Джоуэл заканчивает докторскую диссертацию по проблемам межличностного общения. Он будет координировать невероятно сложную программу по достижению состояния умственного просветления, и, кроме того, он назначен ответственным за проведение медитативного лагеря. Пока мне трудно представить его рядом с бравыми ребятами из спецназа, уж слишком он похож на типичного интеллигента, напроць оторванного от реальной жизни.

Кроме Джека, Джоуэла и меня, в проекте участвует Мишель Леви. Она единственная женщина в нашей команде и будет вести сразу несколько дисциплин. Мишель много сделала еще на начальных стадиях разработки проекта, в особенности для программы так называемого «биокибернетического тренинга». Он включает в себя обучение биоконтролю и нейроконтролю, а также комплекс некоторых индивидуальных методов, связанных с автоматизированной системой биоконтроля. Вместе с Джоуэлом она назначена научным и техническим руководителем, ответственным за проведение медитативного лагеря. Джоуэл и Мишель - давние друзья и единомышленники. На протяжении почти четырех лет, пока шла

подготовка проекта, они постоянно были вместе. На их счету немало научных программ и консультаций со специалистами, в том числе с психологами, изучающими поведение человека в экстремальных условиях.

5 августа

Сегодня мы идем в расположение части. Нам предстоит провести предварительное собеседование с курсантами. Проходя через КПП, я вдруг ловлю себя на том, что все вокруг мне до боли знакомо. Мой отец был кадровым морским офицером, и большую часть детства я провел в военных городках. Когда я вижу ряды пронумерованных домов и людей в форме, марширующих на плацу, у меня возникает странное чувство. Мне кажется, будто я вернулся домой, и у меня перехватывает дыхание. В последний раз я был на военной базе в середине шестидесятых, когда служил в морской пехоте. Тогда мне было двадцать. Сейчас мне показалось, будто время с тех пор остановилось. Я начинаю вспоминать свои армейские годы, и память тут же возвращает меня в детство. Я вижу себя десятилетним мальчишкой, гордо шагающим рядом с отцом. Я счастлив оттого, что он взял меня с собой на базу. Уже двадцать с лишним лет мы с ним упрямо храним молчание. Сможет ли моя новая работа примирить нас или, наоборот, разведет еще дальше друг от друга?

Мы с Джоуэлом направляемся в расположение спецназа, где нам предстоит встретиться с нашей группой. Добродушный сержант проводит нас в небольшую комнату и с характерным южным выговором, растягивая слова, говорит, что он «сейчас же пришлет ка-аво-нибудь из са-алдат, чтобы мы могли начать». Первым входит парень в обрезанных джинсах, пропотевшей футболке, резиновых сандалиях и с банкой кока-колы в руках. Я слегка удивлен. Кого я ожидал увидеть? Рэмбо? Ковбоя с парой пистолетов за поясом? Он представляется (сначала фамилия, потом имя), называет свое звание и порядковый номер, мы протягиваем друг другу руки, и он садится. На его лице - полное безразличие. В его взгляде нет никакой враждебности по отношению к нам, но нет и особой симпатии. У него тонкие, как палки, ноги и непропорционально крупный торс. Типичная американская фигура. Вверху густо, внизу пусто. Грудь наружу, живот внутрь. Он, не переставая, жует табак, и всякий раз, когда он подносит к губам банку с кока-колой, из нее капает густая коричневая жидкость. На вид он очень молод (двадцать два года, как выясняется позже, один из самых молодых в группе). Мы начинаем с общих вопросов. Спрашиваем, кто он по военной специальности, имеет ли семью, как у него со здоровьем, сколько времени служит, какие планы на будущее и т. д., и только потом переходим к вопросам, непосредственно связанным с проектом.

«Чего ты ждешь от этих курсов?»

«Не знаю». Продолжительная пауза.

«Ну, чего бы ты хотел лично?»

«Я слышал, что можно стать сильнее и выносливее. Это мне нравится». Продолжительная пауза.

«Почему ты записался на эти курсы?»

«Ну, большинство ребят из моей команды записались, и я записался». Продолжительная пауза.

«Что ты думаешь об этих курсах?»

«Я еще не знаю, чем мы будем заниматься, но надеюсь узнать».

«У тебя есть какие-нибудь вопросы к Нам?»

«Нет». Коричневая жидкость, банка.

Когда он уходит, мы с Джоуэлом смотрим друг на друга и пожимаем плечами. Однако остальные беседы проходят ничуть не лучше. Одни ведут себя несколько более заинтересованно, другие совершенно безразличны. Некоторые осведомляются, будут ли их семьи участвовать в проекте (будут). Другие спрашивают, приобретут ли они экстрасенсорные способности (программа способствует раскрытию всех способностей человека). Будет ли у нас полевая практика? (Да, мы проведем месяц в походных условиях). Должен ли я бросить курить? (Мы будем только приветствовать, если кто-то бросит курить или жевать табак). Что такое айкидо? (Традиционное японское боевое искусство, уделяющее особое внимание равновесию и слиянию). Научусь ли я лучше контролировать себя? (Контроль приходит вслед за сознанием). Некоторые отвечают односложно «да, сэр» или «нет, сэр». Только двое признались, что давно ждали такой возможности. Остальные просто замечают, что до этого уже были на разных армейских курсах, а в остальном пока рано говорить, все покажет время.

Некоторые интересуются, будут ли еще учителя, кроме нас. Мы отвечаем, что участвовать в проекте приглашены еще четырнадцать специалистов. Они будут преподавать самые разные дисциплины. Занятия по одним предметам будут длиться всего несколько часов, по другим - до десяти дней. В числе преподавателей есть тибетский монах; мастер капоэйры (бразильское боевое искусство); специалист по бодибилдингу, который разработает индивидуальный комплекс упражнений для каждого солдата; врач-психолог, специалист по достижению умственного просветления; известный философ, писатель и айкидист, которому уже за шестьдесят; тренер по карате из Стэнфорда; монах-бенедиктинец и спортсмен-троеборец мирового класса.

Они ведут себя со сдержанным недоверием - психологическое зондирование в действии. Я чувствую, что они ловят каждое наше слово. Срабатывает армейское правило: будь наблюдательным и осторожным, не выдавай себя. Джек и Крис то же самое говорят и о своей команде.

Первые впечатления: работа предстоит не из легких. Здесь не привыкли верить словам. Это суровые и практичные люди, и нам придется во всем убеждать их собственным примером. Они не станут заниматься тем, что не имеет прямого отношения к их работе. Им важен результат, а не теория.

Мои предположения, похоже, сбылись. Я действительно хорошо знаю этих парней. Это все те же крепкие ребята, которых я встречал в университетских спортивных залах, с которыми часами спорил о литературе и политике. С одними я был знаком, когда служил на флоте и занимался восточными единоборствами, другие мне близки и понятны по тому, как они говорят о радостях и трудностях семейной жизни. Одни ведут себя вежливо и доброжелательно, другие замкнуты и недоверчивы. Ни один не похож на Сильвестра Сталлоне или Арнольда Шварценеггера.

И все же между нами стена непонимания. Опять «мы» и «они», только на этот раз я стою по другую сторону баррикад. Теперь моя очередь доказывать, что я не враг. Признают ли они меня? Каким образом я смогу заслужить их доверие? Смогу ли я победить их заносчивую уверенность в своем превосходстве: «Мы особенные, потому что мы - «зеленые береты»? Что это - «их» взгляд на мир? «Они», отвергающие мой мир с его новыми подходами к восприятию жизни? Может, я просто гляжусь в зеркало?

6 августа

В шесть часов утра, когда мы отправляемся на базу, уже жарко и душно. Через час на наших майках появляются круги пота. К концу утренней пробежки я чувствую себя так, будто во всем теле не осталось ни единой капли влаги. Джек, Крис и я бежим, а Джоуэл едет на велосипеде из-за больного колена. Мы используем это время, чтобы поговорить о парнях, о проекте, о себе самих. В колледже я получал стипендию как член национальной сборной по легкой атлетике, поэтому долгие пробежки мне знакомы. Я знаю, что завтра встану больной, но все равно рад возможности встряхнуться и испытать себя.

Сегодняшнее собеседование проходит несколько иначе. По тому, как они реагируют на наши вопросы и что говорят о проекте, я понимаю, что первая встреча не прошла даром: наши вчерашние собеседники уже успели поделиться своими впечатлениями. Из этого я заключаю, что, во-первых, с информацией у них дела обстоят неплохо, по крайней мере, на этом уровне, и что, во-вторых, похоже, к нам они относятся со скрытым недоверием. Все те же «мы» и «они», только с противоположной точки зрения. Сегодняшние солдаты старше возрастом и выше по званию, они ведут себя уверенно и хотят поскорее приступить к тренировкам. Это зрелые люди, которые привыкли обдумывать свои поступки и четко знают, чего хотят. Для них этот курс не развлечение, а серьезный, сознательный выбор. Они рассуждают примерно так: если эти занятия полезны для меня, я готов включиться, если нет - тогда мне плевать! Эти парни уже знакомы с такими понятиями, как управление сознанием и внутренний энергетический контроль. Не то чтобы они занимались этим раньше, просто либо где-то слышали, либо читали об этом.

Когда я спрашиваю старшего сержанта Маттелли, кто, по его мнению, может считаться настоящим воином, его лицо мгновенно преображается: типичный уличный хулиган из Нью-Йорка на моих глазах превращается в важного аристократа. «Настоящий воин, - с гордостью отвечает он, - это тот, кто умеет владеть собой, стремится стать лучше и всегда добивается поставленных целей».

На курсы записались двадцать пять человек. Это белые парни из среднего класса, в большинстве своем уроженцы Юга и Среднего Запада, что, в общем, нетипично для спецназовских групп А. Больше половины уже успели обзавестись семьями. Все вместе они составляют довольно разношерстную компанию из всевозможных возрастов, размеров и комплекций. Самому младшему из них двадцать два года, самому старшему - сорок один. Срок их службы в армии колеблется от пяти до двадцати двух лет, что в среднем составляет десять лет. Только четверо из них имеют высшее образование (двое закончили Военную академию в Вест-Пойнте), но каждый в свое время прошел особое тестирование, которое приравнивает их подготовку к университетской.

Мы поражены, как мало они знают о проекте. Большинство имеют весьма смутное представление о том, что им предстоит изучать и чем заниматься. В то время как многие надеются повысить свою физическую и интеллектуальную подготовку, у некоторых создалось ошибочное впечатление, будто через полгода занятий у них сами собой откроются сверхъестественные способности. При подготовке проекта «Спортсмайнд» ставила обязательным условием, чтобы все участники были заранее проинформированы о содержании занятий и смогли, таким образом, сделать сознательный выбор. На деле же оказывается, что только половина записались по собственному желанию, а остальные - так сказать, действовали по известному армейскому принципу «запись всех желающих».

обязательна», иными словами, не хочешь поступать на курсы - готовься занимать очередь на бирже труда.

Существует четыре группировки войск специального назначения: в США, Латинской Америке и Европе. В состав группировки обычно входят три батальона, приблизительно по три роты в каждом. В роте может быть от четырех до шести групп по двенадцать человек. Нам предстоит обучать две группы А по двенадцать человек в каждой. Группа 560 - это известная команда, пользующаяся большим уважением в своей группировке. Они старше, опытнее, и, кроме того, прошли специальные курсы аквалангистов, рассчитанные на ведение боевых действий под водой. Это по-настоящему сплоченная, дружная команда. В отличие от нее, группа 260 совсем молодая (некоторые зачислены только месяц назад), у них неопытный командир, и, судя по всему, коллектив у них еще не сложился. Капитан Торн, ротный командир, выпускник Военной академии, тоже будет принимать участие в проекте.

Вся эта подготовительная работа еще теснее сближает меня с Джеком и Джоуэлом. Думаю, каждый из нас понимает, что от нашей взаимопомощи и поддержки зависит успех всего проекта. Я дал себе слово, что буду предельно откровенным с моими коллегами. Если мы не станем союзниками, всем нам придется туго.

После обеда мы идем осматривать будущие классы и до-дзе. Под до-дзе переоборудован старый армейский кинозал. Один угол в нем отгорожен и будет служить классной комнатой. Кроме того, отдельное здание отдано под кабинеты, библиотеку и центр биоконтроля. Сегодня здесь кипит работа: старые стены сносятся и вместо них возводятся новые, полы метутся и надраиваются до блеска. Кое-кто из солдат мне уже знаком по собеседованию, остальных я вижу впервые. Некоторые кивают в нашу сторону в знак приветствия, но большинство предпочитают делать вид, что не замечают нашего присутствия.

Неожиданно один уорент-офицер* - грудь колесом, небрежной походкой приближается ко мне и встает рядом. Скрестив руки на груди, он некоторое время с подчеркнутым безразличием глядит прямо перед собой, и вдруг говорит, ни к кому не обращаясь: «Значит, вы и есть тот самый сэнсэй**?» Я поворачиваюсь; на его скулах мерно перекачиваются желваки, он по-прежнему глядит прямо перед собой. Вид холодно-непроницаемый. Тefлоновая неприступность.

«Я учитель айкидо», - отвечаю я.

Он медленно поворачивается и мерит меня взглядом. У него колючие серо-зеленые глаза.

«Мы будем тренироваться каждый день?»

Я протягиваю ему руку и называю свое имя. Он отвечает мне крепким рукопожатием, и неожиданно его крепко сжатые губы расплываются в широкой улыбке. Мгновение - и от его холодной суровости не остается и следа. Я узнаю, что он обладатель четвертого дана по корейскому карате, имеет разряды по другим боевым искусствам, наслышан об айкидо и с нетерпением ждет начала наших занятий. Он сам сэнсэй и обучает карате своих товарищей и собственных детей, которых, насколько я могу понять, у него много и о которых он говорит с заметной отцовской гордостью. Вскоре мы уже оживленно обсуждаем разные тонкости боя и делимся впечатлениями от поединков.

Он уорент-офицер из группы 260. В армии почти восемнадцать лет. Его первые шесть лет в морской пехоте совпали с войной во Вьетнаме. Когда он вернулся домой, то просто не мог

● Уорент-офицер - военное звание в армии США, соответствует званию прапорщика в российских ВС

●● Учитель

найти себе места. Промучился какое-то время, пока в один прекрасный день «моя мать сказала мне: «Я знаю, что с тобой. Ты солдат и не можешь жить без армии». Так я вернулся в армию, а там довольно быстро попал в спецназ. Здесь ты можешь быть самим собой. Париться на плацу по двенадцать часов в сутки? Это не для меня, Я способен на большее. Теперь мне осталось всего несколько лет в армии, а когда уйду в отставку, хочу открыть свой собственный до-дзе». Когда я выхожу из зала, он снова окликает меня: «Зови меня Шеф, так все меня зовут». Затем он опять скрещивает руки на груди, принимает важную позу и вновь превращается в крутого громилу из спецназа.

7 августа

Этим утром по дороге в часть мы с Джеком снова возвращаемся к нашим бесконечным размышлениям о том, каким должен быть современный воин. Мы оба считаем, что интересы, которые преследует армия, запуская этот проект, совсем необязательно должны расходиться с нашими собственными интересами. Вопрос только в том, как нам совместить и то, и другое? Лично мне абсолютно ясно, зачем я участвую в этом проекте. Я хочу понять, может ли настоящий воин - по крайней мере, такой, каким я его себе представляю, - существовать в современной армии?

Сегодня у ворот части дежурит женщина. Кстати, это еще один вопрос: «Может ли женщина быть воином?» Мы с Джеком твердо уверены, что может. Воин черпает свою силу из источника, который не зависит от принадлежности к тому или иному полу - если на то пошло, ни от какой принадлежности вообще. Его сила проистекает, прежде всего, от самопознания, самовоспитания и чувства внутренней гармонии, не связанного никакими внешними ограничениями, в том числе ограничениями по половому признаку. Воин - это прежде всего Личность, и именно как Личность он (или она) связаны с другими людьми и окружающим миром. «Сделай все, что можешь!» - призывно кричит надпись на огромном щите сразу за воротами. Тут же выставлен танк времен Второй мировой войны. За воротами части хорошо и по-домашнему уютно: ухоженная территория, площадка для гольфа, ровные ряды деревьев, кругом чистота и порядок. Тихая гавань. «Сделай все, что можешь!» Чем не девиз для современного воина? Я спрашиваю себя: что это - рекламная уловка или все-таки военная необходимость?

Для меня по-прежнему неясно, чего же хочет армия от этого проекта. В официальном контракте значится, что программа рассчитана на «всестороннее использование современных технологий с целью обучения солдат подразделения войск специального назначения усовершенствованным методам физического и психологического контроля». Но что за этим стоит? Понятно, что военные хотят получить некий конкретный результат. Но как быть с внутренней психологической мотивацией? Каков он - нынешний идеал воина с точки зрения армии? Каковы его (ее) жизненные принципы? Иными словами, какое отношение могут иметь медитация, японское боевое искусство, визуализация или синхронизация сознания к парням из спецназа? (Рэмбо слыхом не слыхал ни о чем подобном. Кстати, как язвительно замечают парни, ему не приходилось и таскать на себе девяносто фунтов снаряжения).

Я убежден, что, если наша армия хочет быть сильной и современной, мы должны прийти к новому пониманию идеального воина. Кроме того, возьму на себя смелость заявить, что именно армия по-прежнему должна оставаться основным местом подготовки современного

воина. Только, в моем представлении, солдата, кроме всего прочего, нужно обучать искусству жить в гармонии с самим собой и с окружающим миром.

Думаю, что армия решилась на эту программу по двум причинам. Во-первых, все больше офицеров среднего звена - капитанов, майоров и полковников - начинают осознать, что раздутый военный бюджет ни в коей мере не спасает армию от поражений. К примеру, как отмечает «Нью-Йорк Таймс», снижение боеготовности армии в 1981-1984 годах совпало с самым крупным за всю послевоенную историю Америки финансовым вливанием в военно-промышленный комплекс. Даже главные разработчики нашей военной доктрины вынуждены признать, что непомерный рост вооружений и новейшие достижения в области военных технологий не способны сделать армию непобедимой. Напротив, похоже, это приносит прямо противоположные результаты. С 1980 года мы потратили на оборону один триллион долларов. В среднем это составляет 9440 долларов в секунду в течение всего периода правления рейгановской администрации. За последние шесть лет военный бюджет вырос на тридцать три процента с учетом инфляции, и при этом наша армия далека от того, чтобы стать на одну треть сильнее. Все эти затраты нисколько не изменили соотношение сил между США и Советским Союзом. По уровню боеготовности сухопутные войска НАТО в Европе по-прежнему уступают войскам противника. Мы проигрываем по всем статьям в Корее, в Юго-Западной Азии мы испытываем недостаток в подводных лодках и истребителях-бомбардировщиках. Чуда не произошло. Триллионные затраты на новые технологии не сделали нас могущественными и непобедимыми.

Во-вторых, нашу военную политику за последние тридцать пять лет даже с большой натяжкой невозможно назвать успешной. За горьким поражением в Корее последовал сокрушительный разгром во Вьетнаме. В операции по освобождению американского торгового судна «Майагуэз» от камбоджийских пиратов при спасении сорока моряков погиб сорок один морской пехотинец. По иронии судьбы пехотинцы погибли уже после того, как корабль вместе с командой был освобожден от нападавших. Попытка по освобождению американских заложников в Тегеране полностью провалилась. Восемь военнослужащих оказались убитыми к тому моменту, когда операция была приостановлена. В 1983 году 241 морской пехотинец погиб, когда террорист-одиночка, беспрепятственно миновав безоружный патруль и легкие заградительные сооружения, ворвался на начиненном взрывчаткой грузовике в место расположения американских войск. Даже наш блицкриг в Гренаде, который мы «выиграли», вряд ли у кого-либо вызовет восхищение. Тогда дисциплина в 82-й воздушно-десантной дивизии была настолько ослаблена, что, по сообщениям, только чудо удержало боевые части от полнейшей паники. За три дня столкновений войска продвинулись примерно на пять километров. По окончании кампании к медалям было представлено 9800 человек, при том что общее число высадившихся на острове составляло всего 7000 человек. Мы тратим на вооружение все больше, а выигрываем все меньше.

Среди тех, кто понимает необходимость преобразований в нашей армии, немало ветеранов Вьетнама, которые на собственном опыте убедились, что самое современное оружие бессильно перед небольшими партизанскими отрядами, не обладающих ничем, кроме простейших видов оружия и личного мужества людей. Все больше кадровых военных приходят к выводу, что армия должна уделять больше внимания индивидуальной подготовке солдат, делая упор на ведение маневренной, а не позиционной войны. Для них очевидна уязвимость высокотехнологичных и сложных видов вооружения современной армии. Я

часто беседую как с кадровыми, так и с отставными военными, и при этом я всякий раз слышу их тревогу о том, что в нашей армии, которая все больше полагается на мощь военной техники, человек оказывается совершенно исключенным из процесса. В условиях, когда миллионы долларов тратятся на создание роботов для ведения войны, роль солдата постепенно сводится к чисто технической функции. Он все больше превращается в оператора, задача которого - просто нажимать на кнопки. Понемногу мне становится ясно, что организаторы нашего проекта, возможно, надеются таким образом вернуть в армию прежние воинские традиции и высокие понятия о личном долге, чести и готовности к самопожертвованию.

Я верю, что только так, вернувшись к утраченным идеалам воинского искусства, мы сможем, наконец, создать армию, которая будет способной защищать Америку, одновременно не угрожая другим странам. Слишком самонадеянно? Возможно. Но когда-то нужно сделать первый шаг.

8 августа

К нам едет генерал. Это значит, что предстоит проверка, и от этого все вокруг приходит в движение. Еще это значит, что мы выбиваемся из графика: занятия в классах и до-дзе могут начаться позже назначенного срока. Утром провел несколько часов в батальонном штабе, утрясая кое-какие хозяйственные дела. Сегодня первый день проверки, и в своей парадной форме с орденскими нашивками, в зеленых беретах, лихо заломленных набок, солдаты выглядят очень щеголевато. Мне успели сообщить, что главный сержант батальона и еще несколько младших офицеров настроены скептически по отношению к проекту («Чепуха на постном масле, как пить дать»). Возможно, вскоре мне придется выдержать натиск серьезного противника. Позднее оказывается, что это была ложная тревога: я встречаю только несколько косых и нарочито равнодушных взглядов. Я представлен майору Уилсону. Это здоровенный верзила с добродушной улыбкой во весь рот, что-то среднее между Джоном Войтом* и Конаном Варваром. Моя рука хрустит в его лапище, пока он обещает выбраться на мои занятия по айкидо. Я мысленно даю себе слово расквитаться с ним при следующей встрече. Потом он начинает рассказывать что-то группе офицеров, и это звучит примерно так: «Короче, озадачил нас гена. Упали мы на это дело. Закинули М16-е, 104-е, 98-е, побросали 031 и 027 на плечо, затарились в БМП и вперед. Внизу пехтура парится, а у нас все - чики. Тормознулись на сухпай и из 86-х по высотке 19... » Армейские словечки сыплются из него минут пять, после чего он издает оглушительный боевой клич и все, кроме меня, дружно лопаются от смеха. Я чувствую себя маменькиным сыночком, случайно затесавшимся в компанию крутых парней.

Майор Уилсон отобран кандидатом в группу «Дельта», элитное армейское подразделение по борьбе с терроризмом, и пока не ясно, останется ли он в части до конца нашей программы. Позднее окажется, что он пройдет отборочную комиссию, и через полтора месяца я навсегда потеряю его из виду.

Наша команда имеет свою собственную униформу: брюки цвета хаки, бледно-лиловая гимнастерка, свитер и фиолетовый ремень с медной пряжкой. Вдобавок нам выдали тренировочный костюм из черных шорт и серой футболки с логотипом «Троянский воин»

• Джон Войт (Jon Voight, р. 1938) - известный американский киноактер, создавший ряд трогательных персонажей.

на левой стороне груди: две скрещенные сабли и под ними Троянский конь. Ниже расположен девиз «зеленых беретов» «De Oppresso Liber», а под ним наш девиз, «Vi Cit Tesum». Девиз «зеленых беретов» означает «Освобождай поработанных». Мы думали, что наш девиз будет для солдат загадкой, но в первый же день, как только мы надели майки, сержант Мартин заметил: «Здорово! «Да будет сила с тобой!» Он свободно владеет несколькими языками, в том числе, как выясняется, и латинским.

Мне не нравится, что нам приходится носить форму. В моем представлении, воин - это, прежде всего, индивидуальность, а не стандартное единообразие. Я начинаю опасаться, что мы можем оказаться втянутыми в какую-нибудь военную игру и в результате все наши планы будут расстроены.

«В форме мы больше похожи на команду, и остальным легче узнавать нас», - возражает Джек.

Джоуэл настроен беззаботно: «Честно говоря, мне все равно. В конце концов мы должны как-то выделяться из общей массы». Как и положено администратору, Крис заявляет, что для него неважно, кто что думает, и если надо носить форму, значит, надо. Мне все больше нравится Джек с его спокойствием и умением смотреть на все с философской точки зрения. Почти всегда ему удается сохранять объективность и находить рациональное зерно в любом вопросе. Однако поскольку до недавнего времени он был в морской пехоте, мне приходится держать с ним ухо остро, чтобы нас не слишком заносило в сторону казарменных порядков.

Похоже, в предстоящие выходные нам придется работать, иначе мы не успеем как следует подготовить до-дзе и кабинеты к началу занятий. Хотя нам было официально обещано, что «войсковая часть» обеспечит подготовку помещений к 12-му числу, мы что-то никак не можем разобраться, кто, собственно, эта «воинская часть» и к кому нам следует обращаться. Солдат то и дело отвлекают на подготовку к предстоящей проверке, а тут еще вечные перебои со стройматериалами. Офицеры, по-видимому, и без того загружены повседневными заботами. К тому же людей постоянно рассылают из части с разными поручениями.

Они жалуются, но в их голосе я улавливаю невозмутимое спокойствие, которое граничит с полным безразличием. Все эти задержки невыносимы: нам же обещали, что никого из участников проекта не будут отвлекать на посторонние обязанности. Когда я начинаю вслух возмущаться проволочками, Григс смеется: «Расслабься. Когда два года назад в Афинах бандиты захватили самолет, группа «Дельта» тоже не успела вовремя, потому что борт, который им дали, был недостаточно скоростным».

Мы только что закончили последние предварительные собеседования. Джоуэл пошел в штаб забирать свой портфель, а я отправляюсь к машине, чтобы подождать его там. Я вижу, как по улице идут Джек и Крис. Они тоже закончили свои собеседования. Джек качает головой. Из того, как он жестикулирует, я понимаю, что он чем-то недоволен.

«Почему их не проинформировали заранее?» - возмущается он. Он раздражен, и поэтому его густой баритон звучит непривычно глухо, как из бочки. «Мы же предупреждали с самого начала, чтобы эти парни записывались на курс по собственному желанию, а не загонялись поголовно все без разбора... - Он умолкает и смотрит на Криса, который на добрых полголовы выше его. - Половина из них, - продолжает он, - не имеют ни малейшего представления, зачем они записались, остальные пришли просто потому, что им приказали». Он пожимает плечами: «В чем дело? Ты же должен был проконтролировать это!»

Крис делает движение рукой, как будто отгоняет назойливую муху, но вид у него напряженно озабоченный: «Успокойся, Джек, ты слишком преувеличиваешь. Подумаешь, один человек записался, потому что не хотел отрываться от команды, а другой - потому что ему приказали. Ну и что? Это совсем не половина группы. Я предупреждал полковника Флинна о наших требованиях, и он обещал все устроить».

Подходит Джоуэл, и я тоже высказываю свои замечания:

«Мне показалось, что половина наших парней - случайные люди. Они и представления не имеют, чем им предстоит заниматься».

Джоуэл согласно кивает. Крис нахмуривается и поджимает губы.

«Не нравится мне все это», - мрачно говорит Джек. «Теперь уж ничего не поделаешь», - говорит Крис. По пути домой он болтает без умолку, будто хочет своими словами заполнить вакуум, образовавшийся от сердитого молчания Джека.

За окном машины мелькают ветви вечнозеленых деревьев, поникшие от долгого жаркого дня. Запах пота, идущий от нашей одежды, смешивается с виниловым запахом новенького салона. На каком-то этапе могут возникнуть серьезные проблемы из-за того, что многие записались не по собственному желанию, а по приказу. Отсутствие настоящей заинтересованности, в конце концов, неизбежно приведет к недовольству и разочарованию.

В жизни каждого из нас бывают моменты, когда нас охватывает страстное желание избавиться от своих недостатков и проявить все способности, заложенные в нас природой. Обычно этот момент наступает, когда мы ощущаем крайнее недовольство собой. Если это недовольство нарастает и становится невыносимым, в нас просыпается желание коренным образом изменить свою жизнь. Тогда мы собираем в единый кулак всю свою волю и мужество, чтобы пуститься в опасный и неизведанный путь. Но как только мы переступаем границы нашего собственного маленького «я», нас тут же со всех сторон обступают злые демоны, и в этот момент только твердая решимость дойти до конца способна поддержать нас и не дать повернуть назад. Если у нас нет этой решимости, тогда ничто не может помешать нам в какой-то момент сказать себе, что нам больно или неудобно, а затем вернуться назад, к нашему малюсенькому «я». Если у большей части этих парней нет такой решимости изменить свою жизнь, то на легкую победу нам нечего и рассчитывать.

С другой стороны, кто как не «зеленые береты», элита армии, идеально подходят для подобной программы? Ведь для того, чтобы стать спецназовцами, им уже пришлось пройти тщательный отбор. Они сумели продемонстрировать свои высокие личные качества, ум, дисциплинированность и умение приспосабливаться к любым условиям. Если где-то в американской армии и есть люди, способные воплотить в себе идеал настоящего воина, то их надо искать именно среди «зеленых беретов». К тому же воин, по своей природе и в силу своей профессии, больше других готов сражаться со злыми демонами любых мастей.

Идея создания частей специального назначения, обученных нетрадиционным методам ведения боя, возникла в начале 1950-х годов в Пентагоне, а именно в кабинете генерала МакКлю, командовавшего штабом по подготовке и проведению психологических операций. Когда в 1945 году Бюро стратегических служб (ОСС) под руководством генерала Уильяма Дж. Донована («Чокнутого Билла») было упразднено, в США не осталось ни одного формирования, способного выполнять особые боевые задачи. Потом в 1950 году разразилась война в Корее. Все особые операции тогда проводились крайне неэффективно; архивные доклады пестрят такими словами, как «неумело», «безрезультатно», «плохо спланированный», «в отсутствии скоординированных действий». Большинство частей,

принимавших участие в сражениях, были сколочены наспех и не имели ни достаточной подготовки, ни четкого руководства. Тогда-то и стало очевидным, что для проведения удачных спецопераций требуется особое, тщательно обученное и подготовленное формирование, причем создать его нужно было быстро, до начала новой войны. В качестве первого шага, генерал МакКлю собрал у себя людей, имевших опыт партизанских действий во время Второй мировой войны. В тот момент полным ходом шла разработка стратегии диверсионной деятельности на случай третьей мировой войны, которая в те послевоенные годы казалась неизбежной.

Идея создания особого отдела по проведению специальных операций встретила серьезное сопротивление со стороны высшего армейского руководства, особенно двух уже существовавших отделов: отдела разведки и планирования и отдела операций. Потребовалось немало ожесточенных дискуссий и споров, чтобы Пентагон, наконец, дал свое согласие. В начале 1952 года под программу было выбито 2500 кадровых мест. В апреле того же года полковник Аарон Бэнк, служивший в ОСС во время Второй мировой войны, был назначен первым командующим 10-й группы войск специального назначения. Перед спецназом были поставлены две основные задачи:

- 1) выявлять, обучать и поддерживать людей, способных вести диверсионную деятельность;
- 2) выявлять, атаковать и обезвреживать диверсантов.

Новому подразделению пришлось выдержать жесткую конкуренцию со стороны только что сформированного ЦРУ и командования Военно-воздушных сил, незадолго до этого выделившихся в специальный род войск. Но рост международной напряженности, стремительное наращивание сил СССР в Европе и провал войны в Корее вскоре заставили замолчать противников спецназа. Тем не менее до сих пор и в армии, и в обществе то и дело раздаются критические выпады против этого элитного военного подразделения, что регулярно проявляется в перебоях с финансированием и материальным обеспечением.

В 1961 году, незадолго до целой серии кровавых реакционных переворотов, прокатившихся по всему миру, в Форт Брэгг, штат Северная Каролина, где размещался Центр специальных операций, прибыл президент Джон Кеннеди. На параде, состоявшемся в его честь, президент обратил внимание на храброго полковника Уильяма Ярборо, командовавшего Центром. На голове полковника красовался зеленый берет, не входивший в стандартный комплект униформы. Президент пришел в восторг от элитных частей, и, вернувшись в Вашингтон, прислал письмо, в котором объявлял зеленый берет символом исключительного мастерства и беспримерного мужества. Вскоре за этим последовал указ об утверждении зеленого берета в качестве официального головного убора солдат сил специального назначения. Возможно, именно восторженный отзыв Кеннеди положил начало и долгое время поддерживал тот романтический ореол избранности, который до сих пор живет среди спецназовцев.

По воинскому уставу, полностью укомплектованная группа А (маневренная группа отделения войск специального назначения) должна иметь командира (как правило, в звании капитана), уорент-офицера, старшего сержанта и еще девять военнослужащих сержантского состава. В наших группах каждый солдат имеет особую специализацию и является настоящим мастером своего дела. Кроме того, в спецназе бойцам полагается обучать друг друга, что обеспечивает полную взаимозаменяемость членов команды и делает такое подразделение независимой боевой единицей, способной действовать самостоятельно в

любых условиях. Я не оговорился, сказав «настоящим мастером своего дела», потому что некоторые солдаты действительно являются профессионалами высочайшего класса, а остальные всерьез работают над своей подготовкой. Обычно разница между теми, кто учился своей специальности в течение пятнадцати лет, и теми, кто учился два года, видна с первого взгляда. В число военных специальностей входят ведение боевых действий и разведка, владение всеми видами легкого и тяжелого оружия, взрывные работы, средства связи и оказание медицинской помощи (в каждой группе есть два собственных врача). Поскольку инструктаж входит в число особых задач солдат спецназа, каждый обязательно передает свои знания другим. В рамках проекта «Троянский воин» под нашим оперативным командованием будут находиться две полностью укомплектованные группы А, по двенадцать человек в каждой, и их командир - итого двадцать пять человек.

Кроме своей основной специальности и навыков, полученных в ходе взаимообучения, многие солдаты имеют дополнительную армейскую квалификацию: среди них есть снайперы, альпинисты, лыжники, специалисты по ведению боя в городских условиях, технике выживания и затяжным прыжкам с парашютом (это искусство выпрыгивать из самолета на высоте тридцать тысяч футов и раскрывать парашют на высоте всего в одну тысячу футов над землей). Все они прошли воздушно-десантную подготовку, у большинства за плечами служба в отрядах коммандос. Многие владеют двумя языками и имеют практический опыт сбора разведданных. Ребята из группы 560, кроме всего прочего, прошли курсы аквалангистов и способны вести боевые действия под водой. У многих есть опыт преподавания, в том числе и в армиях других стран. Как выражается сержант Дадли: «Каждый из нас тянет на миллион долларов».

Одно из проявлений девиза «Сделай все, что можешь!».

9 августа

Погода резко изменилась. Сегодня моросит дождь, и душный зной, простоявший целую неделю, наконец-то уступает место легкой прохладе. На утро запланирована проверка общей физической подготовки, наш вариант стандартной армейской проверки такого же рода. На протяжении шести месяцев, пока будет длиться наш проект, парням придется проходить такую проверку четыре раза. Это делается для того, чтобы в ходе программы мы могли регистрировать все изменения, происходящие в их физическом состоянии. К обычным отжиманиям, приседаниям и двухмильной пробежке мы добавили подтягивания и растяжки для отработки гибкости. Обстановка во время проверки чем-то напоминает школьные соревнования. Перед стартом все настроены серьезно и подбадривают друг друга. Потом оживленно болеют друг за друга на разных этапах, радуются, когда улучшают свои собственные результаты, или недовольно ворчат, когда что-то не получается. Из их разговоров я понял, что они хотят выложиться полностью, чтобы достичь максимальных результатов. Им хочется узнать, как работает эта программа. Сегодняшняя проверка однозначно показывает, что они сделали мощный рывок вперед: многие значительно превысили армейские нормы по разным показателям.

После обеда начинается знаменитый спецназовский марш-бросок - тест для настоящих мужчин. Как сказал один из солдат: «Если кишка тонка, лучше не суйся». Стофунтовая выкладка плюс винтовка М16 (примерно восемь фунтов), для специалистов по легким видам вооружения гранатомет М9 (примерно три фунта), полный камуфляж и вдобавок

ботинки - все это нужно протащить на себе пятнадцать миль при жаркой и влажной, как парилка, погоде и с максимально возможной скоростью. Бросок проводится на время с одиночного старта, так как это задание считается индивидуальным, а не командным. Сразу за финишем нужно произвести три выстрела с расстояния пятидесяти метров по мишени размером с монету. В ходе марш-броска мы тоже будем отслеживать результаты, чтобы оценить эффективность нашей программы.

В форме, с ранцами и оружием они уже не выглядят, как качки из университетской сборной. В том, как они поправляют снаряжение и держат винтовки, чувствуются закалка и спокойная уверенность в себе. Здесь они в своей стихии. За этим стоят годы упорных тренировок. В такие моменты понимаешь, что все невероятные усилия, которые день за днем затрачивают эти люди, нужны им не для того, чтобы продемонстрировать свои мускулы, а для того, чтобы, как сейчас, на пределе человеческих возможностей преодолевать огромные дистанции с неподъемным грузом на плечах. Такой же сумасшедший бросок, только длиннее (в течение трех дней), с бегом по пересеченной местности является частью квалификационных экзаменов при поступлении в спецназ. Наша программа тоже включает трехдневный тест на выживание, но он будет проводиться позже.

В своей камуфляжной форме, высоких армейских ботинках и с автоматами наперевес эти солдаты как будто сошли с газетных полос. Они, как две капли воды, похожи на фоторепортажи из Гондураса, Сальвадора, Бейрута, Южной Африки, Ирландии, Южной Кореи или с Филиппин, Камуфляжный вирус, завоевывающий планету. Синдром насилия, с ужасающей быстротой заражающий одну нацию за другой, плодящийся в очередных теориях и учениях. Универсальная форма, идеальная для того, чтобы стать невидимым, затаиться, слиться с землей, а потом изрешетить ее, а заодно и друг друга во имя добра и справедливости. На какое-то мгновение мне становится не по себе. «Зачем я здесь? Неужели я тоже учу убивать?» - «Не будь наивным. Это не игра в бойскаутов». - «Зачем этим парням айкидо?» За какую-то долю секунды мой диалог с самим собой успевает набрать сумасшедшие обороты, и через мгновение мои мысли несутся со скоростью сто миль в час.

Когда через два с половиной часа они пересекают финишную прямую, их форму хоть отжимай от пота, но они жалуются на то, что «бег зарубили». Дело в том, что из-за частых травм во время бросков командование запретило бег с тяжелыми ранцами. Парни ворчат на это решение и жалуются, что если бы они могли бежать, их время было бы гораздо лучше. Звучит отчасти хвастливо, отчасти искренне. Многие из них порядком устали и выглядят совершенно обессиленными, но почти все до единого отстрелялись, вогнав три заряда прямо в яблочко. Стоя в стороне в своей чистенькой спортсмайндской форме, я чувствую себя совершенно лишним. Мне хочется быть среди этих уставших парней, хочется проверить, на что я способен. Когда мы приходим на стрельбище, Джек спрашивает у офицеров, не могли бы мы пострелять. Через минуту старший сержант уже подбирает для нас свободный M16 и объясняет, что нужно делать. Щелкая переключателем, он говорит, растягивая слова: «Вот это одиночный режим, это полуавтоматический. А это ро-ок-н-роллллллл, ребята!» - кричит он и переключает на автоматический режим. И вот я лежу в пыли, вкладываю заряд и не торопясь прицеливаюсь. По обе стороны от меня гремят выстрелы, ружья то и дело плюются огнем. Мне вспоминается, как я в первый раз выстрелил из своей мелкокалиберки, а потом из отцовской двустволки. Потом я вспоминаю, как моя бабушка отстреливала степных собачек, целясь прямо из окна кухни, а потом я вижу себя морским пехотинцем, стреляющим из своего M16.

Б-бах! Выстреливает соседнее ружье. Бравый сержант из нашей группы ловко поражает мишень и уступает ее мне. После его выстрела от центра мишени остаются жалкие лохмотья. Он небрежно ухмыляется и уходит, тяжело ступая в своей насквозь промокшей форме. Провести целый день в изматывающих тренировках и после этого оставаться таким невозмутимо спокойным! Эти парни, наверное, сделаны из железа!

Мой первый выстрел уходит вверх и влево. Остальные три ложатся кучно, и сержант смотрит на мою мишень со скрытым одобрением. Он советует мне медленнее нажимать на курок и расслабляться на выдохе. Звучит очень похоже на мои собственные рекомендации: расслабься, дыши глубже, контролируй собственную энергию. Они уже знакомы с этим. Что нового я могу им сказать? Мне нужно найти их слабое место, заставить их признать его и потом сделать их неуязвимыми.

11 августа

Сейчас без четверти три ночи. Весь вечер мы провели, готовясь к открытию, которое состоится завтра, нет, уже сегодня. Джек сидит за соседним столом и делает последние записи у себя в тетради, остальные ушли спать еще в двенадцать. В самую последнюю минуту мы обнаруживаем, что упустили одну важную деталь в программе презентации, и хотя все уже давно спят, Джек и слышать не хочет, чтобы отложить это до завтра. Он намерен провести завтрашнее мероприятие без сучка без задоринки, и я решаю остаться с ним до конца. Буквы расплываются у меня перед глазами, мне страшно от одной мысли, что через три часа нам придется вставать, и все же я чувствую удовольствие от добросовестно выполненной работы. На мой взгляд, мы вполне могли бы обойтись без марафона, но Джек настроен решительно, и, в конце концов, я сдаюсь. Чувство долга и готовность всегда и во всем идти до конца - одна из отличительных черт настоящего воина. Я думаю, что именно эти качества помогли Джеку пережить две вьетнамских кампании и не сломаться.

12 августа

ОТКРЫТИЕ. В зале, где проходит презентация, собрались все, кто имеет отношение к проекту. Здесь командир батальона полковник Флинн и полковник Барнс, командующий этой группировкой спецназа. Здесь также Хорст Эйбрахам, который будет вести курс практической физиологии. Этот курс рассчитан на десять дней, и, как предполагается, станет основой жестко регламентированного плана всех последующих физических тренировок. Вначале Крис Мейер представляет всех преподавателей и затем произносит довольно патетическую речь, в которой он говорит о большом историческом значении этого проекта и о том, что его целью должно стать воспитание истинного воина, в самом «высоком и священном» смысле этого слова.

«Люди, которые ежедневно подвергают себя опасности, - гудит он, - должны иметь доступ к самым последним открытиям науки. Они должны поставить себе на службу все новейшие познания в области развития и совершенствования физических и духовных сил человека. Именно на это и нацелен данный проект». Это звучит слишком торжественно, и я нервно сглатываю комок в горле. Он заканчивает свою речь, вызывая в воображении собравшихся высокие образцы древней воинской традиции, при этом не остаются забытыми африканские зулусы, римские легионеры и японские самураи. Затем он торжественно

вручает полковнику Барнсу самурайский меч в подарок от группы преподавателей, в ответ Барнс от имени командования вручает нам кортик. Полковник Барнс выступает с краткой речью. Он говорит об уникальности этого проекта и о том, что он дает каждому солдату редкую возможность повысить свою боевую подготовку. Он говорит, что, несмотря на то, что большая часть программы может показаться необычной, даже странной, тем не менее он надеется, что каждый - здесь он делает многозначительную паузу - выложится на все сто. Мне не нравится интонация, с которой он произносит эти слова. Может быть, он знает что-то такое, чего нам не положено знать? Похоже, начальству уже сообщили о том, что не все курсанты записались добровольно. Я чувствую общую неловкость, с которой парни следят за всем происходящим, вижу на их лицах скрытую иронию, когда они выслушивают речи ораторов. Из своих бесед с ними я уже успел понять, что многие вступили в спецназ именно для того, чтобы быть подальше от формальностей и рекламных лозунгов.

Я буду выступать как учитель айкидо, поэтому я одет в хакаму и ги*. Мне предстоит рассказать об истории и традициях этого вида боевого искусства. Мы с Джеком заранее продумали сценарий, по которому во время моей речи он должен неожиданно напасть на меня, выскочив из дальнего угла зала с огромным ножом в руках. Я должен обезоружить его и, уложив на пол, продемонстрировать несколько приемов айкидо. К чему я совершенно не готов, - поскольку до самой нашей поездки нам так и не удалось раздобыть оружия - так это к тому, что Джек выскочит на меня с заранее припрятанным автоматом М16. При таких обстоятельствах исход схватки становится совершенно непредсказуемым. Правда, мы заранее договорились, что будем предельно осторожны, чтобы никто не пострадал. К тому же в этой ситуации есть свои плюсы: солдаты смогут сами увидеть, каковы возможности айкидо в борьбе против привычного для них вида оружия.

Пока все идет по плану. Я стою перед парнями и рассказываю им о значении, которое придается айкидо в проекте «Троянский воин». Они сидят притихшие, как первоклашки. На всех надеты новенькие белые ги с армейскими нашивками на левой части груди. Офицеры и сержанты из батальонного штаба сидят на стульях в стороне от матов. Вдруг из дальнего угла зала раздается душераздирающий вопль, и из-за солдатских спин внезапно выскакивает Джек, размахивая ножом над головой. Все с ужасом застывают, глядя, как он стремительно несется на меня, готовый ударить. Но в тот самый момент, когда Джек заносит руку и поблескивающее лезвие ножа угрожающе нацеливается прямо на меня, я делаю шаг в сторону, перехватываю его руку и делаю бросок, одновременно выворачивая его запястье. Этот прием в айкидо известен как котэ-гаэси. Мгновение - и Джек летит вверх тормашками на пол. Я выворачиваю нож у него из рук и отбрасываю его на безопасное расстояние. Джек быстро вскакивает и готовится нанести мне удар ногой в пах. Я блокирую удар, схватив его за ногу, и он снова летит вверх ногами. Потом он пытается свалить меня, используя разные удары, нападения и захваты. Сливаясь с его движениями, я демонстрирую разнообразные возможности айкидо по отражению невооруженной атаки противника. В ответ Джек то бросается на меня, то отскакивает назад, время от времени он совершает эффектный полет через голову или оказывается заблокированным в неожиданном захвате.

Это называется дзю вадза, или вольная схватка, - одно из самых больших удовольствий в айкидо. Здесь нет строго установленной последовательности движений, и нужно постоянно приспосабливаться к непрерывно меняющемуся ритму, темпу и силе противника. Если он атакует меня жестко и быстро, я уступаю и даю пройти мимо; в следующий раз я встречаю

* Хакама - юбка-брюки (шаровары), ги - кимоно для занятий айкидо.

его нападение и оказываюсь позади него; в какой-то момент я намеренно вызываю его атаку на себя и направляю ее. Он тоже постоянно варьирует силу своих ударов, всякий раз приспособливаясь к степени моей энергетической готовности. Если моя энергия недостаточно собрана, он тут же напоминает мне об этом, направляя свой удар в самое слабое место, выводя меня из равновесия или поражая незащищенную часть моего тела. Его атака - это горячий и безудержный напор, моя реакция - мягкий и послушный перехват его намерения, согласие и непротивление, приводящие к тому, что вся сила его удара мгновенно тает и уходит, как вода в песок. Это вызов и отклик, солист и хор, это обращение к небесному покровителю воинов с просьбой просветить и дать силы. Нас двое, но мы едины.

После какого-то мощного броска Джек неожиданно оказывается рядом с заранее спрятанным М16. Одним движением он хватает его и в неистовой атаке бывшего морского пехотинца бросается на меня. Из-под решительно сдвинутых бровей на меня устремлен его жесткий и неподвижный взгляд. На мгновение я вспоминаю, что человек, несущийся на меня со штыком наперевес, - ветеран двух вьетнамских кампаний. Непроизвольный вздох зрителей тонет в воинственном крике Джека. Как разогнавшийся скорый поезд, он летит прямо на меня. Я слегка отклоняюсь, хватаю ружье, и его яростное атакующее движение молниеносно описывает дугу. Через какую-то долю секунды Джек оказывается на полу и одновременно лишается своего преимущества, так как я уже крепко держу ружье. На ошеломленных лицах зрителей застыл вопрос: «Как это произошло?»

Я отбрасываю ружье подальше в сторону. По сценарию наше представление должно на этом закончиться. Но Джек неожиданно подсакивает и снова бросается в атаку. После борьбы со штыком снова окунуться в наш диалог легко и приятно. И вот мы опять в вольной схватке, и оба не знаем, чем это кончится. Он хватает меня за горло, я отвожу его атаку в сторону. Я бросаю его на мат, придавливаю его плечо к земле и жду, когда он подаст сигнал к отбою. Но Джек и не думает сдаваться. Свободной рукой он начинает тянуться к М16. Тридцать пар глаз, не отрываясь, следят за его пальцами, которые вот-вот коснутся спускового крючка. Я крепко прижимаю его к полу, но он продолжает сопротивляться. Он, конечно, уверен, что я не сделаю ему больно, и в то же время я понимаю, что, если я выпущу его, он тут же снова схватится за оружие. Настает самый критический момент. В полнейшей тишине слышно только, как Джек цепляется за мат, стараясь вырваться. Капля пота скатывается у меня по лбу и падает на мат. Несмотря на то, что в любую минуту я могу вывихнуть ему плечо, он продолжает настаивать на моем окончательном ответе, и я решаю предоставить ему такую возможность. Я еще сильнее придавливаю его, и в этот момент он лишается последней степени свободы, потому что его плечо, мой центр тяжести и энергетический отвес, направленный к центру земли, сливаются в единое целое, означающее только одно: расслабься и не шевелись, иначе будет очень больно. Он дергается от боли и сдается. Я освобождаю свой захват, и аудитория единодушно вздыхает. Позднее один из офицеров с восхищением признается мне: «Все было, как в кино. Я даже не представлял, чем все это кончится».

После презентации мы с Джеком наперебой обсуждаем, что произошло во время той схватки. Уверен, что наших воспоминаний с лихвой хватило бы на целую повесть. Может быть, читателю покажется странным, что я не даю подробных описаний технических приемов, сложных бросков и даже не уделяю достаточно внимания реакции зрителей. Вместо этого наша схватка представлена, как невероятно сложный и многогранный диалог, общение на разных уровнях сознания, нескончаемый поток глубинных философских

вопросов и ответов. Возможно, кому-то, в особенности тем, кто считает мою работу в армии недостойной, покажется, что пускаться в философские рассуждения по поводу боевых искусств, цель которых убивать и калечить, - дело опасное и безнравственное. Более того, я знаю, что даже айкидисты, интересующиеся исключительно технической стороной этого искусства и занятые только улучшением собственной физической подготовки, наверняка скептически отнесутся к таким понятиям, как авторитет и уважение, концепция и управление. Но именно отношения между укэ, нападающим, и нагэ, выполняющим технические приемы, позволяют нам постичь всю мудрость общения и открывают для нас высокие истины, заключенные в айкидо.

13 августа

Воинская часть Форт-Дэвис раскинулась на обширной лесной территории с многочисленными озерами, площадками для гольфа, стрельбищами, маршрутами для бега, бассейнами, спортивными залами и учебными корпусами, между которыми непрерывно снуют сотни солдат в зеленой форме. Но, прожив здесь всего неделю, я начинаю страдать от однообразия. Ряды домов, выкрашенные одинаковой краской, однообразная форма, однообразные машины, однообразное мышление. К счастью, «зеленые береты» служат исключением из этого правила. Физически крепкие, накачанные парни демонстрируют полное отсутствие пиетета к начальству и отличаются циничным отношением ко всем и вся, испытывая единственный интерес только к тем вещам, которые, по их мнению, могут быть им полезны с профессиональной или личной точки зрения. Я начинаю всерьез сомневаться, что смог бы работать в регулярной армии. Боюсь, это было бы невыносимо скучно.

Наш до-дзэ с его ярко-голубыми матами на полу, стенами, выкрашенными свежей краской, и свисающими с потолка полотнищами с изображениями воюющего самурая - просто оазис красок посреди всеобщего однообразия. Поскольку мои подопечные никогда раньше не занимались айкидо и у нас нет старших учеников, которые могли бы помочь мне, наши занятия продвигаются очень медленно. Шаг за шагом мы тщательно отрабатываем основные понятия и навыки. В то время как некоторые учителя видят основу айкидо в базовых технических приемах, таких, например, как иккэ или никэ, для меня важнее всего объяснить ученикам, что такое равновесие и слияние, падение и умение пользоваться собственной энергией ки. Когда эти понятия будут усвоены, техника придет сама собой.

Сегодня мы проходим укэми - технику нападения и приземления. Как я и предполагал, эти парни нисколько не боятся падать. Моя задача - замедлить их темп, чтобы они смогли почувствовать движения своего тела, а не просто механически повторяли приемы. Они с готовностью усваивают новый материал, хотя многое вызывает у них недоумение. Они забрасывают меня вопросами о том, что произошло на презентации. «Сколько времени мне нужно, чтобы научиться так же бросать противника через весь зал?» - спрашивает один молодой солдат. Им явно нравятся приемы и схватки, но я чувствую, что больше всего их заинтересовала техника слияния и владения ки, то есть умение побеждать без агрессии и насилия.

«Изучая укэми, - подчеркиваю я, - вы узнаете, как можно лишиться основания, не потеряв при этом своей середины».

«А какая между ними разница?» - спрашивает Фарли.

«Середина - это средоточие вашей внутренней силы. Основание - это распространение

вашей силы на окружающее пространство».

Фарли прищуривается: «А поточнее?»

«Представьте себя стоящими на полированном мраморном полу. На ногах у вас шерстяные носки. Вы можете находиться в равновесии, но у вас нет прочного основания. Снимите носки и вы получите надежное основание».

Я подзываю Джека и прошу, чтобы он перебросил меня. Так я демонстрирую, что даже кувыркаясь в воздухе, я продолжаю сохранять свой центр, держу полный контроль над своим телом и могу управлять собой.

«Когда вы научитесь делать это на мате, то сможете отражать любую внешнюю энергию, направленную против вас. Вы научитесь справляться с любой трудной ситуацией и при этом будете сохранять себя».

Невозмутимое каменное лицо Фарли освещается подобием улыбки: «Это как раз то, что мне нужно дома с женой».

Почти две недели, пока мы готовились к началу проекта, Джоуэл, Джек и я проводили на ногах по шестнадцать часов в сутки, и я чувствую себя на пределе. Каждый день я поднимаюсь в пять утра. Короткая медитация и выход из дома в шесть, чтобы успеть на утреннюю поверку к половине седьмого. В первой половине дня - пятимильная пробежка, ритмическая гимнастика и полуторачасовая тренировка по айкидо. После обеда - занятия по рациональному питанию, практической физиологии и теории обучения, после чего опять полторы мили бега, полмили плавания и четверть мили бегом назад в раздевалку. Вечера заняты командными собраниями и хозяйственными заботами. Под глазами Джека начинают появляться тяжелые мешки, но этот человек кажется семижилым. Он последним отправляется в постель и первым выскакивает из дома. Иногда мне кажется, что он самый настоящий трудоголик, но я решил ни в чем не отставать от него и быть всегда рядом, несмотря ни на какие трудности.

15 августа

Жарко и душно. При девятистах пяти градусах по Фаренгейту и влажности восемьдесят семь процентов барометр упрямо продолжает подниматься. К полудню асфальт на улице начинает плавиться, и я чувствую томительный, неистребимый привкус во рту. Сержант Том Джеймс, врач из 560-й команды, догоняет меня, когда я выхожу из класса. «Можно личный вопрос?» Это хороший знак. Я с готовностью спрашиваю его, в чем дело.

«Ты христианин?»

«Я воспитывался в лютеранской семье, но не хожу в церковь», - отвечаю я.

Мой ответ не производит на него большого впечатления. По его глазам я вижу, что он хочет спросить о чем-то другом.

«Ты веришь в Высший Разум?» Он слегка выдвигает челюсть. Я пытаюсь понять, к чему он клонит.

«Не знаю, что ты имеешь в виду, но я действительно верю в силы, которые выше меня. Пожалуй, будет правильным сказать, что я верующий, но не религиозный. Мои отношения с Богом, или с Высшим Разумом, неважно, как ты его называешь, имеют глубоко личный характер».

Какое-то время он молчит, потом делает глубокий вдох и говорит: «Только без обиды. Мне не нравится кланяться портрету мастера Уэсибы. Это не для меня».

Джеймс вырос в маленьком городке на востоке Техаса в семье убежденных христиан, и для него не только неприемлемо поклоняться какому-то азиатскому учителю восточных боевых искусств, но и вообще кому бы то ни было.

«Когда я записывался сюда, я думал, что здесь меня научат, как стать лучше. Разве я стану лучше, оттого что буду кланяться этой фотографии?»

Я объясняю ему, что мы вовсе не обожествляем мастера Уэсибу, а просто кланяемся ему в знак уважения к тем древним традициям, которые лежат в основе айкидо. Но он хмурится и качает головой. «Ну не знаю, - говорит он, - мне это как-то не нравится. Может, тебе и другим парням это нравится, даже если они считают себя христианами. Я не хочу сказать, что это плохо, просто я верю в спасителя моего Иисуса Христа и думаю, что мне лучше не делать этого». Он смотрит на меня с откровенным простодушием, убежденный в своей правоте, и в то же время я вижу, что он ждет от меня какого-то решения.

«Послушай, Том, - говорю я, - эта программа предполагает знакомство с чужой культурой». Но хотя это абсолютная правда, сейчас это звучит фальшиво и неубедительно. Я вижу, что никакие высокие призывы не способны освободить его от тяжелых сомнений. Он смотрит на меня отрешенно и молчит. Мое замечание повисает в воздухе. Мне становится неловко, и я совсем теряюсь.

Неожиданно в моем усталом мозгу мелькает что-то вроде спасения. «А что если тебе относиться к этому, как к обычному военному приветствию? Когда ты приветствуешь офицера, тем самым ты выражаешь свое уважение к его званию и воинскому порядку, так? Это же не значит, что возводишь его на пьедестал и почитаешь, как Бога. Ты просто показываешь свое уважение к его званию. Пусть и это будет чем-то вроде приветствия».

Какое-то время его доверчивые глаза смотрят на меня вопрошающе. Потом мало-помалу он начинает медленно кивать головой. Где-то в закоулках его многдумной головы лихорадочно закачались чашечки самых главных весов, выверяющих, что хорошо, а что плохо, и он затихает, ожидая, как уравновесятся между собой неуступчивая христианская мораль и восточная философия, для которой неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей. Детство и юность, проведенные в одном из захолустьев Библейского Пояса, где взгляды на жизнь столь же просты и незамысловаты, как и бесконечные равнины, расстилающиеся под столь же бесконечным небом, ничуть не лишили Джеймса способности относиться ко всему критически. За сдержанной мужской красотой и горячим патриотизмом этого парня скрывается сложный и запутанный механизм, ничуть не проще, чем у современного турбореактивного самолета. Во время своего пребывания в Центральной Америке он женился на панамской девушке-католичке. Сейчас он мечтает научиться играть на пианино, посещает курсы массажистов в местном университете, ненавидит коммунистов и имеет довольно сложные отношения с сестрой-феминисткой, которая живет в Беркли. А еще он первоклассный врач, отец своих детей и просто отличный товарищ.

Поигрывая желваками, он смотрит на меня испытующе, словно хочет сказать: «Можно ли верить этому парню? Что за лапшу он тут пытается мне повесить, этот распушенный (он должен быть распушенным, он ведь из Сан-Франциско) знайка-психолог?» Все его существо сейчас разделилось надвое. Первая половина, та, что обожает нашу программу и готова часами просиживать с местными студентами, чтобы поболтать за чашечкой кофе о том о сем, отчаянно пытается заключить мировую со второй половиной, той, что держит в одной руке Библию, а в другой - традиционный яблочный пирог. Задача не из легких.

«Хорошо, я попробую, - наконец говорит он, теперь уже определенно кивая головой и переставая сверлить меня взглядом. - Я попробую и посмотрю, что из этого выйдет. Я попробую», - повторяет он. Потом он резко поднимается, протягивает мне руку и со своим мелодичным восточнотехасским акцентом говорит: «Спа-асибо. Было очень приятно».

Это мой первый разговор по душам, хотя, честно говоря, я не совсем понял, что же все-таки произошло. В Джеймсе, как и во всех этих парнях, да, наверное, и повсюду в Америке, странным образом уживаются консерватизм и жадная восприимчивость ко всему новому. Здесь, с одной стороны, живет страстная приверженность традиционным американским идеалам со священным союзом Бога, государства и семьи, незыблемое правило, диктующее, что яблочный пирог и американский флаг - это хорошо, а все остальное - плохо. Это величавый поток консерватизма, который на дух не принимает тех, кто хотя бы в малости приблизился к запретному берегу. С другой стороны, в каждом из них живет вечный бродяга, одинокий всадник, для которого нет ни закона, ни общества. Именно этот крайний индивидуализм, внутренняя независимость и стремление всегда оставаться самим собой оказываются востребованными в спецназе. Что скрывается за этой внутренней противоречивостью - сила или слабость? Если верить Роджеру Бомонту, который в своей книге «Военная элита» утверждает, что спецназ - это срез нашего общества, то сейчас я заглядываю в самую душу среднему американцу, ни больше ни меньше. Кстати, это и моя собственная душа тоже.

18 августа

В конце первой недели мы проводим общую семейную встречу. Сегодня ночь напролет идет проливной дождь с грозой. После не прекращавшейся несколько дней жары, наступает долгожданная прохлада. За окном очень красиво. Промокшее небо с нависшими тучами на мгновение освещается отдаленными вспышками молний, ослепительный свет и раскаты грома сливаются в таинственную ночную феерию. Потом приходит дождь. Вода льет как из ведра. Ощущение такое, будто небеса решили обрушить на землю все свои водяные запасы. Воздух сразу наполняется свежестью и прохладой.

Встречи с семьями являются обязательной частью программы. Это сделано для того, чтобы подключить жен и детей к нашей общей работе. Встреча проходит в до-дзе и очень напоминает общешкольное собрание в маленьком городке. Зал полон. Пришли буквально все (должно быть, приказ начальства), включая бабушек и дедушек, грудных младенцев, подростков, отчаянно старающихся обратить на себя внимание, и великого множества детей помладше (у одного только Чифа Харнера их шестеро.) Неженатые парни держатся парами и выглядят довольно несчастно. В гражданской одежде, без нашивок и знаков различия они больше похожи на участников игры «Найди пару», чем на знаменитых «зеленых беретов». Я внутренне улыбаюсь, представляя себе, что бы сказали мои друзья, окажись они здесь. Им бы и в голову не пришло, что это те самые жуткие профессиональные убийцы, которых им рисовало их собственное воображение. Скорее всего, они подумали бы, что попали на встречу старых школьных друзей, собравшихся сердечно отметить десятилетие окончания школы. Вот, к примеру, стоит известный на всю школу полузащитник, окруженный толпой обожателей. Вон тот серьезный тип в очках не иначе как бывший председатель школьного комитета, а тот, что полчаса уже с жаром что-то доказывает, конечно, был завсегдаем дискуссионного клуба. Нескладный верзила был игроком в бейсбольной команде, а вон тот

улыбчивый, со светскими манерами - известным сердцеедом. Те двое сутулых, что стоят в углу, вечно копались под капотами машин в местном автосалоне. Этот был помешан на электронике, а тот с всклокоченной шевелюрой и бойкими горящими глазами, конечно, был редактором школьной газеты. Мужчины постарше вполне могли бы сойти, кто за тренера по бейсболу, кто за директора школы, заведующего столярной мастерской или школьного инспектора.

Капитан Паркер со своей подружкой - одна из главных неожиданностей сегодняшнего вечера. Она француженка и ошеломляюще красива, с шикарными золотисто-каштановыми волосами, пышной волной рассыпавшимися до самого пояса. Нельзя сказать, чтобы остальные женщины были некрасивы, но ее привлекательность особого рода, в ней чувствуется стильность, которая волнует и завораживает. Интересно, чем увлекается Паркер? Психоделиками, политикой? А может он последователь феминизма или нетрадиционного образа жизни? Это высокий блондин с голубыми глазами и дерзким мальчишеским лицом. Наверное, в прошлой жизни он был профессиональным викингом. По крайней мере, мне легко представить его подплывающим к берегам Европы для очередного разбойничьего набега. Одна из последних надежд белой цивилизации.

Сначала пять преподавателей из команды «Спортсмайнд» - я, Джоуэл, Джек, Крис Мейер и Хорст Эйбрахам - выступаем с короткими ознакомительными речами. Хорст ведет у нас курс практической физиологии. Раньше он был членом олимпийской сборной Австрии по лыжам и парусному спорту, а сейчас он марафонец мирового уровня. Кроме того, он настоящий джентльмен в лучших европейских традициях.

Самое большое оживление происходит, когда Джоуэл начинает игру, демонстрирующую достоинства системы биоконтроля. К пальцу испытуемого прикрепляется небольшой датчик, присоединенный к электромиографическому прибору, регистрирующему степень мускульного напряжения. Показания датчика выводятся на компьютер. На экране компьютера, на фоне голубого неба, парит воздушный шар. Чем сильнее напряжение игрока, тем быстрее шар взмывает в небо. Чем более игрок расслаблен, тем быстрее шар опускается. Задача состоит в том, чтобы заставить шар лететь вверх, но при этом избегать столкновения с ракетами, которые непрерывно обстреливают шар. Избежать столкновения с ракетами можно, только усилием воли изменяя степень мускульного напряжения. Шум, крики слышны вокруг стола, когда очередной игрок пытается спасти свой шар.

Это трудная игра, и тем интересней наблюдать за парнями. Большинство игроков постигает неудача. Дело в том, что до сих пор им приходилось употреблять всю свою силу и напряжение, чтобы преодолеть какую-нибудь трудность, и поэтому сейчас они не в силах справиться с воздушным шаром. Чем больше они напрягаются, чем большую силу прикладывают, тем слабее их контроль и тем больше сбитых шаров падает на землю.

«Черт!» - вскрикивает Сандерс. Неудача подстегивает его, он сильнее напрягается - и становится еще более уязвимым для ракет. Он горячится, не желая сдаваться, и его шары то и дело взрываются, как петарды.

«Черт!» - сердится Сандерс. «Би-ип», - вторит ему короткий звуковой сигнал, который издает машина всякий раз, как шар оказывается сбитым. «Черт!» - «Би-ип». «Черт!» - «Би-ип». «Черт!» - «Би-ип». «Черт!»

То, как они реагируют на эту простую компьютерную игру, говорит о многом. В их поведении, как в зеркале, отражается тот неписанный свод правил, которым руководствуется не только армия, но и общество в целом. С самого рождения мы только и слышим, что для

достижения успеха нам нужно быть сильнее, тверже и упорнее других. Если перед тобой препятствие, говорят нам, - разрушь его. Если встречаешь сопротивление, - сломи его. Армейское правило побеждать любой ценой - это не что иное, как прямое отражение настроений нашего общества. Не задумываясь, сметай любые преграды на своем пути. Нашу национальную идею прекрасно выразил генерал Кертис ЛеМэй, который во время вьетнамской войны заявил: «Забросайте их бомбами, пусть они снова окажутся в каменном веке».

«Американцы из всех сил стараются не быть жестокими», - заметил однажды один тибетский монах.

Когда мы расходимся, Чиф Керби из команды 560 останавливает меня в дверях и говорит: «Это было здорово! Вы настоящие парни. Теперь мы одна команда». Меня еще переполняет ощущение тепла и сердечности от этой семейной встречи, и слышать такие слова сейчас особенно приятно. Это серьезный и важный знак. Первая неделя была очень ответственной как для нас, так и для солдат. Мы окунулись в общую работу и стали ближе и понятнее друг другу. И все же... Меня не оставляют мрачные сомнения. Уж слишком безоблачно все выглядит. Мой опыт подсказывает мне, что не далек тот час, когда нам придется столкнуться с настроениями совсем иного рода.

Дома Джек, Джоуэл и я снова обсуждаем прошедший вечер и пытаемся понять, с какой стороны каждый из нас показал себя. Я высказываю свои опасения по поводу слишком близких контактов с парнями. Джек и Джоуэл думают точно так же. Мы все согласны с тем, что взаимное доверие между нами и парнями очень важно и при общей работе такое сближение неизбежно, но все же не следует забывать, что цель нашей работы совсем не в этом.

«Важно, чтобы с нашей помощью они смогли раскрыть свои возможности. Как солдаты и как личности», - говорит Джоуэл.

«Почему мы все время отделяем одно от другого? - спрашиваю я. - По-моему, это неправильно. Хотя... я не уверен, может ли солдат быть личностью. В идеале каждый воин - это яркая индивидуальность, но вот может ли современный солдат быть воином?»

«Если где-то в современной армии и существуют воины, то их нужно искать среди этих парней. Они *crème de la crème* нашего общества, - говорит Джек. - Наша задача обнаружить их сильные и слабые места. Но боюсь, что сделать это будет не просто как раз потому, что они уверены в своем превосходстве. Эти парни убеждены, что они лучшие из лучших. Знаете, что утром сказал мне Рейдер? «Чему вы можете научить нас? Что такое вы знаете о моей работе, чего я не знаю?»

В глазах у Джека загораются огоньки: «Придется их расстроить. Скоро они узнают о себе кое-что такое, о чем до сих пор и не догадывались».

ВО ЧРЕВЕ

19 августа

Прошлой ночью мне снился сон: я спасал блондинку в черном. С пистолетом в руке, я вел ее по бесконечным комнатам, кишачим змеями. Она была очень напугана, и в страхе прижималась ко мне. Осторожно, в полной тишине мы переходили с ней из комнаты в комнату, опасаясь, что в любую минуту на нас нападут змеи. Мы лихорадочно кружили в бесконечном, запутанном лабиринте комнат. То и дело я просыпался, мучимый неотвязной тяжелой тревогой.

Когда мы начинаем утреннюю тренировку, Джонсон, молодой сержант из 560-й, кричит: «Ну, что, парни, не сладко вам здесь? Домой хочется? Меня не проведешь». Он явно смеется над нами. «Что, не так? - кричит он, и его слова повисают в плотном сыром воздухе. - Небось, хочется домой в Сан-Франциско и в Сиэтл, в постельку к женушкам, а?» Несколько человек смеются, остальные напряженно следят за нашей реакцией. Сержант дразнит нас, но в чем-то он прав: сегодня мы чувствуем себя как никогда разбитыми, и где-то в глубине души каждый из нас начинает ощущать тоску по дому. Мне вспоминается сон, женщина, которую я должен спасти, и шипящие змеи.

«Тебе самому, наверное, хочется домой, Дэн», - говорю я.

Он смеется и язвит в ответ: «Не забрасывай свою психологическую удочку, Рики. Вы с удовольствием бы удрали отсюда, если бы только могли. А мне некуда уезжать, это моя работа». Он раздражает меня, но я изо всех сил стараюсь сдерживаться. Мое лицо начинает гореть огнем. Да, этим парням палец в рот не клади. И это, похоже, только цветочки.

Во время изматывающих упражнений на пресс, я замечаю, что они следят за нами со злорадными ухмылками. Через несколько минут на нас обрушивается целый град насмешек: «Эй, тренер, помощь не нужна? Ты что-то отстаешь! Считай, считай, не сбивайся! Что, Спортсмайнд, устал? Э-э, ноги не сгибай! Давай без дураков!» И так без конца. Про себя я думаю: «Вы, парни, вдвое младше меня и целыми днями только и делаете, что тренируетесь». Но в ответ я только улыбаюсь и стараюсь делать вид, будто их насмешки ничуть не задевают меня. Я не могу позволить себе потерять терпение. Заканчивая последнюю серию приседаний, я едва сдерживаюсь от жгучего раздражения, но когда тренировка подходит к концу, и мы приступаем к растяжкам, я уже внутренне убеждаю себя, что, в конце концов, все не так уж плохо: только работая вместе с ними, я могу заслужить их доверие, и, кроме того, занимаясь, я привожу себя в хорошую форму. С прошлой ночи меня мучит вопрос: «В чем их слабое место?» Уж, конечно, не в приседаниях. Эти ребята бесстрашно прыгают из самолета с высоты в тридцать тысяч футов, совершают трехдневные марш-броски с девяностофунтовым снаряжением на плечах, а потом, не моргнув глазом, поражают мишень с расстояния пятидесяти метров. Взять, к примеру, сержанта Тейера из 560-й. Он смертельно боится высоты, я не преувеличиваю, что он может умереть от страха, стоя на обычной лестнице. И тем не менее он каждый месяц совершает по два прыжка с парашютом! Нет, им не страшна никакая физическая нагрузка. Конечно, тренировки приносят им большую пользу, но не это для них самое трудное. Тогда что же?

На утренних занятиях Джоуэл объясняет им аксиому биокибернетики: контроль следует за сознанием. Он пускается в подробный рассказ о том, какие бывают состояния сознания и в чем их отличительные особенности. В качестве примера он приводит тибетских йогов, которые усилием воли повышают температуру собственного тела настолько, что в условиях гималайских ледников могут длительное время обходиться совершенно без одежды. Вдруг посреди его рассказа парни начинают хором мычать мелодию из «Сумеречной зоны». Я в ужасе. У Джоуэла отвисает челюсть. И тут Джек начинает громко смеяться. Через минуту мы все дружно хохочем. Конечно, эта шутка направлена против нас, но это не просто шутка. Дело в том, что эти парни не собираются выслушивать байки про сверхъестественные способности человека, они ждут от нас действий. Это их вызов. Они дают нам понять, что теперь, после недели занятий, они не побоятся вступить в открытый конфликт с нами. Они не хотят быть губкой, послушно впитывающей все, что нам придет в голову сообщить. Они нападают на нас, потому что им не терпится действовать. Они хотят испытать себя, и будут уважать только того, кто научит их чему-то новому.

21 августа

Сегодня я решаю пропустить обед, и вместо этого беру у Джоуэла велосипед, чтобы прокатиться по базе. Сказать, что армейские городки радуют глаз, было бы сильным преувеличением, но само место, где расположена база, очень красивое. Здесь чувствуешь себя, как дома. Военный городок живет, как одна большая семья. По странному стечению обстоятельств, здесь встретишь больше коммунизма, чем где-либо в Америке. Это общество в миниатюре с собственной военной иерархией, бесплатной медицинской помощью, детскими садами, развлекательными и спортивными сооружениями, отлаженной системой охраны, а также колоссальными скидками на все, начиная с развлечений и платы за жилье и кончая одеждой, продуктами питания, бытовыми приборами и мебелью.

Когда я еду вдоль домов, выстроившихся ровными рядами, на меня накатывают грустные воспоминания детства. Все здесь мне знакомо, все кажется одинаково близким и далеким, как в затянувшемся дежавю. Мой отец записался в армию восемнадцатилетним юнцом, сразу после школы, и прошел свой путь от рядового до уорент-офицера, прослужив двадцать семь лет. Он воевал в Первую мировую войну, был участником войны в Корее и захватил начало вьетнамской кампании.

Долгое время я знал своего отца только по фотографии. Она висела у нас в доме на самом видном месте. С фотографии мне улыбался красивый человек в военной форме с орденскими нашивками на груди. Мать рассказывала мне, что когда я был маленьким, то подбегал к каждому человеку в форме, будь то почтальон, полицейский, пожарник или продавец, и спрашивал его: «Вы мой папа?»

Мое самое раннее воспоминание об отце связано с его возвращением из дальнего плавания. Он приехал со множеством удивительных подарков и полный невероятных историй о далеких странах. В тот день наши матери и мы, дети, собрались в порту встречать своих славных героев. Военно-морской оркестр играл «Поднять якоря», а мы весело махали разноцветными флажками. Это была трогательная встреча. Женщины смеялись сквозь слезы, а мужчины что-то кричали и подбрасывали высоко в небо свои фуражки. Я чувствовал себя очень маленьким и ненужным среди такого скопления людей в форме.

В своей белоснежной форме, с медалями и нашивками на груди, мой отец был самым

настоящим героем. Когда он сошел с трапа, мать бросилась к нему, а мы с сестрой робко остались стоять в стороне. Как я гордился им! Гордился тем, что этот красивый человек - мой отец. Гордился тем, что, хотя мы не виделись с ним целый год, и я даже толком не знал, как он выглядит, у меня все-таки был отец. Он подошел ко мне и по-военному официально протянул мне руку: «Ну, здравствуй, сын. Надеюсь, ты заботился о матери и сестренке, пока меня не было?» Мне было девять лет, и я очень хотел, чтобы он обнял меня и сказал, как сильно он меня любит. Но он так и не сделал этого - ни тогда, ни после - поэтому я подавил комок, подступивший к горлу, и постарался утешить себя тем, что герой хотя бы помнит меня. Я кивнул головой в знак согласия и сделал вид, будто я действительно понимаю, что он имеет в виду.

Когда радости улеглись и наступили будни, герой превратился в хмурого домашнего тирана, которого раздражали и жена, и дети. Я мечтал подружиться с ним, но чувствовал, что только мешаю ему. Он обращался со мной, как со своим подчиненным. Вскоре они с матерью начали ругаться, и я страдал, не зная, на чью сторону встать. Я жадно тянулся к нему и хотел быть рядом, но он всем своим видом говорил мне, что не выносит моего присутствия. У меня не укладывалось в голове, как этот человек мог пройти несколько войн и при этом абсолютно не знать, как следует обращаться с собственным сыном. Иногда мне казалось, что он не может простить меня за то, что я недостаточно хорошо заботился о матери и сестренке в его отсутствии. Тогда я еще не мог понять, что на самом деле он просто не знал, как наладить близкие отношения со мной. Скорее всего, он ни с кем не был по-настоящему близок и боялся признаться в этом.

Некоторое время он пожил с нами, а потом получил назначение на другое судно. Мы собрали вещи и поехали вслед за ним через всю страну на другую базу. Там нас ждала новая школа, новые товарищи и новый казенный дом на две семьи. Потом герою вновь пришлось время отплывать к далеким берегам. Оркестр снова играл «Поднять якоря», а жены и дети размахивали флажками, пока мужчины поднимались по трапу. Это был тот же фильм, что и несколько месяцев назад, только на этот раз пленку прокручивали в обратном порядке. Пока мужчины были в море - то есть большую часть времени - хозяйством заправляли женщины.

В дальних плаваниях многие находили себе спутниц, и нередко можно было видеть, как кто-нибудь спускается по трапу под руку с молодой женой. В наших городках встречались корейки, японки, панамки, пуэрториканки и арабки. Это был огромный плавильный котел, в котором смешивались люди разных национальностей, цвета кожи, религий и подчас необузданного темперамента. Не раз мне приходилось слышать, как чей-нибудь отец, неожиданно возвратившись домой, заставлял свою жену с «соседом». Шумные ссоры, драки, а то и поножовщина были обычным делом. Не было такого мальчишки в нашем городке, который бы не сбегал посмотреть окровавленное тело с огромным кухонным ножом в груди, после того как Джон Эрнандес, вернувшись домой, застал свою жену с «соседом».

Переезжая с одной базы на другую, я очень быстро убедился, что быть новичком - это почти всегда унижительно. Законы улицы основаны на страхе, и, чтобы не пропасть, тебе все время приходится доказывать, что ты чего-то стоишь. Искусство состоит в том, чтобы не выглядеть ни слишком агрессивным, ни слишком слабым, иначе рискуешь либо вызвать огонь на себя, либо оказаться подмятым более сильным противником. Чтобы выжить, нужно уметь вести себя так, словно говоришь: «Я не лезу в твои дела, и ты не лезь в мои, а сунешься - пеняй на себя». Тогда я еще не мог понять, что в этом искусстве не столько важна физическая сила, сколько само поведение, умение держать позу. Я был убежден, что

мне будет легче справляться с местными хулиганами, если я научусь защищаться. Поэтому, как только предоставлялась возможность, я убегал в ржавые ангары и гаражи, где моряки, вернувшиеся из дальних восточных плаваний, обучали всех желающих дзюдо и карате. Там с десятком других мальчишек я разучивал свои первые захваты, блоки и броски. От молодых матросов, которые учили нас, пахло чем-то особенным мужским, чем пахнет от всех взрослых. Это была смесь пота, табака и чего-то еще, чему я не мог найти названия. После занятий они смеялись и шутили друг с другом в раздевалке, пока мы, стыдливо отвернувшись к стене лицом, торопливо натягивали свои штанишки. Не знаю, научился ли я тогда защищать себя, знаю только, что больше всего мне нравился сам процесс борьбы с противником. Мне нравилось испытывать себя. Может быть, я не скажу ничего нового, но, учась защищаться, мы одновременно приобретаем уверенность в себе.

А теперь мы поменялись местами, и вот уже я преподаю восточные единоборства солдатам спецназа на богом забытой военной базе. И ничего вокруг не изменилось: женщины все так же развешивают белье на веревках, дети играют возле обшарпанных домов, отпускник намывает свою машину, люди по-прежнему предпринимают отчаянные усилия, чтобы хоть как-то скрасить однообразие своих жилищ, устраивая цветочные клумбы или кладя перед входом какой-нибудь затейливый коврик с собственными инициалами. Комок подкатывает у меня к горлу, и глаза застилает туман. Целая буря чувств поднимается внутри меня. У забора какие-то женщины смолкают и машут мне рукой, как старому знакомому. Я нерешительно поднимаю руку, чтобы помахать в ответ, и в следующее мгновение рыдания сотрясают мое тело. Неожиданно я чувствую необыкновенную легкость, как будто гора сваливается у меня с плеч, и я начинаю смеяться, сначала тихо, а потом все громче и громче, пока, наконец, чуть не захлебываюсь от смеха. Взрывы хохота вырываются из меня один за другим, и вдруг я понимаю, что счастлив, очень счастлив. Мне становится отчетливо ясно, почему я здесь, на этой военной базе, почему работаю среди этих солдат, зачем учу их айкидо и встречаюсь с их семьями. Просто я замыкаю круг, довожу до логического завершения то, что в течение долгих лет оставалось незаконченным. Что-то отпускает внутри меня, все встает на свои места, и я чувствую себя легко и свободно. Колеса моего велосипеда блаженно выписывают восьмерки, когда я возвращаюсь назад, невероятно довольный своей прогулкой.

22 августа

Пол в бывшем армейском кинозале застелен огромным ярко-голубым матом. Я сижу на коленях в традиционной японской позе сейдза на одном конце мата. Мастер Морихэй Уэсиба доброжелательно улыбается мне с большой фотографии на стене. Длинные полосы материи с изображениями воюющего самурая свешиваются с потолка. В ружейных стойках разложены боккен и дзе (японские деревянные мечи и палки) и филиппинские палки эскрима. В другом конце зала на стене красуется аккуратная надпись ВОИНЫ, а под ней наклеены собранные солдатами картинки, рисунки и фотографии с изображениями разных сторон армейской жизни. Самый печальный экспонат - фотография из журнала «Лайф», на которой матери оплакивают смерть своих сыновей во Вьетнаме.

Сегодня в до-дзе душно и жарко. Я чувствую, как тоненькая струйка пота сбегает по моей спине. Напротив меня, на другом конце голубого пространства в положении сейдза сидят люди. Все они одеты в белые хлопчатобумажные костюмы ги с белыми поясами новичков в

айкидо. Посреди зала друг напротив друга стоят два человека. На их лицах застыло тревожное ожидание. Они кланяются друг другу, и укэ, тот, что справа от меня, неожиданно делает рывок к своему сопернику и пытается схватить его за отворот кимоно. Обороняющийся, нагэ, скользящим шагом приближается к атакующему, ловко уворачивается от захвата и начинает вводить атакующего в круг. На какое-то мгновение они сливаются, превращаясь в единое целое, и закручиваются в жесткой, набирающей мощь спирали. Потом атакующий теряет равновесие и выталкивается из спирали, совершая при этом эффектное падение.

Они меняются ролями, как это принято в айкидо, но на этот раз нагэ нетерпеливо наклоняется вперед, пытаясь защититься от нападения соперника. В результате равновесие нарушается, и оба начинают неловко топтаться на месте, как два буйвола, сцепившихся рогами. Поединок заходит в тупик и превращается в неразрешимый конфликт амбиций.

«Дэвид, - говорю я, обращаясь к нагэ, - ты слишком торопишься бросить партнера. Больше думай о слиянии, следи за его энергией и намерениями, а не пытайся действовать только силой».

Дэвид делает еще одну попытку, и на этот раз его бросок выглядит гораздо раскованней и легче. Потом оба кланяются друг другу и возвращаются на свои места. За ними встает другая пара. Так продолжается, пока каждый из присутствующих не отработает прием.

В конце тренировки мы несколько минут сидим в тишине. Сейчас каждый из этих парней мог бы рассказать очень многое о том, что он пережил, пытаясь отразить атаки противника и чувствуя на себе напряженные взгляды товарищей. Только что перед нашими глазами каждый продемонстрировал самого себя. Здесь было все: от врожденной мужской агрессии и эгоизма до гордой, уверенной силы. Но мы молчим, потому что нам и без слов все понятно. Сказать что-то вслух сейчас значило бы разрушить живые впечатления от только что увиденных побед и поражений, чужих и собственных. Я вспоминаю, как Тейер после продолжительных и безуспешных попыток правильно выполнить движение вдруг повернулся ко мне и сказал: «Мне хочется свернуть ему шею..., но ты ведь не этого ждешь от меня?» Выступление каждой пары говорит мне о многом. Вся жизнь этих парней видна мне, как на ладони. Я вижу разные истории падений и взлетов, в которых неизменно только одно - сила воли и железное упорство. Айкидо, с его ясностью и простотой, - это зеркало, в котором каждый может увидеть собственные достоинства и недостатки.

Из двадцати пяти человек, участвующих в проекте, только трое раньше имели дело с восточными единоборствами. Однако в армии каждый прошел курс рукопашного боя. Кроме того, в прошлом некоторые занимались борьбой или боксом. Ну и, конечно, есть среди них пара-тройка завязтых уличных хулиганов и неисправимых дебоширов, без которых не обходится ни одна уважающая себя компания. В общем, это крутые парни, и я не позавидую тому, кто встретится с ними ночью в темном переулке. Только двое из них слышали об айкидо, но все без исключения хотят овладеть этим видом борьбы, потому что уверены, что это поможет им в профессиональном и в личном плане. Никакой учитель не мог бы и мечтать о лучших учениках: они схватывают все на лету, дисциплинированы, неутомимы в работе и совершенно не знают страха.

Я вижу, что айкидо заставляет их по-новому взглянуть на мир. В их сознании японское боевое искусство всегда было оккультной наукой, чем-то вроде особого мира, где одним прикосновением убивают человека, крушат кирпичи о собственную голову и вообще не знают предела человеческим возможностям. Это был тот идеал непобедимости, к которому

они всегда стремились. И вдруг, к их удивлению, они увидели перед собой белого соплеменника, одетого в юбку (традиционная японская хакама - это юбка-брюки, которую с большим изяществом носят все обладатели черного пояса в айкидо), и этот белый соплеменник говорит им, что в айкидо их мускулы и подтянутые животы, которыми они так гордились, не играют никакой роли, потому что им не придется ни драться с противником, ни причинять ему боль. Вместо этого они будут сливаться с соперником и нейтрализовать его агрессию. Когда я сообщаю им, что айкидо - это, прежде всего, синхронизация работы сознания и тела, и только потом искусство самозащиты, их лица вытягиваются от недоумения: «Что за чепуху несет этот умник? Да я ему одной левой шею сверну». Но я знаю, что эти парни легко не сдадутся. То, как они работают изо дня в день, на пределе человеческих возможностей, убеждает меня в этом. Они не упустят возможности научиться чему-то новому, потому что знают, что однажды в момент опасности это может спасти им жизнь. Я уверен, что если бы они так не думали, то не предъявляли бы ко мне таких высоких требований, а с самого начала махнули бы на меня рукой.

23 августа

Джонсон - специалист по стрелковому оружию из 560-й команды. В прошлом боксер, он держится с развязной юношеской самоуверенностью. У него высокий рост и стройная спортивная фигура, но за его смазливой внешностью скрывается пропасть едкого сарказма, способная любого вывести из терпения. Этот парень имел бы все шансы стать любимчиком командира, если бы не его неистребимое ехидство и острый, как лезвие ножа, язык. Его отец прослужил в армии более тридцати лет и вышел в отставку в звании главного сержанта. В детстве Джонсон постоянно переезжал с родителями с места на место. После окончания школы он менял множество профессий, пока не решил поступить на службу. Но регулярная армия не могла устроить такого шалопая, и вскоре стало ясно, что с его силой, умом и независимым характером ему самое место в спецназе. Джонсон терпеть не может скуки и однообразия. Для него служба в регулярной армии совершенно невыносима, как, впрочем, и жизнь на гражданке. Осознание того, что он служит в самых элитных армейских частях, и повседневное общение с такими же бравыми «зелеными беретами», как и он сам, дают ему то ощущение полноты и смысла жизни, которых ему не хватает в обычной жизни.

Джонсон добровольно записался на курс «Троянский воин», но это не мешает ему относиться ко всему происходящему с порядочной долей скепсиса. Все новое живо интересует его, но жизненный опыт подсказывает: не верь ничему, пока «не пощупаешь» собственными руками.

Он мне нравится, но я стараюсь лишний раз с ним не связываться. Мне кажется, что я тоже нравлюсь ему, но он, естественно, никогда в жизни не признается в этом, ведь это значило бы показать свою слабость. В каком-то смысле мы видим друг в друге собственное отражение. Он называет меня Рики. Так звали меня в детстве, так что и здесь его атаки достигают цели, хотя он и не догадывается об этом. Он постоянно цепляет меня: то пытается втянуть меня в словесную перепалку, то вызывает помериться силами. Я внимательно слежу за ним, потому что чувствую его недюжинные способности. Я уверен, что чем чаще мы будем общаться с ним, тем быстрее пойдет его обучение.

После тренировки он затевает очередную шумную возню с парнями. Когда он замечает

меня, то машет рукой и кричит: «Эй, Рики, давай сюда! Посмотрим, на что ты способен!» Они играют в игру, распространенную среди рейнджеров. Джонсон быстро объясняет мне правила. Он обхватывает мою руку своей лапищей, и его челюсть выдвигается вперед. Я вижу, как его нижняя губа оттопыривается от неизменной табачной жвачки. Он смотрит на меня, задорно блестя глазами. Отлично зная о том, что по силе, весу, возрасту и росту он намного превосходит меня, он все же считает своим долгом язвительно предупредить: «Только, чур, без айкидо, Рики». Некоторое время мы примериваемся друг к другу. Я пытаюсь войти в игру, оценить его устойчивость и нащупать слабые места. Неожиданно он делает быстрое вращательное движение, раздаётся громкий хруст, и сильнейшая боль пронизывает мое запястье. Мы оба с удивлением останавливаемся и молча смотрим на мою руку, которая начинает распухать у нас на глазах. Наше соперничество уступает место смущению и неловкости, и мы виновато стоим друг напротив друга, опустив головы, как мальчишки, которых мать застала в тот самый момент, когда они разбили ее любимую вазу.

«Черт побери! Извини, старик! - бормочет он. - Ты в порядке?» Моя рука продолжает распухать и дрожит от приливов крови, и я совсем не знаю, в порядке ли я, и, главное, что теперь делать. Так мы и стоим, в полной растерянности, один старше, другой моложе, но очень похожие друг на друга. Это очень важный момент: сейчас мы не скрываем друг от друга своей слабости.

Яновски, старший медик из 560-й, быстро берется за работу и начинает осматривать мою руку. Это здоровенный парень с толстыми пальцами и неизменно грустными глазами. Его семья приехала из Восточной Европы, и, может быть, от этого в нем чувствуется какая-то скрытая глубина. Трогательно видеть, как от этого нескладного парня исходят тепло и забота. С величайшей осторожностью он осматривает мое запястье. В своей практике я имел дело с десятками людей, но Яновски поражает меня тем, с какой нежностью он прикасается к моей больной руке. Я вдруг ощущаю безграничное доверие к этому человеку. Наконец он говорит, что перелома нет, но нужно сделать рентгенограмму.

Мой поход в военный госпиталь превращается в очередной урок из жизни спецназа: делай любую работу на совесть; действуй по обстановке; не бойся рисковать; иди вперед, но обходи острые углы. Как лицо гражданское я не имею права лечиться в военном госпитале, но сержант Скотт, врач из 260-й, решительно ведет меня по коридорам, заглядывая в каждый кабинет, разыскивая знакомых, где-то нажимая, где-то упрямывая, где-то напоминая об оказанных прежде услугах. Врач-рентгенолог говорит, что перелома нет, и мы, как есть, в своих мокрых от пота тренировочных костюмах, идем в физиотерапевтический кабинет, где мне проводят ультразвуковое лечение. Все это время Скотт, не умолкая ни на минуту, сообщает мне подробности о каждом встречном - кто с кем живет, кто с кем встречается, кто порядочная свинья, кому можно верить, а также, по какой причине мне обязательно следует позвонить лейтенанту Кинкейд из физиотерапии и пригласить ее на свидание.

Оказывается, очень любопытно после спецназа попасть в регулярную армию. Как небо и земля. Я сразу начинаю по-новому ценить своих парней. Работая в спецназе, я каждый день имею дело с яркими, неповторимыми личностями, которые живут одной семьей и фанатично преданы своему делу. Здесь все не так. Люди, которых я встречаю в госпитале, кажутся мне неинтересными и безразличными. Еще я вижу, с какой искренней заботой относятся ко мне наши медики из спецназа. И дело не в том, что это их работа, просто они действительно волнуются за меня. Я знаю, что точно так же повели бы себя и остальные парни из нашей команды. Одни сделали бы это открыто, другие - пряча свои чувства под

маской небрежности, но я знаю, что каждый из них готов стоять за другого до конца. Как только ты оказываешься с ними в одной команде, можешь быть спокоен - тебя не оставят в беде.

В какой-то момент я понимаю, что моя работа заключается в том, чтобы помочь этим людям стать совершеннее. Я уверен, что они тоже стремятся к этому. Но, учитывая особенности их профессии и условия армии вообще, каким образом я смогу это сделать? В настоящее время принято считать, что для того, чтобы выиграть войну, нужно воспринимать врага как некую абстракцию. Нас учат относиться к врагу, как к физическому препятствию, которое надо преодолеть. Мы не должны задумываться о том, что враг - это тоже человек, что у него также есть семья и что он также чувствует боль и радость. Солдат учат быть бездушным инструментом в чужих руках, средством для достижения цели. Как в таких условиях он может быть совершенной личностью или хотя бы стремиться к этому? Когда я думаю об этом, то начинаю понимать, что в моей работе что-то не так. Даже если я признаю, что можно быть человечным и при этом убивать и калечить людей, то как можно совместить несовместимое: стремиться к совершенству и относиться к другим людям, как к неодушевленной абстракции? Может быть, во всей армии только «зеленым беретам» удастся еще сохранять человеческое лицо. Сегодня, наблюдая за медиками, я понял, что эти парни способны к состраданию, а на примере Джонсона убедился в их силе и мужестве. Жизнь и смерть. Любовь и ненависть. Смогут ли эти парни стать настоящими воинами XXI века? Может быть, я просто обманываю себя?

26 августа

Сегодня у нас в программе выступление приезжего лектора. Это друг Джоуэла, американец, который несколько лет назад дал обет и стал буддистским монахом. Долгое время он учился искусству медитации у лучших тибетских мастеров в Индии и Непале. Там же он провел несколько месяцев отшельничества, живя в полном одиночестве в пещере на вершине Гималаев. Он также имеет диплом с отличием от Амхерст Колледж за исследования основных физических законов с точки зрения буддистской философии. Поскольку у нас тоже впереди месячный курс медитации, нам кажется, что встреча с этим человеком поможет солдатам лучше подготовиться к медитативной практике. Кроме того, знакомя парней с непривычной для западного человека философией, мы надеемся расширить их представления о других людях, религии и культуре. По программе он должен рассказать нам о своих методах физического и духовного совершенствования, а затем ознакомить нас с практикой медитации во время ходьбы. «Думаю, этот монах, - говорит Джоуэл, - заденет парней за живое».

Помню, когда я в первый раз увидел этого человека, то чуть не лишился дара речи. Грешным делом я подумал, что попал на съемки индийского кино. В своей ярко-желтой рясе и сандалиях он стоит сейчас перед входом в класс. Мимо него проходят крепкие, здоровые парни в зеленых беретах, армейских ботинках и камуфляжной форме. Он страшно худой, и от того, что голова его наголо выбрита, лицо его выглядит еще более сухим и изможденным. Он двигается с какой-то птичьей торопливостью, и все же в нем чувствуется мощная внутренняя сила. Проходя мимо, парни смотрят на него со смесью уважения и любопытства. Кто-то кланяется, кто-то говорит «привет».

На первый взгляд может показаться, что между этим монахом и солдатами лежит целая

пропасть. В то время как монах выглядит до крайней степени истощенным, и ряса висит на нем, как на вешалке, едва прикрывая костлявые белые плечи, солдаты со своей уверенной, размашистой походкой, наоборот, просто пышут силой и здоровьем. И все же меня поражает, как много в них общего. Несмотря на различие в одежде и занятиях, и тот и другие находятся вне общества, даже, в каком-то смысле, являются изгоями. Но, может быть, как раз поэтому и в монахе, и этих солдатах есть непреодолимая сила воли и железное упрямство. В них горит неистовый внутренний огонь, который, если не обуздать, может привести к саморазрушению.

Солдаты сидят тихо и слушают монаха, но я чувствую, что они напряженно прощупывают его, пытаюсь понять, что за человек перед ними. Монах явно нервничает, постоянно поправляет свою рясу и ерзает в кресле. Как раз в тот момент, когда он говорит о просветленном сознании, наступающем после длительной неподвижной медитации, ручка кресла неожиданно отваливается, и он теряет равновесие. Двое из парней немедленно вскакивают с места, чтобы поправить кресло, но он раздраженно отмахивается от них. Красный как рак, он неуклюже возвращается в прежнее положение и расправляет складки одежды, словно пытаюсь вычеркнуть этот незначительный инцидент из памяти. Но не тут-то было. Отношение парней к нему резко меняется, и дело тут вовсе не в том, что он свалился с кресла, и даже не в том, что его слова расходятся с делом - просто в их глазах он отказался самому себе признаться в том, что на какое-то мгновение растерялся и утратил внутреннее спокойствие. Для них неискренность - это непростительный недостаток, и в них немедленно просыпается дьявол.

Худшее начинается во время вопросов-ответов. Сначала все идет стандартно: «Трудно ли так долго жить в Азии?», «Приходилось ли вам болеть во время своего пребывания там?», «За что вы выбрали буддизм?» Потом встает Джеймс и, растягивая слова, спрашивает со своим техасским акцентом: «Может быть, вместо того, чтобы отсиживаться в пещере, вам стоило пойти и сделать что-нибудь полезное в такой бедной стране, как Индия?» В ответ монах бормочет что-то несвязное, вроде того, что каждый должен научиться, прежде всего, помогать самому себе. Но Джеймс гнет свое: «Но вы же заботитесь о своем здоровье. Вы могли бы научить людей, как быть здоровыми».

«В буддизме, - говорит монах, - гораздо важнее устранить причину страдания, которая находится в нашем сознании, чем иметь дело с реальными последствиями».

Сержант-медик слегка наклоняется вперед: «Извините меня, но мне кажется, вы думаете только о себе».

Все замолкают и, затаив дыхание, ждут, что сейчас будет. Немного погодя монах слегка растерян, но по-прежнему высокомерно отвечает: «Существует несколько уровней понимания». Джеймс не сводит с него глаз. В комнате висит тяжелая тишина.

«Наши вопросы сбивают вас с толку?» - наконец спрашивает Данэм.

Прежде чем он успевает ответить, Григ злорадно бросает:

«Что толку сидеть в пещере, если вы не можете сохранять спокойствие в элементарной ситуации?»

«Вы думаете только о себе, вместо того чтобы помогать другим», - выкрикивает кто-то с задних рядов. Мы вынуждены принять меры, чтобы навести порядок, но парни уже успели найти слабое место противника, нанести ему смертельный удар и исчезнуть. Физически они еще здесь, но сознание уже безвозвратно улетучилось.

Вечером того же дня Джеймс отзывает меня в сторону. «Надеюсь, я вел себя не слишком

грубо. Я не хотел обижать этого монаха, просто высказал то, что думал». Он не извиняется, но видно, что он переживает из-за того, что мог ненароком кого-то обидеть. За две недели работы с ними я успел привыкнуть к их тактике. Сначала они проверяют незнакомого человека на прочность и находят его слабое место, потом в них просыпается дьявол, они наносят удар и оценивают ответную реакцию, после чего либо принимают, либо отвергают человека, в зависимости от его поведения. Но, как бы там ни было, в конце они обязательно раскаиваются, если вели себя слишком жестко. Они требовательно относятся к другим, но не менее требовательно и к себе, при этом они удивительно чувствительны к слабостям, своим и чужим, и больно переживают, если всерьез обидели кого-то.

27 августа

Наши утренние занятия начинаются и заканчиваются рядом с небольшим военным кладбищем. В окружении вязов и кленов оно кажется оазисом тишины и спокойствия. Каждое утро я выкраиваю несколько минут, чтобы до или после тренировки пройтись между рядами могильных плит. Есть определенная доля иронии в том, что мы тренируемся рядом с кладбищем. Каждый день мы в поте лица выкладываемся по полной программе, одним словом, «делаем все, что можем», а в пяти шагах от нас молчаливая тишина напоминает о том, что рано или поздно ждет каждого из нас. В зависимости от моего настроения, это либо навеивает на меня печальные мысли, либо наполняет радостным сознанием: живи и наслаждайся каждым мгновением.

На этом кладбище покоятся и совсем маленькие дети, и люди весьма преклонного возраста. Но подавляющее большинство - это солдаты, которые погибли в сражениях. Войны, в которых они принимали участие, начинаются в XIX веке и заканчиваются Вьетнамом. По датам их рождения и смерти я вижу, что они погибли совсем молодыми людьми: кто-то не дожил до двадцати, а кому-то слегка за двадцать.

Во многом история цивилизации - это история войн, и это кладбище - еще одно свидетельство о незначительном, но мрачном фрагменте этой истории. Считается, что за прошедшие пять тысяч лет в мире произошло примерно пятнадцать тысяч войн, то есть в среднем по две-три войны в год. Такие сражения, как Марафонская битва, битва при Ватерлоо или Сталинградская битва стали поворотными моментами в истории. Люди бережно хранят о них память. На улицах и в парках стоят монументы в честь славных героев. Но кто помнит о сотнях других сражений, в которых погибли тысячи никому не известных людей, но в которых ровным счетом ничего не решилось? Кто помнит о лежащих на этом кладбище людях, отдавших свою жизнь за какую-нибудь безымянную высоту или полосу морского берега? Как скорбно замечает Фил Капуто в своих воспоминаниях о Вьетнаме: «Те, кто погибли в сражении и проиграли, своей смертью не изменили ничего. Ничего не изменила смерть Леви, Симпсона или Салливена. Война также пошла своим чередом без них, как она шла до этого. Также она пойдет, если не станет и меня. Моя смерть не изменит ровным счетом ничего».

Если бы лежащие здесь могли говорить, что бы они ответили на такое заявление Джона Адамса: «Мое поколение вынуждено быть солдатами, чтобы наши сыновья смогли стать фермерами и торговцами, чтобы в свою очередь их сыновья смогли стать художниками»? Интересно, хотел ли кто-нибудь из лежащих здесь быть художником? А может быть, они мечтали быть мирными торговцами? Что бы они сказали о наших сложных тренировках или

последних достижениях в области военной подготовки? Еще я хочу знать, поможет ли наша программа спасти жизни сегодняшних солдат или хотя бы задуматься о том, за что они воюют?

Но и задолго до 1775 года, когда Адамс сделал свое замечание, и теперь, когда я прохожу между этими могилами, Америка была и остается воюющей нацией. В 1689-1697 годах мы вели так называемую Войну короля Вильгельма. Не успела она закончиться, как пятью годами позже началась Война королевы Анны. С 1739 по 1743 год продолжалась ожесточенная война против испанцев. После Войны за независимость, в которой колонии отстаивали свое право существования отдельно от Англии, молодая американская нация погрузилась в Войну 1812 года, а потом началась мучительная братоубийственная Гражданская война 1861 - 1865 годов. Вслед за Первой мировой пришла Вторая мировая война. В 1950-х мы участвовали в «полицейской акции» в Корее, а на шестидесятые и семидесятые пришлась война во Вьетнаме, разделившая всю Америку надвое. Мы утоляли свою страсть к войнам, непрерывно воюя сначала с индейцами, а позже с «врагами невидимого фронта», которых нам бесперебойно поставляло ЦРУ. Своя война на каждое поколение.

Из тех шестидесяти миллионов человек, что погибли в кровавой мясорубке с 1820 по 1945 год, небольшая часть лежит сейчас на этом кладбище. Только в конце Второй мировой войны ежемесячно погибало около миллиона человек, причем больше гражданского населения, чем военных, - факт, который Америка до сих пор отказывается признать. И все же, несмотря на страшные цифры, наши политики не устают призывать нас к оружию. Как замечает историк Маркус Канлифф в своей книге «Народ и армия», сражения и войны - «это неотъемлемая часть американской жизни». Наш президент является Верховным главнокомандующим вооруженных сил - должность, унаследованная от Джорджа Вашингтона, непобедимого генерала, отца нации и нашего первого президента.

Теодор Рузвельт, командовавший сражением на холмах Сан-Хуан во время испано-американской войны, сказал: «Нация, которая позорно забывает о воинской славе и начинает превыше всего ценить удовольствия мирной жизни, рискует, в конце концов, оказаться подмятой другими более воинственными и мужественными нациями». Размышляя над неистребимой любовью американцев к войнам, Алексис де Токвиль в своей книге «Путешествие в Америку» задается вопросом: «Что заставляет людей восхищаться генералом Джексон, человеком... весьма посредственным?» Ответ на этот вопрос очень прост: «Битва при Новом Орлеане».

Зная эту страсть к войнам и всему военному, легко понять, почему каждое поколение осознанно или неосознанно считает, что подготовка молодых людей к взрослой жизни заключается в подготовке к войне. Образ неустрашимого воина настолько вошел в наше сознание, что породил общественный ритуал посвящения юношей в мужчины. Его, по всей видимости, не прошли ни те, что теперь покоятся в земле под этими плитами, ни те, чьи останки так и остались лежать на поле боя.

А теперь наша воинственность подвела нас к самому краю пропасти. Замечание Клаузевица о том, что война является «продолжением политики», безнадежно устарело в наше время, когда обмен ядерными ударами стал реальностью. Наконец-то мы создали Настоящее Оружие! Кому нужен солдат, если достаточно нажать пальцем на кнопку? Сегодня мы заглядываем прямо в дуло собственной смерти. Наше сознание настолько парализовано страхом, что мы начинаем изобретать разные объяснения. Но те, которые

говорят, что знают все, на самом деле не знают ничего. Наши военные обозреватели (мне почему-то кажется, что они обозревают, глядя на мир через узкую амбразуру танка) ходят вокруг да около, рассуждая о факторе сдерживания, размерах вооружений, объемах вооружений и мировой политике так, как будто передвигают фишки на игровой доске. Либералы и священники отбили все языки о фразу «мечи на орала». У нас нет и не может быть ответов, потому что мы задаем себе не те вопросы. Мы настолько свыклись с войной, что нам и в голову не приходит объявить ее сумасшествием. Мы окончательно запутались в собственных доводах. Протестуя на улицах, мы осуждаем войну, называя убийством, и одновременно провозглашаем воинский долг священной обязанностью. С самых пеленок мы слышим: «Не убий», потом мы вырастаем и создаем новое орудие убийства. И это еще одна темная сторона нашего существования, объяснить которую мы не в силах. Мы понимаем, что нужно разоружаться, но не знаем, как. Никакие правительственные законы, никакие демонстрации не способны остановить бессмысленную бойню.

Но как же мы научим нашу молодежь быть смелыми и мужественными, если они не пройдут военную школу? Чем мы заполним внутреннюю пустоту, если войны исчезнут? Куда мы денем свою врожденную агрессию, если нам запретят разрывать планету на части? Чему я могу научить этих парней, чтобы их имена никогда не появились на таких же гранитных плитах? Что я должен сказать им, чтобы однажды в каком-нибудь уголке земли по их вине не появилась такая же могила с мужчиной, женщиной или ребенком? Бродя по кладбищу, я вижу, как занимаются парни. С некоторой грустью я вспоминаю слова Одена: «Мы должны полюбить друг друга или умереть».

28 августа

Ясные солнечные дни и легкий западный ветерок. На деревьях кое-где появляются желтые листья, и с каждым днем солнце едва заметно снижается над горизонтом. По вечерам становится темнее, и тени по-осеннему сгущаются. После пасмурных дней и дождливой сырости такая погода радует и поднимает настроение. Целую неделю нам приходилось бегать под дождем, приседать, отжиматься и делать растяжки на парящей от влаги земле. Было забавно выскакивать из дому под проливным дождем, и делать вид, что тебе «до фени», когда ты всем телом плюхаешься прямо в грязь. Короче, как говорят парни, «было неслабо».

Сегодня день прыжков, и мы делаем все возможное и невозможное, чтобы лететь вместе с парнями, но все безрезультатно. Сначала мы получаем допуск к полету и нам кажется, что уже все позади, но в последний момент оказывается, что в самолете нет свободных мест. Я расстраиваюсь и пытаюсь все-таки добиться разрешения у начальства. После того, как меня несколько раз отфутболивают от одного к другому, я начинаю понимать, что все бесполезно. Лететь не судьба, и, по-видимому, придется остаться на земле.

Я жутко боюсь лететь, а при одной мысли о прыжке меня просто выворачивает изнутри. Когда месяц назад мы заикнулись о возможности пройти парашютную подготовку, сержант Голт сказал: «Будет вам подготовка», и, смеясь, изобразил, как он будет выталкивать нас из самолета. Но сегодня, когда мы в последнюю минуту получаем отказ, я с удивлением обнаруживаю, что чувствую не облегчение, а разочарование. Мне обидно не потому, что я лишаюсь возможности испытать себя, и не из-за того, что хочу быть рядом со своими учениками, мне неприятно оттого, что неожиданно я оказываюсь оторванным от этих

парней. Связь между нами, которая крепла с каждым днем, вдруг нарушается, и я снова чувствую себя лишним. Наши общие занятия по двенадцать-пятнадцать часов в сутки с тяжелыми, изнурительными тренировками делают свое дело. Нам нелегко вместе, по правде говоря, - это тяжелый труд, но это труд, который приносит удовлетворение. Наши отношения начинают перерастать в настоящую дружбу.

Когда они поднимаются на борт, я наблюдаю за Тейером, который смертельно боится высоты, но все же находит в себе силы делать один прыжок в месяц. И за Джеймсом, которого укачивает в самолете и который вынужден не расставаться с пакетом вплоть до самого прыжка. Вот идет Орезон, немного странный, но симпатичный молодой сержант из 260-й, у которого во время последнего прыжка не раскрылся парашют. С расширенными от ужаса глазами он в очередной раз рассказывал, как, кувыркаясь в воздухе на высоте тысяча футов над землей, отчаянно гадал, раскроется его запасной «шют» или нет. Я вспоминаю, как во время предполетного инструктажа я видел на их лицах страх и беспокойство, и то, как трогательно они окликали меня, стоя на летном поле.

Я прихожу к убеждению, что переносить тяготы армейской жизни им помогает вовсе не патриотизм, не чувство долга, и даже не желание испытать себя, а чувство товарищества и настоящая солдатская дружба. Именно поэтому я так хотел быть в воздухе вместе с ними. У меня тоже возникало это чувство к своим товарищам, когда занимался спортом, маршировал в морской пехоте, разучивал приемы айкидо. Это совместная охота, завораживающая игра пламени, ночной озноб, мечты о светлом будущем своих детей. Это зов нашего общего генетического океана, непреодолимое желание быть вместе, идти на риск, испытывать себя и других на прочность. Это жажда стоять на краю вместе со всеми и в страхе, и в радости, вместе двигаться вперед, навстречу темной неизвестности. Это наследие не Каина, но Аполлона. До того как мы увязли в зависти и ненависти друг к другу, было время, когда мы жили по законам гармонии, взаимопомощи и братской любви.

Принято считать, что первая армия, скорее всего, была создана из тех первобытных коллективов людей, которые строили ирригационные системы в Месопотамии. Должно быть, наши далекие предки были очень близки друг к другу. Из дня в день они вместе копали траншеи, проводили воду, строили дороги и изобретали простейшие механизмы для полива первых сельскохозяйственных культур. Эти группы мужчин проводили вместе большую часть времени, делили друг с другом все тяготы и невзгоды и имели жесткую внутреннюю организацию. Поэтому, когда возникла необходимость охранять излишки зерна, естественно, выбор пал на них.

Интересно, что чувствовали наши предки, поступая на неизвестную для них военную службу? Гордились ли они тем, что охраняют урожай своего племени? Казалось ли им, что они выполняют священный долг во имя общего блага? А может они не хотели быть оторванными от привычной жизни и убивать себе подобных? Мечтали ли они о том, чтобы их сыновья пошли по их пути?

Когда я рассказываю Джеку, что, кажется, начинаю привязываться к парням, он признается мне, что с ним происходит то же самое. Мы оба думаем, что это может вызвать определенные проблемы. Мы опасаемся, что дружеские отношения могут поколебать уже сложившееся распределение ролей. Но как далеко это может зайти? Является ли шесть месяцев достаточным временем для этого? Можем ли мы позволить себе пустить этот процесс на самотек, дожидаясь, что наши отношения с парнями установятся сами собой, как это происходит в обычной жизни? Такая перспектива одновременно волнует и пугает. Я

знаю, что кое-кто из парней был бы в этом случае просто счастлив. Для них анархия и ломка стереотипов - занятие не менее увлекательное, чем прыжки с парашютом. Но я также знаю, что для других это было бы самым настоящим кошмаром.

Джек доказывает, что это нарушило бы установившуюся иерархию, которая является основой военной организации. Я возражаю, что, возможно, в этом случае возникла бы иная, более естественная и истинная иерархия. Что произошло бы, размышляю я вслух, если бы колесо истории вдруг покатило назад, и мы смогли бы вернуться к истокам цивилизации? Перед моими глазами возникают месопотамцы XXI века, отказавшиеся от создания армии и вместо этого строящие разветвленную сеть ирригации, возводящие дома и дороги. Какой была бы человеческая организация без этой самой военной иерархии? Стремилась бы люди к власти и превосходству над другими, если бы не было внешнего врага? Я пытаюсь представить себе человеческую цивилизацию, где армия существует только для того, чтобы защищаться, а воины сохраняют свою доблесть и воинское искусство и при этом не гнушаются возделывать землю. Джек соглашается, но в его задорно поблескивающих глазах я читаю: «Ну и мечтатель!».

(Позднее я где-то прочел, что некто Масаки Накайима, восьмидесятитрехлетний руководитель влиятельной экспертной комиссии при исследовательском центре Мицубиси, предлагает всему человечеству вместо производства бомб заняться строительством дорог и ирригационных каналов. Он предлагает построить сеть магистралей, соединяющих Европу с Китаем и Москву с Аляской, провести ирригационные каналы для возделывания пустынь на Ближнем Востоке и соединить Африку с Европой туннелем под Гибралтарским проливом. Еще он предлагает создать гигантскую тепловую электростанцию где-нибудь на экваторе и установить мощные аккумуляторы солнечного тепла, которые могли бы экономить человечеству до пятидесяти миллиардов долларов в год. Он указывает на то, что Япония, тратящая на оборону всего лишь один процент от своего валового национального продукта, добилась огромных успехов в экономике, и сравнивает ее с Америкой и Советским Союзом, которые выбиваются из сил, чтобы ежегодно выкладывать на вооружение больше восьми процентов. Оппоненты называют его Дон Кихотом, но Накайима возражает им, что в свое время скептики тоже заявляли, что Панамский и Суэцкий каналы невозможно построить.)

Проект «Троянский воин» ставит перед нами необычные и чрезвычайно сложные задачи, во-первых, потому что наш коллектив чисто мужской, а во-вторых, потому что мы и солдаты - это совершенно разные люди. Мы считаем себя «знатоками» в своем деле, а они - в своем, и наши знания лежат в прямо противоположных областях. Это благодатная почва для типично мужского соперничества. Однако именно поэтому благодаря нашим различиям рождается и наша близость. Постепенно, общаясь друг с другом и испытывая друг друга на прочность, мы начинаем осознавать, что на самом деле мы не такие уж разные. «Общаться, - говорит Фриц Перлз, основатель гештальттерапии, - значит осознавать различия».

Иногда я думаю, что был бы счастлив, если бы эти парни смогли взглянуть друг другу в глаза и сказать «Я люблю тебя». Представляю себе, какие физиономии они состроили бы, скажи я им об этом. Они решили бы, что со мной не все в порядке, и, наверное, успели бы обозвать меня «извращенцем», прежде чем врезать по носу или с диким ржанием выскочить из класса. И так уже, стоит нам завести разговор о чем-нибудь необычном или повести себя непривычным образом, они сразу выражают свое недовольство (что на самом деле является страхом) и называют нас «извращенцами» («да-да, особенно ты, Строцци, извращенец из

Сан-Франциско»). Будь я марсианином, они и то меньше бы испугались.

Но дело-то как раз в том, что они действительно любят друг друга, и любят по-настоящему. Я вижу это по тому, как они прислушиваются друг к другу, как помогают друг другу и даже по тому, как подтрунивают друг над другом или возятся, награждая друг друга увесистыми кулаками. В действительности все дело только в том, чтобы помочь им признаться в своей любви и научить выражать свои чувства без опаски. Как и многие мужчины в Америке, они как огня боятся даже намека на гомосексуализм и сторонятся любых проявлений чувств, в результате чего страдают их отношения с близкими. Если любовь не находит себе выражения, она превращается в разочарование, соперничество и постоянное стремление к самоутверждению.

В своей великолепной книге «Законы войны» военный историк Ричард Холмс приводит множество свидетельств о том, что любовь и дружба неизменно сопровождают людей во время самых страшных испытаний. Один солдат, с которым он беседовал во время войны за Фолкленды, очень точно выразил эту мысль: «Когда ты воюешь с врагами, испытываешь страх, видишь смерть и страдания людей, то чувствуешь себя совершенно одиноким. И в этот момент перед тобой начинают открываться великие и истинные вещи, которых ты не замечал в мирной жизни. Это спасает тебя в трудный час». Другой ветеран, служивший командиром взвода во время Второй мировой войны, замечает: «На какие чудеса способна человеческая душа и как удивительно во всех лишениях, в страхе, голоде, холоде, сырости и прочих ужасах войны проявляется все лучшее, что есть в людях!» В той же книге Доналд Фезерстоун, ветеран Первой мировой войны, вспоминает о «... дружбе и сплоченности... чувстве, что ты не один». В отличие от «беспорядочного, несвязанного общества солдат является частью единого целого». Гай Чапмэн, ветеран Второй мировой, пишет, что его товарищи были «настолько частью меня самого, что расстаться с ними значило бы для меня лишиться чего-то самого дорогого в жизни». Солдаты, с которыми во время Второй мировой войны беседовал С.Л.А. Маршалл, собирая материалы для своей неоднозначной книги «Люди под огнем», единодушно заявляют о том, что они действовали не из патриотизма или чувства долга и даже не по принуждению, а из верности своим однополчанам, людям, с которыми они воевали плечом к плечу. Страшно подумать, что человеку непременно нужно испытать на себе зверства войны, тяготы и несправедливость военной жизни, чтобы позволить себе относиться к людям с любовью и нежностью.

29 августа

Я родился на военной базе в Спокане, штат Вашингтон, сорок один год назад, и сегодня на другой военной базе я отмечаю свой день рождения. Круг замкнулся. В этом есть какая-то щемящая завершенность. Я не могу найти ей достойного объяснения, но то, что этот день я встречаю в армии, кажется мне предначертанием судьбы. Как будто тем самым я довожу до логического завершения давно начатое дело и начинаю совершенно новую жизнь. Два разных мира сливаются сейчас в один: мир моего детства в семье военного с его элементами агрессии, самоутверждения и мужской бравады и мир медитации, боевых искусств и осознания того, что можно быть воином, не будучи воинственным.

Когда кончается тренировка, солдаты неожиданно для меня начинают петь «С днем рождения!». Я сижу на почетном месте, пока в до-дзе звучат их низкие, густые голоса. У меня на глаза наворачиваются слезы, и от этого я чувствую себя неловко. Мне не хочется,

чтобы парни видели меня в таком состоянии, потому что не уверен, что они правильно отнесутся к моей слабости. Везде, где дело касается чувств, где требуется проявить чуткость, отзывчивость или обнаружить собственную слабость, - они начинают протестовать: «это не по-мужски». Вести себя «по-мужски» - значит не распускать нюни, быть смелым, держать себя в руках. В детстве мы все когда-то плакали с матерью, но сдерживали слезы с отцом. Только ирония как раз заключается в том, что именно смелость нужна для того, чтобы поломать этот стереотип.

Когда они заканчивают петь, Джек и Джоуэл крепко обнимают меня, а парни по очереди пожимают мне руку или хлопают по плечу. Такая разница в поведении всем бросается в глаза. И дело не в том, что солдаты относятся ко мне с меньшей теплотой, просто в них срабатывает чувство внутренней дистанции, не позволяющее нарушить жесткие рамки мужского поведения. Можно, конечно, коснуться другого человека, но это в спорте, например, в айкидо или в обычной драке. Можно дружески хлопнуть товарища пониже спины, прошептать ему что-то на ухо или обняться, празднуя победу, но только если ты на игровом поле. Вести себя так за рамками спорта считается неприемлемым, это значит быть извращенцем, это значит... вести себя не по-мужски.

30 августа

Сегодня Дарил Шеффилд сказал мне нечто такое, на что нужно будет обратить особое внимание.

Каждое утро мы начинаем в 6-30 с переклички, а затем переходим для тренировки на большое поле, расположенное рядом с кладбищем. Мы начинаем с растяжек и упражнений на гибкость, совершаем пробежку от трех до семи миль (иногда плаваем), потом идут приседания, отжимания, снова растяжки и серия упражнений на расслабление.

Во время растяжек и расслабления мы обращаем особое внимание на замедление темпа, концентрацию сознания и достижение минимального мышечного напряжения. Это противоречит привычному для них отношению к работе, когда все подчиняется единственному девизу: «держишь, сцепи зубы и жми изо всех сил». Наши упражнения на расслабление способствуют снижению кровяного давления, сердечного ритма, улучшают циркуляцию крови и ослабляют хроническое напряжение мышц, но самое важное - они заставляют этих парней направить свое внимание внутрь, на собственные мысли, чувства и воображение. Это резко отличается от того, чем они до сих пор занимались, когда все их внимание нужно было сосредоточить на внешней цели. С помощью этих упражнений мы пытаемся научить их управлять внутренней энергией, которая высвобождается в результате расслабления и концентрации сознания. Для парней, привыкших ради достижения цели совершать чудеса героизма и идти напролом, это все равно, что заставить слона танцевать на льду. Хотя некоторые из них и читали книжки об использовании визуализации сознания, все же для большинства это первый опыт по исследованию собственного внутреннего «я». Когда сегодня утром мы объясняли им цель управляемой визуализации сознания, они громко покашливали и хихикали, прикрывая рот ладонью, а потом еще раз хором исполнили мелодию из «Сумеречной зоны».

В то время как солдаты спокойно лежат на спине с закрытыми глазами, мы требуем от них чутко следить за собственным сознанием, контролируя различные части тела. С помощью особых технических приемов мы учим их концентрировать внимание и управлять

собственным мозгом, телом и душой. Ложась на землю, головами друг к другу, мы выполняем эти упражнения вместе с ними, при этом один из солдат выполняет роль наблюдающего. Это удивительное чувство, когда ты лежишь на траве рядом с другими, от тел идет пар, и ты испытываешь приятное расслабление после тяжелого, изматывающего напряжения. Над тобой ясное голубое небо, земля обнимает усталое тело и тяжелые мысли, и твое дыхание сливается с дыханием остальных. Глубоко внутри себя я ощущаю точку абсолютного спокойствия и усмехаюсь при мысли, что, может быть, на соседнем кладбище какой-нибудь бывалый сержант с суровым взглядом и квадратной челюстью переворачивается в своей могиле, глядя на наши занятия.

Сегодня после утренней тренировки я замечаю, что Шеффилд выглядит несколько растерянно. Еще неделю назад я бы не обратил на это внимания, но теперь я уже достаточно успел узнать этого парня, чтобы понять, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Шеффилду около двадцати пяти, это деревенский парень из Джорджии. Он идеальный зять - сообразительный, аккуратный, что бы ни случилось - улыбка до ушей. Образцовый бойскаут в прошлом, он убежденный патриот и к тому же типичный «мятежный южанин». Один раз я как-то спросил его, почему он всегда бежит в одиночку, а не со всеми вместе. В ответ он спокойно протянул: «Я-а просто ишу свою скорость, свой ритм. Остальные вечно несутся сломя голову, как лошади в конюшню. Кому это нужно? Мы же не на гонках. Я хочу на-айти свой собственный ритм, чтобы это приносило настоящую пользу». Этим он сразу покори́л меня. Но сегодня его беззаботная физиономия омрачена какой-то тревогой.

«Как дела, Дарил?» - спрашиваю я как можно более непринужденно.

Он отворачивается, недовольный моим непрошеным вниманием. Потом он бросает на меня взгляд и цедит сквозь зубы: «Нормально». В начале программы он наверняка бы ответил что-нибудь вроде «А тебе какое дело?» или «Кого это касается?» Как это часто случается среди мужчин, у них есть целый набор средств, преимущественно насмешливо-язвительных, чтобы маскировать свои чувства. Но между мной и Дарилом уже достаточно взаимного доверия, чтобы на этот раз он не уходил от моего вопроса.

«Что-нибудь случилось?»

Он дожидается, пока остальные члены команды отбегут на какое-то расстояние и только потом говорит: «Знаешь, мне действительно нравится эта штука с расслаблением. Я даже занимаюсь этим перед сном и жену свою научил. Но мне кажется, я не должен этим заниматься». «Почему ты не должен заниматься расслаблением?» - удивляюсь я.

«Я сам не свой после этого. Вот как сейчас. Я отлично отдохнул, мне легко и хорошо, и тяжесть в животе ушла, но когда я встаю на ноги, мне кажется... ну... мне кажется, как будто я становлюсь слабее».

«Как это слабее?»

«Ну, моя грудь как будто сдувается, и я чувствую, что не способен защитить себя». Он глядит на меня с испугом.

Рядом со мной стоит физически крепкий, отлично сложенный мужчина и говорит мне, что он слишком слаб, чтобы защитить себя. В иной ситуации это выглядело бы смешно, но я вижу, что он говорит абсолютно серьезно.

«От кого ты хочешь защищаться?»

«Когда ты в спецназе, - быстро говорит он, - ты должен быть в полном порядке, понимаешь? Ты должен быть сильным и смелым», - и он бьет себя кулаком в грудь. Потом он выдвигает челюсть, прищуривает глаза и надувает грудь. Открытый, искренний Дарил

исчезает, и вместо него возникает знакомый образ «зеленого берета»: вооруженный до зубов громила, холодный и непробиваемый, с суровым взглядом из-под насупленных бровей.

Я поражен этой мгновенной метаморфозой. Мы возвращаемся в раздевалку в полном молчании. «Мне кажется, что у тебя есть выбор. Ты можешь сам решать, каким тебе быть, - наконец говорю я. - Ведь дома, с женой и детьми ты позволяешь себе быть самым собой, правильно? И если ты действительно близок со своими товарищами по команде, как ты говоришь, тогда и с ними ты можешь оставаться самым собой».

Он искоса взглядывает на меня. На краю кладбища стая гаичек шумно поднимается над верхушкой дуба.

«Кроме того, из айкидо ты видишь, что чем больше ты надуваешься, тем меньше пользы. Ты гораздо сильнее и устойчивее, как раз когда ты расслаблен и спокоен».

«Да, это правда», - нехотя соглашается он.

Из слов Дарила я понял, что в его душе происходят перемены, и это пугает его. Его представления о самом себе начинают меняться, и он не знает, хорошо это или плохо. На глубинном уровне это значит, что он не решается перейти от своего меньшего «я» к большему. Вся наука о расслаблении, которая помогает ему избавиться от тяжести в животе и восстановить внутреннюю энергию, противоречит той линии поведения, которая принята в армии, особенно в спецназе. Обучая этих солдат приемам самолечения, самообразования и самопознания, мы одновременно учим их глубже заглядывать в самих себя. В процессе этого погружения на поверхность начинают всплывать вещи, ранее остававшиеся незамеченными. Возникают новые ощущения, а с ними и вопросы, вроде того, что задал мне Дарил: а может ли боец спецназа быть открытым и расслабленным? Пока мы еще не знаем - это станет для нас открытием только в середине второго месяца, во время медитативного лагеря - насколько важен этот вопрос для всей нашей работы. Он не будет давать нам покоя и будет преследовать нас до конца программы, как гнойный нарыв на спине разъяренного зверя.

ВОЙНА

31 августа

Душная пелена летнего зноя окутывает нас, и очень скоро наши ги становятся мокрыми от пота. Я открываю боковые двери, чтобы впустить в до-дзе струю свежего воздуха, но вместо этого только две взъерошенные гаечки любопытно заглядывают через порог. В воздухе висит привычный острый запах мужского пота и раздается непрерывный глухой гул от падающих тел. Из-за того, что они никогда не занимались айкидо, мы продвигаемся очень медленно. Требуется время, чтобы научить их правильным отношениям между укэ и нагэ. Для меня это трудная, но поучительная задача. Вместо четких захватов и традиционных ударов, к которым я привык, работая с «обычными» учениками, они демонстрируют целый набор комбинаций от жестких футбольных подножек до грубых бандитских ударов.

Я осторожно направляю их, стараясь выдерживать линию между агрессией и согласием. Айкидо, при всей простоте атак и законченности бросков, - это непрерывный диалог, который требует взаимодействия партнеров. Это удивительно красивый вид боевого искусства, но представлять его только как соединение плавного течения и слияния значило бы сильно ошибаться. Это искусство требует умения жить в условиях постоянного противоборства и неразрешимых противоречий. Ответы и решения здесь всегда продиктованы текущим моментом и никогда не бывают известны заранее. Эта спонтанность действий несовместима с предвзятостью и косностью мышления.

Несмотря на то, что движения порой могут быть мягкими, они всегда выполняются с полной отдачей. Айкидо берет свои истоки в традиционном японском искусстве владения мечом и джиу-джитсу, техниках боя, где первое движение может оказаться последним. Этот урок мне преподавал в свое время мой учитель в Японии. Однажды во время тренировки ко мне пристал назойливый комар, который все время вился вокруг меня, не давая покоя. Наконец я не выдержал и, размахнувшись, прихлопнул его рукой. Мой тренер немедленно подошел ко мне и стал качать головой, как будто я совершил какую-то ошибку. Потом он осторожно поднял комара с мата и, держа его в руке, начал осторожно дуть на него. Через некоторое время комаришка зашевелился и, по всей очевидности, начал приходить в себя. С торжественным видом тренер разжал ладонь и показал мне комара, который теперь уже совершенно ожил и был готов улететь. Я уже начал корить себя за то, что посягнул на жизнь несчастного насекомого, как вдруг инструктор с оглушительным треском прихлопнул его ладонью. Когда он вновь показал мне руку, от комара осталось лишь темное пятнышко. Сверкнув глазами, он сказал мне: «Вот так, до конца!»

Именно в этой готовности идти до конца, будь то в созидании или разрушении, и заключается основной урок айкидо. С другой стороны, это учение о слиянии с потоком и внутреннем порядке, о котором еще в V веке Ксенофан сказал: «Там где есть хоть малая доля насилия или непонимания, там нет красоты».

Сегодня мы отрабатываем технику захватов и удержаний. Выполненные по всем правилам эти приемы, унаследованные из джиу-джитсу, запросто могут привести к

перелому запястья или вывиху плеча. Парням это нравится, но в запальчивости они забывают про равновесие и опору. Как часто в своей работе, в отношениях с другими людьми или в своих желаниях мы теряем себя. В этом - источник всех наших неудач. Дело в том, что нам удастся достичь задуманного, только когда мы находимся в полном душевном и физическом равновесии. Этому мы учимся в течение всей сознательной жизни - в айкидо с этим приходится сталкиваться каждый день. Как только они начинают сутулить плечи или слишком подаются вперед во время выполнения приемов, я тут же останавливаю их.

Для этих парней, с их патриотизмом, культом физической силы и стандартным американским набором ценностей айкидо всегда было чем-то чужим и далеким, и теперь, когда они пытаются овладеть этим искусством, их привычные способы отражать агрессию видны, как на ладони. Те, что посильнее, пытаются запугать меня, другие находят иные пути воздействия. «Эх, мне бы бейсбольную биту, я бы показал тебе американское боевое искусство!» - говорит Картер. «Давай попробуем твои приемы против моего магнума!» - хвастается Фарли.

Главные достоинства этих ребят - быстрая обучаемость и абсолютный профессионализм - срабатывают и в айкидо: я вижу, с каким азартом они пытаются овладеть этой наукой. Их армейские достижения ясно говорят о том, что это бесстрашные, отчаянные головы, привыкшие всегда и во всем добиваться наивысших результатов и не знающие преград на своем пути. Каждый из них смело встречает и преодолевает такие препятствия, перед которыми спасовали бы тысячи других солдат. Сейчас для них айкидо - это очередная боевая задача, справиться с которой - дело чести для каждого из них.

«Это так просто. Почему у меня никак не получается?» Когда Эндрю задает мне этот вопрос, он, сам того не зная, выражает тот самый идеализм и абсолютную уверенность среднего американца в том, что в жизни нет таких трудностей, которые нельзя преодолеть повседневным, кропотливым трудом, усилием воли, умом, а если нужно, и грубой силой. Постигая законы этого могущественного, но тонкого искусства, они невольно сталкиваются с главным догматом священного пути воина. Они узнают, что этот путь длится всю жизнь, а мастерство подчас заключается именно в том, чтобы не свернуть.

Стремясь самоутвердиться, они поступают, как и большинство начинающих: действуют силой там, где нужно «плыть в потоке», спешат там, где нужно ждать, и напрягаются там, где нужно расслабиться. Со зверскими лицами они задерживают дыхание и, поигрывая своими железными мускулами, пытаются задавить меня силой. Им странно, что они не могут побороть меня, несмотря на то, что я старше, ниже ростом и физически слабее их. Американский рецепт непобедимости, к которому они привыкли, и в котором железная воля отдает приказы послушной груде мускулов, не срабатывает в айкидо, где главным принципом является непротивление. К их недоумению, в айкидо побеждает не сильнейший, и здесь, в отличие от спорта, физическая подготовка совсем не главное. Короче, здесь требуется полная перенастройка всей системы - разума, души и тела.

1 сентября

Я лежу в гамаке, натянутом между старым вязом и яблоней. Сквозь зеленую листву яблони ласково просвечивает голубое небо. Это напоминает мне, как совсем маленьким я любил нежиться часами, мечтательно глядя в небо. Несколько минут назад я пережил весьма неприятную встречу и теперь ушел сюда, чтобы побыть наедине с собою.

Я проехал полторы сотни миль, чтобы провести выходные со своими старыми друзьями в Амхерсте. Это университетский городок, известный своими либеральными взглядами: здешние доски объявлений пестрят сообщениями о курсах медитации, встречах с радикальными политиками, кружках поэзии в стиле панк, митингах в защиту геев и лесбиянок, экологических обществах и группах взаимопомощи. Психологическая пропасть между этим подчеркнуто интеллектуальным городским сообществом и зажатым в жесткие армейские рамки спецназом куда более разительна, чем политические или культурные различия.

Друзья моих друзей пригласили меня на вечеринку. Они живут в красивом, недавно отреставрированном особняке с огромным садом. Большинство гостей - это местная интеллигенция, которая живо интересуется вопросами духовного развития. По своим взглядам и интересам эти люди очень похожи на моих друзей из Сан-Франциско. Многие спрашивают меня, что я делаю в Массачусетсе. Но едва я начинаю рассказывать, как наблюдаю ту же реакцию, что и месяц назад в Сан-Франциско - едва заслышав об армии, люди отшатываются от меня. Одна дама, любезно беседовавшая со мной до тех пор, пока я не заикнулся о своей работе, узнав, что я работаю в спецназе, поспешно замолкает, бросает на меня презрительный взгляд, разворачивается и решительно отходит прочь, показывая всем своим видом, что не желает со мной разговаривать. Но чаще всего люди просто прекращают беседу и начинают вести себя так, будто я внезапно испарился. Они откровенно игнорируют меня, как будто я - посланец с враждебной планеты. Я перестаю быть извращенцем из Сан-Франциско и становлюсь коварным агентом империи зла.

Случайно я забредаю в просторный кабинет и оказываюсь среди группы гостей, спорящих о международной политике. В какой-то момент в комнате неожиданно раздается голос бородатого человека, до этого молча сидевшего в углу: «Я участвую в движении за мир с 1970 года и убежден, что армию нужно распустить, потому что милитаристское сознание невозможно исправить». Он работает преподавателем в одном из местных колледжей, и его уверенный голос звучит так, будто он обращается к аудитории.

«К сожалению, не могу согласиться с вами, - пробует возразить молодой человек в клетчатой рубашке с галстуком. - Мне кажется, общество не может существовать без армии».

«Мы не достигнем мира, пока живо милитаристское сознание. Никакого мира, никогда!» - профессор переходит на угрожающий крик. Его челюсть выпячивается, и голос становится требовательным и визгливым. В скором времени он, красный как рак, тычет пальцем в горло своему оппоненту. В комнате становится тихо. Присутствующие начинают рассматривать свои башмаки. Молодой человек выглядит совершенно раздавленным, его глаза тускнеют от унижения и растерянности. Борец за мир спокойно возвращается на свое место и вновь принимает независимый профессорский вид.

Я оскорблен до глубины души, но не говорю ни слова. Этот миротворец только что доказал, что необязательно быть военным, чтобы иметь военное сознание. Я вспоминаю агрессивную риторику борцов за мир: Борись за мир. Истреби насилие. Избавься от зла. Уничтожь армию. Когда я наблюдал, как этот человек извергал проклятия и неистовствовал во имя мира, я подумал о словах Кришнамурти: «Война - это всего лишь проявление нашей повседневной жизни».

Меня тоже захлестывает агрессия. Во время этой короткой стычки я дохожу до белого каления и ощущаю тяжелые толчки крови в груди и в руках. Мне ужасно хочется схватить

этого доброхота и собственными руками затолкать все высокие принципы обратно в его крикливую профессорскую глотку. Даже здесь, в просвещенной гостинице с ее либеральными взглядами живет неистребимая страсть к насилию, пусть и под маской вежливости и приличных манер. Если бы чувства могли убивать, здесь была бы самая настоящая бойня. Эта злоба друг к другу живет не только в надменном профессоре или во мне, она и в искаженных лицах присутствующих, и в побелевших пальцах, до боли сжавших ручки кресел, и в сдавленном дыхании. Нас переполняет агрессия, мы воюем сами с собой и бездумно выплескиваем свою злобу на других. Я уйду на задний двор, и к моему великому удовольствию, обнаруживаю, что разноцветный гамак не занят.

Отдавшись его неторопливому покачиванию, я чувствую, как моя злоба начинает постепенно растворяться в бездонном куполе голубого неба. Недавняя сцена заставляет меня задуматься. Мне ясно, что скрытая ненависть и безудержная агрессия «борца за мир» намного превосходит все, с чем я имел дело за последний месяц, работая с парнями. Но делать какие-либо выводы из этого, значило бы не только упростить, но и вообще уйти от сути проблемы. Я вовсе не хочу искать правых или виноватых. Я хочу понять, как связаны между собой древнее воинское искусство, с одной стороны, и наша агрессия и пагубное пристрастие к войнам, с другой.

Спросите любого - этого профессора, либералов, собравшихся сейчас в доме, консерваторов, спецназовцев - все они скажут, что война - это зло. Их аргументы могут быть основаны на разных причинах: экономических, религиозных, моральных или исторических, но все они будут правы. И все же, ненавидя войну, люди, не переставая, воюют между собой на протяжении всей истории. Вместо того чтобы продвигаться к миру, мы упорно несемся в прямо противоположном направлении, к массовому истреблению себе подобных, к уничтожению самой жизни на земле. При этом мы не перестаем сокрушаться: «Как же так происходит?», тогда как нам давно пора спросить себя: «Чем война так привлекает нас? Можем ли мы сохранить в себе воинский дух, не истребляя друг друга? Как нам перестать отождествлять война с войной?»

Мы должны найти ответы на эти вопросы, заглянув, прежде всего, внутрь самих себя. Все исторические, антропологические, философские, этнологические и этические учения о войне и поведении человека во время войны привычно выстроены с точки зрения стороннего наблюдателя. Взгляните на бесчисленные исторические и военные исследования или философские трактаты, включая «О войне» Клаузевица и «Искусство войны» Сунь-Цзы, и вы убедитесь, что все они отрицают идею о том, что причины наших бесконечных войн кроются в особенностях человеческой психологии. Даже такие великолепные работы, как «Люди под огнем» С.Л.А. Маршалла, «Лицо войны» Джона Кигана и «Битва» Ричарда Холмса, освещающие проблему войн в истории человечества с социологической и статистической точек зрения, начисто игнорируют психологический аспект этого явления. Является ли стремление к войнам неотъемлемой частью человеческого сознания (а ненависть - нашим врожденным качеством)? Может ли человек стать настоящим мужчиной, не участвуя в войнах (только ли война может превратить юношу в мужчину)? Являются ли войны следствием общественного устройства нашего общества? Все эти вопросы, похоже, повисли в воздухе где-то за пределами научных кабинетов, а рядовые граждане в большинстве своем слепо повторяют догматы официальной политики. Зоопсихологи отмечают, что в неволе крысы поедают своих детенышей, а самцы бабуинов в саванне жестоко тиранят свое потомство. Мы мужественно, даже стоически воспринимаем

действительность, но, по-видимому, где-то в глубине души мы постоянно подавляем свои темные воинственные инстинкты. Ученые отказываются признаваться в собственной агрессии и нашей врожденной страсти к войнам.

Как мне кажется, в нас живут неистребимое желание, а может, даже и насущная потребность испытать себя, свою готовность к самопожертвованию, героизм, умение служить общественному благу и сражаться за высокие идеалы. Мы учим молодых людей, что только в войне они смогут проявить все эти качества. Все мы потомки того первобытного человека, от которого требовались беззаветная смелость и самопожертвование ради защиты своих сородичей. Солдат XX века - это прямой потомок того юноши, который когда-то, 500 тысяч лет назад, перенимал у своего отца умение метать копьё. Точно так же сегодняшний юноша учится у своего отца стрелять из ружья. Между ним и его далеким предком существует неразрывная связь. Она и в упругих мышцах спины, и в ловкости рук, и в способности зорко вглядываться вдаль, различая мельчайшие предметы, и в умении мыслить абстрактно, возвращаясь далеко назад, в прошлое. Нами двигает та же самая сила, которая когда-то заставляла нашего воинственного предка соревноваться в охотничьем мастерстве со своими соплеменниками. Мы соблюдаем этот обычай не только в войнах, но и в современных боевых искусствах, в спорте и даже в нашем недавнем увлечении - пейнтболе. Герои древних преданий - греческий Марс, римский Арес, христианские святой Иаков и святой Георгий, африканский Огу, индуистские Кришна и Арджуна, мусульманский Мухаммед и буддистский Манджушри - все это духи войны, действующие на наше сознание возбуждающе, как звуки военной трубы.

Наша склонность к войнам и агрессии напрямую связана с теми воинственными инстинктами, которые мы унаследовали из прошлого и которые безуспешно пытаемся подавить в самих себе. Для каждого из нас очень важно физически и духовно ощущать в себе героя, растить его, лелеять, гордиться им и, наконец, доказывать самому себе, что он реально существует. Так не лучше ли высвободить томящихся в темнице нашего сознания царя Давида и Александра Македонского, вместо того, чтобы лживо убеждать новобранцев, будто они выполняют свой мужской долг, если погибнут, сражаясь против коммунистов в Никарагуа?

Вместо того чтобы категорически отрицать войну как эволюционный откат к доисторическому прошлому и винить во всем индустриализацию, технологии, географические границы, идеологию или обстоятельства, вместо того чтобы маскировать свою воинственность под новомодные экзотические обряды, не лучше ли признать ее и попытаться использовать в собственных интересах? Войны - это порождение человечества, и нам нужно постараться понять, каким образом они утоляют голод, тот мучительный голод, который мы, как особый биологический вид, не способны утолить иначе. Когда мы поймем, для чего нам нужны войны, возможно, мы научимся находить им замену, изобретая занятия, которые будут удовлетворять нашу агрессивность, не угрожая при этом жизни на земле.

Гости начинают расходиться. Профессор останавливается у ворот, чтобы поговорить с кем-то. Теперь он уже не раздражает меня. Я вижу, что он устал. Может быть, в последнее время у него были неприятности дома или на работе. Он искренне убежден в своей правоте, но выглядит глубоко несчастным, как будто измучен своей неустанной борьбой за мир во всем мире. Я пытаюсь представить себе, как бы повели себя парни, окажись они на этой вечеринке. Может быть, они тоже сейчас говорили о чем-нибудь с этим профессором у ворот. Эта мысль заставляет меня улыбнуться. Потом я представляю его в зеленом берете и

камуфляжной форме, и не могу удержаться от смеха. Так же, как они, он хочет мира, и так же, как они, он готов воевать за это.

3 сентября

Когда я наблюдаю за тем, как эти парни делают свои первые шаги в айкидо, я вспоминаю, как начинал сам. Это было на Гавайских островах в 1972 году. Пять моих товарищей и я только что переехали на Гавайи. Мы планировали открыть там психотерапевтическую практику. Каждый из нас оставил свою семью и частное дело в Калифорнии ради рискованного эксперимента. В скором времени к нам должны были прибыть первые клиенты с континента, и жизнь казалась нам безоблачной и прекрасной.

За год до этого я кое-что слышал про айкидо, но прийти на первое занятие подвиг меня один приятель с острова Кауаи. Теперь я не могу сказать, что именно меня больше всего заинтересовало. Может быть, подействовали уговоры моего приятеля, а может быть, сказался мой давний интерес к восточным единоборствам. Когда я ехал вглубь острова на свое первое занятие, то с тоской вспоминал о своих друзьях, оставшихся на берегу для пикника. И для чего я еду, в самом деле, думал я. Но как только я оказался внутри старого сборного домика, где размещался до-дзэ, я понял, что сделал правильный выбор. Попав туда, я внезапно почувствовал, что имею дело с чем-то вечным и истинным, и это чувство остается во мне и по сей день. В тот день в зале было с десятков людей, и они двигались с такой непринужденной грацией, с таким достоинством и силой, что я подумал: «Они действительно живут дао». Я восхищался тем, как эти мужчины и женщины реально воплощали в себе, а не только стремились умственно постичь великие даосские принципы непротивления, недеяния и согласия. Я, не мешкая, купил ги и, к немалому удивлению своих друзей, начал ездить на тренировки три раза в неделю, покрывая каждый раз расстояние в сорок миль туда и обратно. Да что там, если было бы можно, я бы ездил туда ежедневно! Я влюбился в айкидо. Нельзя сказать, чтобы мой восторг нашел сочувствие. Какое-то время мои друзья пытались отговорить меня, высмеивали и, наконец, махнули на меня рукой. Я не обижался, в конце концов, они были обычными парнями с континента.

«У тебя что, не все дома? - говорил мне кто-нибудь из них, глядя на меня так, будто я и впрямь был сумасшедшим. - Ехать через весь остров на ночь глядя! Оставался бы на континенте и гонял бы там, если тебе так нравится».

Мы прожили на Кауаи год, после чего наш проект лопнул (не сошлись характерами), и я вновь вернулся в Сан-Франциско. Там мне очень повезло, и я успел потренироваться у трех опытейших преподавателей: Митсуги Саотоме, Роберта Наде и Фрэнка Дорана. В 1975 году я провел несколько месяцев в Токио, тренируясь у тамошних мастеров. Но скоро я вернулся домой, потому что, как выяснилось, самые лучшие учителя, по крайней мере, для меня - были у меня под боком, и мне совсем не нужно было ездить за ними на край света. Фрэнк Доран посвятил меня в мельчайшие тонкости техники айкидо, научив четким, отточенным ударам; Митсуги Саотоме, который шестнадцать лет провел рядом с самим Уэсибой в качестве его укэдэси, раскрыл для меня всю глубину и силу своего мастерства; а Роберт Наде дал мне самое главное - он показал мне, как айкидо может изменить жизнь, сделать ее яркой, наполненной и осмысленной. Эти люди научили меня видеть в айкидо не просто мощную и эффективную технику боя, но путь к истинному пониманию людей и умению общаться. Занимаясь одной только технической стороной этого искусства, можно

стать опытным бойцом и даже блистательным айкидистом, но без глубокого и мудрого наставника нельзя овладеть всей глубиной айкидо, позволяющей человеку раскрыть в себе талант целителя и провидца.

С того самого момента, как я начал заниматься айкидо, во мне стали происходить глубокие перемены, которые просто перевернули всю мою жизнь. Они коснулись буквально всего: моих отношений с близкими людьми и коллегами по работе, поведения и состояния здоровья. Но самым удивительным было то, что изменения произошли и на самом глубоком духовном уровне. Я говорю «духовном», потому что имею в виду особое внутреннее существование духа, реально проявляющееся в том или ином поведении человека. Это такое состояние, при котором внутренняя сущность естественно и открыто проявляется в наших поступках, а не только в отношении к миру. Упорно и последовательно занимаясь айкидо, мы учимся жить по тем принципам, которыми больше всего дорожим. Это искусство раскрыло для меня существование моей внутренней энергии ки и научило меня с ее помощью воздействовать на других людей, с тем чтобы, в свою очередь, получать их ответное воздействие.

Сила и мудрость айкидо не ограничены стенами до-дзэ. Я уже рассказывал, что в свое время преподавал это боевое искусство полицейским, пожилым людям, уличным хулиганам, инвалидам, директорам предприятий, заключенным, детям с неустойчивой психикой, танцорам, спортсменам и профессиональным футболистам. Всем им айкидо помогло как в работе, так и в личной жизни. Из своего опыта я убедился, что айкидо является мощным инструментом, преобразующим все физиологические и психологические процессы в организме. Айкидо помогает каждому, кто готов радикально изменить свою жизнь.

Когда в 1942 году мастер Морихэй Уэсиба, о-сэнсэй, большой учитель, как любовно называли его ученики, впервые дал название новому виду единоборства, у него за плечами уже был многолетний опыт занятий другими видами японского боевого искусства. Глубоко изучив и в совершенстве овладев дайто-рю, разновидностью джиу-джитсу, включающей в себя технику боя с мечом, ножом и копьем, мастер Уэсиба сохранил учение айкидо в рамках древней традиции бусидо. Тщательно выверяя свои идеи на поединках и вооруженных схватках, он шаг за шагом создавал айкидо как новую, совершенную форму самозащиты. В то же время его подход к айкидо - Пути гармонии - явился настоящим переворотом в области традиционных восточных боевых искусств. Он учил, что айкидо - это будо любви и что его цель - объединить людей во всем мире. Он неустанно повторял своим ученикам, что айкидо не учит причинять боль, а, напротив, служит распространению любви и взаимопомощи среди людей. Многие были шокированы его идеями. Это казалось столь же невероятным, как если бы министр обороны вдруг заявил, что его вооруженные силы укрепляют мир и дружбу во всем мире. Не обошлось, конечно, без едких насмешек со стороны тех, кому само понятие «будо любви» показалось слишком странным, и на мастера Уэсибу со всех сторон посыпались упреки. Сумоисты, боксеры, борцы и целая армия последователей самурайской традиции - все они ополчились на только что возникшее боевое искусство. Однако, встречаясь с Уэсибой, его противники были так очарованы личным обаянием и мудростью учителя, что большинство из них впоследствии были вынуждены признать, что это человек «несокрушимой силы духа». Многие добровольно оставались рядом с ним уже в качестве учеников, чтобы потом распространять учение айкидо по всему миру.

Мастер Уэсиба мечтал создать совершенный вид боевого искусства. Он учил, что

желание побеждать любой ценой и стремление к превосходству - это анахронизм, не соответствующий требованиям современной жизни. Пытаясь найти такую форму боевого искусства, которая отвечала бы новому времени, основоположник айкидо оставался верен изначальной цели будо: развитию и совершенствованию человеческого духа. Постоянно подчеркивая, что айкидо не имеет ничего общего с соперничеством, мастер Уэсиба создавал такой вид борьбы, который, прежде всего, развивал бы духовную сторону личности и не имел ничего общего с делением людей на победителей и побежденных. Он говорил, что наш «противник внутри нас» и что, прежде чем пытаться изменить других, мы должны учиться изменить себя. Он утверждал, что чувство личного достоинства, умение сочувствовать другим и внутренняя цельность гораздо важнее, чем физическое превосходство, богатство и власть. Его учение - это разумная альтернатива современному миру, разрывающемуся между беспощадным милитаризмом, с одной стороны, и всепрощенческим пацифизмом, с другой.

Главная ценность айкидо мастера Уэсибы в том, что это путь духовного развития, который учит людей существовать в гармонии с высшим началом, Мировым духом. Он был уверен, что с помощью особой системы физических упражнений человек может слиться воедино с Мировым духом, и мечтал о том времени, когда люди сообща создадут мир гармонии, взаимной любви и истины. Своим мировоззрением, неутомимым трудом, борьбой и стремлением к познанию мастер Уэсиба воплощает в себе образ современного воина, который, обладая силой и мужеством, остается верен идеалам любви и отрицает любое насилие.

В ЛАГЕРЕ

4 сентября

Я сижу в кабинете на первом этаже нашего дома. В темной комнате одиноко светится экран компьютера. Шаба, собака Энн, устроилась у моих ног. Я очень устал и чувствую себя одиноким. Уже почти полночь, а я на ногах с половины шестого утра. Через какие-то пять с половиной часов мне опять вставать. В доме все давно спят, только слышно, как Джек все еще возится наверху. Хотя с начала нашего проекта прошло всего полтора месяца, мне кажется, что я проработал без отдыха несколько лет подряд. Подъем в 5-30, медитация, две тренировки в день, включая бег, плавание, растяжки, ритмическую гимнастику, полуторачасовую тренировку по айкидо, занятия по фитнесу, рациональному питанию, теории обучения, бесконечное выматывающее общение с солдатами и коллегами и, наконец, постель между одиннадцатью и двенадцатью ночи. Это безумно интересно и безумно тяжело одновременно. Конечно, с положительной точки зрения, наша программа - это идеальная подготовка для настоящего воина, ведь она включает в себя всестороннее развитие тела, разума и души, но бывают моменты, когда мне кажется, что это не что иное, как бесконечная проверка на выживание.

Меньше недели остается до начала месячного медитативного тренинга. Нам приходится выкраивать дополнительное время, чтобы разобраться со всеми делами по хозяйственной и организационной части. Мы решили, что назовем эту программу лагерем, а не медитативным тренингом. Слово «медитативный» вызывает слишком негативную реакцию у парней. Если с психотренингом они еще более или менее знакомы, то медитация для них - это нечто из области фантастики. В дополнение к двум штатным поварам с нами едет Мишель, жена Джоуэла, и ее подруга Барбара, которой уже приходилось раньше готовить в полевых условиях. Для лагеря выбрано глухое местечко с минимальными удобствами, которое находится на берегу озера в двух часах езды к северу от базы. Это старый бойскаутский лагерь, который используется только летом.

О том, что будет происходить в течение этого месяца, пока знает только командир части. Парням известно немного. Единственное, о чем они знают, так это то, что наши занятия будут проводиться в полевых условиях, в полной изоляции, и большая часть времени будет посвящаться психотренингу и молчаливым размышлениям. Мы уже сообщили им, что питание будет преимущественно вегетарианским и попросили их на время отказаться от курения и алкоголя. По сравнению со всем, что они делали в первый месяц, это будет нечто особенное. По сути, их ждет самый настоящий сюрприз, по крайней мере, ни с чем подобным они еще никогда не сталкивались, это точно. Месячная медитативная практика в полной изоляции - это вообще не фунт изюма, а уж заставить этих парней, привыкших к повседневной физической нагрузке и постоянному общению между собой, провести месяц почти в полной неподвижности - это все равно, что приучать дикого тифа ходить в тесных джинсах. Надеюсь все-таки, что мы справимся с этим.

Наша программа построена по образцу медитативного тренинга, который включает в себя длительные статические и динамические медитации, постепенно достигающие

продолжительности шестнадцати часов в день. Хотя подобные тренинги обычно имеют религиозную буддистскую направленность, в своей программе мы будем избегать обращения к религии как таковой.

Поскольку до сих пор в американской армии, а тем более в спецназе, не проводилось ничего подобного, мы вынуждены двигаться на ощупь, во всем полагаясь на собственную интуицию. Джоуэл и я назначены руководителями лагеря. Это отчасти лишает Джека его прежних полномочий. Кстати, он против того, чтобы слишком рано заставлять парней отказываться от привычного для них образа жизни - курения, разговоров, мясной пищи и алкоголя (хотя с последним у них как раз меньше всего проблем).

«Думаю, будет лучше, если им придется отвыкать от этого постепенно», - говорит он.

«Нет, лучше уж сразу, - задумчиво возражает Джоуэл. - Я много лет наблюдаю за новичками и знаю, что обычно у них не бывает никаких проблем, если они с самого начала отказываются от вредных привычек».

«Я сам видел, как некоторые даже соскакивали с иглы, - добавляю я. - Это непросто, но в определенных условиях вполне возможно».

«Да, во время медитации легче всего отказаться от дурных привычек или, по крайней мере, почувствовать положительный эффект от этого». Джоуэл сидит в позе йога, его спина выпрямлена, как доска, но при этом он абсолютно расслаблен. Я начинаю замечать, что он мысленно уже давно в лагере. Мне очень нравится, что он не боится брать на себя ответственность.

Джек качает головой и вращает глазами, но я знаю, что за его иронией кроется серьезная озабоченность. «Ладно, пусть будет по-вашему, - с расстановкой говорит он. - Мне это не очень нравится, но так и быть, у вас больше опыта в этом вопросе. Кстати, я и сам собираюсь помедитировать с вами. Мне это не помешает».

Впервые я начал медитировать лет двадцать назад. Последние пятнадцать лет я провожу десятидневный интенсивный курс медитации ежегодно. Обратиться к медитативной практике меня заставило смутное, но настойчивое желание вырваться из замкнутого круга повседневных проблем, которые не давали мне покоя. Моя тогдашняя жизнь не удовлетворяла меня, и я искал чего-то нового. Древние философские учения Востока стали для меня спасением. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что тогда я страстно искал выхода из тупиковой ситуации, в которую поставила меня жизнь. В конце шестидесятых я встретил своего духовного учителя, Махарай Чаран Сингха, который не просто научил меня медитировать, а заставил понять, что медитация - это не уход от действительности, а тяжкий и повседневный труд, добровольно взятый крест, который ты должен нести, несмотря ни на что. Я то любил этот путь, то сопротивлялся ему, то проклинал его и уходил навсегда, то вновь возвращался.

Обычно я в шутку говорю, что медитирую, чтобы не сойти с ума. Медитация дает множество полезных моментов: она обостряет сознание, уменьшает стрессы, повышает умственные способности. Она также затрагивает глубинные процессы нашего сознания, что начинает со временем сказываться на поведении. В современном материалистическом обществе, с его духом соперничества и погоней, за мгновенными удовольствиями медитация обращает нас к духовной стороне нашей жизни. Когда я думаю о душе, во мне просыпаются сострадание, любовь и всепрощение. Но для парней это пока совершенно закрытая область. Мы едва успели познакомить их с теоретическими основами, и вот уже на следующей неделе им предстоит окунуться в первый в их жизни продолжительный

медитативный тренинг.

Джоуэл тоже имеет многолетний опыт медитаций. Он основательно изучил этот вопрос во время своих занятий с тибетскими мастерами Калу и Зонг Ринпоче. Перед началом нашей программы Джоуэл и Мишель спросили своих учителей, стоит ли им принимать участие в этом проекте. В ответ оба тибетских мастера выразили свою полную поддержку и подчеркнули особую важность возможности обучения солдат альтернативным видам боевого искусства. Зонг Ринпоче напутствовал их загадочными словами: «Научите их мужеству». Сам далай-лама, духовный лидер Тибета, тоже отнесся с полным одобрением и благословил Джоуэла и Мишель.

Джоуэл умудряется мастерски соединять в себе две противоположности: восточный мистицизм и западные технологии. Через систему биоэнергоконтроля и программу по синхронизации мозговых волн он четко отслеживает эффект, который оказывает медитация на общее состояние парней (правда, для них мы предпочитаем использовать слова «психотренинг» и «тренировка сознания»). Хотя он и не имеет большого опыта по проведению групповых медитаций, его знания в области развития умственных и психических способностей делают его незаменимым в качестве руководителя нашего лагеря. Но у Джоуэла щедрая душа: он вовсе не гонится за положением, для него куда важнее успех лагеря и проекта в целом.

«Я просто иду первым, - говорит Джоуэл. Его голос звучит мелодично, он говорит почти с канадским акцентом. - Я хочу, чтобы вы оба постоянно были рядом и подсказывали мне, что нужно делать. Я уверен, что лагерь будет поворотным моментом для всего проекта, и здесь очень многое зависит от меня. Поэтому я жду от вас помощи». Он замолкает и смотрит мне и Джеку прямо в глаза.

«Ну, что, начнем?» Он решительно взмахивает кулаком с таким видом, будто от нас зависит судьба кубка по американскому футболу.

Неожиданно я вспоминаю, что никогда не видел Джоуэла в «гражданской» одежде. Сколько помню, он все время носит нашу спортсмайндскую форму - брюки цвета хаки и лиловую майку. Мне вдруг ужасно захотелось спросить его, какую именно одежду он любит. Я пристально гляжу на него. У него исключительно одухотворенная внешность, почти как у святых на древних иконах - худое, узкое лицо, курчавые волосы и горящие глаза, которые, как магнит, притягивают к себе. Поймав мой взгляд, он отвечает мне своей чистой улыбкой, от чего глаза его загораются еще ярче.

Меня вдруг захлестывает волна нежности к этому человеку. «Я очень рад, что ты ходишь ко мне на айкидо, - говорю я ему. - Я знаю, тебе трудно из-за колена. Я просто хочу, чтобы ты знал: я рад, что ты с нами. И парни тоже».

«Мне нравится ходить на твои тренировки, - отвечает он. - Я тоже вижу, что парни заботятся обо мне. Они могут справиться со мной одной левой, и все же не делают этого. Вчера мы так отлично повозились с Данэмом!»

Его отношения с ребятами совсем не похожи на то грубоватое мужское товарищество, которое установилось между нами. Из-за своего больного колена он не может активно заниматься с нами и регулярно ходить на тренировки, отчего гораздо реже видит солдат именно тогда, когда они показывают себя с самой сильной стороны. Они, безусловно, уважают его за знания и преданность своему делу, и все же он для них - непонятный и неисправимый чужак. На днях Орезон сказал ему: «Джоуэл, старик, и за что я так люблю тебя? Похоже, хиппи тоже люди».

Иногда они полушутя, полусерьезно говорят о его глазах. Им кажется, что в их блеске есть что-то от сумасшедшего и в то же время от святого. Над дверью в его лабораторию висит надпись: «Осторожно! Зона интеллекта!» Они посмеиваются над этим, и все же - они сами признаются - их тянет к нему. Сержант Мартин, первоклассный связист из 260-й, выразился следующим образом: «Мы все любим Джоуэла, потому что он настоящий. Он не старается выглядеть лучше, чем на самом деле. Он такой, как есть».

Сова ухает за окном. Буквы расплываются у меня перед глазами, и я страшусь одной мысли о том, что через пять часов надо будет снова вставать.

5 сентября

Сегодня пришли результаты второй армейской проверки. То, что я вижу, радует меня и одновременно настораживает. Цифры определенно показывают, что, с точки зрения физической подготовки, первый месяц оказался очень успешным. С самого начала проекта мы ставили перед собой следующие цели: 1) поддержать уже имеющийся высокий уровень подготовки; 2) устранить слабые места; 3) добиться улучшения командных показателей. Для достижения этих целей мы использовали комплексный подход к развитию личности, основанный на согласованном взаимодействии всех частей организма. Мы не готовились специально к тестам и не нацеливали индивидуальный режим подготовки на достижение максимальных результатов.

Цифры, которые я держу в руках, впечатляют еще и потому, что большинство парней уже в начале программы имели результаты, превышающие предельные армейские показатели. К примеру, команда 260 в среднем превышала в своей возрастной группе армейский максимум по отжиманиям на 21 %, упражнениям на пресс на 12 %, бегу на две мили на 2 %. Команда 560 в среднем была на 12 % сильнее в отжиманиях, на 1 % в упражнениях на пресс и на 3 % отставала от максимальных показателей по бегу на две мили. При этом по личным показателям многие значительно превосходили эти средние результаты.

И даже при этих высоких стартовых показателях результаты второй проверки оказались улучшенными по всем статьям. В 260-й команде результаты по отжиманиям улучшились на 6,2 %, по упражнениям на пресс на 4,9 %, по подтягиваниям на 29,7%, по растяжкам на 7,8 % и в среднем 32 секунды были сброшены на двухмильной дистанции по бегу. В 560-й отжимания улучшились на 6,2 %, упражнения на пресс на 4,8 %, подтягивания на 29,7 %, растяжки на 7% и опять-таки в среднем 32 секунды были сброшены на двухмильной дистанции по бегу. Некоторые личные показатели явно начали зашкаливать, приближаясь к предельно допустимым значениям. Так, пятеро солдат выполнили 90 отжиманий за две минуты, а один выжал чуть ли не 120.

На наш взгляд, такие впечатляющие результаты, свидетельствующие о возросшей физической силе, выносливости и гибкости, - это прежде всего следствие работы с сознанием, включающей психологический тренинг, визуализацию, релаксацию и комплексный подход к развитию личности, и только потом следствие физической подготовки как таковой. Конечно, большая заслуга в этом принадлежит Хорсту Эйбрахаму, специалисту по практической физиологии, который в этом месяце возглавляет программу физподготовки. Его увлекательные лекции по основам физической культуры и правильному питанию тем более ценны, что он сам всегда и во всем задает пример этим парням, показывая те же результаты, что и они, а иногда даже превосходя их. Для этих парней бег

всегда являлся главной проверкой на выносливость. Хорст, которому под пятьдесят, стал для них образцом для подражания, обогнав даже самых молодых и сильных. То, что он не бросает слов на ветер и готов всегда на собственном примере доказать свою правоту, очень поднимает его авторитет, и они, открыв рот, слушают его, когда он читает лекции об эффективности комплексного подхода к развитию личности.

Казалось бы, меня должны радовать результаты проверки, но вместо этого я чувствую беспокойство. Такая потрясающая физическая подготовка таит в себе опасность, которая меня пугает. Для нас это большой соблазн вообразить, будто наша цель достигнута. На самом деле, думать так - значило бы приравнять нашу работу к обычной дрессировке. Для того чтобы эти парни раскрыли все свои возможности, они должны осознать, в чем их слабое место. Наша цель отыскать их ахиллесову пяту и показать им, где она находится. Научить их познавать себя изнутри, а не отшлифовывать их и без того уже высокие профессиональные навыки - вот наша главная задача.

Репутация, что называется, летела впереди этих парней, и задолго до того, как мы вступили в этот проект, каждый из нас имел в своем сознании довольно впечатляющий образ тех лихих громил из спецназа, которых нам предстоит обучать. Но в действительности мы абсолютно не представляли себе, какие они есть на самом деле. В какой-то степени мы поддались на голливудский стереотип - мы решили, что нашей основной задачей будет научить их выполнять свою работу с еще большим мастерством и виртуозностью. Однако они оказались исключительно способными учениками, мгновенно впитывающими новые знания, и, как следствие, наши акценты постепенно сместились. На передний план вышла другая задача - выявление и устранение в их сознании «белых пятен» и глубоко укоренившихся страхов, а это совсем не то, что обучать новым навыкам или исправлять имеющиеся недостатки.

Если мы не подготовим достаточно прочную эмоциональную и энергетическую базу для тех знаний, которые мы пытаемся в них вложить, все наши усилия пропадут впустую. До той поры, пока мы не коснемся сознания этих парней, все их навыки будут оставаться поверхностными и лишенными должной глубины. Короче, чтобы раскрыть потенциал каждого из этих парней, как, впрочем, и любого человека, необходимо обращаться к нему как к цельной личности, а не просто к атлету. Невозможно взять и выдернуть из человека одну из его составляющих, усовершенствовать ее и затем вставить обратно. Для того чтобы любая способность человека развивалась естественно и органично, чтобы она была неотъемлемой частью его внутреннего мира, нужно развивать всю личность целиком, принимая во внимание все - физическую, умственную, эмоциональную и духовную стороны ее существования. Как однажды точно заметил Джек, «мы должны найти то, чего эти парни больше всего боятся, потому что самое опасное кроется именно в том, чего мы не знаем».

Но хочет ли армия, чтобы солдаты спецназа начали ощущать себя полноценными личностями? Хочет ли она, чтобы они вообще были способны чувствовать и переживать? Ведь если они в полной мере начнут осознавать свое существование, они также начнут осознавать и существование других людей, в том числе и своих врагов. Но как только они начнут воспринимать других людей, как самих себя, то перестанут быть абстракцией. А когда они перестанут быть абстракцией, то начнут сами принимать решения и думать своей головой. Согласится ли на это армия? А любая другая организация? Может быть, это и есть ахиллесова пята?

6 сентября

Джоуэл сидит у себя в комнате в позе йога и разбирается в огромной куче книг, бумаг и одежды, в беспорядке сваленных на полу. Откуда-то из невидимого магнитофона доносятся заунывные звуки индийской флейты. Он сидит спиной ко мне, и мне виден только его всклоченный затылок. Он сидит очень прямо, с головой погруженный в чтение какого-то помятого и затертого манускрипта.

Мгновенье спустя он оборачивается ко мне: «А, Строц. Взгляни-ка на это. Думаю, парням будет полезно прочесть это в лагере». Он протягивает мне статью под названием «Сокровища дхармы», написанную геше Рабтеном, тибетским ламой, потом быстро вытаскивает из кучи другую бумагу и тут же снова погружается в чтение. Первая строчка манускрипта гласит: «Сосредоточенность важна как в следовании дхарме, так и в повседневной жизни». Абзац ниже начинается словами: «Само по себе первичное сознание чисто и беспорочно, но оно находится в окружении пятидесяти одного вторичного ментального элемента». На следующей странице расположилось изображение Будды с нимбом над головой. На титульном листе - картинка с изображением монаха, который гонит слона вверх по горной тропинке. Внизу, в начале пути, слон совершенно черный, и монах идет сзади. А наверху, в конце пути, слон уже совершенно белый, а монах безмятежно восседает у него на спине.

Передо мной вспыхивают голубые глаза Джоуэла: «Я подумал, что стоит взять с собой кое-что из этого. Мне прислал это один приятель, который только что вернулся из Индии». Он зажигает длинную коричневую ароматическую палочку и водит ею перед моим носом. На его лице мелькает блаженная улыбка, когда флейта издает особенно высокий звук и снова продолжает свое плавное пение.

«Я возьму это почитать, Спец, - говорю я ему, - и потом скажу, что я думаю». Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, он вручает мне зажженную палочку.

Проходя по коридору, я на минутку заглядываю к Джеку и Энн. Энн лежит в постели, завернувшись в плед, и читает книгу, а Джек сидит на полу и привязывает кожаный ремешок к своему армейскому ножу. Шаба поднимает голову и лениво виляет хвостом в знак приветствия.

«А, Ричард, привет», - говорит Энн, замечая меня по реакции Шабы. У комнаты такой вид, будто на пол вывалили содержимое из всех шкафов и ящиков. Только на этот раз всего по паре: рюкзаки, одежда, книги, спальные мешки, бумаги, одеяла. Бесчисленные полиэтиленовые пакеты, разбросанные по всему полу, довершают этот беспорядок.

«Держи, Строи, тебе пригодится». Почти не глядя в мою сторону, Джек швыряет мне пару теплых носков. «А это у тебя есть? Тоже может пригодиться». Он протягивает мне тюбик мази от комаров.

Подготовка к лагерю напоминает сборы в дальнейшее путешествие. Те же самые вещи, которые я распаковывал месяц назад, теперь приходится паковать снова. Так как нам предстоит ехать на север, а на носу осень, я набираю побольше теплых вещей - свитера, куртки, теплое нижнее белье, сапоги, рюкзак, спальный мешок, несколько ги для айкидо. Кроме медитации, нас ждут еще долгие пробежки, пусть и не такие интенсивные, как на базе. Кроме того, я назначен ответственным за погрузку и монтаж до-дзе, а это площадь в тысячу восемьсот квадратных футов. Одним словом, берем до-дзе под мышку и вперед!

8 сентября

По пути в лагерь мы сначала заворачиваем на базу, чтобы забрать кое-какие документы. Меня неожиданно тянет взглянуть на до-дзе, и я отправляюсь в одиночку по пустынной улице, минуя классную комнату, захожу в зал. Сейчас без матов, без оружия и портрета учителя все здесь снова выглядит так же пусто, как и до нашего приезда. Покинутое гнездо, обитатели которого пустились в свой дальний путь.

В своей книге «Происхождение человека» Дарвин отмечал, что в природе тяга к миграции настолько сильна, что некоторые матери даже покидают своих птенцов в гнезде, чтобы отправиться в дальнейшее путешествие. Известен случай, когда у одного гуся выщипали все маховые перья, и он отправился в путь пешком. Другие птицы, которых запирали во время сезона миграции, разбивались в кровь о прутья клетки, пытались вылететь на волю. Наша же участь - это перелет души.

Джоуэл и Мишель едут впереди нас, а мы с Джеком за ними. Решено, что мы прибудем в лагерь на день раньше основного заезда, чтобы устроиться и сделать кое-какие приготовления. Около часа мы едем на восток, а потом резко сворачиваем почти прямо на север, к канадской границе. Деревья сверкают желто-красным нарядом, вспыхивают золотом в ясном осеннем солнце. Вдоль дороги выстроились наспех сколоченные прилавки, с которых торгуют новым урожаем: яблоками, грушами, кукурузой, тыквами, соком, бобами, вареньем и медом. Мы останавливаемся, чтобы выпить свежего яблочного сока, и розовощекая продавщица, глядя на нашу нагруженную машину, говорит: «Отличная погода для пикника».

Когда мы приезжаем на место, небо затягивается тяжелыми облаками, ползущими с севера, и все вокруг окутывается холодным густым туманом. Натянув теплые свитера, мы начинаем осматривать помещения, в которых нам предстоит жить в течение целого месяца. На стенах незатейливых летних построек всюду красуются бойскаутские эмблемы и изображения животных. К северу расположен большой пруд, в южной части на холмах теснятся деревянные домики, пищеблок и душевые. Мы выбираем себе домик рядом с проселочной дорогой, у самого въезда в лагерь. Решено, что каждая команда займет свою группу домиков позади столовой. Столовая, она же актовый зал, представляет собой большой дом из грубо отесанных бревен с огромным камином внутри. Мы сдвигаем столы и стулья в одну сторону и раскладываем маты для айкидо на освободившееся пространство.

Мне здесь нравится: это будет отличное место для айкидо. В своей жизни мне приходилось заниматься в самых разных условиях - от классических до-дзе из темного дерева с татами на полу, до пыльных соломенных матрасов, брошенных прямо на землю во дворе какого-нибудь старинного дома в Греции. Эта простая, но основательная постройка - что-то среднее между ними.

В нашем домике одна спальня, небольшая прихожая и застекленная веранда. Джоуэл остается в спальне, а мы с Джеком располагаемся на веранде. Мы молча распаковываем свои вещи и расстилаем спальные мешки, как одеяла. За окном сквозь деревья просвечивает озеро. Я знаю, что через месяц, когда деревья сбросят свою листву, вид будет совсем иным. Я ложусь и мгновенно проваливаюсь в сон.

Ночью я неожиданно просыпаюсь оттого, что стены домика сотрясаются от какого-то глухого рокота. Сначала я решаю, что это неведомый зверь забрался к нам в домик. Я

хватаясь за деревянный меч, который положил рядом с кроватью, приподнимаюсь на локте, чтобы понять, откуда идет этот звук, и вдруг понимаю, что это храпит Джек. Да, что там храпит! Это просто мировой рекорд по храпу! Неожиданно меня пронзает мысль, что, по-видимому, со спокойным сном мне надо проститься на целый месяц. Некоторое время я с невольным восхищением прислушиваюсь к величественным раскатам. «Как же Энн это терпит?» - думаю я.

«Джек», - шепчу я. Нет ответа. «Джек!» - говорю я громче. Молчание. «ДЖЕК!» - кричу я.

«А... Что?» - бормочет он.

«Джек, ты храпишь», - шепчу я.

«А-а», - отвечает он, снова валится на подушку и тут же засыпает. Через несколько секунд все тот же рокочущий звук возобновляется с новой силой. Я подхожу к его койке и гляжу на него. Ветеран войны, отец троих детей, чемпион по боксу - сейчас, при лунном свете его лицо кажется мягче, моложе, и он спит как младенец. Должно быть, он чувствует мой взгляд и поворачивается. Через мгновение храп прекращается. За окном черной, густой стеной стоит лес, слышно, как шуршит листва. Я чувствую невероятную нежность и любовь к этому человеку. Те полтора месяца, что мы неразлучно провели с ним вместе, кажутся мне бесконечностью. И в этот момент я понимаю, что Джек и я - братья. Мы - друзья на всю оставшуюся жизнь.

Он снова начинает храпеть на всю веранду. «Джек, - шепчу я, - повернись на другой бок». Я слегка подталкиваю его. Он поворачивается и замолкает.

9 сентября

Глухое урчание моторов слышится задолго до того, как небольшая колонна грузовиков наконец показывается из леса. Выгружаясь из машин, парни шутят, свистят и делают ехидные замечания. Фарли расстегивает ширинку и мочится прямо на колесо грузовика. Что он говорит? Что-то вроде «я помечаю свою территорию» или «не пытайтесь меня приручить».

«Эти парни, - говорит Джек, не обращаясь ни к кому в особенности, - могут показывать чудеса храбрости и героизма и в то же время часто ведут себя, как дети». «Может быть, мы поэтому и должны относиться к ним как к взрослым мужчинам, но при этом не забывать, что в каждом из этих громил сидит мальчишка?»

К нам присоединяется Джоуэл: «Пару дней назад Фарли сказал мне, что боится лагеря. Он сказал: «Мне еще никогда не приходилось долго сидеть на одном месте, разве что в засаде. Я могу свихнуться от этого».

«Он и еще двадцать четыре таких же, как он».

Так как сразу после лагеря у нас запланирован трехдневный марш-бросок, парни одеты в камуфляж, за плечами у них полные рюкзаки, и у каждого в руках М16, кое у кого даже с подствольным гранатометом. Странно, но сегодня меня не удивляет скопление военных в таком почти идиллическом месте. Похоже, мы, со своей стороны, тоже учимся чему-то новому. Чему? Быть терпимыми. Отказываться от стереотипов. Уметь видеть за формой человека.

Несколько человек столпились вокруг Уилсона. Он показывает пальцем на верхушку клена. Я подхожу ближе и обнаруживаю, что все взгляды устремлены на крохотную

темноголовую птичку размером с ласточку.

«Черноголовка певчая», - тихо говорит он. Все смотрят на него с уважением. «Мы оказались как раз на пути ее сезонной миграции, - продолжает он. - Она каждую осень перелетает из Канады на северо-восток США и проводит там от двух до трех недель, кормится и набирается сил, чтобы потом отправиться в Южную Америку. Она проделывает две с половиной тысячи миль, без остановки!»

Кто-то тихо присвистывает: «Вот это да! И никакой тебе медитации!» Мы, не отрываясь, смотрим на эту замечательную птицу, пока Уилсон выкладывает нам все, что знает, о ее повадках, брачных ритуалах и путях миграции. Я представляю себе, как в это же время госпожа Черноголовка, глядя на нас, докладывает своим сородичам: «Это люди. Они летают в разных направлениях, независимо от времени года. Самцы держатся стаями и большую часть года носят камуфляжное оперение, чтобы быть незаметными в лесу. Иногда они бывают особенно активны и тогда поднимают большой гвалт, но могут также вести себя тихо и подолгу сидеть, затаившись. Обратите внимание на палочки, которые они носят с собой. Из них вылетает огонь. Они считают себя свободными и независимыми, но на самом деле это не так. Их поведение вполне предсказуемо, и они ограничены в своих возможностях даже больше, чем мы. Их самое главное достоинство заключается в способности любить. Их самый большой недостаток в том, что они думают, что что-то знают».

Быстрый взмах крыльев, и ее уже нет. Какое-то мгновение мы молча вглядываемся в гущу леса - лиственные деревья стоят, причудливые и задумчивые в своем осеннем наряде, важные ели и сосны со стройными стволами застыли, красиво свесив свои лапы.

Я поворачиваюсь к Уилсону: «Спасибо, было здорово». Он глядит на меня и кивает головой.

10 сентября

Когда ночью Джек снова начал храпеть, я что есть мочи крикнул: «Джек! Повернись на другой бок!», он повернулся и тут же прекратил храпеть. Когда утром я рассказываю ему об этом, он говорит, что ничего не помнит. Джоуэл тоже не слышал ни храпа, ни моего крика. Я прихожу к мысли, что, похоже, эта ночная драма будет касаться меня одного.

В шесть часов утра во время проверки туман, поднимающийся с озера, окутывает нас, придавая всему происходящему фантастический вид. Фигуры людей словно возникают из ниоткуда и потом так же таинственно растворяются в туманной мгле. На подъеме флага парни стоят по стойке смирно. Джоуэл, Джек и я стоим отдельно, образуя что-то вроде отдельной команды. Тишину нарушает только воронье карканье, в тумане серая цапля неуклюже пробирается через полянку и медленно исчезает в направлении озера. Старший сержант Дадли выкрикивает команду, парни быстро отдают салют, и мы рассыпаемся на группы для кросса - Волки, Пудели и Жеребцы. Мы начинаем с легкой растяжки и бега в течение 40-45 минут, потом идут упражнения на брюшной пресс, отжимания и растяжки. Волки - это в основном молодые ребята, наиболее развитые физически и самые быстрые бегуны. Пудели - средняя группа, Жеребцы - самые старшие. Когда мы были на базе, я пытался бегать с Волками, многие из которых вдвое младше меня. Стараясь не отстать от них, я выбивался из сил и потом долго восстанавливался. Однажды, когда после очередной пробежки я, задыхаясь, согнулся в три погибели и едва мог стоять на ногах, Джонсон

сказал: «Ну, все, вырубился». Джек бегает с Жеребцами, а Джоуэл из-за своего больного колена занимается самостоятельно: ездит на велосипеде, плавает или ходит спортивной ходьбой.

Сегодня утром Пудели бегут плотной группой по сказочно красивому осеннему лесу. От наших тел идет пар. В какие-то мгновенья наши дыхания сливаются в одно, и мы движемся в едином ритме, в едином порыве. Это дает трогательное ощущение близости.

В программу также включены ежедневные полуторачасовые тренировки айкидо, но главная задача лагеря - это медитация, в положении сидя и при ходьбе. Сегодня мы будем сидеть только 15 минут и 30-45 минут проведем в медитации при ходьбе, но постепенно продолжительность непрерывного сидения будет увеличиваться до двух часов. В идеале, к концу лагеря мы должны будем проводить в медитациях от шестнадцати до восемнадцати часов в сутки. Лично я наслаждаюсь возможностью сидеть, погрузившись в собственное сознание, но я не могу не видеть, что парни недовольны таким развитием событий. Те, что постарше, относятся ко всему поспокойнее, но в молодых явно растет сопротивление, которое выражается в подчеркнутом безразличии и даже в холодной, затаенной злобе. Сейчас они, как ни в чем не бывало, болтают между собой, как будто мы заранее не договаривались сохранять молчание во время медитации. Я чувствую себя как учитель, которого поставили следить за неугомонными первоклашками. Меня бесит роль надсмотрщика. Я пытаюсь убедить себя, что для них такие занятия в новинку и должно пройти некоторое время, пока они привыкнут к ним. Длительные сеансы медитации, проведенные в тишине и в размышлениях, обнаружат многое. Внутренний ландшафт их сознания поменяется так же, как краски на этих деревьях.

Только что стало известно, что армейское командование не позаботилось о доставке мяса на кухню. Кто-то из снабженцев забыл вовремя сделать заказ. Саботаж в армейских рядах? Мы не планировали, что меню будет полностью вегетарианским, да к тому же среди парней немало любителей мяса, так что это плохая новость. Пока не понятно, как мы будем выходить из этого положения, но среди парней растет недовольство. Это осложняет и без того уже нелегкую ситуацию.

11 сентября

После целых суток пасмурной, дождливой погоды неожиданно налетевший с севера резкий ветер разгоняет тучи, и утром небо очищается. По озеру ходят маленькие белые барашки, в скоплениях пены отражается ослепительный солнечный свет. По свежему, промытому дождем небу тянутся неровными косяками дикие гуси.

Я сижу на заднем крыльце нашего домика, которое выходит на небольшую лесную полянку, окаймляющую озеро с этой стороны. На правом колене у меня лежит записная книжка, а под левым я держу повязку со льдом. Сегодня утром, во время спринта я чувствовал себя необыкновенно легко и свободно. В последнем, десятом, забеге я опять бежал вровень с капитаном Паркером, как это было на протяжении всего утра. Мне показалось, что у меня еще есть достаточно сил, и я припустил. Но как только я начал ускоряться, неожиданно жгучая боль пронзила мою левую ногу. Ощущение было такое, будто кто-то схватил раскаленными щипцами мою ногу и изо всех сил перекрутил ее. Боль прострелила меня насквозь, и я не мог бежать дальше. Медики мгновенно собрались вокруг меня. Скотт расстелил на земле свою рубашку, уложил меня на нее и внимательно

обследовал ногу и суставы. В роли пациента я всегда делаюсь невыносимым. На этот раз я тоже кричал и пытался освободиться, но Скотт мягко, но решительно заставил меня подчиниться.

«Просто расслабься и полежи спокойно, сэнсэй. Сначала мы приложим лед на эту штуку», - ворчал он. Он остался сидеть со мной, пока Картер, другой младший медик, бегал за аптечкой. Потом они привязали лед к моему подколенному сухожилию и довели меня до домика. Уходя, Скотт взглянул на меня через плечо и ухмыляясь во весь рот, сказал: «Ну, теперь ты можешь на себе проверить свою теорию самоисцеления. Скажешь потом, что вышло».

Итак, я опять вышел из строя, и опять из-за желания соперничать с другими. Нога не дает мне забыться ни на минуту, но если вести себя достаточно осторожно, то я все-таки смогу преподавать айкидо. Меня мучает ощущение собственной слабости и беспомощности. Я хочу быть сильным, энергичным, способным всегда справляться с любой ситуацией на все сто. Когда я слаб, как сейчас, то чувствую себя беспомощным. А когда я чувствую себя беспомощным, то становлюсь злым. Когда я, как теперь, изо всех сил стараюсь справиться с болью, то сам мешаю своему выздоровлению. Точно так же я раздражаюсь, когда вижу страдания других. Я уже давно понял, почему я злюсь, когда болеют мои дети. Дело в том, что я не могу переносить ощущение собственной беспомощности. Когда я вижу, что мои дети болеют, мне не терпится срочно начать что-нибудь делать, чтобы помочь им, хотя все, что от меня требуется, - это просто быть рядом. Еще я уверен, что мое желание всегда и во всем быть первым происходит именно от ощущения собственной слабости, ведь когда я побеждаю и доказываю всем, что я лучше других, тогда я не так сильно чувствую свою слабость. Однако, на самом деле, я сильнее как раз тогда, когда осознаю свою слабость, потому что тогда я не растрачиваю лишнюю энергию на самоутверждение.

Сквозь мохнатые ветви черной ели я вижу Джоуэла, который шагает по направлению к домику. Он задумчиво смотрит себе под ноги и не замечает меня на ступеньках крыльца со льдом под коленом. Со своими тетрадками и книгами в руках он больше похож на профессора философии, погруженного в глубокие размышления. В последние сутки в лагере происходит нечто вроде мятежа, и у него хлопот полон рот. Парни открыто выражают свое недовольство по поводу еды, молчания, долгих сидений и медитаций.

«Какой смысл? Нет, я не пойму, какой в этом смысл?» - не переставая, повторял Мартин, как будто произносил священные мантры. У многих начинает переливаться через край давнее озлобление, прорывающееся наружу в виде раздражения. Я говорю с глазу на глаз с Орегоном, Брэддоком и Джеймсом и пытаюсь объяснить им, что в первые дни занятий всегда возникает подобная реакция, что очень важно и чрезвычайно полезно отслеживать свои собственные ощущения. В тот же день вечером Орезон подходит ко мне и рассказывает, что он, кажется, начинает привыкать к занятиям. Однако большинство остаются безучастными и не хотят разбираться в собственных ощущениях.

Я окликаю Джоуэла: «Может быть, нам стоит провести общее собрание? Пусть они выскажутся». В этот момент он что-то прокручивает в голове, и мои слова застают его врасплох.

«Надо подумать», - невнятно бормочет он.

«Пока дело не зашло слишком далеко», - настаиваю я.

«Давай обсудим это с Джеком», - предлагает он. - Мне нужно как следует подготовиться к сегодняшней лекции». Он заходит в дом, и дверь сама собой с грохотом захлопывается за

ним.

Я пытаюсь пошевелиться, но острая боль простреливает ногу. Я не знаю, дошло ли до Джоуэла, что я хотел ему сказать. Мне начинает казаться, будто мы сбились с курса и мчимся, сами не зная куда, как разогнавшийся поезд без машиниста. По дорожке, переговариваясь между собой, идут несколько парней. В какой-то момент они замечают меня. Роллинз кивает мне и тут же отводит взгляд. Я с неудовольствием замечаю, что они ведут себя как заговорщики. За всю историю своих медитаций я еще никогда не оказывался в подобной неловкой ситуации, и это не самое приятное чувство.

12 сентября

Сидячая медитация после обеда обычно самая трудная. Полные желудки и дневная жара не дают возможности сконцентрироваться. Кто-то в дальнем углу комнаты начинает похрапывать, кто-то выпускает газы, что вызывает смех, громче, чем полагается в подобных случаях. Рэдон с отсутствующим видом глядит в окно, Тейер погружен в рассматривание собственных ног, Рейдер уставился прямо на меня с презрительным выражением на лице. Внутри меня что-то поднимается, пробуждая какой-то неясный клубок мыслей и желаний.

«Не надо было нам ввязываться в это дело», - сердито думаю я. Потом меня охватывает страх: «Кто знает, что могут выкинуть эти парни. В любую минуту они могут взорваться от напряжения. Мы слишком многого требуем от них». Я чувствую, как мой центр перемещается в голову. Мысли начинают бешено вертеться в мозгу. Я закрываю глаза, делаю глубокий выдох и пытаюсь вновь сконцентрироваться. Мне не дает покоя тупая боль в ноге, в том месте, где я потянул мышцу. Я пытаюсь сфокусировать сознание на ней, чтобы расслабиться. Боль превращается в пульсирующие толчки размером с мячик для гольфа. Я представляю свое сознание в виде сверкающего лазерного луча, который лечит мою порванную мышцу. Мое дыхание становится глубже. Где-то вдалеке в небе лениво гудит самолет. Я возвращаюсь памятью к Тиффани, потом к Ди Джею и пытаюсь представить себе, что они сейчас делают.

Я снова собираю сознание и фокусирую его на дыхании. Вверх. Вниз. Это морской прибор. Волна накатывает и вновь отходит в непрерывном движении, это освобождение от напряжения, висящего в комнате, чаша, из которой я пью прохладную воду своей души. Неожиданно в моем мозгу, как острая вспышка, проносится мучительная мысль: «Рейдер! Я не должен спускать с него глаз. Он что-то задумал». Я снова концентрирую внимание на дыхании и пытаюсь успокоиться, в то время как сокрушительная энергетическая волна захлестывает меня. Кто-то слева от меня заходится кашлем. «Они кашляют, потому что бросили курить или, наоборот, потому что не бросили?» - думаю я. Я опять пытаюсь сконцентрироваться. Ласковые, успокаивающие волны здесь, рядом, они всегда рядом, всегда ждут. Это я ухожу.

Джоуэл ударяет в небольшой медный таз, который мы приспособили для сигналов о начале и конце медитации. Этот звук волнами расходится по комнате и проникает внутрь меня, отзываясь во всем теле. Своим мягким, воркующим голосом Джоуэл начинает говорить: «Когда вы начнете медитировать во время ходьбы, старайтесь поддерживать это состояние сознания... » Он еще не закончил, а Брэдок и Роллинз уже вскочили со своих мест и выходят на улицу. Дверь за ними захлопывается, слышно, как они громко топают по лестнице. Кое-кто тоже начинает подниматься со своих подушек, некоторые остаются на

своих местах.

Джоуэл откашливается: «Очень важно, чтобы то состояние, которого вы достигли во время медитации, сопровождало вас на протяжении всего дня. Старайтесь свободно, без напряжения поддерживать его, когда вы ходите, едите, занимаетесь айкидо, делаете физические упражнения». Кто-то снова выпускает газы. Смех. Тейер делает гримасу и со стоном зажимает нос. Внутри меня все напрягается. Я даже не могу понять, что это, страх или злоба.

Слышно, как за окном, на карнизе переругиваются две сойки, потом на мгновение наступает тишина. Харнер, Маттелли, Данэм, Рейдер и Торн продолжают сидеть, и в этом есть что-то отдаленно похожее на надежду.

«Теперь приступайте к ходьбе в течение 40-45 минут», - говорит Джоуэл, но его голос тонет в криках разошедшихся соек.

13 сентября

Словно темная грозовая туча заполняет комнату для медитаций, когда парни, один за другим, проходят на собрание. На их лицах застыло угрюмое недовольство, которое они пытаются спрятать под маской безразличия. Нет привычной шумной возни. Вместо этого - давящая тишина, готовая взорваться в любую минуту. Мою грудь что-то сдавливает изнутри. Сидя на своей подушке для медитаций, я делаю глубокий вдох и выпрямляю спину. Парни садятся и застывают, глядя в пустоту.

Ледяное молчание.

Как будто мы играем в «замри-отомри». Близится к завершению первая неделя в лагере, и вся тяжесть предыдущих двух недель, а может быть и напряжение, накопившееся с самого начала проекта, сейчас спрессовались в этом небольшом пространстве. Кажется, один звук или слабое движение могут разнести этот зал на части.

Едва я начинаю гадать, что же послужит последней каплей, как Джек нарушает тишину: «Еще до начала лагеря, - начинает он, - мы поставили вас в известность о наших требованиях. Мы предупреждали вас о соблюдении тишины, о запрете на курение, об особом питании и о многочасовых медитациях. Вы дали слово, что будете соблюдать правила, однако теперь, когда мы здесь, многие из вас, несмотря на все запреты, продолжают разговаривать между собой, курить и относиться к медитации спустя рукава. Мы собрались здесь, чтобы обсудить это положение и услышать от вас, что вы собираетесь делать, чтобы исправить эту ситуацию».

Они сидят как истуканы с каменными лицами. Речь Джека не производит на них никакого действия. В напряженной тишине слышен только голос Джека: «Мы ожидали большего от солдат спецназа». По рядам пробегает легкое волнение: челюсти сжимаются, глаза сходятся в одну точку, слышится тяжелый выдох. «Если вы и есть лучшие из лучших в нашей армии...» - Он пожимает плечами и безнадежно всплескивает руками. Это решает дело.

Первым вскакивает Данэм. Красный как рак, он едва сдерживается от гнева: «Какое вы имеете право судить нас? Вы даже не знаете, кто мы такие! Вы тут без году неделя!» - кричит он.

Роллинз присоединяется к нему. Он плюется словами, как будто они жгут ему глотку: «Вы - гражданские!! Какого хрена вы беретесь судить о спецназе?»

Они обрушивают на нас шквал своих обвинений. Кажется, что кричат все разом. Они

недовольны нашим руководством, недовольны молчанием, недовольны едой, недовольны тем, что мы беремся судить их, американский спецназ. Их выводит из себя, что обучение построено на восточной философии, им противна сама идея, что они, спецназовцы, должны сидеть на одном месте и медитировать. Крики и оскорбления сливаются в один невообразимый шум, который неожиданно обрывается, когда встает Рейдер. Его огромная, под два метра фигура, кажется, заполняет собой весь зал. Он делает несколько угрожающих шагов вперед и, тыча пальцем в каждого из нас, рычит: «Пошел ты! Пошел ты! И пошел ты!»

Сейчас в комнате столько ненависти и злобы, что мне кажется, через мгновение мы все взлетим на воздух. Я то лихорадочно высматриваю путь к отступлению, то решаю, что нам нужно вернуться к медитации. Полный бред и вакханалия. Двадцать лет я занимаюсь медитацией, и мне еще никогда не приходилось сталкиваться ни с чем подобным. В момент наивысшего накала страстей несколько человек, грозя кулаками, скандируют: «Долой! Долой! Долой!» Вместо глубоких размышлений и внутреннего просветления мы получили сумасшедший дом и анархию. Полный крах по всем статьям.

Вдруг посреди этого безумного кошмара у меня в голове мелькает мысль: «Вот так мы медитируем в своей повседневной жизни».

Долго копившееся напряжение, наконец, прорвалось, и они разом выплескивают на нас все свои обиды, которые сливаются в одну большую и темную реку недовольства. Больше всех достается Джоуэлу. Мне хочется броситься и защитить его, как младшего брата. В большинстве своем парни все-таки жалеют его и, прежде чем излить свои обиды, предупреждают: «Только не обижайся, но ты гнешь не в ту сторону».

Рейдер, в своей обычной резкой манере, подводит черту: «Джоуэл, ты витаешь в облаках. Спустишься на землю! Ты не можешь убедить нас. Ты не знаешь, чего мы хотим. Может быть, ты и разбираешься в медитации, но ты не умеешь учить. Твой голос, Джоуэл, он просто выводит меня из себя. Он такой... Ну, не знаю, он просто выводит меня! Как будто ты рассказываешь детские сказочки на ночь. А я не хочу спать, понимаешь? Мне не нужно твоих сказочек про Будду. Мне не нужно этого! И хватит сюсюкать со мной!»

Обвинения в мою сторону в основном связаны с айкидо: «Мы сидим молча, или мы занимаемся айкидо? Или то, или другое, а иначе получается чепуха какая-то». На голову Джека сыплются упреки другого рода. По каким-то неясным причинам они не доверяют ему и, кроме того, считают, что он слишком натягивает вожжи. Слушая, как они выражают свое недовольство, я думаю о том, какая пропасть лежит между нами.

«Послушайте, - начинаю я, - сначала вы сидите и молчите, как ни в чем не бывало, а теперь вас прорвало, и мы оказываемся виноватыми во всем. В чем дело? Разбирайтесь сами в своих чувствах и хватит валить с больной головы на здоровую». Я начинаю терять терпение. «Я устал от вашего вечного недовольства. Посмотрите на себя, прежде чем винить других. Эта злоба сидит внутри вас и сидит постоянно, просто сейчас она выходит наружу, потому что вы впервые заглянули внутрь себя».

Роллинз с раздражением отвечает: «Нет, просто не надо сидеть столько времени. Это неестественно. Тут каждый сойдет с ума. Это меня просто бесит».

«Эта злоба только ваша, - настаиваю я. - Когда вы поймете это, будет лучше и вам, и вашей семье».

«У меня нет никакой злобы, - бросает он в ответ. - Спроси парней. Я просто не хочу заниматься этой чепухой». Я разочарован тем, что они так пренебрежительно относятся к

своей внутренней жизни, в особенности теперь, когда перед ними открывается возможность сделать ее богаче и глубже. Этот шанс просто стучится к ним в двери, а они не слышат его.

«Вы проделываете кучу опасных вещей, - продолжаю я, - и при этом боитесь собственных чувств. Это же - как выпрыгнуть из самолета. Рискните! Сделайте это!»

Джек заходит с другой стороны: «Вы нарушили свое слово. Вы поставили под угрозу свою честь. Я хочу знать, что вы ответите на это?» Недовольство добавляет ему решимости. Все это время Джоуэл молча сидит и слушает. То ли он принял позу Будды - терпение, открытость, сочувствие и понимание, то ли он в состоянии полного шока.

Несколько солдат постарше - те немногие, что серьезно относятся к медитации (хотя, по правде говоря, некоторые из недовольных тоже поддерживают идею лагеря), - молча ждут, пока все успокоится. Они напоминают мне мудрых родителей, которые терпеливо наблюдают за расшалившимися детьми. В какой-то момент Маттелли, бывалый солдат, ветеран, профессионал до мозга костей, наклоняется ко мне и шепчет: «Пусть они выговорятся. Не принимай близко к сердцу. Им это нужно».

«К чему весь этот кавардак? Не хотят заниматься, и не надо, - говорит Харнер. - Черт! Вы же знали, к чему это приведет, теперь терпите. Ничего, это не смертельно!»

Все внимание приковано к Джеймсу, когда он начинает говорить в своей спокойной и неторопливой манере: «А что, если тем, кто хочет продолжать занятия, поселиться отдельно, в палатках? Тогда мы не будем общаться между собой и мешать друг другу. Может быть, со временем и другие тоже присоединятся к нам». Брови удивленно поднимаются, кое-кто таращит глаза. Наступает долгая пауза. Предложение звучит дико - это значит разбить команды, нарушить армейскую дисциплину.

«Нет, так нельзя, - говорит Дадли, скрипя зубами и качая головой. - Я отвечаю за этих парней, а если они будут спать, черт знает где, как я буду следить за ними?» Он глядит на капитана Харвуда, ища поддержки.

«А если, правда, попробовать?» - раздается голос сзади.

Рейдер, растерявший запал после того, как тыкал в нас пальцем, говорит: «А что, Том говорит дело. Мы могли бы докладывать раз в день, и сержант был бы в курсе, где мы находимся. Мы же не собираемся никуда бежать».

«Не поручусь за это», - парирует Джек.

«Я тоже не поручусь», - замечает капитан. В этой идее есть нечто такое, от чего все приходят в замешательство. В конце концов, мы приходим к решению, что команды вернутся на свои прежние места и как следует обсудят все вопросы между собой.

Наш проект, и медитативный лагерь в особенности, рассчитаны на развитие самостоятельности и ответственности этих парней. Это во многом подрывает основу любой армии - дисциплину. Как и большинство из нас, эти парни хотят быть независимыми и иметь возможность собственного выбора, но в то же время они боятся свободы, потому что привыкли всегда и во всем подчиняться начальству. В своей книге «Я и Оно» Фрейд предупреждает об опасности недооценки роли лидера, о нашем врожденном стремлении быть ведомыми. Для солдата спецназа такое стремление приобретает особое значение. Действительно, эти парни отобраны в спецназ, благодаря своей самостоятельности, независимости и высоким умственным способностям. Но, находясь в армии, они обязаны строго соблюдать армейский устав и безоговорочно подчиняться приказам начальства. Получается, что, с одной стороны - они элита, лучшие из лучших, а с другой - рядовые члены жесткой структуры. В этом заключается двойственность их положения. Современный

воин поставлен в такие условия, когда в любой момент от него могут потребовать подчинения приказу начальства, и в то же время он должен иметь определенную свободу действий, полагаясь при принятии решений на собственные принципы и моральные ценности. Сейчас эти парни испытывают страх от того, что они переходят от внешнего управления к внутреннему. Сегодня вечером мы все учимся правильно реагировать на этот страх и уметь выражать его.

До поздней ночи Джек, Джоуэл и я говорим о своих разочарованиях и неудачах, каждый из нас изливает свои чувства и переживания. Нам совершенно ясно, что, с одной стороны, мы слишком многого требуем от них и ждем слишком скорых результатов. Наш лагерь построен так, что парни проводят слишком мало времени в движении и слишком много, сидя в полной неподвижности и стараясь сконцентрировать внимание на собственном сознании. Кроме того, мы попросили их бросить курить, пить и ограничить общение между собой. Им приходится жить вдали от своих семей, в непривычной обстановке и сидеть на вегетарианской диете, за исключением небольшого количества рыбы и курицы. В общем, мы потребовали от них отказаться от многих привычек и прежнего образа жизни, а вместо этого часами сидеть неподвижно и следить за собственными чувствами и мыслями. Это трудная задача для любого человека, не говоря уж об этих парнях, которых передергивает от одного слова «медитация». Если ты МОЛОДОЙ, физически крепкий мужчина, привыкший к ежедневным многочасовым тренировкам и непрерывному общению с товарищами, такие перемены могут свести тебя с ума.

Резкая смена питания, ритма жизни и привычного распорядка дня подвергла этих парней большому напряжению, что в конечном счете помогло обнаружить их самое слабое место. В настоящее время их самое слабое место в том, что они отказываются признаться в своей слабости. Для воина это очень опасно. Когда я высказываю эту идею, Джек замечает: «Вера в собственное совершенство - это непростительный недостаток. Вера в то, что ты неуязвим - это самая большая уязвимость. Быть воином - не значит побеждать или даже достигать цели. Это значит рисковать, ошибаться и снова рисковать. И так всю жизнь».

Эти парни заткнут за пояс любого там, где требуются сила и мужество. Они прыгают из самолета с девяностофунтовым снаряжением на плечах, плавают подо льдом в замерзших озерах, проникают вглубь вражеских территорий, проплывают четыре мили в штормовом море, покрывают огромные расстояния с полной выкладкой и так далее, и так далее. Но программа нашего лагеря требует от них смелости совсем иного рода. По сути, весь наш проект требует от них смелости для того, чтобы погрузиться в собственные чувства, в собственное сознание, а это для них совершенно неизведанная область. Вместо того чтобы десантироваться в тыл противника, мы предлагаем им десантироваться в собственное сознание. Здесь все для них ново, они чувствуют себя слабыми и неуверенными в собственных силах. Но им не положено быть слабыми и неуверенными в собственных силах, поэтому они отчаянно пытаются скрыть это и готовы винить в своих неудачах всех и вся. Они начинают кричать и скандалить, как сегодня вечером, и пытаются задавить нас силой. Они объясняют, что мы как посторонние не способны понять спецназовца. Они кричат, что мы никогда не сможем «загнать их в угол» (поставить перед ними задачу, которую они не в состоянии выполнить). Как только у них что-то не получается, они винят нас и отказываются признать свою неудачу. «Если бы вы все делали правильно, - говорят они нам, - мы бы не возмущались». Они изо всех сил пытаются скрыть от нас и от самих себя даже намек на собственную слабость и растерянность. По мере того как наш проект

продвигается, они все громче твердят одно заклинание: «Мужчина не может быть слабым. Спецназ - это сила». И это становится самым главным препятствием на нашем пути.

Когда мы возвращаемся в свой домик, уже стоит глубокая ночь. В полнейшей темноте мы то и дело спотыкаемся на дорожке. Все мое тело ноет. Еле передвигая ноги, мы вваливаемся в домик и сбрасываем вещи прямо на пол. Я и Джоуэл падаем на наши убогие кровати, а Джек плетется на кухню, чтобы поставить чайник. Мы долго молчим.

Я поворачиваюсь к Джоуэлу: «Сегодня тебе порядком досталось. Но ты держался молодцом и вел себя очень спокойно. Это было трудно, я знаю, но ты отлично справился». Он смотрит на пол и никак не реагирует на мое замечание. Входит Джек с чаем. У него устрашающе тяжелые мешки под глазами. Он крутит головой, пытаюсь снять напряжение в шее.

«Нам следует пересмотреть программу лагеря, - говорит он. - Вопрос только, как много мы можем поменять? Нельзя оставлять без внимания и то, что они нарушили свое слово».

«Думаю, мы должны признать, что требовали от них слишком многого, - добавляю я. - Ты был прав, Джек, когда предупреждал об этом с самого начала». Джек молча качает головой. Мне кажется, я вижу на его лице выражение «А что я говорил?».

Мы решаем пойти на крайние меры и позволить всем, кто хочет медитировать, жить отдельно, чтобы остальные им не мешали.

«В худшем случае они просто окажутся предоставленными сами себе», - задумчиво говорит Джек.

«А в лучшем - они займутся делом и поработают над своим сознанием, - отвечает Джоуэл. - Я думаю, большинство из этих парней все-таки серьезно относятся к занятиям. Мы должны создать для них все условия, чтобы они извлекли максимальную пользу для себя; И, кто знает, может быть, другие, глядя на них, тоже подтянутся». Мы согласны с этим; В конце концов, мы решаем, что сидячую медитацию парни могут выполнять самостоятельно, в одиночестве, у себя дома или за его пределами. Если парни согласятся, они могут жить отдельно, где сами захотят.

Перед тем как лечь спать, я отвожу Джоуэла в сторону: «Мне кажется, тебе нужно слегка изменить тон, когда ты говоришь с парнями». Я внимательно слежу за его реакцией. Уже поздно, мы все устали, и я не хочу его расстраивать. «Ты говоришь с ними, как с аспирантами, а они всего лишь третьеклашки, - продолжаю я. - Им еще многое непонятно. Попробуй говорить с ними о медитации более простыми словами». Он молча слушает меня, но в его лице ничего не отражается. «Говори с ними на их языке. Им будет понятнее, если ты будешь приводить примеры из жизни, показывать все на практике. Это для тебя медитация простая и понятная вещь, а большинство из них сталкиваются с ней впервые».

«Спасибо за совет, - устало отвечает он. - Прости, но мне нужно самому кое-что обдумать. Спокойной ночи».

Я без сил валюсь на кровать, но, несмотря на страшную физическую усталость, мой ум продолжает бешено работать. Я вглядываюсь в ночную темноту и мысленно прокручиваю события прошедшего вечера. Джек всхрапывает и тревожно ворочается во сне. Я зажигаю свечу, и в окне появляется мое отражение.

Сегодня парни по-своему признались нам в том, что они начинают меняться, а их поведение - это не что иное, как реакция хищника, которого загнали в угол. В страхе животное огрызается и не желает обнаруживать свое слабое место. Сунь-Цзы в своем трактате «Искусство войны» советует не дожимать противника, когда тот находится в

безвыходном положении: «Дикие звери, которых загнали в тупик, отчаянно защищаются. Как это верно и в отношении людей! Если человек оказывается в безвыходном положении, он будет драться насмерть». Мы не сумели вовремя разглядеть, что ситуация с каждым днем становилась все хуже и хуже. Мы учили их быть гибкими и восприимчивыми, а сами оставались жесткими и неуступчивыми. Когда они начали жаловаться и обвинять нас, мы пустились в мелочные отговорки, чтобы защитить себя. Наше стремление - слепо следовать каждому пункту программы и всегда быть правыми - помешало нам вовремя понять, что их гнев и недовольство, на самом деле, хороший знак. Те настроения, которые они сегодня продемонстрировали, могут стать неплохой основой для нашей дальнейшей работы. В каком-то смысле, мы ведем себя так же, как они. Мы тоже не хотим признаться в своей слабости.

Вместо того чтобы дожимать загнанного в угол противника, мы должны пройти ему навстречу. Мы должны начать с себя и попытаться какое-то время побыть в их шкуре. За прошедшие полтора месяца почти все в их жизни было поставлено с ног на голову. Распорядок дня, питание, собственные представления о себе, начальство (чертовы гражданские!), привычная армейская дисциплина и чувство локтя - все подверглось сомнению. Собственный имидж, к которому они привыкли за долгие годы службы в жестко регламентированной структуре армии, начал рушиться. Сегодняшний мятеж - это отчаянная попытка зверя заявить: «Я СУЩЕСТВУЮ» перед лицом пугающей неизвестности. Это последний вызов их прежнего «я» перед тем, как окончательно разрушиться.

Все это напоминает мне притчу о чашке и чаше. Чашка - это наше теперешнее состояние. Это тот запас любви, прочности, возможностей, которыми мы обладаем, то, что мы привыкли считать самими собой. В какой-то момент на столе перед собой мы видим чашу. Чаша символизирует то, чем мы можем стать, наши максимальные возможности, потенциал. Осознавая, что мы можем достать чашу, и, понимая, что чашка больше не устраивает нас, мы решаемся протянуть руку за большим, за чашей наших возможностей. Но как только мы ставим чашку в надежде дотянуться до чаши, мы с ужасом обнаруживаем, что наши руки пусты. Мы отказались от известного и в то же время еще не достигли нового. Ощущение «пустых рук» очень неприятно, но в то же время очень важно уметь преодолевать его, хотя как раз к этому наше общество меньше всего готовит нас. Многие из этих солдат уже поставили свои чашки и находятся сейчас лицом к лицу с безграничной неизвестностью - пугающее ощущение для любого человека. Их вопль «Я СУЩЕСТВУЮ», неважно, как они его выразили, злобно, задумчиво или даже молча, их желание вырваться из тьмы к свету - это не что иное, как слабеющий голос их собственного «я», готового разрушиться. Но их путь это одновременно и мой собственный путь. Многие ли из нас достигнут другого берега? Найдем ли мы в себе силы и мудрость, чтобы помочь им добраться до него? Достаточно ли у нас самих сил, чтобы дойти до конца?

Джек давно храпит во все носовые завертки. Я уже собираюсь крикнуть ему, как вдруг он сам поворачивается на другой бок, и наступает тишина. Я задуваю свечу и блаженно погружаюсь в темноту.

14 сентября

Сегодня начинается утиный сезон. Выстроившись правильными косяками, дикие утки, рябки и кроха бесстрашно пускаются в дальнейшее путешествие к югу. Вчерашний эпизод

разрядил обстановку, и сегодня все выглядят спокойнее и серьезнее. Правда, Харвуд, Дадли, Риггз и Джеймс по-прежнему смотрят довольно хмуро. Харвуд старается не встречаться со мной глазами, а Дадли бубнит себе под нос что-то вроде: «Что это за армия? Мы же солдаты, а не йоги, черт возьми! А я что, по-вашему, должен делать? Я что буду делать, когда все перестанут слушаться меня или капитана? Что это за порядки?» Он бросает на меня взгляд, как будто ждет от меня какого-то ответа. Я упрямо молчу, во-первых, потому что хочу прекратить лишнюю болтовню, а во-вторых, потому что не знаю, что отвечать. В конечном счете он прав, и наша программа не что иное, как рискованный эксперимент, поэтому никто из нас не имеет ни малейшего представления, к чему мы придем. У нас единственный выход - идти вперед, а выводы оставить на потом. Несколько дней назад, когда я возвращался с медитации, Харнер отозвал меня в сторону. В своем камуфляжном жилете армейского образца, черной шапке, грязных кроссовках и спортивных штанах с отвисшими коленками он был больше похож на обитателя злочного квартала в Сан-Франциско. Привалившись к стволу полусгнившего дерева, он заговорил заговорщическим тоном:

«Мне нравится в лагере, и я хочу узнать как можно больше, - говорит он, - но мне не дает покоя одна вещь. Ты знаешь, что у моей сестры есть экстрасенсорные способности, и она обладает ясновидением и все такое, так что для меня это не новость. Но последние два дня всякий раз, как начинаю медитировать, передо мной появляется дверь». Он смотрит на меня загадочно. «Что ты на это скажешь?»

«Ну, знаешь, это довольно частая вещь. Во время медитации могут внезапно появляться разные образы. Даже видения из прошлого».

«Нет, это одна и та же дверь. Она никогда не меняется, и я никогда ее раньше не видел». Его глаза цвета лесного ореха находятся на одном уровне с моими и испытующе смотрят на меня. Он настроен сурово и решительно, как перед боем.

«А почему бы тебе не войти в нее?» - спрашиваю я. Он вздыхает с облегчением, и его взгляд становится мягче.

«Да, - говорит он, - я как раз думал об этом. Только дело в том, что она все время заперта».

«Может, тебе следует подождать снаружи, пока она откроется?»

Он долго, не отрываясь, смотрит на меня, потом начинает кивать головой: «Да, я так и сделаю. Спасибо». Он поворачивается и не спеша удаляется по дорожке, ведущей в лагерь.

После нашей утренней медитации он неожиданно наклоняется ко мне и шепчет на ухо: «Помнишь ту дверь, о которой я тебе рассказывал? Сегодня она открылась, и я вошел в нее».

«И?...»

«И... там ничего не было». В его голосе слышится нотка покорности. Мы поворачиваемся друг к другу, и наши брови взлетают одновременно. Он пожимает плечами.

«Буддизм и многие другие философские учения утверждают, что такова сущность бытия. Великое Ничто. Вакуум», - говорю я.

«Я знаю».

«Может быть, ты имел возможность взглянуть на истинную природу вещей».

Он снова глядит на меня своими ореховыми глазами, которые находятся вровень с моими, и загадочно улыбается: «Может быть».

Я иду по дорожке к лагерю и останавливаюсь на берегу пруда. Небо сияет голубизной, лес полыхает осенними красками. Красные клены, желтые тополя и платаны, ярко-оранжевые ольха и вязы, темно-желтый папоротник. Последний всплеск угасающей жизни. Вдруг что-то на другом берегу привлекает мое внимание. Я прикрываю глаза ладонью, чтобы разглядеть получше. Из-за деревьев на берег выходит лось и медленно идет к воде. Я еще никогда не видел живого лося. Из моей груди вырывается восторженный вздох. Он осторожно подходит к кромке воды, и вскоре я вижу только его голову и массивные рога. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, нет ли кого-нибудь рядом. Сзади и слева от меня замерли Орезон и Фарли, целиком поглощенные зрелищем. На лице Фарли застыло счастливое выражение. Неожиданно мы втроем становимся соучастниками какого-то невероятного происшествия. Это именно то ощущение, к которому мы стремимся на сеансах медитации: неподвижность, сосредоточенность, открытость и слияние. Мы молча смотрим, как лось переплывает озеро, мощно выходит из воды на другом берегу и мгновенно исчезает в разноцветной листве. Несколько секунд мы стоим в благоговейной тишине, потом продолжаем прерванную медитацию. Мы с Фарли обмениваемся тем особым взглядом, который возникает у людей, вместе переживших что-то необычное. Орезон шепотом говорит, ни к кому не обращаясь: «Я мог бы запросто поймать его».

Я иду по лагерю и собираюсь повернуть, чтобы попасть в зал для медитаций с заднего хода, когда неожиданно ко мне вразвалку подходит Рейдер. На нем, как всегда, кроссовки, тренировочные штаны, грязная майка, черная шапка сдвинута на затылок, на плече болтается фляжка, и вокруг шеи голубая бандана. Он вертит в руках дзе, учебную палку для айкидо, с которой он не расстанется со времени приезда в лагерь. У него очень довольный вид. Он шмыгает носом и в целом напоминает что-то среднее между двенадцатилетним шалопаем, прогуливающим уроки в лесу, и древним китайским философом Лао-Цзы. «Привет, сэнсэй!»

По всей видимости, мне придется нарушить молчание. Как я должен себя вести? Он явно собирается о чем-то поговорить. Ну, что же, как говорится, нет худа без добра.

«Все-таки Лао-Цзы», - говорю я. Он пропускает мое замечание мимо ушей и пожимает плечами: очередная заумная болтовня из Сан-Франциско, не стоит обращать внимания.

«Привет, сэнсэй. Когда ты собираешься объяснять остальную часть дзе-ката!» Что бы он ни говорил, голос Рейдера всегда имеет саркастический оттенок, это особенно заметно, когда он называет меня «сэнсэй». Его закадычный друг Джонсон утверждает, что Рейдер был пересмешиком в прошлой жизни.

На уроках айкидо я учу их технике владения японским мечом и дубинкой, которые называются боккен и дзе. Дзе-ката - это сложная система упражнений, состоящая из тридцати одного элемента и требующая работы с партнером. На каждом занятии я объясняю им по одному элементу. Дело в том, что Рейдер усваивает новый материал с невероятной быстротой и вечно ноет, что мы движемся очень медленно.

«Всему свое время, - говорю я. - Пока отрабатывай движения, которые мы прошли, и подожди всю группу. У тебя отлично получается. Но не торопись».

Он недоволено кривит губы: «Да ладно, сэнсэй, покажи мне следующий прием. Я буду отрабатывать ката во время медитации». Разговаривая, он не перестает крутить дзе прямо перед моим носом, и в какой-то момент, не рассчитав, чуть не задевает мой подбородок. Я напрягаюсь и усилием воли заставляю себя не двигаться, хотя в любую секунду могу получить крепкий удар от его палки. Он, как всегда, испытывает меня, хочет увидеть мою

реакцию. «Посмотрим, на что ты способен», - говорит весь его вид.

Рейдер исключительно одаренный парень. Он запросто мог бы стать физиком или математиком, вместо того, чтобы быть сержантом в спецназе, но с детства его мечтой была служба в армии. Это любящий отец и заботливый муж, который умудряется оберегать семью от всех тягот спецназовской жизни. Во время нашего знакомства он в первую очередь поинтересовался, сколько времени ему придется проводить вдали от семьи. Еще он очень увлечен айкидо и всегда с нетерпением ждет нового материала, что, естественно, сближает меня с ним. На самом деле, ему нравится наша программа, и он видит, что она может быть полезна для него. По своей природе это раздражительный и резкий человек, очень требовательный как к самому себе, так и к своим учителям.

«Не торопись, - говорю я ему. - Айкидо - это не только технические приемы. Это образ жизни. Это отношение к разным вещам».

Он секунду смотрит на меня в задумчивости, а потом замечает: «Это как в «Ответном ударе», когда Люк Скайуокер говорит Йоде: «Да, я буду терпелив, Учитель, только начни учить меня прямо сейчас».

После обеда во время перерыва Рейдер опять разыскивает меня: «Пойдем, я тебе кое-что покажу». Шагая впереди меня, он весело насвистывает какую-то знакомую мелодию («Мосты через реку Кваи»?), то и дело прерываемую шмыганьем носа. На ходу он отчаянно рассекает воздух своей дзе, поражая невидимых демонов. Наконец, он выводит меня на небольшую полянку, окруженную густым ельником. На земле сидит Яновски и отесывает палку огромным охотничьим ножом.

«Привет», - как всегда, мягко и по-дружески говорит он, широченная улыбка освещает его лицо с массивным подбородком. На голове у него повязана синяя бандана, на щеках двухдневная щетина. Он строит баню. Внутри все уже почти готово. Помещение достаточно большое, чтобы сюда могли вместиться одновременно от четырех до шести человек. Неторопливо и основательно, как это принято на Среднем Западе, он объясняет, что построил все это сам, используя только подручный материал. Почти извиняясь, он добавляет: «Пришлось только использовать плащ-палатку, чтобы накрыть сверху». Он проводит меня внутрь и обстоятельно показывает, что и как, заканчивая словами: «А потом мы попадаем вот сюда и прыгаем прямо в озеро, чтобы остыть. Точно так же делали индейцы».

Все это время Рейдер стоит, опершись на свою дзе и ухмыляясь, наблюдает за нами. Когда Яновски на секунду замолкает, он подсказывает на месте, как будто земля горит у него под ногами, и исчезает внутри. «Да, сэнсэй, если Ларри закончит сегодня, мы запалим эту штуку, и, если хочешь, приходи вечером, попаримся».

Яновски уже устроился отесывать свою палку. Он поднимает на меня глаза и улыбается во весь рот: «Да, приходи. Мы всегда тебе рады, Ричард».

Я шагаю назад по тропинке и на секунду оборачиваюсь, чтобы взглянуть на двух человек на поляне. Они с увлечением возятся вокруг своей бани - я никогда еще не видел их такими счастливыми.

НАСТОЯЩИЙ ВОИН

15 сентября

Сегодня седьмой день лагеря. Я пришел раньше всех к большому дому, в котором мы проводим медитации. Со старого полуразвалившегося крыльца открывается отличный вид на пруд и лес, и я частенько прихожу сюда пораньше, чтобы полюбоваться этой чудесной картиной. Сегодня поверхность пруда застыла в полной неподвижности, и в ней, как в зеркале, отразилось все буйство осенних красок. Я смотрю, как тяжелая серая белка с трудом карабкается вверх по сосне и исчезает где-то в зелени среди толстых сучьев. Войдя внутрь, я делаю медленный выдох и опускаюсь на подушку. В комнате сумрачно и прохладно - спасение от неожиданно наступившего бабьего лета.

Звук голосов, как отдаленный звон колоколов, выводит меня из задумчивости. Звук постепенно приближается, потом слышится грохот тяжелых ботинок на лестнице. Голоса становятся тише, но не смолкают. Вот хозяева тяжелых ботинок уже в комнате, они шумно снимают одежду и рассаживаются по местам. Мои глаза закрыты, поэтому мне кажется, как будто огромный слон возится в маленькой комнате. Наконец животное нехотя устроилось, и наступает относительная тишина. Сегодня мы отрабатываем технику медитации, при которой внимание концентрируется на дыхании. Суть в том, чтобы сконцентрироваться на собственном дыхании, либо в носовой, либо в брюшной полости, и затем внимательно отслеживать образы, которые проступают в сознании. Если внимание рассеивается, задача в том, чтобы снова вернуть его к дыханию. Это несложная, но требующая сосредоточенности техника, которая помогает успокоиться и одновременно сфокусировать сознание.

После двадцати минут сеанса в комнате наступает напряженная тишина. Я открываю глаза и оглядываю сидящих. Фигура рядом со мной справа кажется мне особенно неподвижной, и я невольно поворачиваю голову. Человек сидит очень прямо, застыв в напряженном созерцании. Слышно его ритмичное дыхание, идущее глубоко изнутри. Неожиданно мой взгляд падает на его черную футболку, обтягивающую мощные бицепсы и атлетическую грудь. Отпечатанные белой краской, на футболке видны череп и скрещенные кости. Над черепом красуется надпись «82-Я ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНАЯ ДИВИЗИЯ», внизу крупными буквами: «СМЕРТЬ С НЕБЕС».

Здесь что-то не так. «Люди не должны носить такие майки во время медитации», - говорю я сам себе.

«Но человек в этой майке действительно погружен в медитацию», - отвечает мне внутренний голос.

Я снова оборачиваюсь.

Череп со скрещенными костями угрожающе смотрит на меня. «82-Я ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНАЯ ДИВИЗИЯ: СМЕРТЬ С НЕБЕС».

Это не укладывается у меня в голове. Убийство и медитация взаимно исключают друг друга.

Этот случай напоминает мне об одном событии, которое произошло со мной много лет назад. Когда мне было двенадцать лет, мой отец как-то подозвал меня к себе и сказал, что он

хочет сказать мне кое-что важное. В его голосе была какая-то особая доверительность, даже таинственность, и я почувствовал, что мне выпала честь быть допущенным в какие-то важные дела своего отца. Когда мы остались одни, он с торжественным видом протянул мне однозарядный охотничий ремингтон 22-го калибра. С большой важностью он сказал мне, что я достиг того возраста, когда могу иметь свое собственное оружие. Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди, когда я увидел поблескивающий ствол и лакированное светло-коричневое ложе. Не то чтобы я никогда раньше не видел оружия, - я часто наблюдал, как мой отец и дядьки чистили винтовки, собираясь на охоту, - но впервые в жизни я держал в руках свое собственное оружие, и мне казалось, что я вступаю во взрослую мужскую жизнь, жизнь настоящих воинов.

Тогда, тридцать лет назад, вручая мне эту винтовку, отец очень долго говорил со мной о тех обязанностях, которые отныне ложились на меня. «Это не игрушка, - предостерегал он меня. - Это инструмент, оружие, поэтому всегда обращай с ним предельно осторожно. Оно может причинить много вреда, и ты не должен никогда, никогда направлять его на другого человека. За исключением тех случаев, когда ты делаешь это сознательно». Эти слова еще долго звучали во мне: «... за исключением тех случаев, когда ты делаешь это сознательно».

Что-то перевернулось в моем детском неокрепшем сознании. Меня не только посвящали в новую, мужскую жизнь, но и позволяли нарушать то, что до тех пор было главным моральным принципом моей жизни - не убий. Теперь мне позволялось убивать. Каким-то детским чутьем я понял, что мне вручалась страшная власть, священная и порочная одновременно, власть отнимать чужую жизнь. В отдаленном уголке моего сознания поселилась мысль о том, что воин может нарушить первую и главную из заповедей.

Могло ли такое быть?

Принимая винтовку из рук своего отца, я чувствовал огромную ответственность и благоговейный восторг. Символически я был принят на первую ступень братства воинов.

Этот немудреный ритуал посвящения, который произошел со мной в 1950 годах в средней американской семье, непрестанно повторяется уже на протяжении тысячи лет - с тех пор, как зародилась цивилизации, а может и намного раньше. Но по мере того как мы приближаемся к началу XXI века, мы все чаще сталкиваемся с неразрешимыми противоречиями, которые несет с собой современная война. Очевидно, что воины появились в человеческом обществе в тот самый момент, когда мужчина и женщина впервые выпрямились и встали на ноги. Тогда воины не только защищали свой очаг, но и были носителями высочайших моральных ценностей. Теперь с нашими ядерно-компьютерными войнами воинский кодекс чести, унаследованный нами от предков и зародившийся, возможно, миллионы лет назад где-нибудь в африканских саваннах, достиг последней стадии своего развития. Теперь он должен либо преобразиться, либо навсегда исчезнуть. Закон мироздания, безусловно, более старый, чем человеческая история, - закон Дао, единства противоположностей, давших начало всему сущему - сейчас подвергается тяжелейшему из испытаний. Современный воин сражается не с врагом и даже не со своим собственным отражением, а со всей планетой.

На протяжении всей человеческой истории оружие было одним из главнейших предметов в том наследстве, что отцы из века в век передавали своим сыновьям. Чтобы понять, какую важную роль всегда играло для нас оружие, нужно мысленно вернуться к тому моменту истории, который обозначил появление особого биологического вида - человекообразных

обезьян. Нашими предками были те древние обезьяны, которые, вследствие мутации, оказались менее приспособленными для жизни на деревьях и в результате были изгнаны из лесов собственными сородичами. По крайней мере, именно так антропологи представляют себе сценарий борьбы между более сильными обезьянами, жившими в джунглях, и их менее развитыми братьями, вынужденными покинуть привычную для них среду обитания. Этот процесс принято называть демографическим давлением или приспособлением, но еще не войной. Эта история длилась тысячи лет, и в ней было все - случай и сознательный выбор, и мирные решения, и кровавые стычки. Эта естественная борьба за существование и стала прототипом наших войн.

Если постараться, хоть на мгновение, прокрутить историю назад, то сначала мы увидим, как могучие особи, обладающие большими способностями лазать и перемещаться среди деревьев, изгоняют своих слабых собратьев на открытые пространства, обрекая их на явную смерть среди кровожадных хищников. А потом, в течение нескольких миллионов лет, они сидят и тихонько посмеиваются над ними до тех пор, пока их униженные и оскорбленные братья не возвратятся назад, уже держа копья (а позже и ружья) в своих видоизменившихся передних конечностях.

Попав на открытые равнины, прародители *Homo sapiens* с самого начала оказались в исключительно невыгодных условиях. Они и без того были лишены ловкости и проворства, которые отличали их сородичей, а теперь они лишились и естественного укрытия - джунглей. Как считают антропологи, они сумели выжить, благодаря тому, что со временем научились извлекать выгоду из своего умения принимать полувертикальную позу, высвобождая передние конечности, что первоначально рассматривалось как недостаток. Они научились изготавливать инструменты и оружие. С их помощью они защищались от врагов и охотились. Считается, что умение изготавливать инструменты постепенно привело к утрате многих органов и физиологических функций, которые прежде выполняли важную биологическую роль в организме обезьян. Объектом естественного отбора стали теперь не физическая сила, умение быстро передвигаться, мощные челюсти или крепкие зубы, а объем мозговой ткани в быстро развивающемся черепе. В условиях всевозрастающего значения коллективного общения, умения мыслить и находить решения природа сконцентрировалась на развитии нарождающегося «разума» и языковых генов. Это уже были не просто хищники - это были вожаки нового биологического вида, вожди самых первых в истории обществ.

Теперь уже невозможно установить, как зародилась идея убийства - было ли это инструментом познания или возникло только тогда, когда, вместе с делением на Мы и Они, среди соплеменников впервые выделилась каста воинов. Убивая животных, примитивные люди, занимавшиеся охотой и собирательством, должно быть, догадывались, что тем же самым образом можно убивать и людей. А поскольку конфликт и противостояние - это неизбежные спутники человеческого существования, то из многочисленных попыток понять, осознать, допустить и отомстить за убийство, скорее всего, и появился на свет первоначальный образец воина. Кроме деления на охотников и их жертв, в примитивном обществе не было никаких закрепленных правил и моральных принципов, и все же, должно быть, возникший из небытия воин, подобно некоему сказочному полубогу, был вынужден выработать для себя особый кодекс, который он готов был отстаивать до конца, которые передавал своим детям и на которые полагался так, как будто они были дарованы ему свыше. Традиционные воинские принципы - смелость, преданность, готовность к

самопожертвованию, стремление помочь и защитить, скорее всего, были введены в жизнь теми древними охотниками, которые загоняли и убивали добычу, охраняли своих сородичей от кровожадных хищников и соседних племен, участвовали в ритуальных «войнах».

Австралийское племя аборигенов вальбири до сих пор живет в каменном веке и по-прежнему занимается охотой и собирательством. Еще сорок лет назад ученые могли наблюдать за этим примитивным обществом, которое сохранило практически без изменений уклад первобытной жизни. Из их поведения мы можем видеть, что представления наших предков о войне ни в коей мере не соответствовали тем, которые существуют теперь. Так, в их войнах практически не бывает убитых. У воинов вальбири нет никакой тактики или четкой стратегии боя, нет у них и жесткой военной дисциплины, кроме того, племя принимает участие в сражении только в том случае, если оно было несправедливо обижено противником. Их «войны», которые случаются чрезвычайно редко, - это коллективное событие, в котором участвуют все без исключения члены племени. Для мужчин - это возможность продемонстрировать перед соплеменниками свою смелость и сноровку, хотя порой это бывает сопряжено с некоторой опасностью. Однако цель таких войн не заключается в том, чтобы убивать, грабить или захватывать чужую территорию, и, уж, конечно, никто не стремится таким путем нанести ущерб имуществу противника. Наблюдая за племенем вальбири, можно сделать вывод, что такое же отношение к войнам было и у большинства древних племен, живших в каменном веке и занимавшихся охотой и собирательством. И такой вывод явно противоречит теориям, которые утверждают, что мы унаследовали воинственность от животных, что наше стремление к войнам зародилось в те далекие времена, когда нашим предкам приходилось отстаивать свою территорию и жить по правилу: «Это моя кость, моя женщина, моя земля. Уходи или я убью тебя».

Знакомясь с обычаями австралийских вальбири, южноафриканских бушменов и других первобытных племен, сохранившихся до наших дней, мы неизбежно приходим к выводу, что их войны скорее похожи на шумные ссоры между соседями, чем на кровопролитные, разрушительные бои, которые стали мрачной приметой нашего времени. Давайте на мгновение вернемся в далекое прошлое, чтобы увидеть своими глазами обычную «войну» наших предков. Мы окажемся среди нескольких десятков воинов-охотников, которые собираются на открытом пространстве и, подбадриваемые своими сородичами, меряются силой в борьбе или метании камней, колотят друг друга дубинками, какое-то время преследуют противника или пугают его устрашающими жестами. Скорее всего, подобная «битва» закончилась бы в тот момент, когда выяснилось, что кто-то из противников оказался серьезно ранен. Конечно, в таких схватках не обходилось и без магических или религиозных ритуалов шамана или жреца. Вслед за ними на поле битвы приходили знахари и сказители, и так естественно появлялись на свет новые области человеческого знания.

Где-то десять-пятьдесят тысяч лет назад небольшие племена, занимавшиеся охотой и собирательством, начали объединяться и создавать союзы племен, которые принесли с собой новые, более сложные виды общественной организации.

Некоторые антропологи считают, что именно в это время произошло разделение труда между мужчинами и женщинами, а также возникли тесные общины, или содружества, обозначившие возросшую социальную роль мужчины-воина и отход женщины на второй план. Поскольку женщины в большинстве своем не были охотниками или воинами, они постепенно утрачивали свои позиции. И хотя, конечно, в первобытной истории, длившейся многие тысячелетия, были свои удивительные исключения, очевидно, что уже во времена

Гильгамеша, героя с глиняных табличек древней Месопотамии, или Диомеда из поэмы Гомера мужчина-воин был уже частью жестко организованной структуры общества. Были ли первые солдаты только воинами, или они брались за оружие только в момент опасности, а все остальное время были заняты общественным трудом, по-прежнему остается загадкой. Мы до сих пор не можем решить, кем же является солдат современной армии - традиционным воином, защищающим свой дом от врагов, или наемным убийцей, оторванным от мирного труда и вынужденным взяться за оружие?

Даже если мы признаем право на существование класса воинов как таковых, нам придется согласиться с тем, что в истории нет примеров, когда древние племена вели бы войны за чужие территории, чужое добро или убивали друг друга из-за идеологических разногласий. На ранних этапах истории воины вполне могли выполнять ритуальные функции внутри общества - они могли общаться со сверхъестественными силами и умиротворять их, могли нарушать определенные табу в момент опасности - и одновременно нести воинскую службу в тех случаях, когда на племя нападали враги. Они были воинами в классическом смысле этого слова - средоточием силы и защитником слабых, что никак не совпадает с тем образом солдата, который мы знаем теперь.

Воины древних племен продолжали относиться к войне, как к священной обязанности, части магических ритуалов. Вне всяких сомнений, для воина это была возможность продемонстрировать свою огромную физическую силу, доказать свою смелость и верность своему племени, подтвердить свое воинское и охотничье искусство, но война ни в коем случае не была средством достижения каких бы то ни было политических или экономических целей. Поскольку государства еще не было, воины племени были независимыми в выборе решений и не подчинялись целям и стратегии правительства. Война была частью жизни, таким же естественным явлением, как грозы или смена фаз луны. Войны, проводившиеся в чисто ритуальных целях, были не более опасны, чем современный футбол или, скажем, пейнтбол. Несколько раненых, несколько случайных смертей. Возможность для мужчин побыть вместе и испытать себя.

Воин в первобытном обществе никогда не начинал войну только ради того, чтобы испытать новое орудие убийства. Скорее всего, такая перспектива заставила бы его ужаснуться, а сама идея показалась бы дикой и противоестественной. Племенные стычки в большинстве своем тут же прекращались в случае смерти или даже серьезного ранения одного из участников. В наше время подобное отношение можно наблюдать у одного из племен в Новой Гвинее, где для военных целей даже изготавливаются особые стрелы. Обычная охотничья стрела имеет оперение, которое обеспечивает точность ее попадания в цель. Стрела, изготовленная для военных сражений, лишена такого оперения, что делает ее менее опасной. У индейцев Великих Равнин считается гораздо большей доблестью «вывести из игры» противника - коснуться его особой ритуальной дубинкой или ладонью, чем убить. Убийство противника здесь считается выражением собственной слабости и недостатка храбрости. Вместо демонстрации своего оружия и искусства убивать противника, индейские племена шошоны и пиеган предпочитают проводить ритуальные битвы, стоя открыто перед врагом и принимая на себя его стрелы под прикрытием щитов метровой толщины. Южноамериканское племя яномама до наших дней сохранило ритуальные войны, которые проводятся под строгим наблюдением старейшин, чтобы дело, не дай Бог, не дошло до использования луков и стрел. Племя марингов, которое живет в горах Новой Гвинеи, устраивает войну каждые двенадцать лет. Она начинается с того, что

союзники устраивают пиршественное застолье с большим количеством мясных блюд, потом проходят ритуальные приготовления к бою, и наконец наступает сама битва. Она заканчивается посадкой особых священных деревьев, что символизирует заключению перемирия на следующие двенадцать лет. Весь ритуал подготовки и проведения таких искусственных войн, очевидно, рассчитан на то, чтобы своевременно регулировать численность людей и домашнего скота в условиях ограниченной горной экосистемы, в которой проживает племя марингов.

Хотя сражения между племенами и сопровождались определенными людскими потерями, первобытные войны ни в коей мере не угрожали самим участвующим в них сообществам. Пример марингов из Новой Гвинеи даже доказывает, что племенные стычки, напротив, были необходимы и даже помогали племенам выжить и сохраниться, поскольку способствовали более справедливому распределению нажитого имущества, регулировали численность домашних животных через традицию проведения обильных коллективных трапез, а также давали выход агрессии наиболее безопасным путем. Захват чужих территорий, геноцид или жестокость ради достижения власти или защиты государственных интересов были чужды первобытному воину. Бороться за чужую территорию было лишено смысла, так как земля была неразрывно связана с духовной жизнью общества. Захватить чужую землю и переселиться на нее, покинув родину своих предков, было равноценно потере собственных духовных корней.

С появлением цивилизации, где-то пять-семь тысяч лет назад, привычные обязанности воина изменились. С развитием сельского хозяйства в распоряжении общества начал образовываться излишек продуктов, и в результате возникла насущная необходимость создания организованной силы, способной охранять его. Появился профессиональный воин, воин-солдат, обученный и организованный, подчиняющийся приказам назначенного обществом командира. Городская жизнь с ее социальным расслоением тоже способствовала появлению новых элементов в воинской профессии и внесла то, без чего теперь невозможна любая война: обезличенное убийство, захват чужих территорий и чужого имущества, порабощение, разрушение, кровавая резня и, наконец, угроза самому существованию человечества. Холодное механическое убийство в политических целях - это еще один признак, означавший конец существования воина как личности.

Изначально, в эпоху ранней цивилизации солдаты пользовались тем же набором оружия, что и их далекие предшественники. Стрелы, копья, ножи, топоры и дубинки, которыми орудовали воины на заре цивилизации, были во многом похожи на вооружение их далеких предков тысячелетия назад. Но на этом сходство между ними кончается. Если когда-то в состязаниях принимали участие воины-одиночки, демонстрирующие друг другу свое охотничье мастерство, теперь в противостоянии участвовали тысячи людей с обеих сторон. Они двигались навстречу друг другу строем, в специально продуманном боевом порядке. Даже когда два противника сталкивались в бою, в их борьбе не было ничего индивидуального. Задние ряды давили на передние, привыкнув за годы муштры бездумно подчиняться командам начальства. Воин племени знал разные способы воздействия на противника, в этом ему помогали его охотничьи навыки. Вымуштрованный солдат не умел ничего другого, как только методично и хладнокровно убивать. Чем больше, тем лучше.

Сотни лет общие принципы ведения войны оставались неизменными. Использование кавалерии, изобретение пороха и введение принудительной воинской повинности, конечно, повлияли на облик войны, но только в эпоху индустриализации, во времена Гражданской

войны, характер воина-солдата начал кардинально меняться. В этот бурный период истории возможности техники окончательно перевесили возможности отдельного человека. Однозарядный нарезной мушкет позволял теперь убивать с расстояния в полмили. Развитие артиллерии дало возможность выводить из строя жизненно важные объекты противника. Воин-солдат мог теперь массово убивать врага, включая женщин и детей, причем делать это, даже не видя их. Крики раненых и умирающих оставались не услышанными теми, кто был причиной этих страданий. Человек мог убить сотни людей и даже не видеть потоков крови. Технологическое развитие неизмеримо расширило границы полей сражений. Впервые в истории солдату-пехотинцу не надо было пешком преодолевать путь до места боя. Железные дороги и пароходы дали неограниченную возможность пополнять запасы живой силы и снаряжения. Телеграфное сообщение позволило координировать передвижение войск на огромных территориях, включая и те, что были заняты мирным населением. По мере того как техника постепенно выходила на первый план, враг все больше приобретал характер некой отвлеченной абстракции, индивидуальные черты отдельно взятого противника все больше стирались.

Меньше ста лет пройдет после окончания Гражданской войны, и одна-единственная бомба, сброшенная с высоты нескольких километров, отнимет жизни более ста тысяч человек, преимущественно мирных жителей. Нравственная пропасть между этим событием и первобытными войнами, в которых противники сходились один на один, чтобы помериться силами в честном бою, гораздо больше, чем тысячи лет, которые их разделяют. Невзирая на то, что между традиционным воином и современным солдатом не осталось практически ничего общего, средства массовой информации во всех странах неустанно эксплуатируют образ древнего воина, чтобы создать у людей романтическое представление о современных войнах. Действительно, героические образы прошлого способны оказывать гораздо большее влияние на психику молодых людей, чем все достижения современных технологий и техническое совершенство бездушных автоматов. В наше время, когда древний обряд посвящения в воины остался в далеком прошлом, желание людей быть причастными к священному воинскому братству продолжает жить.

Официальная пропаганда не перестает придумывать все новые небылицы, призванные убедить людей в том, что жизнь современного солдата полна высокого героизма и благородства, а массовая культура всеми силами поддерживает эту версию. Здесь тон задают сказочники из Голливуда, которые неустанно трудятся над созданием образа романтического героя. Прообразом идеального воина в американском кино стал Джон Уэйн. В фильме «Песок Иводзимы» он сыграл бывалого и находчивого солдата, который, презирая все опасности на своем пути, почти что в одиночку сражается с врагами демократии и вообще с плохими людьми. В последнем кадре он отважно умирает на фоне заката, успев перед этим совершить массу героических подвигов. Зритель остается в полной уверенности, что герой жертвовал собой совершенно бескорыстно и не ждет никаких наград, по крайней мере, мужественный и трогательный персонаж не дает никаких оснований думать об этом. Джон Уэйн положил начало традиции, которая позже нашла свое продолжение в образах Чака Норриса в «Отряде Дельта», Сильвестра Сталлоне в «Рэмбо» и Тома Круза в «Супероружии». Эти герои живут по закону силы, руководствуясь девизом: «Всегда готов умереть за правое дело». Неважно, что герои не похожи на реальных людей, главное - они удовлетворяют нашу страсть к героическим подвигам и мгновенным удовольствиям. Кому какое дело, что персонажи этих фильмов страдают очевидной абстрактностью, порочной

склонностью к расизму и недостатком правдивости? Суперкинозвезды не перестают служить идеалам мужества и благородства, на которые равняется молодежь Америки.

В своей книге «Рожденный 4 июля» ветеран Вьетнама Рон Кович пишет о том, что он чувствовал, когда мальчишкой слышал гимн морской пехоты США: «... я представлял себе Джона Уэйна. Я представлял его и плакал. Джон Уэйн в «Песке Иводзимы»... ». Кович вспоминает, что когда, будучи уже юношей, он впервые встретил морских пехотинцев, то почувствовал следующее: «Когда я здоровался с ними за руку и взглянул им в глаза, мне показалось, что я здороваюсь с самим Джоном Уэйном и Оди Мерфи». Джим Келли, в прошлом ветеран Вьетнама, а теперь владелец ресторана в Сан-Франциско, вспоминает об этом так: «Когда я был мальчишкой, то обожал Джона Уэйна. Я верил, что когда я вернусь с войны, то обязательно женюсь на Патриции Нил. Мне обошлось это слишком дорого. Все это полная ерунда». Фил Капуто, который прошел Вьетнам и написал книгу «Слух о войне», признается: «Я представлял себе, что я штурмую береговой плацдарм где-то на краю земли, точно так же, как Джон Уэйн в «Песке Иводзимы», а потом возвращаюсь домой, мужественный и загорелый, с медалями на груди». Капуто вспоминает, что в университетском общежитии у него над кроватью висел «плакат, на котором был изображен стройный лейтенант с бесстрашным и даже несколько свирепым лицом, короче, одним из тех лиц, которые в армии принято считать красивыми. Его чистые голубые глаза были полны решимости, и они неотступно следовали за мной. ВСТУПАЙ В МОРСКУЮ ПЕХОТУ - было написано сверху, над его белой фуражкой. СТАНЬ ГЕРОЕМ». Чего же еще?

Теперь у нас есть Чак Норрис, Арнольд Шварценеггер, Брюс Уиллис и, наконец, Джон Уэйн восьмидесятых - Сильвестр Сталлоне. Они создали образы непоколебимых, суровых людей, которые бесстрашно защищают мир, борясь с коммунистической или террористической заразой. Они, не моргнув глазом, героически побеждают одного врага за другим, ловко выходя из любых ситуаций и умудряясь пополнять боеприпасы прямо из воздуха. Всегда возвращаясь с победой без единой царапины, они неизменно встречают восхищение публики и любовь прекрасных женщин. Эти вымышленные герои положили начало Новому патриотизму 1980-х. Череди соблазнительных киногероев убеждает нацию в том, что, только пройдя через военные испытания, юноши могут стать мужчинами. Однако наш опыт во Вьетнаме говорит о том, что это бесстыдная и наглая ложь. Фильмы «Взвод» и «Жертвы войны», заслужившие награды от американской Академии киноискусства, произвели эффект разорвавшейся бомбы. На примере Вьетнама они показали истинную сущность современных приемов ведения войны, не имеющих ничего общего с высокими принципами воинского искусства. Благодаря им мир понял, какое разрушительное воздействие оказывает пропагандистский психоз на души людей.

Мы должны наконец признаться самим себе, что уже давно, сотни лет назад, война перестала быть приемлемым средством воспитания молодых поколений, что она больше не является местом, где можно проявить героизм, мужество, преданность высоким идеалам. То, что пропаганда пытается нам выдать за современную войну, на самом деле является жестоким массовым убийством, а средство, с помощью которого воздействуют на наше сознание, - это образ мужественного воина-одиночки, выдернутый из далекого прошлого и не имеющий никакого отношения к настоящему. Такой подход противоречив не только потому, что использует двойную мораль, но и потому, что его сторонники пытаются манипулировать высокими воинскими идеалами, чтобы освятить и придать вид законности

действиям, противоречащим настоящему воинскому искусству.

Современные противники могут утром хладнокровно сбрасывать бомбы на головы друг другу с высоты двадцати тысяч футов над землей, причиняя смерть и страдания мирному населению, а потом закусывать гамбургерами где-нибудь за сотни миль от места трагедии. Древний воин встречал своего врага в открытом бою, полагаясь только на силу своих мускулов и собственную смелость. Открытая рана или сломанная кость противника - все происходило у него на глазах. Смертельный исход был, скорее, случайностью, чем обычным явлением (может быть потому, что смерть и без того всегда была рядом). Но и тогда, должно быть, древнему воину до конца его дней не давали покоя глаза человека, которому он разможил череп.

Джоуэл звонит в колокол, оповещая об окончании сеанса. Я снова бросаю взгляд на череп со скрещенными костями. Только теперь я замечаю, что обладателем черной футболки является Харнер. Он медленно поднимается на ноги, потирая колени. Замечая на себе мой взгляд, он подмигивает и довольно замечает: «Неплохо поработали».

Мне приходит в голову, что, может быть, до этого, во Вьетнаме или в каком-нибудь другом месте, он говорил те же самые слова после удачно сброшенной бомбы или точного выстрела. Только сейчас речь идет о победе над самим собой. Он выиграл битву, в которой не было пострадавших, и его победа - в чувстве удовлетворенности и согласия с самим собой.

16 сентября

Мы с Картером сидим впереди, а Роллинз сзади. Его левая нога перебинтована и лежит рядом с ним на сиденье. Сегодня днем во время тренировки он неожиданно повредил щиколотку. На деревянном помосте Роллинз выполнял толчок из упора сидя, когда доска под ним проломилась и нога застряла в полу. При падении он вывихнул лодыжку. Медики тут же собрались вокруг него и произвели осмотр. Оказалось, что ничего серьезного с ним не произошло, но на всякий случай было решено отправить его в медпункт, чтобы сделать рентген. Картера, медика из команды Роллинза, отрядили сопровождать его. Неожиданно я чувствую себя как полицейский, поставленный надзирать за двумя досрочно освобожденными. Я начинаю гадать, сколько продлится наше молчание, но мои сомнения тут же рассеиваются, едва машина выезжает на шоссе.

«Теперь можно и покурить», - говорит Картер и, как всегда, насмешливо улыбается. Я бросаю на него неодобрительный взгляд, и он опять усмехается. «Да, ладно, шучу. Я пытаюсь бросить, но, черт побери, это ужасно трудно. Я же курю с четырнадцати лет». Поскольку курить запрещается, он начинает глубокомысленно заниматься ногтями, которые и без того уже обкусаны до основания.

Картер - то, что называется «шустрым малым». Сидя рядом со мной, он производит впечатление генератора переменного тока, работающего с утроенной скоростью. Он один из тех неутомимых, жилистых парней, которые ни в чем не знают меры и ведут себя так, будто им нечего терять. Он выполнил несметное количество прыжков с парашютом. Когда его часть была размещена в Европе, и он не мог прыгать, то вступил в итальянский клуб парашютистов и отводил душу, прыгая с ними по выходным. Еще он опытный лыжник, известный на всю часть своими головокружительными спусками с отвесных горных

вершин.

Картер выходец из среднего класса и вырос в пригороде Нью-Джерси. Подростком он связался с сомнительной компанией, из-за чего периодически попадал в неприятности. В конце концов, перед ним поставили выбор: либо в армию, либо за решетку. «Вот так я и оказался здесь, - говорит он небрежно. - Конечно, мне нравится здесь, но я никогда бы не пошел сюда по доброй воле». Как только он попал в армию, его таланты расцвели вовсю. Он стал десантником и попал на Гренаду: «Ни в чем таком я там не участвовал. Только в зачистках. Черт, вот там жара! Просто пекло. Но люди хорошие, очень добрые. Встречали нас хорошо». Потом он вступил в спецназ, без особого труда сдал экзамены и стал медиком: «Я думаю оттрубить свои двадцать лет, уйти в отставку, выучиться на ветеринара, открыть свое собственное дело... может быть, даже где-нибудь в этих местах. Моей жене нравится здесь, и я не против. Если повезет, получу образование за счет армии». Он еще раз насмешливо улыбается уголками губ и возвращается к своим ногтям.

Мы едем на юго-восток. Наша дорога лежит через несколько небольших городков, один уютнее другого. Аккуратные и чинные, они застыли, как голливудские декорации, выстроенные для съемок «Главной улицы» по Синклеру Льюису, да так и оставшиеся доживать там под занавес сумасшедшего XX века. Белые шпили церквушек; мемориалы в честь ветеранов с именами героев еще Первой мировой; городской муниципалитет с аккуратными газонами и гордо развевающимся флагом; режущий взгляд своей новизной; супермаркет придорожный, подростки на велосипедах; нарядно одетые домохозяйки, неспешно обходящие бесчисленные магазинчики. И все утопает в зелени парков и лесов, застывших в своей невероятной осенней красе.

Роллинз женился на своей школьной подруге, сразу после окончания школы пошел в армию, потом вступил в спецназ. Это здоровенный детина, кровь с молоком - такие часто встречаются в Америке и нравятся определенному типу женщин - и он сам знает об этом. Еще несколько лет назад он был спортивной гордостью своей школы и жил с родителями. С того времени в нем не слишком много чего переменилось. Если он не побреется с недельку, то снова превратится в прежнего подростка из захолустного городишка в Огайо. В зеркале отражается его довольная физиономия, по крайней мере, он ничуть не похож на пострадавшего. Его лицо светится от удовольствия. Это, скорее, бедный изгнанник, которого только что выпустили на свободу.

«Я не страдаю из-за курева, - присоединяется он, - что меня достает, так это жратва!» Он делает вид, будто его тошнит. «Почему мы должны есть это дерьмо? Я терпеть не могу тофу, и эти поддельные гамбургеры из сои, меня от них тошнит! Я хочу нормальный кусок мяса с кровью. Почему мы не можем есть мясо?»

«Ты знаешь, почему», - говорю я. Мы уже столько раз обсуждали этот вопрос, что я не понимаю, зачем он снова спрашивает об этом. По отражению в зеркале я понимаю, что он и не ждет ответа. Он уже целиком поглощен тем, что провожает глазами блондинку, идущую вдоль дороги. Картер тоже видит блондинку, но его взгляд перебегает на шикарный 57-й шевроле, потом на группу дорожных рабочих, возвращается к блондинке и вновь обращается к бегущей впереди нас машине. Наблюдая за всем происходящим, он не перестает что-то обдумывать, может быть, мечтает о своей ветеринарной клинике. А Роллинз все еще смотрит вслед исчезающей блондинке, рискуя свернуть себе шею.

Слушая их болтовню, я вдруг понимаю, что они еще совсем зеленые ребята, почти только что со школьной скамьи. Все их разговоры крутятся вокруг спорта, попоек, женщин, машин,

армейских порядков, отношений с родственниками. И все же, несмотря на свой молодой возраст, они уже несут на себе невероятный груз ответственности. В любой момент они могут оказаться в ситуации, когда их жизни будет угрожать опасность.

«Что вы думаете об айкидо?» - спрашиваю я их обоих.

«Мне нравится. Очень нравится, - мгновенно отзывается Картер, как будто он только и ждал моего вопроса. - Когда эта программа закончится, я хочу продолжать заниматься. Не знаю, правда, как это поможет в бою. Может быть, ты и не для этого нас учишь. Но думаю, мне это очень пригодится на лыжных спусках. Ну, и дубинка, конечно, никогда не будет лишней в драке. Б-бах!» - кричит он, довольно усмехаясь и изображая, как он будет размахивать дубинкой.

Роллинз настроен более сдержанно: «Я не понимаю, для чего это нужно. Это, конечно, интересно, но, по правде сказать, - только не обижайся, - мне кажется, это пустая трата времени». Он пожимает плечами и отворачивается к окну.

«Это как-то влияет на твою работу или личную жизнь?» - спрашиваю я Картера. Он барабанит пальцами по коленке - привычный жест, помогающий ему снять излишнее напряжение, постоянно накапливающееся в его беспокойном теле. Его голова начинает ходить туда-сюда, движение постепенно захватывает и туловище, и вот он уже весь сотрясается в ритме рока.

«Да, - уверенно отвечает он, - я стал реже шлепать своих детей. Я сохраняю спокойствие и не так быстро теряю терпение». На секунду он отворачивается. Когда же поворачивается вновь, его горящие голубые глаза глядят прямо на меня с теплотой и с восхищением: «Это просто здорово, - быстро говорит он. - Все мои родственники тоже так думают».

Что-то внутри меня отпускает. Меня больше не волнует, завяжется между нами разговор или нет, бросят ли они курить, смогут ли делать больше отжиманий, преодолевать многокилометровые дистанции без сна, придется ли им убивать или быть убитыми. Перекинут какой-то мостик, какое-то сражение выиграно, и мы общаемся на одном языке. Воин внутри нас жив.

17 сентября

Четкие косяки длинношеих гусей прорежают слепящую голубизну неба. По-ночному кричит сова. В утреннем тумане, словно из ниоткуда, вылетает серая цапля и опускается на обрывистый берег пруда. Стоя в камышах на одной ноге, она напоминает мне сгорбившегося монаха, размышляющего о превратностях судьбы. Наблюдая эту картину, я начинаю ощущать, как внутри меня поднимается смутное отчаянье.

Вот уже пару дней я чувствую себя так, как будто земля уходит у меня из-под ног. Меня швыряет то вверх, то вниз. Я убеждаю себя, что мне нужно прекратить хандрить. Я говорю себе, что мне не на что жаловаться: вокруг меня великолепная природа, у меня интересная работа, я нахожусь среди друзей. Хватит ныть, будь воином, о котором ты столько говоришь. Только все мои уговоры - это проявление скрытого недовольства самим собой. И от них мне становится только хуже.

Я не могу ни в чем найти успокоения, ни в красоте природы, ни в своих молчаливых медитациях. Мое сознание распыляется по мелочам и дробится на мелкие кусочки. Я чувствую себя не в своей тарелке, как будто мне тесно в своей собственной шкуре. Каждая мысль причиняет мне боль. Я то страдаю от мрачного одиночества, то бросаюсь бешено

строить новые планы, лишь бы заполнить внутреннюю пустоту, лишь бы не оставаться с самим собой в этой пугающей беспросветной темноте. Я могу сосредоточить свое сознание на каких-то десять-пятнадцать секунд, а потом опять мчусь неведомо куда, обвиняя всех и вся в своих несчастьях. Я вспоминаю такого-то и такого-то, и что он сказал мне сто лет назад. Я начинаю думать, что если бы он повел себя иначе, то сейчас бы все было по-другому. Такой-то и такой-то что-то замышляет против меня, мне нужно быть с ним поосторожнее.

Может, это и есть первый шаг к войне? Когда мы обвиняем других в собственных страхах? Мы не можем разобраться в своих собственных чувствах, не можем понять, откуда берутся эта внутренняя пустота и одиночество, и тогда мы начинаем винить других в своих собственных бедах. Нам кажется, что если мы накажем тех, других, то сможем, наконец, обрести покой и найти оправдание собственному существованию.

Если бы я только мог вырваться из этой тьмы! Я пытаюсь найти опору в героических примерах прошлого, напоминая себе, что путь познания самого себя невозможен без искупительных страданий, и что воин должен бесстрашно противостоять внутренним демонам. Я стараюсь успокоить эту боль, приписывая себе разные достоинства, реальные и вымышленные. Я убеждаю себя, что я просто постигаю жизнь. Это помогает, но не надолго. Я начинаю думать, что такое объяснение звучит слишком напыщенно, по-книжному. Истина в том, что я страдаю, и сам не знаю, почему.

Я понуро бреду по песчаному берегу, когда ко мне подходит Джеймс. «Мне нужно кое о чем поговорить с тобой», - говорит он. Я уже успел достаточно изучить его, чтобы уловить тревогу в этом взгляде из-под сдвинутых бровей. Джеймс - прямой и решительный парень, и если уж он решил что-то сделать, то пойдет до конца. Питбуль с душой праведника. В моем теперешнем раздраженном состоянии я чувствую себя совершенно неспособным выслушивать чужие проблемы.

Некоторое время мы молча сидим под слабым осенним солнцем. Джеймс сосредоточенно изучает свои руки. «Не знаю, что я должен чувствовать после всех этих медитаций, но я стараюсь. Я делаю все, что вы с Джоуэлом говорите. Ты знаешь, я верю в своего спасителя Иисуса Христа. То, что мы тут делаем, иногда совпадает с моей верой. Но иногда... этого я просто не могу понять. Когда Джоуэл читал свою лекцию о сострадании, я вспоминал учение Христа и то, что он говорил о любви к ближнему». Окунь на мгновение прорезает зеркальную гладь пруда. Мы следим за тем, как круги расходятся по воде и тают у самого берега.

Когда он снова начинает говорить, то, отвернувшись, смотрит на дальний берег пруда, поверх деревьев, в холодную голубизну высокого неба. «Ты знаешь, какая наша задача. Знаешь, что мы должны делать, если встретим кого-нибудь на своем пути. Это может быть кто-нибудь из гражданских, может, даже деревенский мальчишка. - Он испытующе смотрит на меня. - Что я тогда буду делать? С моими медитациями, с моей верой в Христа. Как я смогу убивать?»

Я не знаю, какие чувства наполняют меня в этот момент, только что-то обрывается у меня внутри, и мне нестерпимо хочется оказаться где-нибудь подальше от этого места. Я хочу освободиться от нескончаемых вопросов и противоречий этого проекта, не слышать слов Джеймса, убежать от своих собственных мучительных поисков.

Я не знаю, что ответить. Неожиданно меня охватывает усталость, и мне хочется лечь на теплый песок и заснуть. Мне хочется, чтобы кто-нибудь взял меня на руки и начал качать,

как маленького ребенка. Джеймс не спускает с меня глаз, ожидая ответа.

«Что бы ты сделал на моем месте?» - настойчиво спрашивает он. Я чувствую безотчетный ужас.

«Не знаю», - говорю я, как будто извиняясь. Все кажется сложным и неразрешимым. Даже спокойная гладь воды и бездонная глубина неба не приносят спасения. «Может быть, лучше всего честно исполнять свой долг и не думать о последствиях». Несколько мгновений мы тихо сидим рядом. Я пытаюсь расслабиться. Мы просто сидим и дышим вместе. На соседней сосне, перелетая с ветки на ветку, шумно ссорятся две иссиня-черные сойки.

«Надеюсь, тебе никогда не придется столкнуться с такой проблемой», - говорю я. Он кивает, говорит спасибо и уходит.

Вечером того же дня я рассказываю Джеку и Джоуэлу об этом разговоре.

«Сложный вопрос», - тут же замечает Джоуэл. Джек задумчиво смотрит прямо перед собой. «Это говорит о том, что медитация не прошла даром, по крайней мере, для некоторых, - продолжает Джоуэл. - Я вижу, что Джеймс очень старается. Очень. Хотя ему и нелегко дается. Я уважаю его за это». Он начинает говорить о Кришне и Арджуне из «Бхагавадгиты» и о том, как они разрешали вопрос, убивать или не убивать, во время сражений. Пользуясь моментом, Кришна читает краткую проповедь о необходимости исполнения своего долга, не задумываясь о результатах. Я добавляю, что среди моих учителей медитации тоже было много профессиональных военных, которые принимали участие в боевых сражениях.

«Мы должны делать все ради высшего блага», - наконец говорит Джек. Мы долго и горячо спорим о том, что такое «благо» и что такое «высшее благо», потом плавно переключаемся на японских самураев, которые всегда находились в постоянной готовности к смерти. Самурай не видел разницы между жизнью и смертью. Для него смерть была в прошлом, и он учился бесстрашно жить одним мгновением.

Джоуэл рассказывает легенду об одном монахе, последователе Дзэн, который остался в своей деревне после того, как все остальные бежали в страхе перед нашествием монголов. Когда предводитель монголов нашел монаха, спокойно сидящего на пороге собственного дома, он вскричал: «Разве ты не понимаешь, что я могу разрубить тебя пополам своим мечом прямо сейчас, на этом месте?» На что монах отвечал: «А разве ты не понимаешь, что я уже готов умереть прямо сейчас и прямо на этом месте?» История повествует, что монгольский хан тут же почувствовал на себе божественную благодать, видя такую монашескую простоту, бесстрашие и мудрость.

Мы пускаемся в разговор на тему убийства и смерти. От эвтаназии мы переходим к серийному убийству, от абортотворения к библейскому «око за око». Наконец мы начинаем рассуждать о том, что могло бы заставить каждого из нас совершить убийство. Джек и я в один голос говорим, что могли бы убить, защищая свою жизнь, жизнь своих родных или близких. Джоуэл нерешительно качает головой и пускается в долгие рассуждения о левой щеке и правой щеке и о том, что одно насилие порождает другое.

Первое Убийство: Каин восстал и убил Авеля.

Сыновья Адама получили равное наследство: к Каину отошло право владения имуществом, к Авелю - право наследования всех живых существ. Каин был земледелец, а Абель - пастырь овец. Одному брату было вверено властвовать природой, а другому - следовать по Пути и жить в согласии с природой.

Каким же образом Каин восстал и убил Авеля? «Восстал» ли он, потому что потерял

терпение? Пошел ли он против своей природы, чтобы совершить самый тяжкий из всех грехов? Или он «восстал», как восстают угнетенные народы против своих тиранов? А может, он просто позавидовал беззаботной жизни своего брата?

А может, было так, что в день совершения Первого Убийства Каин, как всегда, в поте лица своего трудился на земле, а стада Авеля прошли по его пашне, вытоптав посевы и загубив плоды долгих, непосильных трудов. И когда Авель пришел, чтобы собрать свое стадо, Каин узнал виновника и в гневе потребовал, чтобы тот понес наказание. Авель же, как бы ни был расстроен случившимся, понимал, что бесполезно роптать на судьбу. Он был уверен, что человек должен просто следовать своему Пути, со всеми его удачами и неудачами, и недоумевал, почему Каин так сердится. Спокойно и невозмутимо отвечал он на гнев Каина. Тогда, разгневанный его спокойствием, в диком бешенстве замахнулся Каин своей грубой мотыгой и нанес Авелю смертельный удар.

Возможно и другое объяснение: в Библии говорится, что за несколько дней до Первого Убийства Господь «призрел на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел». Каин спрашивает самого себя, почему его, который дни напролет, согнув спину под палящим солнцем, возделывает каменистую почву, и пот заливают глаза его, и натертые руки его болят, - почему его отвергает Господь? Почему Авеля, который только и делает, что сидит в тени, играя на дудочке, Господь любит и вознаграждает? Каин, усердный и прилежный работник, отказался признать такую несправедливость и стал он «угрюмым и очень злым, и лицо его потемнело от гнева». Угрюмый и одинокий, Каин страдает. Горечь и зависть нарастают в душе его пока, наконец, не решается он сказать брату своему: «пойдем в поле». Он приводит его в заранее намеченное место, где уже спрятана его грубо отесанная мотыга. В порыве справедливого негодования он убивает брата своего.

Моя версия айкидо включается в тот самый момент, когда Каин хватается за свою мотыгу, чтобы нанести смертельный удар. Вместо того чтобы пасть первой жертвой Первого Убийства, Авель отступает, сливается с ударом Каина, а затем, применив рычаг, бросает его на землю, одновременно овладевая его мотыгой. Потом Авель почтительно откладывает мотыгу в сторону и спокойно уходит прочь. В течение многих дней Каин безуспешно пытается застать Авеля врасплох - каждый раз действие разворачивается по одному и тому же сценарию: Авель бросает Каина на землю или нейтрализует его с помощью удержания. В конце концов Каин понимает: во-первых, что он не в состоянии убить или ранить Авеля; во-вторых, что Авель не хочет мстить ему, хотя и имеет для этого все возможности; в-третьих, что Авель по-прежнему любит его, несмотря на попытки убить его. Каин и Авель живут вместе, они делятся друг с другом своими познаниями о том, как возделывать землю и содержать животных, они вместе беседуют с Богом. Они становятся первыми членами «Первого Земного Батальона».

Наш спор длится очень долго, и, несмотря на поздний час, я чувствую такое нервное возбуждение, что решаю отправиться на медитацию. Со вчерашнего дня мы ввели дополнительную медитацию перед сном для всех желающих, и теперь я гадаю, застану ли я кого-нибудь на месте. Сквозь густое переплетение самшита просвечивает месяц, то выныривая из облаков, то снова исчезая. Ночь черна как уголь, и я держусь поближе к домикам, чтобы не сбиться с пути. В окнах мелькают силуэты парней. Они спокойно сидят, потягивая чай перед сном. В голове у меня проясняется, я почти счастлив. Все мучения и страхи, которые преследовали меня еще сегодня утром, остались где-то далеко позади. Мне легко и приятно вдыхать этот свежий воздух, шагая под ночным небом, таким живым и

глубоким.

Когда я сворачиваю на засыпанную листвою тропинку, ведущую к клубу, месяц вновь выходит из облаков и, к своему удивлению, я замечаю шагах в десяти от меня темную фигуру. Человек идет, не торопясь, размеренным шагом, принаравливая свое движение к глубокой медитации. Его сосредоточенный вид, по-монашески накиннутый на голову капюшон, руки, глубоко засунутые в карманы куртки, делают его похожим на монаха, прогуливающегося в молитвенной задумчивости..., если бы не автомат M16, перекинутый через плечо.

Я иду вслед за ним по направлению к клубу. Внутри уже собрались люди, они устраиваются на подушках и скамеечках, их автоматы аккуратно разложены рядом с ними на полу. Я совсем забыл, что по приказу они должны в десять часов вечера забирать свое оружие со склада, держать его у себя всю ночь, а потом до утренней поверки возвращать его на склад. Вот почему сейчас они принесли их с собой. Комната заполнена лишь на четверть, но я приятно удивлен, увидев лица пришедших. Среди них немало молодых ребят, которые, как мне казалось, давно махнули рукой на занятия. Я решаю потом расспросить их об этом.

Лежащие на полу автоматы не дают мне покоя на протяжении всего сеанса. У меня такое чувство, будто это змеи, свернувшиеся у наших ног и готовые проснуться в любую минуту. Но против обыкновения сейчас я переношу этот парадокс очень спокойно. В какой-то момент мне начинает казаться, что это плохо, что, возможно, мои чувства притупились, и я начинаю добровольно сдавать свои позиции. Но я остро ощущаю все происходящее. Мое сознание напряженно работает, и я чувствую небывалый прилив сил. Даже привычное глухое недовольство, засевшее где-то в глубинах моего сознания, молчит. Мое дыхание - это долгий, всепрощающий вздох, который сначала устремляется в далекое бескрайнее пространство, потом вновь с силой врывается в меня и наполняет все мое существо энергией жизни. Я то покидаю собственное тело, превращаясь в крошечную неподвижную точку, то опять погружаюсь в безбрежный темный океан. Словно за тем «я», которое все видит, слышит и пытается осознать, стоит необозримое нечто, наполненное благодатной любовью.

Когда звучит колокол, я все еще продолжаю сидеть. Мне жалко покидать это теплое место и расставаться с легким и бездумным состоянием. Я медленно распрямляю ноги, дожидаясь, пока утихнет боль, потом встаю и присоединяюсь к цепочке людей, медленно выходящих из комнаты. Их головы опущены, автоматы привычно переброшены через плечо. Небо очистилось. Я на секунду задерживаюсь в круге лунного света в шаге от тропинки. Движение, покой, движение; темнота, свет, темнота. Метеорит прочерчивает короткую дугу в черноте неба. Прямо над моей головой ярко сияют Плеяды, ноги утопают в мягкой подстилке из сосновых иголок. Парни разбиваются на группы, расходясь по своим квартирам. Вскоре тишину нарушает только одинокий голос совы вдалеке. В какое-то мгновение я не ощущаю в себе ни желаний, ни мыслей, ни убеждений. Солдаты, медитирующие с оружием, - это признак времени. Далекие холодные звезды иронически подмигивают мне с высоты.

ДУША И ТЕЛО

18 сентября

Ночью неожиданно сильно похолодало. Затвердевшая земля крошится под ногами. Поднявшийся к утру свежий пронизывающий северный ветер шумит в деревьях и гонит белые барашки на пруду. Высоко в небе движутся темные силуэты, напоминающие полярных крачек. Я киваю им издали, восхищаясь героическим бесстрашием, с которым они пускаются в свой многотрудный путь.

Во время утренней медитации я представляю себя львом, внимательно озирающим горную долину перед прыжком. Величественная голова гордо поднята, мрачные желтые глаза вглядываются в чашу, в слабо освещенное рассветное небо. Мое сознание наполняется гордым и простым ощущением собственного бытия.

Необычайная нежность пронизывает все мое тело, и вскоре я плыву в безграничном пространстве. Мое тело освобождается от тревожного напряжения, в мозгу прекращается бесконечный диалог с самим собой. Вверх. Вниз. Поднимается и опускается мое дыхание, свободно, без усилий. Оно наполняет меня глубоким, живым спокойствием. Я становлюсь частью чего-то огромного, вырастающего до размеров вселенной. В нем, как эхо, звучат слова о-сэнсэя: «Я один на один с Вселенной!» и потом слова Будды: «Как изумительно! Как чудесно! Как все прояснилось!» Я чувствую себя идеально отлаженным музыкальным инструментом, чутко вибрирующим в созвучии со всей Вселенной. Неожиданно из середины комнаты раздается громкий и протяжный неприличный звук, и от сложного, глубокого образа, старательно выстроенного в моем сознании, не остается и следа.

По комнате проносится разрозненный смешок. Меня скручивает, как от удара деревянным мечом кейсаки. Что ж, это еще одно напоминание о том, что не следует залетать слишком высоко. После обеда мы собираемся, чтобы обсудить предстоящую гашуку. Гашуку - это японское слово, оно означает период интенсивных занятий айкидо, когда спортсмен тренируется, ест и спит, не выходя из до-дзе. Гашуку может длиться один день, неделю или даже месяц. Наша гашуку будет продолжаться только один день, и в течение этого времени нам предстоит чередовать тренировки айкидо с сеансами медитации. Мне стоило немалого труда отвоевать такую форму занятий, поскольку Джоуэл с самого начала возражал против совмещения айкидо с медитациями. Он убежден, что в настоящий момент многие парни еще только-только начали входить в курс дела, и чрезмерная физическая активность и общение друг с другом могут помешать погружению в самих себя, которое и так дается им с большим трудом. Мне понятна его точка зрения, но я считаю, что у этих парней нет другого выхода: только так они могут сочетать эффект от медитаций с выполнением практических задач, с которыми связана их работа. Я твердо отстаиваю свою позицию и не отступаю ни на шаг. Я напоминаю Джоуэлу, что он постоянно будет рядом с нами и всегда сможет вмешаться в случае необходимости. Наконец, он уступает, но с условием, что я буду вести занятия в медленном темпе и обращать особое внимание на концентрацию сознания.

В споре с Джоуэлом я отстаиваю свои представления о том, каким должен быть современный воин: я считаю, что при своей глубокой одухотворенности он должен быть

готовым исполнить свой долг перед обществом. Конечно, это отличается от монашеского затворничества, целью которого является личное спасение, но это также далеко и от служения исключительно внешним целям, достижению славы и материального успеха. Мне кажется, что ключевым здесь является слово «воплощение». Воплотись и живи в согласии со своими убеждениями - вот призыв к душе, вселяющейся в плоть. Мы стремимся жить, соглашаясь с собственными представлениями о жизни.

Это значит, что если мы считаем сострадание истинной добродетелью, то мы не только мысленно страдаем и не только говорим, что сострадание - это хорошо, но и живем сострадательно. Мы не просто следуем общепринятым нормам поведения, а ощущаем сострадание внутри себя, проживаем его каждой клеточкой, каждым мускулом своего тела.

Со стремлением жить в согласии с собственными идеалами связано и наше желание отыскать в себе героическое, героическое потому, что быть воплощением - значит выразить в материальной форме не только свои сильные, но и слабые стороны. Для того чтобы открыто признаваться в собственных слабостях, нужна настоящая смелость. Ведь в этом случае мы подвергаем себя испытанию, мы отваживаемся проверить, соответствуют ли наши представления о самих себе тому реальному человеку, которым мы являемся. Айкидисты в таких случаях говорят «выложи на мат», что означает: покажи мне то, о чем говоришь.

Мой интерес к этому вопросу возник в тот момент, когда я начал замечать, что у многих людей слова частенько, а то и всегда, расходятся с делом. В школе, в церкви или дома - везде я видел, что мир идей и мир реальных поступков существуют независимо друг от друга. В детстве меня, как и всех, учили: «держи свое слово». А на спортплощадках я видел, как какое-нибудь очередное спортивное «светило», из тех, что «чуть-чуть не попали в высшую лигу», лениво рассуждает о «здоровом теле и здоровом духе», не вынимая сигарету из рта. Если мне и доводилось встречать людей, которые действительно жили по своим принципам, то они казались мне пришельцами из другого мира.

Только благодаря спорту и восточным единоборствам я смог научиться языку реальной жизни. Занятия спортом наполнили мою жизнь смыслом, они помогли мне обрести чувство собственного достоинства. Переезжая на новое место, я быстро завоевывал уважение своих сверстников на спортплощадках или в до-дзе. Однажды, играя в бейсбол, я раздробил колено и был вынужден провести три месяца в гипсе. Я оказался под угрозой остаться хромым на всю жизнь, и врачи мне посоветовали заняться бегом, чтобы разработать больную ногу. Занятия бегом привели меня в национальную сборную по легкой атлетике, потом, как член сборной, я получал стипендию, учась в колледже. Позднее я выиграл стометровку на предолимпийских отборочных соревнованиях и на Играх Центральной Америки в Мехико.

Однако со временем я начал ощущать, что между этим языком тела - работой, движением и дыханием - и остальной моей жизнью растет пропасть. То удовольствие от ощущения собственной силы, которое я получал, стараясь достичь максимальных результатов, не имело никакого значения в обычной жизни за пределами спортплощадки. Как и мои друзья-спортсмены, я следовал неписаному правилу: свои спортивные достижения и открытия оставляй в раздевалке вместе со спортивной формой. Кроме дружеских замечаний вроде «Молодец!» или «Отличная работа!», которыми мы обменивались после какого-нибудь особенно удачного выступления, мы никогда не обсуждали того, какое значение имеет спорт для всей нашей жизни. После выступлений и тренировок мы превращались в неловких и

застенчивых парней, как будто наши тела, словно какие-нибудь редкостные животные, не могли существовать за пределами искусственных условий спортплощадок.

Если бы я был целиком поглощен спортом, то, возможно, со временем пришел бы к некоторому согласию с самим собой. Но я постоянно разрывался между спортзалом и учебными занятиями - двумя источниками познания. В сложном и многообразном мире философии, психологии и литературы я пытался утолить тот мучительный голод, который испытывал в компании своих товарищей по спорту. И какую великолепную пищу для размышлений я нашел! Китс, Шекспир, Йитс, Витгенштейн, Рильке, даосизм, буддизм, Юнг, индуизм и Руми открыли для меня неиссякаемый мир высоких знаний.

Вместе с тем я понял, что для того, чтобы существовать в утонченном мире идей, человеку достаточно просто знать. Я открыл для себя, что, интеллектуалы, также как и спортсмены, отделяют жизнь тела от жизни разума. Их сутулые плечи и неловкие движения подсказывали мне, что единственная жизнь, которую они признают, - это жизнь духовная. Точно так же, как прекрасные тела спортсменов существовали только в стенах спортзалов, вдохновенные идеи интеллектуалов жили отдельно от их бранных тел.

Так и получалось, что с одними я говорил языком работы и напряженных усилий, под палящим солнцем и дождем. Но чтобы восполнить недостаток этого общения, я шел в прокуренные кафе, где мои друзья-интеллектуалы и поэты за чашечкой кофе высокопарно рассуждали о поисках смысла жизни.

Чтобы хоть как-то сблизить эти два мира - и два языка - необходимо было отыскать ответы на ряд вопросов. С философско-интеллектуальной стороны такими вопросами были: «В чем должна реально выражаться смелость?», «Как связаны между собой центр тяжести и душевное равновесие?» и «Каким образом наша воля преобразуется в движение мускулов?» Со своей стороны, спортсмены и последователи восточных боевых искусств задавали - если не словами, то, по крайней мере, поведением - иные вопросы: «Как мне перенести в повседневную жизнь то ощущение легкости и свободы, которое я достигаю во время тренировок?», «Как мне достичь не только физического, но и духовного совершенства?» и «Могу ли я применять принцип сохранения равновесия не только в бою, но и в духовном противостоянии?» Задавая себе подобные вопросы, мы невольно начинаем вести внутренний диалог между разумом и телом. И это помогает нам сблизить наши мысли с поступками, разум с телом, дух с плотью, наши внутренние убеждения с их реальным выражением. Участие в этом диалоге дает нам более ясное, более живое ощущение жизни, а это значит, что мы открываем для себя новые значения и обретаем большую свободу выбора.

К нашему сожалению и стыду, науки, построенные на целостном подходе к развитию души и тела и способные дать ответы на эти вопросы, напрочь исключены из всех образовательных программ. Вместо этого в классах нам преподают рациональное мышление, а в спортзалах - законы движения. В результате мы имеем общество, построенное на конкуренции и механическом зазубривании, где люди делят свое существование на отдельные, не связанные между собой части - работа, семья, личные интересы. Одной из абсурдных попыток соединить эти части в единое целое является наше последнее увлечение: смотреть телевизор на лоне природы. Продуктом такого отношения к жизни стала нация телезрителей с притупленными чувствами и усыпленным сознанием. Такие телезрители потом, не моргнув глазом, развязывают войны где-нибудь за тысячи миль от своего дома. Они всерьез считают «не убий» своей главной заповедью и при этом

посылают войска в какой-нибудь дальний уголок планеты, где лишают жизни десятую часть мирного населения и приносят неисчислимые бедствия природе - парадокс, достигший наивысшей степени в момент благословения католическим кардиналом реактивных самолетов F-14 перед бомбардировкой Северного Вьетнама.

19 сентября

Мы с Рейдером шагаем по холмистой местности к юго-востоку от лагеря. В дневном небе висит луна. Буйство оранжево-красных и желто-золотых красок осенней палитры вполне соответствует крайнему раздражению, в котором я пребываю. Мне совсем не хотелось идти на эту прогулку, но беззаботная настойчивость Рейдера, в конце концов, пересилила мою злобную угрюмость. Вчерашняя гашуку закончилась полнейшим провалом. Я до сих пор не могу отделаться от разочарования и досады.

Трудности начались, когда я предложил парням упражнение, в котором просил их ощутить разницу между словесными командами логического, когнитивного разума и теми импульсами, которые исходят от глубинных, интуитивных пластов сознания. Я хотел, чтобы они почувствовали разницу между думающей, «расчетливой» частью нашего сознания и той его частью, которую можно назвать чувствующей, интуитивной. Упражнение заключалось в том, чтобы спокойно стоять в позе ханми, основной позе айкидо, напротив своего партнера и в определенный момент шагнуть к нему навстречу. Только задача состояла в том, чтобы сделать этот шаг, когда сигнал «иди» поступит не от мозга, откуда они обычно получают команды, а из более глубинных пластов сознания. После того как мы разобрали стандартные ошибки при выполнении этого упражнения и разучили некоторые вспомогательные упражнения на развитие интуиции, я оставил их работать самостоятельно.

Когда мы собрались всей группой, чтобы обсудить результаты, стало ясно, что мнения, как обычно, разделились следующим образом: примерно треть были искренне увлечены этими занятиями, несмотря на некоторые сомнения; треть - в основном из тех, кто помоложе - либо не могли до конца понять, что от них требовалось, либо откровенно скучали, так что их, скорее, можно было обвинить в незрелости и отсутствии опыта, чем в нежелании работать; и, наконец, еще одна треть были те, кто ни под каким видом не желал выполнять упражнение, кто словами и поведением отвечал одним только «НЕТ!» на все мои предложения. Этих убежденных противников возглавлял Харвуд, и на этот раз они были настроены еще воинственнее, чем обычно.

Показывая пальцем на свою голову, он гнусаво твердил одно и то же: «Слова или команды всегда поступают отсюда. Не знаю, про что ты говоришь. Это мой мозг всегда дает мне команды идти». За его словами я слышу совсем другое: «Да пошел ты, Ричард, со своей программой. Не дожدهшься, чтобы я подыгрывал тебе».

«Просто попробуй, - терпеливо уговаривал я его. - Представь, что твой мозг у тебя в животе. Какие сообщения он тебе посылает?»

Он продолжал тупо смотреть на меня и пожимал плечами: «Я ничего не чувствую. Не понимаю, о чем ты говоришь». В сотый раз, приставив палец к своей голове, он повторял: «Вот мой мозг. С какой стати я должен думать другим местом?»

Всеми мыслимыми и немыслимыми путями я пробовал заставить его прислушаться к своей интуиции, попытаться подчинить свои движения инстинкту, а не логическому мышлению. Но всякий раз меня ожидала неудача: Харвуд только презрительно фыркал на

все мои советы. Я понял, что нашла коса на камень. Открыто бодаться с ним было бесполезно, но меня уже захлестнула волна злобного раздражения, вызванная его упрямством. Парни начали собираться позади нас, с любопытством ожидая, как я собираюсь реагировать. Какое-то время я еще сохранял спокойствие, но когда он сказал: «Я не понимаю, чего ты хочешь от меня. И вообще понятия не имею, о чем ты говоришь», я взорвался.

«Давай, рискни, Харвуд! - заорал я. - Чего ты боишься? Черт побери, парень, напряги свое воображение. Это же не смертельно!»

Джек попытался прийти мне на помощь, но меня уже понесло, и я раздраженно отмахнулся от него. Все мои надежды, связанные с этой гашуку, рассыпались прямо на моих глазах. Мы с Харвудом сцепились намертво. Парни собрались вокруг нас, оставив свою работу. Хуже всего было то, что мое поведение явно противоречило всему, что я говорил раньше.

К концу дня я был в таком бешенстве, что когда Джек сказал: «Да, они тебя сегодня порядком достали, Строщи», я буквально зарычат на него.

Как будто читая мои мысли, Рейдер прерывает мое глубокое молчание: «Ты не должен действовать нам на нервы. Мы обязаны быть жесткими, это часть нашей работы. Во-первых, Харвуд просто не верит вам, парни. Он капитан, и ему не нравится, что вы командуете. Лично я считаю, что в группах А вообще не должно быть офицеров. Ты знаешь, что одно время в группах А не было никаких офицеров? Я считаю, мы должны снова вернуться к этому. Первый сержант займет место главного сержанта, и группа будет работать сама по себе, без офицеров. А то сначала добавили уорент-офицера. Ну, это было еще нормально, потому что он такой же простой солдат, как и мы. Но офицеры нам не нужны. От этого только путаница и больше ничего».

«Ты веришь мне?» - спрашиваю я.

Он смотрит на меня сочувственно: «Я начинаю верить. Но ты все еще не понимаешь нас. И, мне кажется, ты не очень понятно объясняешь, особенно здесь, в лагере. Ведь медитация и психотренинг - это самое важное, правильно? Если честно, у тебя не очень получается донести это до парней».

«Я устал все время выслушивать, что я не понимаю вас, парни», - я чувствую крайнее раздражение.

Он смотрит на меня и равнодушно пожимает плечами.

Я продолжаю: «Может быть, вы специально отгораживаетесь от нас. Для защиты».

«От чего?» - бросает он с вызовом.

«От собственной слабости. Вам нужно знать свои слабые места, а вы прячетесь от них. Но если человек замыкается в себе, он теряет жизненную силу и умирает. Таков закон природы».

«Слушай, - после некоторого молчания отвечает он. - Для нас команда - это все. Это самое главное. У нас все общее. Мы - как семья. Даже больше, чем семья. Нет ничего такого, чего бы я не сделал для своей команды. Вообще ничего. От того, какие отношения в команде, зависит жизнь и смерть. Тебе этого не понять. У нас все общее, даже страхи. Короче, тут много всего, тебе не понять».

«Я не собираюсь быть членом вашей команды. Да и не хочу, - устало говорю я. - Я уважаю вашу дружбу и ваши отношения, но я совсем не хочу, чтобы вы раскрывали мне свою душу. По правде говоря, мне это и не нужно. Что я точно знаю, так это то, что я могу

дать вам кое-какие знания, которые сделают вас сильнее. Именно как команду. Но если вы будете отгораживаться от меня, то не сможете понять, что я хочу вам сказать». Несколько мгновений мы молчим. В листве возле наших ног движется колонна красных муравьев. «Пошли», - говорю я.

Продолжая разговор на эту тему, мы попеременно то соглашаемся, то спорим друг с другом, и постепенно внутри нас начинает что-то меняться. Находясь за пределами лагеря, вдали от своих товарищей, мы ломаем устоявшиеся рамки. Между нами растет понимание, несмотря на то, что мы сохраняем привычный насмешливо-грубоватый тон. То, о чем он говорит как о невозможном, становится возможным: он открывается мне, и я начинаю лучше понимать его. Я ловлю себя на том, что завидую этим парням. Они искренне и неподдельно близки друг другу, за их отношениями стоят настоящая любовь и забота друг о друге. И он, к сожалению, прав: несмотря на то, что они служат в мирное время, от их сплоченности и мужества в любую минуту может зависеть их жизнь, жизнь их товарищей и жизнь посторонних людей. Это постоянное балансирование на грани жизни и смерти, необходимость заранее просчитывать каждый шаг - отличительные особенности жизни воина, и какими бы ограниченными ни были эти парни, их жизнь, к которой большинство людей относятся пренебрежительно, полна высокой ответственности и истинного благородства.

Они стоят плечом к плечу на страже цивилизации: их железное братство - это как раз то, чего ждет от них общество. Мы нуждаемся в их защите, но нас не волнует, как они будут справляться с этой задачей. Мы даже оставляем за собой право критиковать, а то и осуждать их за то, о чем сами же и просим.

Я всегда гордился тем, что могу много и быстро ходить, но Рейдер заставил меня пересмотреть свои скромные возможности. Он шагает впереди, не зная усталости. Стараясь не отстать, забыв про свои беспокойные мысли, я обращаю свое внимание на ноги, и вскоре мое дыхание выравнивается. «На воле» Рейдер явно чувствует себя как дома, и пока мы пробираемся через лесные заросли, он болтает не переставая. Неожиданно мы выходим на свежую просеку. И в ту, и другую сторону насколькo хватает взгляда тянутся вышки линии электропередачи. Глядя на результаты бездумного уничтожения, он качает головой. Потом машет рукой на заросли папоротника и говорит: «Горчичный цвет. Мой любимый». После этого он пускается в пространный экскурс об особенностях местной растительности. Я поражен не столько тем, как много он знает, сколько живостью его восприятия. Я знаю, что на его месте многие парни оценили бы обстановку по-военному, то есть с точки зрения возможности засады или укрытия, Рейдер же смотрит на все, как истинный ценитель природы, что-то вроде неустрашимого первопроходца и натурфилософа одновременно.

«Сколько себя помню, всегда хотел служить в армии», - неожиданно говорит он.

«Тебе нравилось играть в солдатики... или в войну?» - спрашиваю я.

«Нет, просто я знал, что когда-нибудь буду в армии. Что это моя судьба».

«А почему не морская пехота?»

Он бросает снисходительный взгляд: «Крепкие парни, но без мозгов».

«А ты хотел бы стать офицером?»

«У меня была возможность попасть в офицерскую школу, но это не для меня. Если ты офицер, тебя могут направить на штабную работу, переключивать бумажки с места на место. Потом у офицеров все мысли о карьере. Они только и думают, когда их повысят по службе, и все такое, а что нужно сделать для команды, армии или для солдат, их не волнует. Мне

нравятся учения, в лесу или в поле. И если где-нибудь заварушка, я хочу иметь возможность участвовать в ней. Я не собираюсь протирать штаны в штабе. Если бы я хотел быть канцелярской крысой, то давно бы пошел в бизнес и зарабатывал «бабки». Это не для меня». Он смотрит на бесконечные холмы. Над горизонтом сгущается багровая дымка, жалобно свистит поползень. «Я очень хотел попасть на Гренаду, - продолжает он. - Даже направил рапорт на имя командира части, но мне отказали». Он говорит это без сожаления, но я чувствую, что он что-то недоговаривает.

«Зачем тебе это было нужно?»

Он глядит на меня недоверчиво, пораженный тем, что я не знаю таких простых вещей. «Чтобы проверить, на что я способен».

Это то, что я называю синдромом коричневого пояса. За свои более чем двадцать лет занятий разными боевыми искусствами я повидал немало примеров этого заболевания. Как только ученик получает коричневый или даже черный пояс, его тут же одолевает желание проверить, как «оно работает». Его начинает мучить вопрос: «А что я теперь могу? Сработают ли мои знания в настоящей драке?» Среди спортсменов такого уровня даже распространена шутка, которая состоит в том, чтобы неожиданно крикнуть на ухо товарищу: «Караул! Грабят!» Когда я сам был обладателем коричневого пояса, то любил прогуливаться по ночам в соседнем парке, чтобы узнать, на что я способен. К счастью для кого-то, а может быть и для меня самого, мне так и не представилось случая проверить себя.

Но это не только проблема подросткового возраста. Я думаю, что вопрос «На что я способен?» сопровождает каждого, кто по роду своих занятий вынужден ежедневно испытывать себя на прочность. Это особенно касается тех видов деятельности, которые предполагают работу с партнером или воображаемым противником. Легкоатлеты, боксеры или наездники могут проверить себя на соответствующих соревнованиях. Но могут ли боевые учения удовлетворить профессиональных воинов? Должны ли мы непременно отнимать чужую жизнь или жертвовать своей ради того, чтобы найти ответ на этот вопрос? Означает ли это, что обучение солдат в мирное время должно отличаться от обучения во время войны? Должны ли мы в наш ядерный век с его безумными технократическими идеями по-новому взглянуть на этот вопрос? Интересно, что когда в истории Японии на протяжении четырех веков не было войн, японский самурай посвящал часы досуга поэзии, составлению цветочных композиций и медитации. А что мы можем противопоставить войне?

Мы взбираемся на вершину небольшого холма с клочками пожухшей травы под ногами и останавливаемся, чтобы полюбоваться открывающимся видом. Над нашими головами в затянутом дымкой небе неровный клин диких гусей неожиданно перестраивается в сплошную линию, которая, словно гигантское черное копье, пронзает небо с севера на юг. Рейдер рассказывает мне о Скандинавии. Его голос звучит мягко и мелодично, когда он с восторгом описывает красоту северных небес, гор. Меня трогает, когда он добавляет: «Жалко, что тебя там не было». Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него, и неожиданно меня охватывает смущение. Некоторое время я делаю вид, что меня очень интересует какой-то торчащий из земли корень. Мы сидим в полной тишине. Время от времени снизу доносится карканье ворон, невидимых среди деревьев. Прямо перед нами простирается огромное пространство, которое словно снимает какой-то груз с наших душ. Когда наступает время идти назад, мы одновременно поднимаемся и, не говоря друг другу ни слова, начинаем свой путь обратно на север.

На полпути мы заводим разговор о прошедшем мятеже. Мы оба считаем, что это был критический момент в жизни лагеря. Рейдер рассказывает мне, что нервное напряжение было настолько сильным, что кое-кто из парней даже стал утверждать, будто во время войны Джек был захвачен вьетнамцами и завербован, на манер «Кандидата из Манчжурии». Они уверяли, что Джек - это человек-робот, которому дано задание через «Спортсмайнд» внедриться в американский спецназ, чтобы вести подрывную работу среди солдат.

«С какой целью?» - спрашиваю я.

«Не знаю. Коммунистическая пропаганда, наверное», - отвечает он.

Когда мы входим в лагерь, у меня на душе одновременно легко и грустно. Продолжительная прогулка с Рейдером освежила меня, но в лагере на меня снова накатывают воспоминания о вчерашней гашуку. Кроме горького разочарования, меня еще мучает стыд из-за своего недостойного поведения в стычке с Харвудом. Борясь с их недостатками, я выставил всем на посмеище свои собственные. Я пытаюсь убедить себя, что мое поведение было вполне оправданным, но на сердце у меня по-прежнему тяжело.

«Я не должен был так вести себя с Харвудом», - говорю я, чтобы снять с души эту тяжесть.

Рейдер добродушно смотрит на меня: «Да уж, ты дал себе волю». Он пожимает плечами и вертит в руках дзе. «Нет худа без добра». Когда я возвращаюсь к своему домику, мне на память приходит строчка из стихотворения Аллена Гинзберга «Воин»:

... он знает свое

Печальное и нежное сердце...

Эти слова все еще звучат внутри меня, когда я поднимаюсь по лестнице в наш домик. И тут я замечаю Джека, который быстро шагает по дорожке. Я вспоминаю о том, что он шпион, завербованный коммунистами и тайно заброшенный в спецназ для подрывной работы, и не могу удержаться от смеха. Если Джек Сири - это кандидат из Манчжурии, тогда я - кандидат из проекта «Троянский воин». «Сегодня ты выглядишь лучше», - тепло говорит он, обращаясь ко мне.

21 сентября

Во время медитации я шагаю среди сосен по узенькой тропинке возле пруда. Дрозды, скворцы и воробьи то и дело выпархивают на залитую солнцем тропинку и вновь скрываются в лесной чаще. Я задумчиво делаю один шаг за другим. Всякий раз, как мое сознание ускользает от меня, я мягко возвращаю его к настоящему моменту: только ощущения, дыхание, движение. Толстая подушка из сосновых игл пружинит под моими ногами, мое дыхание растворяется в бесконечном пространстве. Мир постепенно становится простым и понятным, и я наполняюсь ощущением чуда. Грациозные конусы мохнатых сосен становятся молчаливыми стражниками, ревниво охраняющими мое задумчивое уединение. В том месте, где тропинка сворачивает и, сужаясь, исчезает в сумраке леса, я на мгновение задерживаюсь, чтобы набрать полные легкие прохладного воздуха, и потом поворачиваю назад. Теперь пруд слева от меня. Яркие краски осенней листвы здесь приглушены, как на картинах Моне.

Когда я выхожу на дорогу, мне на глаза попадают Фарли и Картер, которые быстро

проходят справа от меня. В воздухе остается табачный дым. На мгновение очарование рассеивается, и мое сознание вновь начинает бешено нестись по виражам эмоций, как это было на протяжении всей последней недели. Я останавливаюсь, закрываю глаза и стараюсь вернуть себя в состояние покоя. Как авиадиспетчер, посылающий позывные терпящему бедствие кораблю, я пытаюсь установить связь с самим собой, вернуть себя в прежнее состояние, назад, на тропинку, бегущую возле пруда, к сосновым иглам под ногами, к черной лесной земле, к ее всепрощающей любви.

Я складываю руки над хара, как принято у дзэн-буддистов, и, стараясь двигаться в неизменном ритме, возвращаюсь в лагерь. Теперь медитация нужна мне не для достижения духовного просветления, я хватаюсь за нее как за единственную возможность сохранить остатки внутреннего спокойствия. Все мои представления и образы начинают рассыпаться на части. Меня то наполняет восторг и ощущение безграничной энергии, то вновь захлестывает мутным потоком бешенства. Я с невероятной осторожностью делаю один шаг за другим, чтобы не потерять хрупкое равновесие, удержаться за тонкую нить между ангелом и бесом. Когда я, наконец, подхожу к клубу, мое внимание целиком поглощено простейшими движениями - вот я иду, потом снимаю обувь, потом усаживаюсь на свою подушку.

Все мои ощущения сливаются в одно: я не чувствую разницы между движением и покоем, между дыханием и мыслями, между самим собой и образами, возникающими в моем сознании. Все вокруг лишается своей глубины, но зато становится невероятно простым и понятным. Ко мне приходят слова японского учителя дзэн Ейхей Догэна: «Так, если тебе захочется, чтобы весна не была похожа на весну, а осень на осень, то просто вспомни, что они могут быть только тем, что они есть на самом деле».

22 сентября

Оловянно-серое небо застыло над разноцветным ковром осенней листвы. Сердитый порывистый ветер дует с севера, задувает под куртки, замораживает уши и носы. Вместо обычной тренировки парни преодолевают полосу препятствий. Я с удовольствием замечая, что сегодня могу спокойно переносить их обычные дурачества. Переходя от одного препятствия к другому, они систематически нарушают те правила поведения, которые мы установили в лагере. Со стороны это очень похоже на урок физкультуры в старших классах. Джек, Джоуэл и я обмениваемся беспомощными взглядами, но никак не реагируем, только молча фиксируем результаты. Невозмутимость и хладнокровие - единственное спасение после недели сумасшедшего нервного напряжения. Одновременно я далек от того, чтобы быть равнодушным или смиренным. В своем сознании я ощущаю необыкновенную ясность. В этом состоянии я могу спокойно оценивать результаты каждой команды, отмечая все достоинства и недостатки, что мне редко удастся, когда я ставлю себя в положение ментора или позволяю себе слишком нервно реагировать на их дурацкие шутки.

Еще в самом начале проекта было понятно, что каждая команда обладает ярко выраженным характером, но только теперь это начинает серьезно сказываться на результатах работы. Группа 560 вступила в проект, имея крепкий, спаянный коллектив. У нее был авторитетный командир, что делало ее еще сильнее и сплоченнее. В группе 260, напротив, был новый и неопытный командир, много новичков и вдобавок сомнительный сержант, среди особо недовольных известный под прозвищем «Антихрист». По сравнению

с 560-й с ее сильным руководством, опытным составом и великолепной репутацией, 260-я выглядела как курсанты «Полицейской академии» по сравнению с королем Артуром и благородными рыцарями «Круглого стола».

Этот контраст вначале выгодно отличал 560-ю от другой группы, но теперь положение начинает меняться. Лагерь заставляет каждого серьезно пересмотреть свое отношение к самому себе и к своим товарищам. При этом рушатся все привычные, давно сложившиеся отношения, и в какой-то момент, среди отчаянных попыток создать новую, более эффективную структуру взаимоотношений, возникает состояние полной неразберихи. На этом этапе команды начинают обнаруживать свои сильные и слабые стороны, до этого остававшиеся незамеченными. В ходе проекта члены 260-й начинают общаться друг с другом по-новому и легко разрушают прежние стереотипы поведения. Это позволяет им открывать друг в друге общие черты и совместно преодолевать различия. В разговорах с нами они признаются, что именно в лагере начали по-настоящему понимать друг друга. Поскольку им нечего терять - по сути, в начале проекта у них и не было сложившихся взаимоотношений - они не боятся экспериментировать, а в результате выигрывают все - и команда, и каждый участник в отдельности.

Со своей стороны, группа 560 со всеми ее достижениями и безупречной репутацией сталкивается с большими трудностями, поскольку вынуждена идти на ломку давно сложившихся взаимоотношений. Авторитет «образцовой команды» становится для них тяжелым бременем, так как, стремясь любой ценой сохранить свою высокую репутацию, они вынуждены цепляться за устоявшиеся представления о самих себе. Но, несмотря ни на что, слава их команды начинает постепенно меркнуть. Нервное напряжение лагеря выплеснуло наружу их скрытые чувства и обнаружило недостаточную терпимость друг к другу. Командование группы - капитан, уорент-офицер и сержант - панически переживают утрату контроля над своими подчиненными.

В отличие от 260-й, 560-я группа никак не может расстаться со своим имиджем. Именно из-за того, что их всегда считали такими хорошими, они отчаянно боятся перемен. Их показатели и без того уже достаточно высоки, чтобы надеяться на их улучшение. В результате 560-я из всех сил стремится сохранить все как есть, тогда как 260-я полностью открыта для экспериментов. Как мне убедить их, что самый темный час бывает перед рассветом? Что чувство глубокой неудовлетворенности и разочарования всегда предшествует периоду обновления и роста? Как говорил коммунист Антонио Грамши во времена Великой Депрессии, «кризис заключается в том, что старое отмирает, а новое еще не успело родиться».

Сейчас они преодолевают одно особенно трудное препятствие. Задача заключается в том, чтобы пролезть через небольшое проволочное кольцо, расположенное чуть выше метра над землей, не задев его. Наблюдая за ними, я думаю о том, что перед моими глазами сейчас проходят две Америки. Парни из 260-й отчаянно штурмуют препятствие. Они суетятся и толкаются, пытаются как можно скорее пролезть через отверстие. Им прекрасно известно, что если кто-нибудь из них заденет проволоку, то вся команда потеряет время и будет вынуждена начинать все сначала, но, несмотря на это, они беспорядочно топчутся возле препятствия, через которое может одновременно пролезть только один человек. Волнуясь, Скотт задевает локтем проволоку, и все повторяется снова. Неудача не смущает их, и как ни в чем не бывало они продолжают лихорадочно толпиться, суетясь и нервничая. Со своим напором и горячностью, 260-я неожиданно делается похожей на ту свободолюбивую

Америку, которая бесстрашно несется во весь опор, ломая на своем пути любые преграды.

Группа 560, с ее спокойной уверенностью в себе, опытным руководством и огромным запасом сил (это бывалые, физически крепкие и здравомыслящие люди), представляет другую Америку. Это мировой лидер, нерушимый бастион благополучия и порядка. Это та Америка, что возвышается на пьедестале и не сойдет с него, даже если для этого потребуются идти по головам. Это Америка Уолл-стрит, которая не станет рисковать своим положением ради сомнительных идей, даже перед лицом экономического или культурного кризиса.

Офицеры 560-й стремятся сохранить свое руководство, однако под напором молодых и честолюбивых членов команды их авторитет то и дело оказывается под угрозой. Пока начальники вырабатывают тактику и строят команду, кое-кто из парней начинает скучать, их внимание рассеивается: зачем переживать, раз «начальство все знает». 560-я выбирает надежную, проверенную тактику, они методично отправляют одного за другим через препятствие, как будто укладывают сардины в банку. Их хладнокровное спокойствие увенчается успехом: спокойно, без спешки они успевают уложиться примерно в тот же результат, что и 260-я.

«Плюсы» каждой команды - это одновременно ее «минусы». Но если выявить эти «минусы», то они могут снова быть обращены в «плюсы». Традиционные преимущества американской культуры сегодня привели нас к такому положению, когда мы вынуждены всеми силами защищать свои позиции мирового лидера. Но, заняв позу обороняющегося, мы стали с пренебрежением относиться к рискованным экспериментам и личной предприимчивости - качествам, которые и сделали нас когда-то великой нацией.

Наблюдая за тем, как парни один за другим преодолевают полосу препятствий, я чувствую, что вместе с ними перехожу от одного мировосприятия к другому. Они представляют собой две стороны нашей культуры, и вместе с этим несут в себе надуманную идею о непреодолимой пропасти между душой и телом. Но ведь душа и тело едины, они неотделимы друг от друга. Это все равно, что задавать себе вопрос: что такое рука - это тыльная сторона или ладонь? Душа и тело - это две стороны одного и того же живого организма, называемого человеческим существом.

Эта пропасть разделяет две команды, она лежит внутри самих команд, внутри каждого из нас. Можно по-разному определять для себя, где она проходит, и почти всегда такое деление приводит к неразрешимому спору, к конфликту между той нашей половиной, которая стремится к познанию и контролю, и той, что стремится к существованию и единению. Непрерывная война, которую мы ведем с самими собой, отражается на нашей жизни, на жизни наших родных и близких. Мы переносим ее на наших идеологических противников, которые - мы просто уверены! - только и думают, как бы захватить нас и начать управлять нами, точно так же, как одна наша половина стремится подавить другую. Наша внутренняя вражда настолько отдалила нас друг от друга, что в стремлении обезопасить себя мы разработали целую технологию насилия. В этом конфликте мы поистине превзошли самих себя, потому что объявили своим врагом не только человека в чужой военной форме, который поклоняется чужому Богу, а жизнь вообще.

До тех пор, пока мы не придем к согласию с самими собой и не прекратим рубить сук, на котором сидим, наше раздвоенное сознание будет методически сводить на нет любые усилия по достижению мира. И никакие горы оружия не помогут нам защититься от «чужих». Воин должен осознавать эту внутреннюю раздвоенность, чтобы не сваливать свои

ошибки на других. Он должен переосмыслить идею врага. Возможно, Уильям Батлер Йитс был близок к истине, когда воскликнул: «Почему мы так восхищаемся теми, кто погиб на полях сражений? Человеку нужна куда большая смелость, чтобы заглянуть в самого себя!»

23 сентября

Полковник Флинн стоит, опершись о деревянные перила, на берегу пруда и окидывает взглядом картину, как старый морской волк на капитанском мостике. Желтогрудая птичка опускается на столб и кокетливо поворачивает свою головку в его сторону, словно пытаясь понять, что это за могучая фигура в зеленом камуфляже и берете. Флинн щурится от слабого осеннего света, напряженно вглядываясь вдаль. Птичка подпрыгивает поближе и, свернув головку, взглядывает на него другим глазом.

«Чертовски красиво!» - неожиданно восклицает Флинн, заставляя птичку немедленно вспорхнуть со своего места. Он отталкивается от перил и складывает свои могучие руки на груди. Несколько секунд он молча раскачивается на каблуках и затем кивает головой. «Да, красиво», - уже мягче добавляет он.

Полковник Флинн прибыл в лагерь с официальной проверкой посмотреть, как идут дела, а заодно и лично взглянуть на те трудности, о которых в части давно ходят слухи. Когда я говорю ему, что слухи не совсем верны, он понимающе кивает и с досадой кривит губы. «Ладно, что-нибудь придумаем», - решительно отвечает он и смачно сплевывает коричневую слюну.

Флинн - кадровый офицер батальона, в котором числятся наши команды. Это крепкий человек, настоящий образец «зеленого берета», копия легендарного полковника Булла Саймонса: грубовато-простодушный солдат, который сам себя шутливо называет «гадкий мальчишка из Ривер-Сити». Он строгий, но справедливый командир, отец своим солдатам. Это тот тип начальника, который никогда не требует от своих подчиненных того, что не в состоянии сделать сам.

За суровым взглядом и устрашающей внешностью этого человека чувствуется тепло и искреннее желание быть полезным. Это во многом благодаря его бульдожьему упрямству и неисправимому фантазерству проект «Троянский воин» смог увидеть свет. По глубокому убеждению Флинна, подготовка современного солдата невозможна без целостного развития личности. Его чрезвычайно интересует все, что касается биоэнергоконтроля и измененного состояния сознания. Все свободное время он проводит в лаборатории у Джоуэла. Это ему принадлежит термин «комплексно подготовленный солдат», который мы использовали при подготовке проекта. Он убежден, что при всей перегруженности технологиями и вооружением современная армия катастрофически нуждается в развитии человеческого потенциала. Однажды я услышал, как он рявкнул, что никогда не читал и не собирается читать книжек про Вьетнам. Позже я спросил одного офицера, что это значит, и тот ответил: «Флинн говорит, что никто не в состоянии понять, что на самом деле произошло в Наме. Никто не может написать про это как следует. Он хочет, чтобы ничего подобного больше никогда не случилось. Чтобы никто не втянул нас в войну, в которой нельзя победить».

Мы поворачиваем на тропинку и тут же сталкиваемся с Фарли и Орезоном. Они едва не налетают на нас, прежде чем понимают, что перед ними сам полковник Флинн. Происходит короткое замешательство, после чего они выпаливают:

«Доброе утро, сэр», при этом их руки совершают в воздухе непонятный маневр, как будто

они не знают, стоит отдавать честь или нет.

«Доброе утро, Джим. Доброе утро, Ларри. Как лагерь?» - спрашивает он.

«Отлично, сэр», - в один голос отвечают они, украдкой бросая взгляд на меня.

«Рад слышать это», - говорит он и кивком головы отпускает их. Они улыбаются, как школьники, которых похвалил учитель.

По дороге к нашему домику мы встречаем Яновски. Флинн приветствует его: «Привет, Джим! Что это у тебя на лице?»

Лицо Яновски расплывается в улыбке, он потирает у себя на щеках двухдневную щетину: «Пробовал отрастить бороду, сэр».

«Смотри, не превратись в хиппи», - ворчит Флини с улыбкой на лице.

«Нет, сэр», - тянет Яновски.

Целый день сопровождая его по лагерю, я становлюсь свидетелем того, как работает сложный и запутанный механизм его отношений с подчиненными. С теми, кто помоложе, он ведет себя, как отец. Между собой они любовно называют его «батьа», но при этом он остается для них суровым и жестким начальником, требующим беспрекословного подчинения. Сержанты, прослужившие в армии не меньше, а порой и больше него, относятся к нему так, как относишься к старому товарищу, с которым провел долгие годы в одной упряжке.

Нигде я не встречаю ни Джона Уэйна, ни Сильвестра Сталлоне, ни Арнольда Шварценеггера - тех угрюмых и мстительных героев, которые глядят на нас с многочисленных плакатов и кинолент. Стремясь создать романтический образ солдата спецназа, мы лишили его правдоподобия. Мы называем этих парней «железными». В силу своей профессии, они вынуждены большую часть времени проводить на учениях, находясь на пронизывающем ветру, в нестерпимом холоде или страшной жаре. От этого кожа на их лицах дубеет, как у эскимосов или малазийских аборигенов. Если эти парни и стараются поддержать свой имидж «железных» людей, то только потому, что в первую очередь они профессионалы и не ждут от нас никаких особых признаний. Они научены убивать, но в них так же сильно желание защитить и уберечь.

Голливуд усердно поддерживает миф о том, что герой - а значит, и настоящий мужчина - должен постоянно демонстрировать свою силу. Подогреваемые этой идеей, мы бросаемся честолобиво соперничать друг с другом, и это становится заметно уже в детских играх. Иными словами, мы пускаемся во все тяжкие, лишь бы нас считали настоящими мужчинами. Но для солдата спецназа повседневный героизм - это не случайная авантюра, а постоянная готовность рисковать собой в случае необходимости.

Тот неумолимый и кровожадный робот, которого наше общество упрямо желает видеть в солдате спецназа, на самом деле благородный человек, способный мыслить самостоятельно и поступать, согласуясь с собственными принципами. Для этих парней мужество и героизм не имеют ничего общего с бесцельной борьбой за преобладание и власть. Во многих случаях образ бесстрашных мачо, который всюду сопровождает «зеленых беретов», не так уж далек от истины. Но верно также и то, что это обычные парни, которые путем тренировок выработали в себе невероятную выносливость, самоотверженность и силу.

Однако у этих достоинств есть и обратная сторона. Эти парни были и остаются типичными американцами, со всеми их достоинствами и недостатками. Из такого характера может с равной вероятностью вырасти как фигура благородного героя; так и жестокого убийцы. Замкнутость их воинского братства делает их недоступными для любой

позитивной критики со стороны, а это ведет к консервативной узколобости и идейному застою. Если Джоуэл, Джек или я присоединяемся к их шуткам по поводу армейской жизни, они тут же замолкают. Они имеют право критиковать свое братство, но это их шутки, которые непозволительны для посторонних. Часть нашей работы как раз и состоит в том, чтобы разрушить тесные границы, которые отделяют их от всего остального мира. До сих пор они наблюдали мир через узкий объектив армейского перископа, и мы должны помочь им увидеть жизнь по-новому.

Флинн недолго разговаривает с Джеком, держит военный совет с командирами групп и потом уезжает, растворившись в закате.

«Почему он не собрал парней?» - спрашиваю я Джека после его отъезда. Когда он появился в лагере, то показалось, мудрый шериф вернулся в ковбойский городишко - на миг появилась надежда, что законность и правопорядок вот-вот восторжествуют. Теперь, когда он уехал, осталось непонятным, зачем он приезжал. Я-то думал, что он наведет порядок, или, по крайней мере, соберет всех, чтобы выслушать мнения.

«Он приказал затянуть гайки», - успокаивает меня Джек.

25 сентября

Ольха, сосна, клен, платан, вяз, лиственница, папоротник - все богатство осени у нас под ногами. Медленно надвигающийся холодный фронт затянул небо сплошной белой пеленой, предвещающей непогоду. Серая белка с пушистым хвостом проносится по ветке, как полузащитник, крепко зажав орех в своих лапках. Даже парни стихают от ощущения этого близкого и неотвратимого конца, который исходит от холодного неба, растений, земли. Меня охватывает грусть, которую через мгновение сменяет ликующая радость. Я восторженно замираю, глядя, как земля спокойно засыпает.

Вслед за мной, тяжело ступая по лесной тропинке, шагают двадцать семь парней. Мне кажется, будто средневековый дракон раздраженно ворчит у меня за спиной. Сегодняшний бросок - это один из трех или четырех подобных бросков, запланированных в программе лагеря. Это своего рода подготовка к выматывающему марш-броску, который состоится на следующей неделе. Сегодня наша задача - отработать чередование ходьбы и медитации. Нам предстоит обогнуть пруд, попеременно то шагая, то делая остановки для медитации. Решено, что я пойду впереди и буду задавать темп, Джек и капитан пойдут в хвосте колонны, а Джоуэл пристроится где-нибудь в середине. Матушка-пехота: сейчас мы ничем не отличаемся от солдат Александра Македонского или римских легионеров. Это пот и труд, дружба и взаимопомощь. Эта проверка сил, и вопреки всем новым технологиям и разрушительному действию времени в ней мало что изменилось.

Кто-то из молодых парней дышит мне в затылок. Они шагают легко и свободно. Лицо Шеффилда расплылось в улыбке, он подгоняет меня, с южным выговором растягивая слова: «Ну, давай, Ричард, прибавь». Его коренастую фигуру почти не видно из-за рюкзака, но он легко шагает наравне со мной. Я имею указание идти медленнее, чем при форсированном марше, и теперь мне трудно сдерживать этих сорвиголов, которые норовят наступить мне на пятки. Меня так и подмывает доказать им, что я в состоянии выдерживать любой темп и, если надо, не уступлю им ни на шаг. После сорока пяти минут ходьбы капитан Торн догоняет меня и кричит нечто ему несвойственное: «Очень быстрый темп! Так мы все

выдохнемся. Ничего хорошего из этого не выйдет». Мне становится стыдно. Когда с встревоженным видом прибывает Джек, мне становится еще хуже.

Мы останавливаемся в небольшом овраге, узком и вытянутом, как фюзеляж самолета. Парни сбрасывают свои рюкзаки и автоматы на песчаные наносы и усаживаются на медитацию. Сейчас все мы - Будды, орошающие свои души чистыми водами сознания. Тейер молча уставился вдаль. Маттелли, Харнер и Рейдер тихо сидят с видом крайней сосредоточенности на лицах. Фарли, бережно уложив свой М16 на колени, уставился на дорогу. Орезон следит за мошкой, выющейся у него над головой. Брэдок сидит прямо, как шест, с закрытыми глазами, его рот занят пережевыванием табака. Джоуэл подает сигнал, и после нескольких растяжек мы снова превращаемся в длинную змею, которая, извиваясь, ползет по тропинке.

Меня бесцеремонно освобождают от роли впереди идущего. Я присоединяюсь к парням из 260-й. Маттелли догоняет меня и начинает рассказывать, какую эмблему, по его мнению, должны ввести в армии для солдат, прошедших школу медитации: «Это должно быть что-то вроде нимба. Например, венок из оливковых ветвей».

«Еще должны быть нашивки, по числу лагерей», - предлагаю я.

Он хихикает. «Нужно ввести особый сигнал, созывающий всех на медитацию».

Он крутит указательным пальцем над головой в качестве общепринятого сигнала сбора и потом молитвенно складывает ладони. Я смеюсь, но парни рядом с нами устало молчат, краем глаза поглядывая на сержанта Маттелли: шутит он или говорит серьезно?

На следующем привале группы расходятся в разные стороны. Я остаюсь с 260-й. Голт - крепкий и исполнительный парень, которого отправляют найти подходящее место, приводит нас в идиллический уголок возле пруда, окруженный соснами. Все сбрасывают рюкзаки, кладут автоматы рядом с собой и усаживаются на землю, скрестив ноги в тяжелых походных ботинках. Через пятнадцать минут наше внимание привлекает шум подъезжающей машины и хлопанье дверей. Голоса, мужской и женский, медленно приближаются к нам. Сидя с закрытыми глазами, я слышу:

Он: «Иди сюда».

Она: «А где машина? Думаешь, это хорошо?»

Он: «Да».

Она: «М-м-м, как здесь красиво, так тихо и спокойно. О, здесь озеро!»

Он: «Вот отличное местечко. Можно постелить одеяло прямо здесь...»

Тишина. Приглушенное перешептывание, шорох листвы, звук поспешно удаляющихся ног, хлопанье дверей, рев мотора, затихающий вдали.

«Браток так надеялся перепихнуться! Мы ему весь кайф испортили!»

«Да, парни, грязная работа. Но кто-то должен ее делать, - философски замечает Мартин. - Не так-то просто быть защитником свободы и демократии».

На последнем лесном участке пути я отстаю, чтобы снова примкнуть к 560-й. Наша колонна растянулась, как огромная ленивая сороконожка, извивающаяся в дрожащем, неясном свете, пробивающемся сквозь листву. Меня догоняет Рейдер. Он начинает вслух рассуждать, прав ли был Джек, когда во время последней стоянки запретил медитировать индивидуально и потребовал, чтобы мы разбились на команды. Идеи, как всегда, так и бьют у него через край. Я не перебиваю его и молча выслушиваю все, что он считает своим долгом выложить. Неожиданно, без всякой очевидной причины, он испускает дикий крик и начинает неловко валиться на землю, схватившись за щиколотку. Он пытается удержать

равновесие, но нога отказывается ему служить. Медики тут же собираются вокруг него и начинают осматривать его распухшую на глазах ногу. В конце концов, принимается решение, что обе команды отправятся в лагерь и оттуда пришлют машину за Рейдером. Я добровольно решаю остаться с ним. Мы молча сидим, глядя, как хвост колонны исчезает из виду.

Рейдер бессильно обмякает и сидит, повесив голову. Его челюсти ходят ходуном, как всегда в случаях крайнего раздражения. Точно так же, как и я, Рейдер - кошмарный пациент: на мои уговоры помочь ему, он только недовольно машет рукой. Убедившись, что все мои попытки обречены на неудачу, я решаю расспросить его, что произошло.

«Я задумался и не смотрел себе под ноги», - отрывисто бросает он. После продолжительного молчания он поднимает голову: «Там, на тропинке, я думал о том, что Джек вел себя безответственно, когда принимал решение об остановке. Именно в тот момент я поскользнулся и оступился». В его глазах появляются слезы, голос срывается: «Черт! Я сам делал то, за что критиковал его. Я потерял контроль над собой и вел себя безответственно».

Он начинает плакать, пытаюсь в то же время скрыть от меня свои слезы. Все его переживания по поводу больной ноги, собственной безответственности, проекта, лагеря и того, что я невольно стал свидетелем его слабости, выходят наружу.

«Что вы, парни, со мной делаете? - вдруг кричит он на меня. - Почему я плачу? Я не должен плакать. Последний раз я плакал, когда умерла моя собака. Моя жена мне этого не простит».

Я удивленно спрашиваю его, почему жена ему этого не простит. «Потому что она всегда жалуется, что я бесчувственный. А я тут надрываюсь с тобой».

Мы сидим рядом в быстро темнеющем лесу. Ему не положено плакать, но мне хочется объяснить ему, что это естественная реакция при переходе на новый уровень сознания. Я знаю, что сейчас мне просто нужно быть рядом, и в то же время я опасаюсь показаться слишком навязчивым. Поэтому, чтобы скрыть собственную слабость, я начинаю нескладно объяснять ему, что с ним не происходит ничего страшного, что он и должен так чувствовать себя. Но я не успеваю даже открыть рот, как уже сожалею о том, что начал. В наступившей неловкой тишине мы просто сидим рядом, погруженные в ощущение момента, не уверенные ни в чем, потерявшие привычные ориентиры. Вечереет. За неимением ничего другого мы, не сговариваясь, погружаемся в медитацию, два воина-монаха, тихо сидящих на земле, и одно большое сердце - на двоих.

Потом я начинаю размышлять над его словами «я не должен плакать». С детства мы только и слышим: мужчина должен быть выносливым, терпеливым и сильным. Слезы - это для девчонок. Мужчины не плачут. Мы можем в душе посмеиваться над этой избитой фразой, но она все равно преследует нас на протяжении всей жизни. Больше всего на свете мы боимся показаться недостаточно мужественными: «а вдруг кто-то сочтет меня слабаком - о, ужас! - даже геем!» Это заставляет нас постоянно подавлять свои эмоции до тех пор, пока мы начисто не забываем, как их выражать. Сила привычки так велика, что со временем мы начинаем учить этой ерунде собственных детей. Та работа, которую за прошедшие шесть недель проделали эти парни, начинает высвобождать чувства достаточно сильные, чтобы пробиться сквозь маску железного парня из спецназа. Они начинают чувствовать вещи, которых «не должны» чувствовать. Это приводит их в замешательство. И в этом главное противоречие нашего проекта. Для того чтобы достичь тех физических и

психологических высот, которые ждет от них армия, нужно научить их открыто выражать свои чувства, но это-то как раз и не вписывается в рамки устава.

Если развить эту мысль и дальше, то станут понятными наши последние военные неудачи в области внешней политики. Я убежден, что невероятный успех партизанских действий, который мы наблюдаем в последнее время в странах третьего мира, связан с тем, что люди, которые принимают участие в этих действиях, соединяют - осознанно или неосознанно - свои чувства со своими поступками. И то, что они действуют в полном согласии со своими чувствами, позволяет им совершать самые настоящие чудеса. Они борются не за какие-то недостижимые «идеалы», а за вполне понятные земные цели: они борются за еду, за свою землю, за собственную жизнь. Их чувства и желания не противоречат целям их борьбы. Для наших же солдат противоречия начинаются с первых шагов по чужой земле. Им приказывают бороться за некоторое дело, за идеалы (в данном случае, за демократию), которые физически и духовно очень далеки от их личных интересов, интересов их родных и близких. Это нашло свое отражение во время войны во Вьетнаме, где большая часть солдат была подавлена тем, что им приходилось делать. Многие потом признавались, что для них единственной целью было остаться в живых. Совсем другие настроения были у вьетконговцев. Они боролись за свою страну, за землю своих дедов и прадедов.

Как пишет военный историк Джон Гилби: «В конце концов, нас ткнули лицом в грязь. Мы проиграли, потому что тактика партизан из Вьет Конга опиралась на более прочную основу, чем все наши массированные вливания деньгами и оружием. Вьет Конг оказался сильнее и мужественнее нас. Возле тел их мертвых, что оставались лежать на полях и дорогах, не было почти ничего, кроме самих тел, да иногда еще и книжек со стихами, в то время как от наших оставались окурки и презервативы. Единственным утешением может быть то, что мы были неправы, и мы проиграли. Могло быть хуже - мы могли быть правы и проиграть. Но вот что интересно, если бы мы были правы, мы бы не проиграли».

По такому же сценарию развивались события во время советского вторжения в Афганистан. Точно так же хорошо вооруженная и обученная армия захватчиков медленно, но верно терпела одно поражение за другим от плохо оснащенной, почти не организованной, но отличающейся высоким боевым духом армии, состоящей сплошь из местного населения. Я также уверен, что это основная причина, по которой все наши финансовые вливания в Сальвадор и советские вливания в Анголу никак не повлияют на исход гражданских войн в этих странах. Наемник никогда не бывает хорошим воином - и платит за это собственной совестью.

БОЕВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

26 сентября

С каждым днем осень в Нью-Хэмпшире становится все заметнее. Долина, вытянувшаяся у подножия горы Монаднок, покрыта пушистым красно-желтым ковром. Сегодня в качестве подготовки к предстоящему трехдневному марш-броску мы штурмуем Монаднок - самую высокую гору в окрестности, и, к моему удивлению, это оказывается не так-то просто. Пока мы взбираемся по крутым и каменистым тропинкам прямо к небесам, я чувствую себя легко и радостно. Я счастлив оказаться за пределами лагеря, на какое-то время оторваться от бешеного нервного напряжения, с которым в лагере приходится сталкиваться на каждом шагу. Две с половиной недели, двадцать четыре часа в сутки без перерыва я находился бок о бок с этими парнями и теперь чувствую невероятное облегчение. Мне начинает казаться, как будто я вернулся в детство, к своим долгим прогулкам в густом и влажном лесу на полуострове Олимпик. Я внутренне улыбаюсь, зная, что эти легкомысленные восторги очень скоро пройдут, и все равно радуюсь своему легкому пружинящему шагу и пьянящему ощущению свободы.

Когда я перебираюсь через огромный валун, ко мне свешивается сияющее мальчишеское лицо Брэддока. Он протягивает мне руку: «Неплохая погодка! А, Ричард?»

За время знакомства с этими парнями я привык, что за подобными невинными репликами обычно следует какое-нибудь ехидное замечание, но на этот раз в его голосе нет и тени иронии. Я понимаю, что он просто хочет с кем-нибудь поболтать. На следующем повороте к нам присоединяется Рэдон. Они тут же начинают засыпать меня вопросами о моей личной жизни. Я прозвал их «два брата-акробата», потому что они неразлучны вдвоем - и на айкидо, и на спортплощадке, и в свободное время. Мне нравятся эти простые и компанейские ребята.

Брэддок вырос в крепкой рабочей семье на Среднем Западе. Его отец всю жизнь увлекался гоночными автомобилями, и эта страсть, похоже, передалась сыну. Когда я как-то спросил его про семью, он сначала показал мне фотографии отца и матери, к которым он судя по всему относится с большой любовью, а потом фотографию начищенной до блеска красной машины, на которую он смотрел с не меньшей нежностью.

Рэдон - самый младший участник нашего проекта. Ему всего двадцать два. Он получил прозвище за свою огненно-рыжую шевелюру: его закадычный друг Брэддок зовет его Рыжий. Рэдон вырос в Новой Англии в состоятельной семье. Родители мечтали, чтобы сын поступил в университет и сделал профессиональную карьеру, поэтому его отправили в подготовительную школу. Из школы он вышел довольно посредственным студентом, зато выдающимся спортсменом. Он решил не поступать в университет и вместо этого записался в армию.

«Как твои родители отнеслись к этому?» - спрашиваю я.

«Сначала немного расстроились, но потом привыкли. Мне кажется, они гордятся, что я «зеленый берет», и все такое. Они поддерживают меня, и это здорово. Но я не уверен, что останусь в армии. У меня еще есть время, чтобы передумать и пойти в университет».

Когда выясняется, что моя фотография была напечатана на обложке журнала «Лайф» летом 1968-го, когда я жил в пещере на острове Крит, Рэдон смотрит на меня потрясенно. «Мне было тогда шесть лет», - говорит он.

Не переставая жевать табак, Брэдок морщит лоб: «Ты был хиппи?»

Я поражен не столько его прямоотой, сколько тем, как он задает этот вопрос - впечатление такое, будто он неожиданно столкнулся с какой-то исторической редкостью. «Я носил длинные волосы и жил в коммуне, но так и не смог привыкнуть к их образу жизни», - отвечаю я.

Они продолжают выпытывать у меня подробности. Наконец, Рэдон задает вопрос в лоб: «А правда, что у них не было проблем с любовью?»

Я останавливаюсь как вкопанный и, глядя им прямо в глаза, серьезно отвечаю: «Я скажу вам правду, парни. Мне приходилось запирается на замок и говорить, что меня нет дома, чтобы хоть немного побыть с самим собой. Черт, это было невыносимо. В любое время дня и ночи ты мог заниматься этим, сколько душе угодно». Они таращат на меня глаза. Когда я не выдерживаю и начинаю смеяться, они смущаются, но в их глазах я читаю: «кто их знает, этих развратных шестидесятников».

На вершине горы дует резкий северный ветер, окутывая нас облаками холодного, сырого тумана. Моя потная одежда превращается в сплошной ледяной панцирь. Я прячусь за небольшой каменной насыпью, чтобы отыскать в своем рюкзаке сухую куртку. В тот момент, когда я безуспешно пытаюсь справиться с застежкой на рюкзаке, упрямо не желающей открываться, рядом со мной неожиданно вырастает фигура великого Джима Орезона, который мгновенно освобождает застежку.

«Фишка в том, - говорит он, - чтобы сначала пропустить вот этот конец через это». Он несколько раз демонстрирует мне, как правильно обращаться с застежками на рюкзаке. «И переоденься в сухие носки, - советует он. - Нужно еще что-нибудь?»

«Нет. Но спасибо тебе за... » Не успеваю я закончить, как он уже большими шагами уходит прочь. Он Одинокый Рейнджер, я - спасенный поселенец. «Кто бы ни был этот благородный человек в маске, я благодарен ему», - думаю я.

Его называют Большой Джим, потому что он действительно большой, но полным, а тем более рыхлым его никак не назовешь. Рост сто девяносто, вес меньше девяноста килограммов, косая сажень в плечах. В его крепкой фигуре чувствуется врожденная недюжинная сила. Впрочем, его голова кажется немного маловатой для такого большого тела, и лицо часто бывает омрачено неясными тяжелыми мыслями. Однажды он не на шутку встревожил меня, сказав, что не может прожить и дня без того, чтобы не убить кого-нибудь.

Когда я спросил его, что он имеет в виду, он ответил: «Ну, убить бурундука или белку. Поохотиться на птиц. Черт, свалить медведя». Заметив беспокойство на моем лице, он спокойно продолжал: «Я охотник. Каждый мужчина прирожденный охотник, такова уж наша природа».

Как и многие, он относится к начальству с нескрываемым подозрением, но втайне нуждается в жесткой руке. В приступах бешенства он один из всей команды резко критикует сержанта Маттелли, называя его антихристом и обвиняя его в том, что тот без причины придирается к нему. Когда он возбужден, то его правый глаз смотрит чисто и невинно, как у младенца, словно ожидая одобрения, а левый становится мрачным и замутненным, и тогда в нем появляется глубокая, чуть ли не старческая мудрость. Я подозреваю, что за его

вспыльчивостью скрывается глубокая нежность и любовь. В разговоре со мной он как-то признался: «Я бы хотел сделать что-то, быть полезным. Хотел бы помочь кому-нибудь. Проверить, на что я способен». Натягивая на плечи сухую куртку, я мысленно отвечаю ему, что он только что сделал это «что-то», хотя кому-то может показаться, что это сущий пустяк.

Вчера вечером мы играли в самураев. Группа 560 с блеском выиграла сражение. Это современная ролевая игра, которую придумал мой партнер по айкидо Джордж Ленард в 1977 году. С того времени ее постоянно включают во все стандартные программы бизнес игр с элементами групповой психотерапии. В ней уже приняли участие более четырех тысяч менеджеров компании AT&T и множество представителей других компаний. Это гениальная игра, которая делает честь ее изобретателю. По правилам участники переносятся во времена средневековья и должны вести себя, повинаясь суровому кодексу самурая буси-до, или пути воина. Игра дает возможность на какое-то время очутиться в совершенно незнакомой системе координат. Основная идея состоит в том, что, войдя в границы чужой реальности, ты можешь абсолютно по-новому взглянуть на себя, увидеть свою собственную жизнь со стороны. Это ни в коем случае не военизированная игра - напротив, она устроена так, что убеждает участников в бессмысленности войны. И тем не менее эта игра дает возможность пережить моменты крайнего напряжения, которые мы, к сожалению, привыкли связывать только с боевыми сражениями.

Участники делятся на две армии (в нашем случае это были две группы). Каждая армия выбирает дайме, или главу клана, который в свою очередь назначает своего заместителя, стражника и ниндзя (шпиона и наемного убийцу). Остальные участники становятся рядовыми воинами. В игре участвует также бог войны (мы с Джеком исполняли роли двух равноправных богов), - по правилам игры, это капризный и раздражительный повелитель, который тиранит простых смертных. Если, к примеру, бог войны заметит, что воин смотрит на него, он может немедленно убить его, просто произнеся слова: «Ты убит». Вслед за этим воин должен немедленно упасть с закрытыми глазами. Вслед за этим его относят на кладбище и «хоронят» с приличествующими церемониями. Если кого-то убили в самом начале игры, то он может пролежать на кладбище два часа подряд, пока игра не кончится.

Сложные правила игры должны строго соблюдаться и не подлежат никаким изменениям с того момента, как «война» началась. Если кто-то нарушил правила, это влечет за собой либо его смерть, либо приносит смерть или увечья его товарищам (воины могут быть «ослеплены» или лишены конечностей). Игра требует от участников напряженного внимания ко всему происходящему на «поле битвы». «Сражения» разыгрываются один на один. Для победы участникам требуются выдержка, собранность, умение сохранять равновесие и немного везения. Например, в одном из наших сражений, которое состоялось между Яновски и Голтом, противники должны были стоять друг напротив друга, вытянув руки на уровне плеч. Тот, кто первым дрогнет или опустит руки, умирает. В то время, как происходили другие бои (Маттелли и Шелл, к примеру, состязались в том, кто дольше простоит на одной ноге, сцепив руки за головой), Яновски и Голт продолжали в течение двадцати пяти минут неподвижно стоять друг напротив друга. Мы с Джеком как боги войны были вынуждены вмешаться в сражение и наградить их за примерную выносливость, объявив боевую ничью.

Когда мы расходились по домам под ночными звездами, я услышал, как один из парней печально вздохнул: «Приятно все-таки побывать на войне, быть убитым и снова ожить. Лично я знал парней, которые так и не получили второго шанса».

28 сентября

Колокол извещает об окончании вечерней медитации. Парни медленно один за другим покидают свои места, пока, наконец, в комнате не остается всего несколько человек. Некоторые просто сидят в тихой задумчивости, остальные растирают свои ноги, перед тем как встать. С привычной невозмутимостью Дадли неистово трет свою шею.

«Что с тобой?» - спрашиваю я.

«Шея болит от сидения в одной и той же позе... ничего страшного».

«Как давно она тебя беспокоит?»

«Уже пятнадцать лет», - отвечает он.

«Ты шутишь!» - удивленно восклицаю я.

«Нет. Точно, пятнадцать лет. Неудачное приземление. Одно время мне было так плохо, что меня даже временно отстранили от службы. Доктора ничего не могут сделать. Они ни черта не смыслят в этом».

«А ты обращался к ортопеду?» - спрашиваю я.

«К орто ...кому? - Он смотрит на меня с удивлением. - Это что за птица?»

Дадли - кадровый военный, двадцать лет в армии, большая часть из которых отдана спецназу. Он ветеран Вьетнама и даже успел побывать в плену. Это истый южанин, упрямый и заносчивый, весь его вид от выдвинутой челюсти до самодовольной походки словно говорит «а ну-ка, тронь». Он ведет себя с подчеркнутой небрежностью, но в глубине души это жесткий и несгибаемый человек.

«Я немного разбираюсь в этих вопросах, - говорю я ему. - Если ты ляжешь на пол, я смогу посмотреть, что я могу сделать». Он морщит нос и, наклонив голову, смотрит на меня. Я вижу, что мое предложение приводит его в замешательство. То ли его смущает, что я могу прикоснуться к его телу, то ли он чувствует неловкость от того, что я уделяю слишком много внимания его проблеме, но, в конце концов, он сдается: «Ладно, давай. Хуже не будет».

Он ложится на пол прямо посреди комнаты. Я начинаю массировать напряженные мышцы у него на шее и на плечах, глубоко разминая соединительную ткань.

«Да сверни ты ему шею, все тебе только спасибо скажут», - смеется Скотт.

«Ты уверен, что ему можно верить, сардж? - подзуживает другой. - Не знаю, я бы трижды подумал, прежде чем подпустить его к себе».

Я работаю в полутемной комнате около четверти часа. Я чувствую, как его мышцы начинают расслабляться под моими пальцами. Резко, без предупреждения я вправляю его шейные позвонки. Они трещат, как детское ружье, стреляющее пробками. Его глаза раскрываются от удивления. Парни, сидят рядом и веселятся, как баскетбольные болельщики после удачного броска в корзину. Некоторое время мы сидим молча, все взгляды устремлены на Дадли.

Он медленно садится и крутит своей шеей. «Ха! Неплохо, черт! - тянет он. - Больше не болит. Да, отлично. Ничего себе! Я и не думал, что такое возможно!» Он поднимается на ноги, продолжая крутить шеей в разные стороны. «Ну-ка, а так? А так?» Остальные смотрят на меня со смешанным чувством восхищения и мистического ужаса, как будто я только что на их глазах заколдовал Дадли и в следующую минуту могу приняться и за них. Дадли еще несколько минут бормочет что-то и потом довольный вываливается в темноту.

Едва я замечаю его на следующее утро, как понимаю, что произошло что-то страшное, очень страшное. Остальные едят или толпятся перед раздаточной, а Дадли стоит, забившись

в углу столовой. Лицо у него землистого цвета, как у задохнувшейся рыбы, глаза подозрительно бегают из стороны в сторону. Когда он видит меня, то резко поворачивается в мою сторону и подает мне знак, чтобы я подошел. Воровато оглянувшись, наклоняется ко мне и шепчет: «Сегодня утром я проснулся лицом к стенке».

Недоумевая, я вопросительно встряхиваю головой.

«Сегодня я проснулся на левом боку», - настойчиво повторяет он, раздосадованный тем, что я не понимаю его.

«Я не понимаю, сардж. О чем ты говоришь?»

«Я не мог спать на левом боку пятнадцать лет». Он глубоко вздыхает и снова оглядывается, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. В первый раз за все утро, а может, и за все время нашего знакомства, он глядит мне прямо в лицо, его глаза впиваются в меня с подозрением, чтобы не дать мне уйти от прямого ответа: «Думаешь, со мной все в порядке?»

Я поражен. В его вопросе звучит столько мучительного волнения, столько тревоги, что в моей душе все переворачивается. Неважно, что передо мной суровый фронтовик, бывалый солдат, командир элитного подразделения. Сейчас он выглядит абсолютно растерян, как человек, который потерял свои привычные ориентиры и теперь не знает, что ему делать. Он хочет знать, кто этот парень, который спит на левом боку и просыпается лицом к стене - парень, которого он не видел уже пятнадцать лет.

«Состояние тревоги и потеря ориентации - это нормальные последствия изменений в работе нашего организма, - осторожно говорю я. - Все наши ощущения прочно связаны с физическим состоянием организма. Поэтому когда оно меняется, меняемся и мы. Ты стоишь прямее, - замечаю я. - Надеюсь, шея меньше беспокоит?»

«Да-а, она... стала лучше. Такое ощущение, как будто она не моя». Он кладет руку на шею и медленно вращает головой.

Он приобрел новую осанку, и это совершенно меняет его отношение к себе и к окружающему миру. Вместе с возросшей степенью физической свободы он получает возросшую степень свободы эмоциональной; К своему удивлению, Дадли приобретает давно забытую свежесть восприятия, более широкий выбор действий и способность по-новому реагировать на все происходящее. Но это происходит за счет утраты старого и знакомого образа. Расставаясь со своим прежним «я», он всем своим видом, кажется, говорит: «Я не тот, что был прежде. И теперь я знаю, кто я такой. Не опасно ли это?»

Как многие из нас, он страшится любых перемен в своей жизни и изо всех сил пытается предотвратить их.

Сидя на вечерней медитации, я не перестаю прокручивать в мозгу этот случай: Есть какая-то неуловимая связь между тем, что произошло с Дадли, вывихнутой лодыжкой Рейдера и Шеффилдом, который почувствовал, что перестал быть спецназовцем после того, как расслабил свою грудь и плечи. Распутывая эту цепочку, я вновь возвращаюсь к главному вопросу: а возможно ли, в принципе, преподавать методы управления психикой и физиологией, которые неизбежно ведут к повышению уровня самосознания, в рамках организации, которая - осознанно или неосознанно - возражает против этого? В нашем случае такой организацией является армия, но, начни мы преподавать в любой другой общественной структуре - будь это компания IBM, сенат или любое образовательное учреждение - я уверен, результат был бы одним и тем же. Когда человек заглядывает внутрь самого себя, чтобы понять законы собственного существования, он неизбежно становится

на путь самообразования, самопознания и самоисцеления. Это делает человека независимым и самостоятельным, а это очень опасно для любой структуры.

Армия заключила с нами контракт, чтобы с помощью этой программы повысить психофизические характеристики солдат спецназа. Цель командования заключается в том, чтобы на выходе эти солдаты обладали бы качествами, которые в несколько раз повысили бы их эффективность в ходе выполнения различных спецопераций. К таким качествам относятся повышенная физическая выносливость, сила и быстрота реагирования, высокая степень сосредоточенности, собранности, самосознания, а также безупречное владение техникой межличностного общения. Все эти навыки должны быть полезны солдату спецназа как в ходе обучения, так и в реальных боевых условиях - при сборе разведанных, при обнаружении и уничтожении незаконных бандформирований и террористических групп.

В связи с тем, что наши возможности возрастают прямо пропорционально степени нашего самосознания, очень важно, чтобы эти солдаты были готовы работать над расширением и углублением своих внутренних резервов. Мы просим их осознанно обращать внимание и чутко реагировать на все свои ощущения, мысли и поступки. На наших глазах они приходят к новому уровню понимания действительности и, как следствие, приобретают новые способности и новые возможности. Их новое понимание основано на ощущении взаимосвязи всего живого. Оно открывает для них некоторые общие законы, универсальные законы бытия, если хотите. И эти законы бесконечно выше любых расовых, религиозных или политических различий.

Для того чтобы эти солдаты, к примеру, смогли в условиях крайнего напряжения сохранять абсолютное спокойствие, они должны достичь истинного предела своих возможностей. Но для раскрытия своего потенциала требуется высокая степень сознания, которая неизбежно ведет к осознанию единства человеческого существования. Где-то на пути к раскрытию своих возможностей человек начинает понимать, что он - часть чего-то общего и в тоже время уникален и неповторим, и это открытие неизбежно зарождает в его душе семена сострадания к другим людям. Парадокс, который не дает мне покоя, заключается в том, что структура американской армии (как и любого другого учреждения) предпочитает, и даже требует, чтобы ее члены относились к самим себе и к своим врагам как к абстракции, а вовсе не как к единственной и неповторимой личности.

Дж. Гленн Грей в своей книге «Воины» выражается на эту тему еще яснее: «Военный человек считает чуть ли не неперменной принадлежностью своей профессии то, что он должен относиться к другим людям с позиции силы. Таким образом, он рассматривает их как некие физические объекты и отказывается признавать те субъективные особенности, которые отличают одного человека от другого. Его интересуют особенности другого человека не сами по себе, а с точки зрения эффективности военной операции. Таким образом, профессиональный военный оказывается механической фигурой, приводимой в действие целой системой устройств, таких же механических, как и он сам. Целая человеческая личность не имеет возможности пробиться к собственному сознанию, потому что начальство не заинтересовано в этом. В результате образ врага, который складывается в мозгу профессионального военного, является следствием обязательств, принимаемых на себя теми, кто добровольно соглашается быть инструментом в чужих руках. Абстрактное восприятие личности становится в таких условиях более или менее неизбежным».

Требовать от этих парней, чтобы они стремились к раскрытию своего потенциала в

условиях, когда армия не заинтересована иметь в своих рядах «цельную человеческую личность», означает только одно, а именно: как только кому-нибудь покажется, что путь, предлагаемый нами, слишком сложен, он может в любую минуту отказаться от него, сказав: «Я не желаю идти дальше, не желаю нести личную ответственность за себя и свои поступки, потому что армия не хочет этого». Встать и выйти. Вы когда-нибудь пробовали насильно накормить человека, не желающего раскрыть рот?

Армейское командование хочет, чтобы эти парни достигли высокого уровня готовности и самоконтроля, но оно вовсе не хочет, чтобы при этом они начали мыслить и воспринимать действительность по-своему. Армия хочет, чтобы солдат механически применял свои новые знания и при этом продолжал относиться к самому себе и к жизни по-прежнему. Но так не бывает.

Их девиз «Сделай все, что можешь» следовало бы поменять на «Сделай то, что мы от тебя хотим».

29 сентября

Как будто вчерашнее мое открытие было каким-то опасным вирусом, с которым моя душа оказалась не способной справиться, сразу после тренировки по айкидо я неожиданно сваливаюсь с тяжелейшим гриппом. В тот самый момент, когда я дополз до своей постели, над Новой Англией пронесся ураган Глория. Он задел нас своим западным крылом и принес с собой шквальный ветер, свирепствовавший в округе со скоростью семьдесят пять миль в час. Я представлял собой жалкое зрелище - сорви ураган крышу с нашего маленького домика, я и тогда остался бы бессильно лежать на месте. После того, как меня основательно, до желчи, выворотило наизнанку, я свалился со страшным жаром, не переставая при этом стучать зубами от холода. И все-таки было приятно просто лежать, ничего не делая, и отдаться на волю своей болезни.

Один за другим уходят мои тревоги о парнях, о лагере, о проекте, пока, наконец, и вчерашнее открытие, которое мучило меня на протяжении всей прошедшей ночи, не отступает на задний план, оставляя место только призрачному завыванию ветра и бесконечной усталости. В какой-то момент рядом со мной возникает Джек с горячим чаем и долгожданными холодными полотенцами. Он зажигает свечи, ставит их в нашей захламленной крошечной каюте и тихо садится рядом с моей постелью. Он ничего не говорит, в моем воспаленном сознании тени на его лице переплетаются, как змеи. Его изображение плывет у меня перед глазами, как будто я вижу его сквозь толщу воды. Он прикладывает полотенце к моему лицу, подает мне чашку с горьким китайским чаем из запасов Джоуэла и потом снова отплывает на свое место. Когда он мягко кладет свою теплую ладонь на мою ногу, мне кажется, что я чувствую его прикосновение за тысячу миль от себя. Я настолько слаб, что сейчас у меня нет сил быть «кошмарным пациентом» и я полностью веряю себя его заботам.

Позже без всякого приглашения входит Яновски со своим чемоданчиком и тихонько садится на постель. Легкими прикосновениями опытного иглотерапевта (или взломщика сейфов?) он берет пульс, держа мою руку в своих огромных лапищах. У него грустные глаза, в них застыли сочувствие и нежность. Я вспоминаю, как я заболел однажды в Индии и ко мне пришел седобородый врач в тюрбане, похожий на престарелого Бальзака. Он также сидел у моей постели в полутемной комнате и держал мою руку, как вдруг я почувствовал,

как по ней скатилась его слеза. Тогда мне показалось, будто долгие годы его бесконечных трудов отразились в этой одинокой сочувственной слезе.

«Я приду попозже», - говорит Яновски, рассыпая крошечные белые таблетки по разным пакетикам. Он гладит меня по лбу своей лапищей, которая целиком закрывает мое лицо.

То приходя в себя, то снова впадая в беспамятство, постоянно чувствуя присутствие Джека, я вспоминаю тех женщин, которые ухаживали за мной во время болезней - мою мать, Скаут, Кэтрин, Венди - и с грустью отмечаю, что до сих пор я еще никогда не позволял другому мужчине заботиться о себе. Мы воспитаны избегать физической близости с другими мужчинами. Только в спорте или на войне мы позволяем себе обниматься друг с другом, касаться друг друга или делиться своими впечатлениями от побед или поражений. За пределами этих строго очерченных границ мы редко позволяем себе проявлять заботу друг о друге. Разрешая только женщинам ухаживать за нами, мы настолько забываем о женской составляющей нашей природы, или инь, что она со временем просто атрофируется. Но в ней заложена естественная и эффективная целебная сила.

Из-за своей боязни тесного общения друг с другом мы лишаемся неоценимой поддержки мужского товарищества. Эта же боязнь разъединяет нас, подталкивая к непрестанному соперничеству и агрессивности по отношению друг к другу. И все же мы стремимся вырваться из рамок собственного одиночества. Если нам не удастся преодолеть в себе это отчуждение, оно становится главной причиной наших болезней и даже смерти. Соотношение мужской и женской смертности заставляет серьезно задуматься: рак легких 6 к 1; прочие бронхолегочные заболевания 5 к 1; насильственная смерть 4 к 1; дорожно-транспортные происшествия 2,5 к 1; самоубийство 2,7 к 1; прочие несчастные случаи 2,4 к 1; цирроз печени 2 к 1; сердечные заболевания 2 к 1; СПИД 11 к 1. Несмотря на то, что в Америке женщин больше, чем мужчин, у нас в шесть раз больше бездомных мужчин, чем женщин. Мы живем в безлюдной пустыне собственных душ.

Сквозь бездонные темные воды моего усталого сознания ко мне пробивается густой баритон Джека: «Я никогда еще не видел тебя таким разбитым, Строи». Когда он замолкает, я делаю над собой усилие, чтобы ответить, но не могу пошевелить губами.

«Ты знаешь, во Вьетнаме был со мной один случай, - продолжает он. - Мой наряд уже подходил к концу, и тут вдарили напалмом. Я как был с голой грудью, без каски, без бронежилета, так и остался стоять посреди поля. Шрапнель свистит вокруг, а мой сменщик мне кричит: «Ты бы хоть в укрытие зашел». Я поднял рубашку с земли, надел ее и, помню, даже не застегнулся».

Я несвязно бормочу что-то в ответ, чтобы показать ему, что я слушаю.

«Да, пришлось мне тогда хлебнуть... и душой, и телом». Его голос кажется чужим, как будто он делает над собой усилие, чтобы произнести слова, которые в течение долгих лет были наглухо заперты где-то в тайниках его памяти. Наступает продолжительная тишина. Только стекла дребезжат от порывов ветра.

Его прорывает, и в течение часа он рассказывает мне историю за историей. Два года Вьетнама проходят перед нами. Комната наполняется тенями прошлого. За все время моего знакомства с ним он еще ни разу не упоминал о войне. Теперь его воспоминания льются рекой. Печаль, разочарование, прозрение и смех - все рвется наружу и накладывается одно на другое. Как будто мощное землетрясение бешено переворачивает пласты земли, на глазах меняя привычную картину. Лица, тела и конечности проплывают у меня перед глазами, а голос Джека все звучит, сливаясь с ревом урагана. В своей беспомощности я могу только

слушать, не давая никаких оценок, не осуждая, и это становится спасительным лекарством для его ран. Хрупкое доверие, способное в любой момент рассыпаться, наполняет нас обоих глубокой радостью. Мы отбросили от себя наше бесконечное мужское соперничество и вступили в тесный дружеский круг, забыв обо всем, отдавшись целиком этому мгновению, исцеляя друг друга одним своим присутствием. Мне вспоминаются слова Уильяма Фолкнера: «Мы любим не за что-то, мы любим вопреки. Не за достоинства, но вопреки недостаткам».

1 октября

Сломанные ветки, обломки коры, стволы деревьев свалены в огромные кучи, как тела погибших после жестокой битвы. Буйный порыв неугомонного ветра - и над завалами, оставленными Глорией, в воздух мгновенно взмывают десятки вихрей. Огромные, как горы, скопления мусора перелетают с места на место по холодному голубому небу. Пятна света сбились вместе на подветренной стороне пруда. В воздухе чувствуется напряжение, знакомый пейзаж меняется на глазах. Если правда, что мы подсознательно ищем в природе признаки, созвучные нашему внутреннему состоянию, то сегодняшний день символизирует очищение. Все кажется легким и прозрачным, как дрожащие на лету мыльные пузыри, которые в любой момент могут лопнуть и бесследно исчезнуть в бесконечных закоулках мироздания. Сегодня я нахожусь в удивительно приподнятом настроении. Лихорадка очистила мои мысли, освободила их от всего лишнего, наносного.

В отличие от остальных животных, люди так и не обзавелись собственной биологической нишей. Мы едим все без разбору, живем во всех климатических условиях и на всех широтах, занимаемся любовью в любое время суток, изобретаем экзотические манеры поведения, боремся с собственными инстинктами и уничтожаем себе подобных. Причиной такого образа жизни и расплатой за него является наше сознание - смесь проб и ошибок. Где-то на одном из пределов этого диапазона находится застенчивость: мы с Джеком чувствуем неловкость и смущение после вчерашнего, все разговоры - исключительно по делу. Мы мысленно запрещаем себе касаться вчерашней беседы из боязни, что любое напоминание о ней может все испортить, и на всякий случай избегаем любых контактов друг с другом. За всем этим, шатко балансируя, прячется сочувствие:

«Как дела?»

«Я рад, что тебе уже лучше!»

«С возвращением, Строц!» Парни искренне обеспокоены моей болезнью. Рейдер непривычно заботлив, когда мы с ним плывем на лодке в небольшую заводь, чтобы полюбоваться на косяки гусей, отправляющихся к югу. Видя, с каким вниманием и сочувствием он относится ко мне, я сам себе задаю вопрос: чем я заслужил такое внимание? И этот вопрос еще один симптом болезни: здоровый ребенок не спрашивает, за что его любят, он принимает любовь как нечто принадлежащее ему по праву.

Я возвращаюсь домой после занятий, когда неожиданно что-то размером с теннисный мячик несильно ударяет меня в левую лопатку. Я оборачиваюсь назад и слышу глухой металлический лязг. То, что я вижу, заставляет меня содрогнуться. В семидесяти метрах от меня на дорожке стоит Джонсон и целится прямо в меня из своего M16. Поравнявшись со мной, он расплывается в улыбке: «Я тебя снял. Прямо по центру», - говорит он так, будто сбил мишень в тире.

«Не по центру, - отвечаю я, все еще не оправившись от неожиданности, - а в левую лопатку».

Пока мы идем, он объясняет, как бы он уложил мины возле лестницы. «Я бы зарыл их здесь, в песке, рядом с лестницей, - сообщает он мне, раскапывая носком ботинка небольшую ямку в земле. - Понимаешь, все подумают, что заминирована лестница, и поэтому начнут обходить здесь. И вот тут-то я их достану».

«Типичный случай психопатии», - холодно констатирую я. Он смущенно глядит на меня, удивляясь резкости моего тона. К нам присоединяется Джеймс и начинает рассказывать о том, как он видел трупы трех европейских журналистов, расстрелянных из засады в Центральной Америке. «Они были страшно изуродованы. Одна из них была женщина. Такой тип разрывных патронов, они поражают все тело... зрелище не из приятных». Он хмурит брови, словно старается отделаться от этих воспоминаний.

Недавно Джек сказал мне: «Единственное, зачем я пошел на войну, чтобы понять, что такое смерть, - и мне хватило этого вот так», - и он махнул рукой повыше головы. Картинки из прошлого проплывают у меня перед глазами:

глаза умирающего кролика, смотревшего на меня без всякого упрека, и мучительный упрек этих глаз за страшный грех посягательства на чужую жизнь;

маленькое, аккуратное пулевое отверстие во лбу человека, убитого на моих глазах в пьяной драке;

рождение моего сына в муках, столах, радости и в потоках ярко-красной крови.

«Хочешь понести?» - выводя меня из задумчивости, говорит Джонсон и протягивает мне свой M16.

«Я подумал, ты захочешь узнать, сколько он весит на ходу», - говорит он почти извиняющимся тоном, читая на моем лице недоумение. У этих парней исключительный талант находить самое уязвимое место и, не задумываясь, бить прямо в точку. Секунду я раздумываю, может ли ношение автоматического оружия быть лекарством от агрессивности, таким новомодным гомеопатическим средством? Ощущая знакомую тяжесть в своих руках, я пытаюсь представить себе, что несу обычный инструмент - лопату, пилу или бур. Я несколько раз вскидываю его в руках и, когда тропинка выходит на полянку рядом с прудом, останавливаюсь и начинаю прицеливаться. В какой-то момент я ощущаю себя как в айкидо - мои ноги слегка расставлены, мой центр в хара, мышцы свободны и расслаблены, моя ки проходит через руки, идет по стволу ружья, через прицел и дальше, прямо к цели. Я наполняюсь силой и готовностью к действию. Сам того не замечая, я держу на прицеле дикого селезня, скользящего по поверхности воды. Делая медленный выдох, я начинаю осторожно нажимать на курок, сосредоточивая все внимание на указательном пальце и чувствуя приятный холодок гладкого металла. Это очень похоже на медитацию или айкидо - пронзительное по своей ясности ощущение каждого пролетающего мгновения: прикосновение, холодок, выдох, предчувствие, растущее напряжение, неподвижность, сжатие... Я расслабляюсь и опускаю дуло ружья. Селезень грациозно скользит по воде, начищая перышки и горделиво осматриваясь вокруг. Однажды я где-то вычитал, что диким уткам удалось сохраниться в условиях нашего экологического холокоста, только благодаря природоохранной деятельности охотников. Выходит, что тот, кто убивает, тот же и спасает?

Неожиданно на меня наваливается страшная усталость, и я теряю всякий интерес к происходящему. Ружье кажется мне невыносимой тяжестью, и мне хочется сбросить рюкзак и улечься прямо на мягкие сосновые иглы. Я успокаиваю себя, говоря, что я еще не

оправился после гриппа и должен вести себя поосторожнее. Цепочка людей в камуфляжной форме мелькает впереди меня и с суровым видом исчезает в лесу. На мгновение я остаюсь один. Темноголовый королек опускается на ветку, некоторое время смотрит на меня, повернув голову, и потом сбрасывает серебристо-черную каплю к моим ногам. Я поднимаю голову и вижу, что за мной ведется наблюдение: за поворотом тропинки стоит человек и смотрит на меня. Ветви скрывают от меня его лицо, и поэтому я не могу разобрать, кто эта таинственная фигура, видимая только наполовину. Я спрашиваю себя, кто этот человек - благородный воин, готовый прийти мне на помощь в любую минуту, или мрачный бог войны, ожидающий удобного случая, чтобы нанести мне смертельный удар?

ВЕСТЕРН

4 октября

Джек, Хорст и парни уехали в Пенсильванию на трехдневный марш-бросок, а я лечу на четыре дня домой в Калифорнию, чтобы повидаться с детьми. В первое время дома я чувствую себя счастливым и смущенным одновременно. Я то рад видеть детей и виню себя за то, что надолго оставляю их одних. Ди Джей катается на скейтборде рядом со мной, пока я совершаю пробежку. Он неотступно следует за мной, радуясь возможности побыть с отцом. У Тиффани в самом разгаре история с «мальчиками», и, хотя время от времени мы бурно изливаем друг другу радость от встречи, мне трудно удержать ее рядом с собой хоть на несколько минут. Гормональные выплески то и дело захватывают ее, и она стремительно уносится от меня, как автомобиль, заправленный высокооктановым топливом. Она в том рискованном возрасте, когда девочка уже перестает чувствовать себя подростком, но еще не становится женщиной. Венди, моя бывшая жена, героически справляется с этой трудной ситуацией, и я восхищаюсь ее силой и выдержкой. Я стремлюсь как можно больше времени проводить с детьми, но их тянет к своим друзьям и привычным занятиям. Я никак не могу найти верный тон в отношениях с ними. Кроме того, мне очень трудно объяснить кому бы то ни было, чем я занимаюсь. Все соглашались, что работа в армии - это нечто необычное, но никто не проявляет настоящего интереса к моим рассказам. Чем больше я пытаюсь подвести итог последним двум месяцам, тем меньше у меня получается.

На обратном пути, сидя в самолете, я засыпаю и вижу сон: я и еще три человека получаем задание захватить в плен черноволосую женщину, живущую на вершине горы. Мы должны усыпить ее хлороформом и похитить. Но нам никак не удается договориться между собой, и операция проваливается. Я возвращаюсь домой и вижу новое до-дзе. Маленькая прихожая, она же офис, выкрашена бледно-лиловой краской, и с потолка свешиваются женские чулки.

Я снова и снова прокручиваю в памяти этот сон, пытаюсь понять его смысл. А тем временем сознание подсказывает мне: ты недостаточно хорошо ладишь со своими товарищами по команде. В ваши отношения должны быть добавлены элементы женского архетипа, но этого нельзя добиться силой. Женская энергия находится в твоём собственном до-дзе, тебе не нужно искать ее где-то на стороне, чтобы «захватить в плен».

Сегодня после ужина я не могу усидеть на месте. Я резко встаю и, извинившись, выхожу из дома, вдыхая непривычно сырой вечерний воздух. Приглушенный оранжевый свет городских фонарей не дает пробиться фосфорическому сиянию полумесяца, и мне вдруг становится страшно одиноко. Я думаю о том, что повторяю ошибки своего отца, живя подолгу вдали от семьи. Не стану ли я копией своего отца для собственных детей? Чужим дядей, который возвращается домой после долгих странствий только для того, чтобы почувствовать себя посторонним? Мне впервые приходит в голову мысль, что, может быть, я поступил неправильно, поехав домой, вместо того чтобы отправиться на марш-бросок вместе с Джеком, Хорстом и остальными.

Застройка кончается. Заросшее раkitником поле незаметно переходит в холм, где

молодые дубки соседствуют с кустами вереска. Поднявшись до середины холма, я сажусь под луной и мысленно переносюсь к парням, которые, должно быть, идут сейчас где-то по бездорожью под этим самым небом. Хотя мне приятно отдохнуть от нервного напряжения и противоречивости проекта, сейчас, вдали от них, я остро ощущаю свою растущую привязанность к ним. Я понимаю, что мое непостоянство в отношении парней, восхищение, сменяющееся раздражением, - это не более чем попытка скрыть от себя самого путаницу в представлениях о современном воине. Во-первых, с какой стати убежденный противник авторитарной власти согласился бы работать в авторитарной организации? Значит, они будут постоянно скулить и возмущаться? Доказывать, что для них законы не писаны?

Безуспешно пытаюсь привести в порядок свои мысли, я неожиданно с грустью понимаю, что не продвинулся ни на шаг в своей медитативной практике. Даже теперь, после лагеря, я не могу разобраться в самом себе. Я делаю глубокий вдох и направляю внимание на первое, что попадает под руку: каменистая земля, крик краснохвостого ястреба вдалеке, ритм моего глубокого дыхания. В этом проживании каждого момента и заключается основа великой древней традиции. Это то, что мудрый тибетский лама Чанчъя Трунгпа Ринпоче определил как «ясность, открытость и понимание настоящего». Вся наука созерцания предназначена не просто для достижения умственного просветления, а для того, чтобы наполнить переживанием каждое мгновение и пронести это ощущение через всю жизнь. Отказаться от проживания каждого момента - значит превратить свою жизнь в суетную череду мелких желаний. В каких бы условиях, в какой бы ситуации мы ни оказались, мы можем сохранять в себе воина, если будем жить, осознавая каждый момент своего существования. Но и теперь, когда я пытаюсь задержать этот момент, он вновь ускользает от меня!

7 октября

Я в гостях у своих старых друзей Рэнди и Полли в доме на вершине горы, нависающей над Сан-Ансельмо. Сидя на веранде из красного дерева, я вижу крутой склон горы Тамалпаис, который, красиво извиваясь, спускается вниз, в долину, и потом тонет в заливе Сан-Франциско. В центре залива лежит печально знаменитый остров Алькатрас, а дальше высятся небоскребы Сан-Франциско, которые поэт Гари Снайдер окрестил «речными долинами, вставшими дыбом». На востоке, в Беркли, закатное солнце множится мерцающими золотыми отблесками в окнах фешенебельных домов. Любуясь этими видами и подставляя лицо легкому бризу, начинаешь понимать, почему социологи и экономисты в один голос утверждают, что великий Залив и округ Марин в особенности - это цветок на лозе под названием «качество жизни».

Сегодня я был на шумном дне рождения в одном из многочисленных модных домов, которые теснятся на склонах этих гор. Шикарно одетая публика танцевала под живую музыку и расхаживала по дорожкам сада. В разгар вечера ко мне подошел приятель, юрист и ветеран Вьетнама, с которым я познакомился через айкидо. Он начал расспрашивать меня о проекте. Постепенно к нашей беседе присоединилось еще несколько человек. Неожиданно для себя я начал жаловаться на ограниченность солдат и их нежелание пойти нам навстречу. Когда наш разговор зашел о том, как трудно вернуть традиционные воинские ценности в современный спецназ, одна женщина, представившаяся как Старлайт, неожиданно воскликнула: «О, я должна вас обнять за это!» Она заключила меня в объятия, и я чудом

успел увернуться от огромного камня, который болтался у нее на шее и едва не впился мне прямо в грудь. Покраснев от смущения и бормоча что-то несвязное, я попытался вернуть разговор в прежнее русло, когда резкий металлический голос за моей спиной оборвал меня на полуслове: «Обнимите их, они вам спасибо скажут!»

Я обернулся и увидел перед собой щеголя в дорогом костюме, чей хлюпающий красный нос и бегающие глазки ясно говорили одно: кокаин. Под руку с ним стояла его спутница - крикливо одетая крашенная блондинка с броским макияжем на лице - тот часто встречающийся тип, чей интерес к жизни исчерпывается модными вечеринками и дорогими магазинами.

«Армия - это сборище идиотов. Это роботы, которых правительство использует в своих грязных целях», - презрительно продолжал человек. Старлайт, обхватив руками огромный камень на шее, явно обдумывала, как наброситься на меня еще раз. Мой приятель неловко смолк от удивления и смущения.

«Их невозможно изменить, - гудел красноносый. - Это накачанные безмозглые идиоты, у которых нет ничего святого. Это наемные убийцы, которые ни перед чем не остановятся ради денег». Он смахнул нечто невидимое со своего носа и с вызовом обвел глазами собравшихся.

«Те парни, с которыми я работаю, - начал я, - убеждены, что мы с вами можем отдыхать и веселиться, как сейчас, или критиковать правительство только потому, что они защищают наши конституционные права. Когда они находятся на задании, - а это случается довольно часто, - то работают по двадцать четыре часа в сутки и при этом зарабатывают не больше, чем если бы торговали гамбургерами в Макдоналдсе». Блондинка смотрела на меня вытаращив глаза, время от времени облизывая губы с метровым слоем губной помады. Потом она игриво улыбнулась кому-то за моей спиной.

«Да, ладно вам! - взвился красноносый. - Их никто не заставляет это делать».

«Я как раз об этом и говорю, - отвечал я. - Они делают это из своих убеждений, а вовсе не из-за денег».

«Им нравится убивать, потому что они кровожадные идиоты», - бросил он. Я убеждал себя сохранять спокойствие и отвечать как можно более разумно. Я говорил себе, что этот человек все равно не способен понять то, что я пытаюсь ему сказать. Для него, как и для большинства собравшихся, материальные блага заслонили все остальное. Делать деньги - вот его единственное желание. Когда я сказал ему, что, возможно, мы воспринимаем как должное то, за что эти солдаты платят собственной жизнью, он только презрительно крикнул и, кивнув кому-то в стороне, ушел, тяжело ступая и таща за собой свою подружку.

Я остался стоять, недоумевая, почему я бросился так рьяно защищать этих парней. Только несколько минут назад до того, как появился этот красноносый, я жаловался на них, а тут вдруг полез из кожи вон, чтобы прийти им на помощь. Истина одна: хотим мы того или нет, но элита армии - это наша защита, а мы в большинстве своем плюем в тот самый колодец, из которого пьем.

Все потихоньку разошлись, и мы остались один на один со Старлайт. С неожиданной искренностью она сказала мне: «Вдыхай свет и положительную энергию и выдыхай темноту и отрицательную энергию». Я перевел взгляд с праздничной толпы на небо и увидел там одновременно луну и солнце.

10 октября

«Вы, парни, облажались! - Губы Рейдера кривятся от раздражения, его глаза полны упрека. - Мы могли бы столько сделать за время лагеря, если бы вы не хлопали ушами!»

«А может, это вы облажались?» - защищаюсь я. Рейдер только трясет головой и, развернувшись, уходит прочь.

Мне хочется вытряхнуть из него это нахальство и доказать ему, что он не прав, но все дело в том, что виноваты все - и мы, и они. Мы с самого начала требовали от них слишком многого и вели себя слишком строго по отношению к ним. Мы отказывались признавать свои ошибки и тщательно скрывали их. В результате они заняли свою излюбленную позицию - сопротивляться всему новому и непривычному. И теперь уже ничего нельзя поделать.

Мы снова в Форт-Дэвис. Все вернулось на круги своя: ежедневно две тренировки, айкидо, учебные занятия, только теперь что-то изменилось в наших отношениях с ними. Медовый месяц закончился. Мы потеряли свою коллективную невинность в лагере, и теперь нам предстоит зализывать раны и искать пути сближения.

После айкидо мы небольшой группой не спеша направляемся в столовую. Разговор заходит о нашей политике в Центральной Америке, и мнения резко расходятся. Когда каждый начинает с горячностью доказывать свою точку зрения, я говорю: «Какого черта мы ввели войска в Центральную Америку? С какой стати кто-то из вас должен ехать туда?»

Наступает тяжелая тишина. Они смотрят на меня так, будто я сморозил какую-то глупость. Я начинаю чувствовать себя по-идиотски. Наконец сержант Дент из соседней команды, останавливается, смотрит мне прямо в глаза и говорит, делая ударение на каждом слове: «Послушай, я лично не хочу на войну. Я никому ничего не хочу доказывать, но я профессиональный солдат, и я для себя решил, что поеду, куда меня пошлют. Если честно, будь я сам из тех мест, я бы, скорее всего, сейчас тоже воевал. Может быть, я даже был бы среди этих партизан, кто знает? Вот так. Потому что я солдат».

«А как же твои дети? - спрашиваю я. - Ты уходишь из дома, чтобы воевать за чьи-то интересы. А где же твоя ответственность перед детьми? Каково им будет расти без отца, если тебя убьют?»

«Я вырос, и ничего, - невозмутимо отвечает он. - Мой отец погиб в Корее».

Потом он начинает говорить о том, что мы должны уважать выбор своих отцов, и что каждый за себя в ответе, но его голос уже доносится откуда-то издалека. Я оказываюсь в водовороте сомнений. Мне кажется, будто земля завертелась с такой бешеной скоростью вокруг своей оси, что, преодолев силу тяготения, выбросила меня бесконечно нестись в свободном падении. Как мне совместить несовместимое? Большинство из этих парней, особенно те, что помоложе, никогда не задумываются над политической стороной своей профессии. Они считают себя защитниками общественных интересов, которые за них выражают особые избранные лица. Те, что проповедуют антикоммунизм, слово в слово повторяют истины, вычитанные из книг, не прибавляя ни толики собственной мысли. Другие считают, что это их долг перед страной служить в армии. Остальные, наподобие Дента, увязывают это с генетическим зовом предков. Но гибнут люди, дети остаются без отцов, дома рушатся, целые страны разрываются на части. Я начинаю ругать себя за то, что мог хоть на секунду предположить, что в нашем мире воин может служить высоким идеалам. Нет, он служит единственной цели - разрушению.

Как в партизанской войне нет четкой линии фронта, так и в нашей жизни сегодня нет ясных границ. Мы больше не можем делить мир на два лагеря - хороших и плохих парней. Добропорядочные домашние хозяйки оказываются милитаристами, профессиональные военные - защитниками мира. Военные начальники всерьез рассуждают о морали и прогрессе, университетские профессора бранят правительство за нерешительность в действиях против Ирана и требуют сравнять его с землей. Может быть, только глобальная угроза, такая как СПИД или озоновые дыры, способны повлиять на нас и, наконец, повернуть лицом к решению иных, духовных проблем.

Я вспоминаю историю ограничения вооружений. Возможно, первые попытки отказаться от использования оружия возникли в Древней Греции около 450 г. до н.э. Греки были убеждены, что смелость, проявленная в бою, - это результат внутренней духовной силы, и не имеет ничего общего с силой оружия. Другими словами, если человек обладает характером героя, он будет действовать как герой, то есть абсолютно правильно, и как результат высшей справедливости ему будет непременно дарована победа. Греки так сильно верили в безграничные внутренние возможности человека, что начисто отвергали любые новшества в средствах ведения войны, считая, что они только мешают проявлению истинного героизма. Даже столкнувшись с персами и на себе познав силу их луков и стрел, греки сознательно отказывались применять это оружие на том основании, что это превратит войну в механическое убийство и лишит воинов возможности проявить себя. Они считали, что только в рукопашном бою воин может доказать свое мастерство и отвагу, а способность стрелять из лука, поражая противника с расстояния двухсот метров, не имеет ничего общего со смелостью. В результате применение оружия было признано безнравственным и находилось под запретом более четырехсот лет.

В своей книге «Опусти оружие» Ноэль Перрин описывает, как Япония в свое время добровольно отказалась от огнестрельного оружия, с которым она впервые познакомилась в XVI веке благодаря португальцам. Посчитав, что такой вид вооружений угрожает японской культуре разрушением, старейшины родов договорились об отказе от него. Все огнестрельное оружие было собрано и уничтожено, после чего был издан указ, запрещающий под страхом смерти изготовление любого огнестрельного оружия. Когда три столетия спустя адмирал Перри прибыл в Японию, знания об изготовлении огнестрельного оружия были совершенно утеряны.

Несмотря на то, что китайцам принадлежит честь изобретения пороха, в Древнем Китае предпочитали не использовать его в войнах, так как верили, что их воины обладают совершенным мастерством, стоящим неизмеримо выше любого оружия. Когда в Швейцарии был изобретен трехгранный штык, способный наносить смертельный удар противнику, вся Европа протестовала против его применения, называя такой способ убийства безнравственным. После бесчеловечных газовых атак во время Первой мировой войны был введен запрет на использование газа, соблюдавшийся в ходе Второй мировой войны. Запрет на испытание ядерного оружия в атмосфере продержался двадцать три года. В 1975 году Америка и Советский Союз договорились о свертывании программы по разработке противоспутникового оружия. На протяжении последних десяти лет благодаря постоянно ведущимся переговорам по сокращению стратегических вооружений сверхдержавам удалось несколько сократить свои запасы ядерного оружия.

Несмотря на то, что в целом история войн представляет собой жуткую и страшную картину, в ней все-таки есть, пусть и едва заметные, попытки отказаться от использования

оружия из морально-этических соображений. Мы должны помнить, что у нас всегда есть выбор, и наша обязанность - использовать его. Мы должны жестко бойкотировать любые средства массового уничтожения и быть последовательными в своей борьбе, чтобы заставить даже террористов отказаться от их применения. Поскольку в настоящее время достичь этого невозможно, мы должны сделать хотя бы первый шаг и возродить прежние воинские традиции с их культом личного мужества, отваги, выдержки, терпения и высокими моральными принципами.

12 октября

Сегодня мы проводим последнее занятие шестичасового семинара по психологии тела. В ходе этого курса я прочитал им лекцию о соматической теории, законах работы организма и познакомил их с основами «чтения» сигналов тела. Как я и ожидал, тема вызвала резкую негативную реакцию. Когда я объявил, что каждому из них придется стоять перед остальными в обнаженном виде или в трусах, в то время как я буду проводить диагностику их организма - объяснять им законы структурного выравнивания, функциональной интеграции и выражения эмоций - Уилсон сказал: «Черта лысого я буду стоять голым». В конце концов Брэддок согласился побыть моделью с условием, что трусы останутся на нем. Я дождался, пока улягутся обычные замечания вроде: «А мальчик-то ничего!», «Сними трусы, Брэддок!», «Какую именно работу тела он собрался тебе показывать?», «Эй, красавчик, повернись!», и начал описывать эмоциональную и физическую историю жизни Брэддока. К счастью, мой рассказ заинтересовал их, и вслед за Брэддоком появились новые желающие продемонстрировать свое тело, выход каждого из которых неизменно сопровождался очередным потоком язвительных комментариев. Как я ни пытался успокоить их, всякий раз выражая надежду, что на этот раз они оставят свои замечания при себе, ничего не помогало.

«Сегодня у нас будет контрольная, - объявляю я. Они заметно оживляются - любая проверка доставляет им удовольствие. - Вы будете читать сигналы моего тела». Я внутренне сжимаюсь, представляя, что сейчас будет. Поднимается невообразимый шум, поток намеков и шуточек захлестывает комнату. «Ваше задание, - продолжаю я, дождавшись, пока улягутся крики и смех, - определить, в каких частях тела у меня были повреждения». Пока я раздеваюсь, они продолжают язвить: «Что ты делаешь сегодня вечером, мальчик?»

Шесть парней, держа наготове блокноты и ручки, уставились на меня. «Я сломал ногу во время кросса, - начинаю я. - Какую именно?» Они внимательно изучают мои ноги и делают заметки в блокнотах. «Когда мне было четырнадцать лет, я раздробил колено. Какое?» Все глаза устремляются на мои колени. Они что-то царапают в своих блокнотах. Наконец дело доходит до головы. «Когда мне было тринадцать, мне в глаз попала металлическая заноза, так что потом мне пришлось десять дней носить повязку на глазу. На каком именно?»

Я стою перед ними почти нагишом. Шесть пар глаз впиваются в мои глаза. Это поистине редкий момент. Не так-то часто поймает прямой взгляд хотя бы одного из них, не говоря уж о шести одновременно. Исключительный случай для каждого из нас. Неожиданно меня охватывает неудержимое желание выкинуть какой-нибудь фокус. Я кокетливо поднимаю брови и, подбоченясь, игриво говорю: «Повеселимся, солдатик?»

На мгновение в комнате повисает жуткая тишина. Потом Уилсон, давась от смеха, чуть не съезжает со стула. Дракер хлопает кулаком по столу: «Черт, я так и знал. Ну, ты даешь!»

Сделал нас!» Теперь уже весь класс заливается хохотом. Неожиданно с наших плеч сваливается невыносимо тяжелый груз, который так долго давил на нас. В комнате становится теплее, как будто яркий солнечный свет прорвался сквозь, мрачную тучу. Когда наступает тишина, мы снова взглядываем друг на друга. На этот раз они не изучают мои глаза - он» видят в них мою личность, они видят меня.

14 октября

Я сижу у нас дома в общей комнате. Повязка со льдом прибинтована к моей вспухшей лодыжке. Собака Шабба лежит рядом с Энн, мой старый добрый друг Сото Хоффман лежит на кровати. Мы смотрим по видео «Джози Уэльс, объявленный вне закона». Джек время от времени заходит в комнату, чтобы одним глазком взглянуть на экран. Джоуэл, вообще редкий гость у телевизора, сейчас занят тем, что просматривает какие-то бумаги из своей лаборатории, разговаривает с Мишель или медитирует, и только изредка просовывает голову в дверь, чтобы осведомиться о моей больной ноге.

Я знаком с Сото еще с тех пор, когда нам обоим было по шестнадцать. Он приехал к нам на три дня в качестве приглашенного лектора по боевым искусствам. Он преподает капозйру, бразильское боевое искусство, и эскриму, филиппинское боевое искусство владения палкой. Мы решили ввести эти курсы по двум причинам: с одной стороны, чтобы познакомить парней с незнакомой для них культурой, а с другой, чтобы показать им, что в основе любого боевого искусства лежит принцип владения собственным сознанием.

Капоэйра появилась в Бразилии в XVI веке, когда португальцы начали завозить в Новый Свет рабов из Африки. Это зажигательное и красивое искусство, в котором тесно переплелись борьба, музыка, танец, молитва и магический ритуал, все вместе образуя технику самозащиты, выживания, сосуществования и выражения радости.

Родина эскримы - Филиппины, где от смешения испанской, мусульманской и местной культур возник неповторимый и яркий стиль борьбы. В отличие от айкидо, которое основано на элитарных традициях самураев - дворянского сословия феодальной Японии, - эскрима и капозйра берут свое начало в крестьянской среде, их дух - это дух угнетенных бунтарей-простолудинов. Мастер Уэсиба писал, что айкидо служит «не для того чтобы исправлять других, а для того чтобы исправлять свое собственное сознание». Маэстро Бимба и маэстро Паштинья, два знаменитых учителя капозйры, предпочли оставить в тайне суть своего искусства, сказав только, что «капоэйра - это коварство» и «капоэйра - это все, что вашей душе угодно». Если в словах Уэсибы отражено аристократическое стремление к овладению собой, то формулы мастеров капозйры - это психология уличного боя и инстинкт толпы. И все же эти искусства объединяет широкое видение человеческой психологии, основанное на глубоком философском подходе к жизни.

Вчера во время роды - традиционного ритуального поединка в капозйре, который проходит в сопровождении экзотического музыкального инструмента беримбау, струнного инструмента, звучание которого определяет характер, скорость и интенсивность игры - я вывернул ногу, пытаясь увернуться от ударов Сото. Нога немедленно вспухла и, хотя я попытался, прихрамывая, отойти в сторону, не привлекая к себе внимания, медики тут же заметили мое состояние и собрались вокруг. Итак, я снова оказался победителем шоу под названием «Соперничай, пока не свернешь себе шею».

Сидя перед телевизором и одним глазом следя за картинками, вспыхивающими на экране,

мы говорим о нашем стремлении побеждать любой ценой и заодно возвращаемся к теме, которая неизменно беспокоит каждого, кто занимается боевыми искусствами: конфликт и его разрешение. Обсуждая наше врожденное желание преобладать и соблазнительные формулировки типа «скорее - значит лучше», мы снова и снова возвращаемся к основным принципам любого боевого искусства. Вопрос, который не дает нам покоя, касается применения насилия. Когда насилие может быть оправдано, если оно может быть оправдано вообще?

Может быть потому, что сейчас на экране вестерн, мне приходит в голову, что наше отношение к насилию не столько нашло свое отражение в этом жанре, сколько, возможно, сформировалось благодаря ему. Традиционный вестерн в стиле «Одинокого рейнджера» проводит четкую грань между хорошими и плохими парнями. Плохие парни зарастают щетиной, кричат и вообще ведут себя невоспитанно. Хорошие парни бреются, гладят детей по головкам и снимают шляпу перед дамами. Это простой мир, поделенный на черное и белое. Этот жанр также четко определяет сферу насилия: вот перестрелка в О.К. Коррал с шерифом и грабителем банка, стреляющие налево и направо; вот хозяин ранчо и конокрад, награждающие друг друга увесистыми кулаками в местном баре; вот борьба с вездесущими индейцами.

Во многих случаях такое деление на хороших и плохих часто предоставляет нам достаточно оснований для оправдания жестокости. В «Шейне», одном из ранних вестернов, одноименный герой, сыгранный симпатягой Аланом Лэдцом, заказывает себе бутылочку сарсапарели в местном салуне. Плохой парень из дальнего угла бара начинает оскорблять его. Шейн сохраняет ледяное спокойствие. Плохой парень продолжает поливать Шейна грязью, выплескивает виски на его аккуратно выглаженную рубашку, высказывает сомнение по поводу его храбрости и, в конце концов, пинками выставляет его на улицу.

Плохой парень празднует победу криками «Ха! Ха!» и новой порцией виски. Когда Шейн возвращается, чтобы вернуть пустую бутылку (он никогда не бросает мусор на улицах и, кроме того, не боится вернуться в бар), на него снова обрушивается град насмешек. Когда же плохой парень ехидно замечает, что Шейн не достоин «пить вместе с нормальными людьми», для героя, наконец, загорается зеленый свет, который говорит: надери ему задницу! Красивым ударом справа Шейн посылает мерзавца лететь кувыркком через всю улицу.

Такая идеализированная модель с незначительными вариациями так долго повторялась в бесчисленных фильмах и книгах, что, в конце концов, мы начали воспринимать ее как образец для подражания. Общая идея такова: до какого-то времени хороший парень отказывается реагировать на насмешки, подстрекательство, оскорбления и даже удары со стороны плохого парня. Отвергая насилие, он тем самым демонстрирует свое моральное превосходство над противником. Наконец, плохой парень заходит слишком далеко и совершает нечто такое, что требует - я бы даже сказал, настоятельно требует, чтобы хороший парень ответил насилием за насилие. Обидчик переступил границу дозволенного, и закон мщения приобретает моральное обоснование. В этот момент не нанести удар справа, не ввести войска, не сбросить бомбу морально предосудительно. Заслуженная, оправданная жестокость - это миф, истерически подогреваемый обществом, которое на деле творит насилие, а на словах объявляет его незаконным и противоестественным.

Западная культурная традиция также учит нас, что хороший парень никогда не начинает первым, никогда не провоцирует своего противника на открытое противостояние. Но... если

плохой парень заходит слишком далеко, если он пересекает некую невидимую грань, то ответный удар становится морально оправданным. Но где проходит эта грань? Является ли насилие единственно возможным ответом в случае ее пересечения? Эта грань не что иное, как священная граница между добром и злом. Но в большинстве случаев она представляет собой весьма произвольную и неровную линию, во многом зависящую от сиюминутного настроения и множества случайностей. Если двадцать лет общения с людьми чему-то и научили меня, так это тому, что в любой ситуации не бывает абсолютно правых и абсолютно виноватых. Каждый из нас проводит черту там, где он считает нужным.

У баптистов, например, считается правильным снимать головной убор в церкви, а у мусульман, напротив, это считается грехом. Когда я работал с бандой чернокожих в Лос-Анджелесе, которая называлась «Крипе» («Уроды»), я с удивлением обнаружил, что у них тяжким преступлением считалось начать предложение с буквы Б, потому что с этой буквы начиналось название их заклятых врагов, банды «Бладз» («Братки»). Естественно, особым шиком считалось начать предложение с буквы К. Надо заметить, что потасовки, как, впрочем, и войны, порой начинались куда с более незначительных проступков.

Мы, как мальчишки, всегда готовы найти «соринку в чужом глазу», чтобы начать драку. Мы ищем и находим основания для применения насилия, а поскольку американская нация особенно увлечена идеей насилия, у нас в стране ежегодно гибнут от пуля более десяти тысяч человек. Хотя формально мы живем в условиях мира, каждые две с половиной минуты один человек получает огнестрельное ранение. В среднем каждый день от выстрелов у нас погибает один ребенок. У себя в глазу мы не замечаем ядерного бревна, но при этом продолжаем диктовать миру, где должна проходить черта между добром и злом. Если мы не сумеем остановиться вовремя, эта черта может стать для нас последней.

Как-то полтора года назад на подъезде к своему дому я обнаружил машину с компанией горластых подростков, шумно отмечавших окончание школы. Когда я попросил их убрать за собой мусор и осколки бутылок, они, смеясь, ответили, что они ничего не бросали. Я сделал глубокий вдох и попытался спокойно доказать им, что осколки на дорожке были от тех же самых бутылок, которые они держали в руках. Тогда с заднего сиденья злой и раздраженный голос прорычал: «Да пошел ты! Иди своей дорогой». Я сделал еще один глубокий вдох и сказал им, что не хочу иметь проблем. Они могут не убирать, если не хотят, но я боюсь, что мои дети могут пораниться об осколки, и вдобавок я не хотел бы, чтобы кто-нибудь проколол шину на этом месте. Тут кто-то с вызывающим хлопком открыл новую бутылку и громко рыгнул. Все засмеялись. С таким же успехом я мог бы обращаться к столбу.

Я изо всех сил старался, чтобы мой голос звучал ровно, но внутри меня все дрожало от злости. Я лихорадочно думал о том, как мне следует поступить. Наконец, голос сзади произнес: «Ладно, я уберу».

«Слава Богу!» - подумал я. «Я помогу тебе», - быстро ответил я, обрадованный тем, что дело, кажется, решилось миром. Я открыл дверцу водителя, чтобы выпустить своего добровольного помощника. Но едва я повернулся спиной, как кто-то выскочил с заднего сиденья, схватил меня за руку и начал ее выворачивать. Поток адреналина захлестнул меня, и, поколебавшись долю секунды, я ударил его тыльной стороной ладони в лицо. Неожиданно я почувствовал себя легко и свободно. На меня было совершено нападение, и теперь я был вправе выпустить злобу, которая душила меня. Парень, сидевший на месте водителя, приблизился ко мне. Я увернулся от его захвата и, схватив его за горло, прижал к корпусу машины. Две девчонки завизжали: «Помогите, убивают!», парни, оцепенев,

наблюдали за происходящим, стоя за машиной. Тот, кого я ударил, пошатываясь, схватился за свое лицо. К этому моменту мое справедливое негодование достигло наивысшей точки. Дав себе полную волю и решив восстановить поруганную справедливость, я повернулся, чтобы разделаться с парнем, которого прижимал к машине. То, что я увидел, заставило меня оцепенеть. Парень смотрел на меня с невыразимым страхом. Его глаза застыли от ужаса, а тело билось в конвульсиях. Жгучая боль наполнила мою грудь и сжала сердце. Неожиданно я потерял всякое желание мести.

Я отпустил парня и, громко выругав их за то, что заставили меня ввязаться в это дело, начал сам собирать осколки. Они быстро набились в машину и на полной скорости с визгом съехали с дорожки. С руками, полными пустых бутылок, я направлялся к мусорным бачкам, когда увидел, что неподалеку, держа в руках железный прут, меня поджидал тот самый подросток, которого я ударил по лицу. Он дрожал от злобы, и железный прут трясся в его руке. Я остановился, занял стойку ханми и спокойно сказал: «Ты ведь не хочешь делать этого». Он стоял передо мной багровый от злости. Его друзья столпились у него за спиной, ожидая, чем все кончится. Я не спуская глаз смотрел на него. Наконец он повернулся и, обозвав меня козлом, вскочил в машину и уехал. Поза спокойствия была предметом моей гордости в те дни.

Позднее, когда я рассказал своим друзьям об этом происшествии, они единодушно объявили, что я вел себя абсолютно правильно. «Кто знает, до чего бы дошло, если бы ты не продемонстрировал, на что способен», - сказала одна из моих приятельниц. Я внутренне отметил, что она сознательно не произнесла слова «силу». «Они нарушили правила. Ты был абсолютно прав», - сказал мой старинный приятель. «Послушай, старик, - сказал один мой друг, обладатель черного пояса по карате, - он схватил тебя, он первый начал. Ты все сделал правильно». «Может, это послужит им уроком, и в следующий раз они трижды подумают, прежде чем что-нибудь затеять», - сказал другой.

Положим, они правы, и я действительно имел полное право поступить так, как поступил, но почему тогда я не почувствовал ничего похожего на радость мщения, которую столько раз видел в фильмах? Потому что причинил боль этому подростку и заставил его бояться меня. Я не почувствовал никакого облегчения от того, что этот мальчишка корчился от боли, неважно, заслужил он это или нет. Мои друзья все как один отмахивались от моих сомнений. Один из них заметил, что у меня «слишком тонкая кожа» - то, в чем позднее меня обвинит сержант Рейдер.

Когда я схватил этого парнишку за горло и увидел ужас в его глазах, то понял, что имел в виду Ницше, когда писал в «Страннике и его тени»: «Лучше погибнуть, чем ненавидеть или бояться. И лучше дважды погибнуть, чем позволить кому-либо ненавидеть или бояться тебя».

Миф о справедливом мщении растиражирован в фильмах и бандитских сериалах, заполонивших наше телевидение. Пример Бернарда Гетца, которого нью-йоркская публика превознесла до небес как героя за то, что он застрелил четырех вооруженных грабителей в подzemке, служит убедительным доказательством того, что мы живем в морально-нравственном пространстве, неотделимом от мира Рэмбо, Чарльза Бронсона из фильма «Прощай, друг» или аятоллы Хомейни. Вся разница в том, где мы проводим черту или в какой момент решаем заметить соринку в чужом глазу, а вовсе не в том, имеем ли мы реальное право применять силу.

Рассуждения о моральном праве на насилие неизменно напоминают мне о расхожих

формулировках, приписываемых разным духовным лидерам, вроде «Подставь другую щеку», «Возлюби врага своего» или «Давай пожмем руки и пойдем раздавим бутылочку». Но так легче сказать, чем сделать. Случай с подвыпившими подростками ясно показал мне, на что я способен. И, тем не менее, я считаю, что у каждого из нас всегда есть выбор. Нужно только задумываться. Нужно следить за собой, чтобы не пропустить того момента, когда желтый огонек хочу убить переключается на зеленый - убей. Освободившись от предрассудков, мы научимся погружаться в свои эмоции, вместо того чтобы бросаться в драку. Такое погружение будет гораздо более очищающим, и даже более трудным, чем настоящее сражение.

Нам нужно выработать иную систему моральных ценностей, которая, вместо того чтобы быть основанной на расплывчатой системе добра и зла, была бы ближе к тому, о чем написала Барбара Тачман в «Марше глупости»: «Зачем мы вкладываем все свои силы в погоню за призрачным военным превосходством, которое может быть достигнуто на ничтожно короткое время? Не лучше ли приложить усилие, чтобы вместе с нашим противником найти некий модус вивенди, а проще - способ жизни, а не смерти?»

Следи за собой. Будь бдительным и осторожным. Это так просто, и, тем не менее, похоже, - это единственное, что мы можем сделать, чтобы спасти наш мир.

17 октября

Вот уже три дня у нас гостит Джордж Ленард, мой старинный друг и товарищ по айкидо. Джордж соединяет в себе традиции японского самурая и европейского Возрождения. За его плечами богатый опыт воина, художника, публициста и преподавателя. Он автор шести великолепных книг по психологии и общественно-политическим вопросам. На протяжении семнадцати лет Джордж был главным редактором журнала «Лук», а в настоящее время работает соредактором журнала «Эсквайр». Он талантливый кларнетист и пианист, и даже сочинил целый мюзикл. Во время Второй мировой войны Джордж служил военным летчиком в юго-западной части Тихого океана, а во время войны в Корее был офицером военно-воздушной разведки. Он начал заниматься айкидо, когда ему было сорок семь - возраст, когда большинство спортсменов уже выходят на пенсию - и получил свой черный пояс в пятьдесят два. Сейчас он преподает айкидо и имеет сан-дан, третью мастерскую степень.

Во многих отношениях Джордж - это связующее звено между участниками нашего проекта. В свое время Джек посещал занятия по биоэнергетическому контролю в эзленском институте, которые вел Джордж. Глубокие работы Джорджа, посвященные исследованию человеческих возможностей, такие, как «Трансформация», «Немой пульс» и «Совершенное тело», произвели огромное впечатление на Криса Мэйера, одного из учредителей компании «Спортсмайнд». Когда «Спортсмайнд» заключила контракт со спецназом, и встал вопрос выбора учебных программ и преподавательского состава, Крис и Джоуэл, естественно, первым делом подумали о Джордже. Джордж, не задумываясь, предложил кандидатуру Джека в качестве руководителя проекта и меня как тренера по айкидо.

Во время своего пребывания с нами Джордж вел занятия по айкидо вместо меня. Яновски забинтовал мою лодыжку, и я смог тренироваться вместе со всеми. Постепенно я научился управляться со своей больной ногой: если не отклоняться очень сильно назад и не

переносить тяжесть на правую сторону тела, то все было более или менее нормально. Я был рад вновь почувствовать себя учеником, да и отношение парней ко мне из-за этого немного изменилось. На время освободившись от роли учителя, я мог больше работать на мате с разными партнерами.

За те несколько дней, что он пробыл на базе, Джордж стал всеобщим любимцем. Дадли лучше всего выразил общее мнение, когда однажды, выходя с тренировки, сказал: «Поразительно, как он двигается на мате. Когда я в первый раз увидел его, он показался мне обыкновенным седым стариком. Не то чтобы он плохо выглядел или был в плохой форме, но я и предположить не мог, что он может так красиво двигаться. Черт, он на двадцать лет старше меня, а я ему в подметки не гожусь». Для этих парней, которые, как мы уже не раз имели возможность убедиться, не прощают ни малейшей фальши, мастерство и искренность Джорджа не вызывали никакого сомнения. Его работа на мате, где каждое движение приобретает особую значительность, была лучшим аргументом в его пользу.

Общение с Джорджем помогло им яснее понять, кто мы такие. Мы явно приобрели вес в их глазах и перестали быть просто чудаковатыми парнями с Западного Побережья, которые пытаются забить им головы какими-то непонятными теориями. Они впервые взглянули на нас как на представителей великого сообщества людей, всей душой преданных своему делу - не меньше чем они сами преданы своему. На уроках, на тренировках и в неформальных беседах Джордж поднимал вопросы, касающиеся характера воина. В свое время мы тоже пытались затрагивать эти вопросы, но встретились с откровенным нежеланием обсуждать его. Когда на своем первом занятии Джордж обратился к ним, как к «воинам современной армии», я внутренне приготовился к ехидным насмешкам и презрительным улыбкам: им не нравится, когда кто-то пытается идеализировать их работу и относиться к ним иначе, чем просто к парням, которые делают свое дело. Но на этот раз ничего такого не последовало.

«Он не старался подмазаться к нам, - позднее признался мне Мередит. - Он говорил то, что думал, и мы уважаем его за это».

«Кто из вас считает, что Рэмбо является символом спецназа?» - спрашивает Джордж на своем первом занятии. По рядам проходит смехок, кое-кто качает головой. Мартин с важным видом тянет руку, но насмешливая складка возле рта говорит о том, что он, как всегда, паясничает.

«Кому из вас понравился фильм?» - снова спрашивает Джордж.

Почти все поднимают руки. «Мне понравились сцены боя», - говорит кто-то.

«Я взял с собой племянника и после объяснил ему, как это бывает на самом деле», - добавляет другой.

«Если еще раз увижу Рэмбо без вещмешка, никогда больше не пойду смотреть».

«Да, откуда, интересно знать, он берет снаряжение и боеприпасы? Мы носим их на своих плечах, а не берем из воздуха».

Когда Джордж спрашивает их, как бы они определили идеального воина, в их ответах содержится неизменный набор качеств: честность, сила, сострадание, преданность своему делу, выдержка, терпение, сила воли. Джек добавляет: «Настоящий воин также должен иметь представление о своих возможностях. Это не значит, что у него нет слабых мест, просто он знает о них».

Два качества, которые неизменно возглавляют список, - это самообладание и преданность. «Мы всегда стараемся быть лучше, - лаконично замечает Голт. - Может быть, нам и не

придется применять свои знания, но, я хочу сказать, мы должны стараться быть лучше».

«Дело не только в знаниях, - добавляет Яновски. - Дело в том, что мы должны сами становиться лучше. Должны отлично владеть собой».

«Нужно различать самообладание и излишнюю жесткость или чрезмерный контроль над собой», - говорю я.

«Контроль следует за сознанием», - ехидно улыбаясь, парирует Орезон, повторяя аксиому биокибернетики, которую мы столько раз твердили на уроках.

«Мне кажется, - говорит Джордж, - что в основе вашей работы лежит воинский долг служить обществу и защищать людей. - Он на секунду замолкает и обводит глазами комнату. - Означает ли это, что исполнением долга можно оправдать насилие?»

«Мы не хотим насилия, - резко реагирует Джеймс. - Мы привыкли к нему, потому что это наша работа, но мы не стремимся быть жестокими. Просто мы считаем, что есть важные вещи, ради которых не жалко отдать свою жизнь. Например, чтобы защитить свою страну».

Данэм рассказывает нам, как после отставки он вновь вернулся в армию: «Однажды утром я ехал на работу. В машине у меня работало радио, и в новостях сообщили, что в Бейруте расстреляли нашу морскую пехоту. Помню, я посмотрел в зеркало заднего вида и увидел, как вставало солнце. Потом я просто свернул с шоссе, поехал и заключил контракт на новый срок. Я тогда работал электриком и получал 30 тысяч, мог бы получать и больше. Но мне не нужны были деньги. Я хотел служить».

«Мой отец, дед, прадед и все мои дядьки служили, - говорит Шелл. - И я всегда знал, что тоже пойду служить. Мой отец воевал во время Второй мировой, но некоторые родственники не воевали, и никто из них не стал кадровым военным. Мне с детства говорили, что армия - это настоящее мужское дело. Не то чтобы это было место, где можно заработать большие «бабки» или стать знаменитым героем - все это чепуха. А просто служить и защищать».

«Защищать кого?» - спрашиваю я.

Он смотрит на меня удивленно, как будто я не понимаю простых вещей. «Людей... страну».

«И свои права! - врывается Данэм. Он возбужден, его лицо покраснелось и приобрело такой же цвет, как и его шевелюра. В непосредственности этого парня есть что-то заразительное. - Мы защищаем свое право сидеть здесь и обсуждать то, что мы хотим. Мы защищаем права тех патлатых интеллигентов в Беркли или здесь, в Гарварде, которые поливают грязью всю страну, и нас в том числе. Это наш долг - защищать свободу в этой стране. Может быть, однажды нам придется отдать свою жизнь за это, а может, и нет. Это неважно. Главное, что мы здесь, чтобы служить и защищать свои права». Возможно, от кого-то это прозвучало бы слишком высокопарно, но в искренности этого парня невозможно сомневаться.

«Вы слышали про землетрясение в Мексике? - продолжает он. - Мы могли бы там пригодиться!» Он кричит об этом, как об очевидных и простых вещах, которые должен знать каждый. «Мы могли бы помочь им. Мы хотим действовать. И это необязательно должна быть война. Мы могли бы пригодиться где-нибудь еще».

Эта идея миг захватывает их, и со всех сторон одновременно раздаются голоса. В считанные минуты они набрасывают план возможной операции: спецназовская группа А или целый батальон - в зависимости от географического расположения и степени разрушения - забрасывается в район бедствия. Парни мгновенно налаживают сеть

коммуникаций и систему снабжения, обеспечивают медицинскую помощь, охрану от мародеров и диких животных и приступают к поисково-спасательной операции.

«Мы можем работать по двадцать четыре часа в сутки, - вставляет Дадли. - Мы бы легко с этим справились».

«А как насчет совместных действий? - спрашиваю я. - Или параллельной работы, например с Советским Союзом, в случае устранения какой-нибудь глобальной катастрофы?» У некоторых в глазах загорается любопытный огонек, другие хмурят брови, не зная, как отреагировать на предложение сотрудничать с «врагом».

Их возбуждает возможность действовать, испытывать себя, преодолевать трудности, и в этот момент для них совершенно неважно, будет это испытание войной или нет. Вопрос, на который мы по-прежнему пытаемся найти ответ: может ли воин существовать вне войны, вне армии?

Маттелли, ветеран войны, и, по моему твердому убеждению, воин высочайшей пробы, возвращает нас к древней, как мир, идее посвящения, когда он говорит: «Все это разговоры. Проверить себя можно только в бою». Итак, напрасно я пытаюсь прийти к более широкому понятию воина. Снова и снова я наталкиваюсь на убеждение, что только война может служить крещением для воина.

В фильме «Бунтарь без причины» есть короткая сцена, которая подтверждает эту мысль. В тот момент, когда Джеймс Дин почти теряет самообладание, его противник Базз поворачивается к нему и говорит: «А ты мне нравишься».

Дин спрашивает: «Зачем тогда мы делаем это?»

На что Базз, пожимая плечами, отвечает: «Должны же мы что-то делать».

Да, мы должны что-то делать. Вопрос только в том, как нам делать это, не разрушая и не истребляя себе подобных? Что же есть в войнах такого, что заставляет нас стремиться к ним? В величайших литературных и философских произведениях Запада и Востока, в платоновской «Республике» и древнеиндийской «Бхагавадгите» воин описан как благородный и мужественный человек, от которого зависят жизнь и благополучие общества. Но если вчитаться в строки древних, то становится ясно, что качества, воспетые в войне, - решимость, отвага, стойкость, верность, дружба - в равной степени присущи любому человеку. Воинское братство это не некая замкнутая каста, особая порода людей или абстрактное вместилище добродетелей, - это часть нашей общей души, которая стремится к насыщенной, одухотворенной жизни. Повинуясь зову природы, мы ищем возможности испытать себя, встретиться с невероятными испытаниями, оказаться на грани возможного. Тот воин, что таится внутри нас, молит бога войны Марса, чтобы он ниспослал на нашу долю такую великую схватку, которая дала бы нам ощутить пугающую глубину каждого мгновенья. Мы хотим встретить своего Голиафа лицом к лицу, чтобы убедиться, что Давид внутри нас по-прежнему жив. Мы молим богов войны подвести нас к стенам Иерихона, чтобы вновь испытать силу и мощь наших труб.

Мы мечтаем столкнуться с такой величественной силой, которая даже при поражении могла бы возвысить нас в собственных глазах. Мы жаждем сражения, которое наполнило бы нас гордостью и чувством собственного достоинства.

Но воин не управляет ходом истории, он не может отвечать за развитие цивилизации или за изобретения, которые превратили смелый поединок в холодную битву машин. Мы позволили себе размыть границы между священным призванием воина и бесчеловечной технологией ядерной войны, и поэтому теперь, отправляясь на войну, не можем

апеллировать к древней воинской традиции. Торговцы от войны, хладнокровные технологи убийства, рвущиеся к власти бюрократы, киборги, андроиды и технократы щелкают переключателями и долбят по клавишам, в считанные минуты развязывая так называемые войны, ставя на карту существование цивилизации, существование самой планеты. Вот чем заканчивается наше неистребимое желание воевать, когда мы перестаем направлять его внутрь себя, против наших собственных врагов. Даже Рэмбо выразил свое несогласие с современной концепцией войны, когда в конце «Первой крови-2» он открыл огонь по компьютерам.

Мы сами загнали себя в угол ядерной войны, а теперь уповаем на благосклонность богов, надеясь, что они чудесным образом излечат нас от нашей слабости: в конце концов, клин клином вышибают. То, что мы считали болезнью, может оказаться лекарством. Разве не опасно пробуждать в себе воина, стоя над пропастью, когда один неловкий шаг, один просчет может оказаться последним, лишив будущего миллион поколений?

И в то же время, разве не подавление воина в себе привело нас к теперешнему положению? И разве мы не стремимся подвергнуть себя риску? Может быть, рискуя, мы надеемся познать, что же такое скрывается внутри нас? Не стоит заблуждаться: это желание постоянно живет в нас, оно великое и низменное, прекрасное и трагичное одновременно. Мы должны идти вперед легко, но осторожно. Мы должны воспринимать все как есть, и не бояться этого.

«После моей второй поездки во Вьетнам, - рассказывает Джек, - я понял, что мне не судьба умереть мгновенной и героической смертью. Мне было суждено остаться в живых. И что я должен был делать? Как я должен был жить? Это была вторая часть игры в войну. Я собирался жить, и жить как воин. Поэтому я подумал, что лучше я проживу свою жизнь хорошо».

Так как же мы собираемся распорядиться своей жизнью? Ездить на БМВ, пить дорогие вина, выигрывать туристические поездки на двоих? Я изучил Джека достаточно хорошо, чтобы понимать, что все это не для него. Прежде всего, мы должны заставить себя очнуться. Вместо поиска легких путей и готовых формул, мы должны заглянуть внутрь себя, чтобы понять, где наш главный внутренний враг. Боги, которым поклоняется наша душа, с негодованием отвергают наше поклонение техническому прогрессу, и рано или поздно они потребуют от нас вернуть принадлежащую им по праву часть нашей жизни. Если мы хотим сохранить собственную душу, то должны ввериться этим богам, впрочем, равно как Марсу и Эросу.

В фильме «Джози Уэльс, объявленный вне закона» есть эпизод, когда Клинт Иствуд, играющий Уэльса, попадает в распоряжение команчей под предводительством вождя по имени Десять Медведей. В окружении молодых воинов Десять Медведей спешит ему навстречу. Он откровенно удивлен видеть одинокого бунтаря, отказавшегося заключить мир с голубыми мундирами, и потому предлагает ему беспрепятственный проход через свою территорию. Но Уэльс отказывается от этого. «Я не могу принять твоего предложения», - говорит Иствуд, понимая, что от его выбора зависит жизнь многих людей.

«Тогда ты умрешь», - отвечает Десять Медведей.

«Я пришел, чтобы умереть вместе с тобой, - говорит Уэльс. - Или жить вместе с тобой. Смерть не страшна таким людям, как ты и я. Страшно жить... когда все, что ты любил, разрушено и втоптанно в грязь. Правительства не могут жить в мире, а люди могут. В правительстве сидят лживые люди. С ними нельзя вступать в честный бой. А я пришел

именно за этим. Я пришел к тебе со словом смерти - и со словом жизни. Знак команчей на нашем общем доме... Вот мое слово жизни».

«А твое слово смерти?» - спрашивает Десять Медведей.

«Оно здесь, в моих пистолетах. И здесь, в твоих ружьях. Я пришел сюда, чтобы ты сделал свой выбор... Больше мне нечего сказать. Я даю тебе жить, и ты даешь мне жить. Я знаю, что люди могут жить вместе и не убивать друг друга».

После долгих раздумий Десять Медведей отвечает: «Плохо, что правительствами управляют хитрые койоты. В твоём слове смерти есть железо. И в твоём слове жизни есть железо. Все команчи видят это. Никакая бумага не может выдержать железо. Только люди могут. В слове Десяти Медведей тоже есть железо жизни и смерти. Хорошо, что воины, такие как ты и я, встречаются в битве жизни. Или смерти». Он рассекает ножом свою руку и объявляет: «Пусть это будет жизнь!» Уэльс делает то же самое, и онижимают друг другу окровавленные руки.

МОРСКИЕ УЧЕНИЯ

19 октября

Температура резко понизилась, и блокнот с ручкой чуть не вываливаются из моих окоченевших пальцев. Я сижу рядом с дверью выходного люка на борту армейского вертолета «Блэкхок». Чиф Керби - слева от меня, сержант Шелл - прямо напротив, а рядом с ним сидит командир вертолета в термоизоляционном парашютном комбинезоне, перчатках и шлеме, начиненном проводами. Как и оба пилота, которых мне удалось разглядеть краешком глаза при посадке, командир корабля выглядит, как постапокалиптический андроид, сошедший со страниц научно-фантастического романа. Прямо за моей спиной находится топливный бак, который, как Рейдер уже успел мне сообщить, является источником всех бед на борту: «Если он превышает габариты и недостаточно защищен, то может в любую минуту вспыхнуть, как спичка. Я слышал, - хихикал он, - что буквально на той неделе в Форт Брэгг был такой случай». Рейдер не упустит случая, чтобы позабавиться над кем-нибудь. Я знаю, что он шутит, но от этого мне не становится легче.

Мы летим вдоль береговой линии на север, и на высоте в тысячу метров морская сырость начинает пронизывать нас до мозга костей. Кончики моих пальцев синеют, зубы выстукивают дробь. Напротив меня сидит Шелл и невозмутимо смотрит в одну точку, куда-то левее моего уха. Когда я взглядываю на Керби, он криво ухмыляется в ответ. Так же, как и я, оба они одеты в рабочие куртки, штаны и ботинки, и им тоже холодно, но по их лицам этого не скажешь. Командир вертолета потирает плечи и поочередно поглядывает на нас. Должно быть, он думает: «Ненормальные: одеты легко, а сидят, как ни в чем не бывало». Я вновь смотрю на Шелла и вижу, что на этот раз он тоже смотрит на меня. По глазам видно, что ему холодно, но игра заключается в том, чтобы не выдать себя этому заносчивому летуну. Это дело чести для любого спецназовца: отчасти демонстрация силы, отчасти гордость, отчасти медитация.

Под нами, как бескрайний персидский ковер, простираются земли Новой Англии. Голубые озера, кремовые кукурузные поля, красные клены, желтые тополя и платаны, голубовато-зеленые ели, вспаханные поля, словно бурые полосы, вплетенные в разноцветное полотно, разостланное вдоль мрачной, серой Атлантики. Черная тень от нашего вертолета скользит по тучным полям, разрезает аккуратные городишки с белыми шпилями церквей, ровными линиями улиц и важными двухэтажными особняками. Ради этого спокойствия, этого изобилия и этого горделивого самодовольства служат эти парни. Глядя на эту идиллическую картину, я с удивлением думаю: «Кому может прийти в голову покинуть этот благодатный край и отправиться за тридевять земель воевать ради чьих-то сомнительных интересов». И тем не менее здесь, в этих городках, как и повсюду в Америке, военные мемориалы исписаны именами погибших. В своей книге «Воины» Гленн Грей задумывается над этим парадоксом: «Мы не научились делать мирную жизнь достаточно привлекательной, чтобы отвлечь людей от желания воевать. Мы пытаемся изобразить войну в самых страшных красках, чтобы люди, наконец, ужаснувшись, отвернулись от нее раз и навсегда. Но это не помогало раньше, не помогает и теперь. Может быть, мы бы

достигли лучших результатов, если бы занялись устранением социальных, экономических и политических противоречий, которые являются наиболее очевидными причинами войн. Но даже и тогда мы вряд ли избавились бы от той духовной пустоты и внутренней жажды, которые толкают большинство людей в объятия войны. Наше общество до сих пор не сделало ни единого шага к тому, чтобы помочь людям наполнить жизнь содержанием. Поэтому война по-прежнему обречена оставаться иллюзорным выходом из этой проблемы».

Как мы можем удовлетворить духовный голод в обществе, которое превыше всего ценит материальное удовлетворение? Что делает жизнь настолько невыносимой, что после объявления Первой мировой войны улицы заполнились ликующими людьми? Возможно, люди действительно спешат покинуть свои городишки, чтобы спастись от тоски и бессмысленности, а вовсе не из-за того, что их привлекает война. Однажды во время своего визита Джордж задумчиво заметил, что «может быть, дело не в том, что война так интересна, а в том, что жизнь так скучна. Может быть, чтобы остановить войны, нам нужно сделать жизнь не только справедливой, но и интересной».

Но чем наполнит воин свою жизнь, если он откажется от «иллюзорного» пути войны? С одной стороны, я слышу слова Джека, который говорит: «Быть воином не значит побеждать или добиваться своих целей. Это значит жертвовать своей жизнью. Это значит рисковать и падать, подниматься и вновь рисковать. И так всю жизнь». С другой стороны, я слышу Джоуэла: «Настоящее испытание - это погружение в себя. Погрузиться внутрь самих себя, понять, кто мы такие на самом деле, это одно из самых больших испытаний». Вот две составляющие жизни идеального воина - путь борьбы и путь духа. Но если одно отделяется от другого или одно противопоставляется другому, то жизнь человека оказывается лишенной полноты. Сейчас, в сорок один год, я рискую больше и расту больше, повергая себя духовным и эмоциональным испытаниям, чем если бы я действительно рисковал своей жизнью на поле битвы. В то же время я считаю неестественным отделять жизнь тела от жизни души. Те духовные испытания, которые я встречаю и преодолеваю на своем пути, придают искренность и убежденность моим поступкам, а физические испытания укрепляют мой дух.

Мой идеал воина - это человек, находящийся в состоянии глубоких духовных переживаний и одновременно активно действующий в реальном мире. В индуистских трактатах такое состояние часто сравнивают с лотосом, корни которого, находящиеся глубоко в земле, питают великолепный, изысканный цветок. Философия восточных боевых искусств, в особенности айкидо, целиком отвечает таким представлениям древних. В своей книге «Источники японской традиции» Цунода Рюсаку так описывает духовное состояние самурая:

«Внешне он стоит в полной готовности действовать по первому зову, а внутри он стремится наполнить свой Путь. Его сердце ищет мира, но оружие всегда готово к бою.

Занятие боевыми искусствами предоставляет широкое поле для испытания своих сил, умственных, физических и духовных, и в то же время оно приносит практические результаты - учит защищать себя и других в минуту опасности. Хотя здесь есть и еще одна любопытная сторона, на которую мне как-то указал учитель карате Томас Уайт. Вот что он рассказал о своем первом появлении в до-дзэ на Окинаве, где служил в 1963 году:

«Зачем ты пришел?» - спросил его учитель.

«Я пришел, чтобы научиться защищать себя» - ответил он.

«Какую часть себя ты хочешь защищать?» - спросил его учитель».

Командир вертолета с любопытством смотрит, как я лихорадочно царапаю что-то в своем блокноте. Я выгляжу одним из этих бравых парней, но на самом деле не принадлежу к ним. На мне та же форма, но нет значков на петлице. Так же, как и они, я сижу спокойно, ничем не обнаруживая холод, но у меня нет ни зеленого берета, ни нашивки на рукаве. Я отношусь к ним, как к своим братьям, и все же мы далеки друг от друга. Я знаю, что, если мне понадобится помощь, я могу рассчитывать на них. Точно так же я, не задумываясь, приду к ним на помощь, но мы не любим распространяться на эту тему.

Я так же, как и они, хочу сделать свою жизнь яркой и насыщенной, но между нами не принято философствовать по этому вопросу.

Командир вертолета вздрагивает и энергично растирает руки. Напротив меня, через проход, так близко, что наши колени едва не касаются друг друга, сидит Шелл. Он сидит прямо и спокойно, дышит глубоко. Его широкий лоб и неподвижный взгляд указывают на то, что он усилием воли сохраняет спокойствие и делает это не только для своих товарищей, но и для всего человечества. Он следит за всем происходящим, но я вижу, что он сосредоточен на чем-то глубоко внутри себя. Я ощущаю гордость за этих парней и за то, что сейчас я один из них. Я горжусь тем, что мы сидим спокойно и невозмутимо, несмотря на то, что в кабине стоит страшный холод, и облачка пара вырываются у нас изо рта. Может быть, сейчас, борясь с холодом, наш внутренний воин встречает достаточно препятствий, и ему уже не нужно искать внешнего врага, чтобы испытать себя.

20 октября

Уже ночь. Расчистив себе уголок на походном столике, я устраиваюсь писать. Тьма сгущается вокруг моей одинокой лампы, принося с собой густое дыхание леса. В небе под покровом облаков разлилось сияние цвета молодой пшеницы, в котором плывет накренившийся серебряный месяц. Я съеживаюсь от вездесущего морского бриза, который каким-то непонятным образом заносит сюда с берега, лежащего в двух милях от нашего лагеря. Мы расположились на ветреной стороне небольшого островка к северо-западу от континентального шельфа. Сюда зима приходит раньше всего и держится добрых шесть месяцев в году. Вокруг насколько хватает глаз лежит суровое и безжизненное пространство.

Я чувствую себя совершенно обессилено после сегодняшних двух заплывов, но, закрывая глаза, я ощущаю, как внутри меня все дрожит от непонятной смеси радости и страха. Мне нравится это странное ощущение, оно как будто обещает что-то и в то же время настораживает. Я хочу задержать его и оставить внутри себя, но оно пугает меня, заставляя держаться на почтительном расстоянии - достаточно близком, чтобы его тень касалась меня, и в то же время достаточно далеком, чтобы не заслонять собой все вокруг. Мне нравится суровая красота здешних мест и близость к океану, но выматывающие заплывы и непрекращающийся холод не дают мне покоя.

Сегодняшние заплывы были только прикидкой, и все же я был поражен, с каким трудом они мне дались. Я с беспокойством заглядываю в будущее, зная, что по программе мы должны проплывать от трех до шести километров ежедневно, плюс работа на веслах, плюс прыжки с катера на скорости двадцать морских узлов. Сегодня я плелся в хвосте, и от этого у меня постоянно было сосущее чувство, что я подвожу своего партнера Шеффилда. В какой-то момент во время заплыва, пока я лихорадочно пытался не сбиться с курса, неловко

управляясь со своей больной ногой, мимо меня, как дельфин, пронесся Данэм, не переставая при этом непринужденно болтать со своим напарником. Все вокруг, казалось, не испытывали ни малейших трудностей, в то время как я даже не смог быстро натянуть гидрокостюм. Как выяснилось позднее, в нем оказалась крохотная дырочка, достаточно маленькая, чтобы ее можно было заметить, и в то же время достаточно большая для того, чтобы основательно промочить шерстяной свитер, носки и брюки, которые я поддел как нижнее белье. После полуторачасового пребывания в воде я оказался насквозь мокрым и продрог до костей.

Из расположения 260-й доносятся крики и взрывы хохота. В просторной палатке Фарли и Мартина в полном разгаре карточная игра. Хриплый хохот Ларри Бербака звучит громче всех. Ларри прибыл вместе с Джорджем Ленардом и пробудет с нами до конца этой операции. Он специалист по практической физиологии и спортсмен-троеборец мирового класса. У нас он ведет курс рационального питания, выживания в экстремальных условиях и настройки сознания, его конек - жизнь на пределе возможного. Как только я увидел этого человека, я тут же почувствовал к нему безграничное доверие. Улыбка во весь рот и насмешливые глаза - вот портрет неутомимого объездчика диких лошадей, полицейского, владельца рыболовецкого судна в Беринговом море, парашютиста-экстремала, профессионального игрока в регби и ресторатора в одном лице. Ларри стоит ближе к этим парням, чем Джек, Джоуэл, я и все приглашенные лекторы вместе взятые. Он не уступает им ни в чем - ни в отчаянной смелости, ни в решительности, и всегда готов быть рядом с ними, чем бы они ни занимались. Он ничего не принимает всерьез, и в то же время жизнь для него священна. Он сделал то, чего не удавалось сделать никому: он заставил этих парней смеяться над самими собой.

Вчера, пока мы ожидали вертолета, Ларри проделал одну из своих типичных выходок. Кто-то рассказал неприличный анекдот, и Фарли спросил, обращаясь к группе парней: «А за сколько бы вы отсосали? За тысячу долларов? Две тысячи?»

«Нет, нет! - закричали все. - Намного, намного больше!»

Тут Ларри говорит совершенно серьезно: «Вы шутите? Тысяча долларов? Черт, я готов это сделать прямо сейчас!» Кое-кто попытается возразить, другие делают вид, что их вот-вот стошнит.

«Отлично, Бербак, давай, начинай». - Дракер принимается расстегивать ширинку. Без всяких колебаний Ларри садится на корточки рядом с ним и начинает уморительно ползти за Дракером, тыча пальцем себе в рот.

«Засунь его сюда, Дракер. Тысяча долларов? Нет проблем! Засунь его и попрощайся с ним навсегда!» Выражение крайнего ужаса появляется на лице Дракера. Он пятится назад по взлетной полосе, в то время как Ларри, не переставая, ползет за ним на корточках, тыча пальцем в свой открытый рот.

Это было похоже на детскую игру, в которой один изображает страшного монстра, а остальные в ужасе убегают от него. От хохота я согнулся пополам. На мгновение всех нас связало чувство общей неловкости. В каждом из нас живет четырнадцатилетний подросток, который обожает играть со своими сверстниками и в то же время как огня боится близости.

Где-то далеко, в темноте леса раздастся крик совы. Облака расходятся, и месяц заливает все вокруг мертвенно-бледным сиянием. Веселые возгласы снова раздаются со стороны 260-й. Одноместная палатка Джека с горящим ночником сделалась похожей на огромного жука-светлячка. Ветер становится резче и холоднее, и мне снятся горячие струи душа, который я

однажды принимал вместе со своей подружкой.

22 октября

Весь день мы проводим на улице. В шесть утра мы выкатываемся из своих палаток и пьем горячий чай или бульон перед утренней пробежкой. Я прихрамываю из-за своей больной лодыжки, и пока мы, дрожа, собираемся вокруг костра, на котором готовится завтрак, Яновски перебинтовывает ее. Он работает уверенно и ловко, его пальцы осторожно ощупывают поврежденную ткань.

«Уже лучше, - говорит он. - Единственное, чего тебе не хватает, как и всем нам, так это отдыха». Прошлой ночью мне приснился сон, будто я плыву в море на военном корабле «Шангри-ла» - авианосце, на котором когда-то служил мой отец. Под утро я проснулся от какого-то грохота за палаткой. Енот? Ласка? Медведь? Храп Джека. Как признак наступающего ясного дня, сквозь откинутый полог палатки на меня смотрит Полярная звезда.

Темные гряды облаков ползут над берегом, когда мы под дождем входим в воду. Сегодня Атлантика предстает в трагическом рахманиновском величии. Цвет воды невозможно описать словами: серо-зелено-желтая, она подозрительно спокойна сегодня. Отплыв сто метров от берега, мы погружаемся в сплошной туман. Сквозь белую пелену до меня доносятся голоса с резиновых спасательных шлюпок. Из-за боли в ноге я все время забираю в одну сторону и если перестаю следить за собой, начинаю плыть кругами. Вдобавок к этому, перед заплывом я куда-то засунул свою перчатку, и теперь плыву, держа правую руку над водой. Поскольку мы плывем на спине, отталкиваясь ногами, я мысленно успокаиваю себя, что могу обойтись и так.

После того как я огибаю сигнальный флажок с километровой отметкой и поворачиваю назад, море неожиданно начинает подниматься. Я мгновенно теряю из вида своего напарника Дракера. Шлюпки подстраховывают нас, но из-за нарастающего волнения и усиливающегося дождя я не могу разглядеть их. Я чувствую, что и Дракер, и лодка где-то близко, но туман с дождем и ритмические колебания воды подо мной сливаются в сплошную завесу холода и сырости. Поднимаясь на гребень волны, я на секунду выхватываю из тумана блестящий черный бок шлюпки, но в тот же момент вновь соскальзываю вниз и теряю ее из виду. Я едва могу видеть на расстоянии пяти метров от себя, волны начинают захлестывать меня. Неожиданно я чувствую себя совершенно одиноким и потерянным в беспокойном море, в четырехстах метрах от берега.

Я пытаюсь справиться с паникой. Я плыву, преодолевая сопротивление воды и подавляя в себе безумное желание поскорее выбраться на берег. Вот только где он? Я успокаиваю себя. Вдох. Выдох. Под собой я чувствую громадную древнюю бездну. Я отбрасываю от себя страх и отдаюсь на волю этой величественной громады. И, странно, я тут же перестаю бояться. Неожиданно я сливаюсь в единое целое с этими бесконечными серо-лиловыми волнами и чувствую, как меня наполняет глубокая и спокойная радость. Весь океан принадлежит мне. Он нежно укачивает меня, как во сне, мое дыхание сливается с его мерным движением. Из тумана на мгновение возникает буревестник и скользит метрах в четырех надо мной, склонив голову и глядя на меня с любопытством и сочувствием. Неожиданно для себя, я вспоминаю своего друга-серфингиста, который двенадцать лет назад на Гавайях вышел утром в море и не вернулся. Я вспоминаю, как его жена

вглядывалась в темнеющую морскую даль. Странно, но эта мысль успокаивает меня. Я вспоминаю его мудрые глаза, и мне кажется, что они направляют меня прямо к берегу.

Вдали я различаю шум разбивающихся волн и уже не торопясь плыву в этом направлении. Когда я, наконец, выползаю на берег под оглушительный шум прибоя, моя рука кажется мне чужой - бескровная, висящая плеть. Я чувствую себя опустошенным, и без единой мысли бреду по берегу посреди всей этой красоты и величия.

Почти все уже переоделись в сухое, когда я наконец добираюсь до места. Джек молча бросает на меня взгляд, словно спрашивая «С тобой все в порядке?». Капитан Торн нахмурился и качает головой.

«А! Джонни Веймюллер!» - смеется Ларри.

23 октября

Ночью дождь прекращается, и, проснувшись, я вижу над собой застывшее холодное небо. Воротники поднимаются, шерстяные шапки натягиваются на головы под порывами неистового северо-западного ветра. Высоко над ельником коричневый ястреб изо всех сил пытается противостоять напору ветра. Вчерашний эпизод в море оставил во мне ощущение пронзительной ясности: все вокруг кажется мне отчетливым и кристально чистым. Моя обычная раздражительность стихла, и даже больная нога не так сильно беспокоит.

На заболоченной лесной поляне, в стороне от лагеря, я провожу занятие с дзе. Стоя на небольшом возвышении, я наблюдаю, как, разбившись на пары, парни прилежно отрабатывают приемы, размахивая в воздухе своими дзе. Сейчас они похожи на древних спартанцев, занятых подготовкой к войне. Когда эти парни хотят, они, как губки, впитывают все новое. В иных случаях превращаются в кусок холодного камня. Они быстро усвоили тридцать один прием дзе-ката и теперь работают над более сложной техникой движений с партнером, куми-тани. Некоторые уже мастерски овладели первыми двумя приемами. Я ставлю Голта и Фарли, чтобы они продемонстрировали остальным свою технику. Они выполняют приемы четко и убедительно. Японские дубовые палки в их руках металлически поблескивают, когда они уверенно атакуют и отражают удары противника. Потом я отрабатываю приемы с каждым из них в отдельности. Когда Голт начинает решительно теснить меня, я чувствую ту странную гордость, какую ощущает каждый учитель, видя успехи одаренного ученика. Когда я хвалю его, он молча отводит взгляд, не переставая жевать табак.

Сегодня после обеда Рейдер проводит с нами занятие по морской навигации. Мы, как лошади, поворачиваемся спинами к ветру и придерживаем карты камнями и руками. Я поражен обширными познаниями Рейдера и тем, как умело он объясняет материал. Он запросто мог бы работать в частной компании и зарабатывать суммы с пятью нулями. Когда я говорю ему, что урок был на высоте, он смотрит на меня небрежно и пожимает плечами, но как только я поворачиваюсь, чтобы уйти, он окликает меня: «Тебе все было понятно?». Это его способ держать других на расстоянии: если я приближаюсь, он отдаляется, едва я отворачиваюсь, он подзывает меня.

«Почти все», - холодно отвечаю я, раздраженный его постоянной игрой в кошки-мышки.

Шагая в лагерь, я замечаю Орезона, который, замерев на месте и подняв свою дзе для удара, внимательно вглядывается в верхушку огромной ели.

«Что ты делаешь?» - спрашиваю я. Он не меняет своего положения - застывший на месте

самурай в камуфляжной форме.

Стоящий рядом Брэдок шепчет: «Он охотится за белкой. Он уже чуть не поймал ее. У него отлично получается. Сейчас сам увидишь». Как раз в этот момент Орезон наносит удар, и рыжая белка, как ни в чем не бывало, продолжает карабкаться вверх по дереву.

Он поворачивается ко мне и улыбается. «Ты знаешь, - говорит он, поигрывая дзе, - твои уроки очень помогают. Вот увидишь, скоро я сниму ее».

«Я учу вас, как обращаться с дзе, не для того, чтобы вы использовали эту технику для убийства», - сердито отвечаю я. Он глядит на меня, блаженно улыбаясь, при этом один глаз у него смотрит в небо, а другой косит себе под ноги. Он спокойно стоит, держа дзе в руках, - метр девяносто сплошных мускулов. Я не боюсь его, но знаю, что он может сделать, стоит ему только захотеть.

«Это же нормально, - говорит он. - Люди родились, чтобы охотиться. Если бы мы продолжали охотиться, то, может быть, у нас не было войн. Кстати, войны начались между земледельцами, а не между охотниками. Когда я убью эту белку, то съем ее и дам тебе попробовать. - Он с досадой вскидывает руки. - Что здесь плохого?»

Он поворачивается и уходит, качая головой. Интересно, испытывает ли он те же противоречивые чувства, что и я? Он знает, что я не ем мяса и увлекаюсь традиционным воинским искусством. Я знаю, что он любит охотиться и имеет врожденную страсть убивать, и, тем не менее, мы любим друг друга. Если бы мне угрожала опасность, он первым оказался бы рядом. Он и без того уже несколько раз приходил ко мне на помощь, и я постоянно чувствую на себе его заботливый взгляд. В нем сочетаются чисто воинские черты: желание быть полезным и мощь разрушения. Наблюдая за ним, как и за большинством этих парней, я острее ощущаю присутствие этих двух составляющих и в себе самом.

По греческой мифологии, Гармония родилась от брака между Аресом и Афродитой, что символизирует равновесие между двумя величайшими человеческими страстями - Войной и Любовью. В образе Гармонии воплотилась мечта человечества о мировом порядке и в то же время стремление каждого человека к согласию с самим собой. Но возможно ли это? Несмотря на историю, полную раздоров и войн, где-то в уголках нашего сознания сохранился этот спасительный идеал. С тех самых пор, как человечество научилось мечтать, оно стремилось достичь равновесия между любовью и разрушением, оно стремилось жить в гармонии с самим собой и с окружающей действительностью. Но, может быть, из-за того, что греки слишком высоко ценили рациональный разум, пылкий и необузданный Арес со временем затерялся в тени могучего Зевса. Может быть, нам нужно принести любовь (Афродиту) в жертву Аресу, чтобы смягчить его необузданный пыл? Применительно к настоящему моменту, должен ли я признать любовь Орезона к убийству? Сможет ли любовь высвободить в Аресе танцора - его первое увлечение, перед тем как стать воином? В гомеровском гимне «К Аресу» есть строки, которые дают нам ключ к пониманию того, как чувства, которых мы больше всего опасаемся, могут чудесным образом спасти нас от нашей страсти к разрушению:

Слух преклони,
нам помощник, дарующий смелую юность,
Жизнь освещающий нам
с высоты озарением кротким,

Ниспосылающий доблесть Аресову.
Если бы мог я
Горькое зло
от моей отогнать головы, незаметно
Разумом натиск обманной
души укротить и упрочить
Сызнова острую силу в груди,
чтоб меня побуждала
В бой леденящий вступить.
Ниспошли же, блаженный,
мне смелость,
Сень надо мной сохрани неколеблемых мирных законов,
И да избегну насильственных Кер
и схватки с врагами!

Глядя вслед Орезону, который исчезает в лесу с дзе в руках, я чувствую, как меня наполняют тепло и нежность к этому великану. Его руки готовы нанести удар, а сердце хочет помогать другим, и в этом заключается древняя мудрость богов - борьба, разрушение и преданность.

24 октября

Я сижу на заднем сидении машины, которое мы прозвали «сушилкой», потому что это единственное сухое место в машине. По углам лежат кучи сваленной кое-как одежды. Дневное тепло еще сохраняется внутри, делая это место похожим на теплую и сухую норку, в которую приятно забиться. Лучшего места для того, чтобы писать дневник, и не придумаешь.

Сегодня наши морские учения чуть не закончились трагически. Мы вышли в открытое море и едва миновали первую сигнальную отметку, как погода начала угрожающе портиться. Поднялся ветер, и не прошло и нескольких минут, как нашу лодку начало швырять в разные стороны. Неожиданно трехметровая волна захлестнула нас, едва не потопив лодку. Волна, накатившая вслед за ней, тут же сорвала один из резиновых поплавков. Мы с Паркером, рискуя быть смытыми за борт, бросились к задравшемуся вверх краю лодки, чтобы не допустить опрокидывания. Нас швыряло в волнах, как игрушку, лодка совершенно лишилась управления. Но когда я оглянулся, чтобы посмотреть, кто находится у руля, то почувствовал ноющую боль в животе, как будто кто-то дал мне под дых. На месте рулевого было пусто. Меня замутило. Голт, который должен был быть за штурвалом, исчез. Мартин заметил это вместе со мной и бросился к рулю, пытаясь завести мотор. Лодка была наполовину залита водой и уже начала медленно тонуть. Все принялись судорожно вычерпывать воду, не переставая выкрикивать имя Голта. Мы то взлетали на гребень огромной волны, то стремительно бросались в серо-зеленую пропасть. Без мотора мы были абсолютно беспомощны и в каждую секунду рисковали опрокинуться.

Несясь в очередной раз в пропасть, мы неожиданно замечаем Голта, который в этот момент как раз появляется на верхушке соседней волны. В то время как мы отчаянно пытаемся удержаться на плаву, он выглядит абсолютно спокойным. Несколько мгновений

мы качаемся рядом - мы вниз, он вверх, мы вверх, он вниз, и все это время он старательно пытается приблизиться к нам. Когда расстояние между нами сокращается, он начинает кричать нам, куда плыть. Это он собирается спасти нас! Как только Мартину удастся завести мотор, мы начинаем осторожно маневрировать в сторону Голта. Но едва мы собираемся схватить его, как на нас накатывает очередная гигантская волна и со страшной силой несет нас прямо на него. У всех в мозгу проносится страшная мысль: «Мотор! Глуши мотор!» По счастью, волна нас пронесит мимо Голта с отключенным мотором. Мы в лодке похожи на жалких и беспомощных марионеток, в то время как Голт, невозмутимо качающийся на волнах один на один с ревущим океаном, больше напоминает мудрого Будду.

Меня вдруг начинает разбирать смех. Я ничего не могу с этим поделать. Это лихорадочный смех от страха и накопившегося напряжения. Глупо смеяться в такую минуту, и в то же время есть что-то абсурдное во всем происходящем. Я приказываю себе остановиться, но мне действительно безумно весело, несмотря на то, что в любой момент мы все можем быть сурово наказаны. Как сказал один мой друг: «Морю все равно. Оно может поглотить все, что угодно».

Нам нужно глушить мотор, чтобы не поранить Голта, но делать это нужно в последнее мгновение, иначе мы можем потерять управление. Мы делаем пять безуспешных попыток, пока кто-то не достает весло. Во время шестого заезда Голту удастся схватиться за него, и мы, наконец, втаскиваем его на борт. Все встревожено похлопывают его по спине и спрашивают, как дела, но он только жует табак и спокойно пожимает плечами.

Мы вычерпываем остатки воды и берем курс на следующую сигнальную отметку. Волнение нарастает. Дождь начинает лить как из ведра. Мне больше не до смеха. Вода заполняет лодку быстрее, чем мы успеваем вычерпывать ее. Мотор постоянно глохнет, и с каждым разом завести его становится все труднее. Начинает темнеть, и неожиданно я вспоминаю о своих друзьях, утонувших в море. Когда мы принимаем решение двигаться к дому, я чувствую облегчение, но тут же в моем мозгу проносится мысль, что нам вряд ли удастся причалить в положенном месте из-за нарастающего прибоя. Страх, идущий откуда-то из глубины, пронизывает меня. Я пытаюсь сосредоточиться: почувствуй свою середину. Найди равновесие. Направляй ки. У меня мелькает мысль о том, что я смогу нырнуть в воду и на гребне волны доплыть до берега. Какая чепуха! Я снова пытаюсь сосредоточиться на своей середине. Страх продолжает нарастать. Я пытаюсь сосредоточиться опять и опять.

В темноте Фарли кричит, пытаюсь перекрыть рев шторма, что он, кажется, видит небольшой промежуток в прибое. Не очень полагаясь на это, мы тем не менее хватаемся за первую попавшуюся возможность, и через некоторое время нам действительно удастся высадиться с минимальными потерями: только Фарли разбивает свой фотоаппарат. Ларри и парни из 560-й встречают нас и помогают вытащить лодку на берег. Они сообщают нам, что лодка, на которой находится Джек, еще не вернулась.

Данэм кричит мне: «Эй, Ричард, тебе нужно было идти с нами. Мы же аквалангисты. Наша лодка пришла вовремя». Кое-кто из 560-й кивает головами: «Да, минута в минуту». Несмотря на свою бесконечную усталость, я чувствую, как во мне поднимается раздражение против их постоянного бахвальства, и я недовольно отмахиваюсь, хотя и признаю, что они правы. Быть с 260-й, «курсантами из «Полицейской академии», - значит подвергать себя постоянным испытаниям, порой забавным, а порой далеко не безобидным, как это было сегодня.

Часом позже, около десяти вечера, последняя лодка, преодолев бушующие волны прибоя,

причаливает к берегу. Оказывается, у них тоже были неполадки с мотором, и некоторое время они были вынуждены укрываться от шторма на одном из островов. Маттелли серьезно поранил руку, когда вычерпывал воду. Картер, судовой медик, перевязал его своей футболкой, и теперь рану придется зашивать.

Сегодня мы были на грани жизни и смерти, но каждый показал себя с лучшей стороны. Фарли и Мартин продемонстрировали отличные командирские качества, а хладнокровие Голта вообще выше всяких похвал. Но скажи я им это напрямую, они бы только пожали плечами и небрежно сплюнули. Это все тот же Одинокый Рейнджер: «Не благодарите меня, мэм. Я просто выполнял свою работу. Н-но, Сильвер, вперед!» За этой невозмутимостью скрывается застенчивость и очевидное, хоть и неосознанное, отвращение к любой показушности. Я вглядываюсь в их лица и вижу антигероев, которые полны предрассудков и фобий. Но среди них нет ни мучеников, ни актеров.

25 октября

Внешне все очень похоже на весну. Безмятежно голубое небо, кучевые облака, как огромные крепости, лениво плывущие над головой. Слепящая, неподвижная поверхность моря сливается с золотистым солнечным сиянием. Чайки и зуйки снуют над берегом. Но порывы ледящего ветра и увядшая листва деревьев напоминают о скором приходе зимы.

Наша резиновая лодка с деревянным днищем, поблескивая на солнце и подпрыгивая на волнах, приближается ко второй сигнальной отметке в пять тысяч метров. Нас семеро на борту. Все одеты в эластичные черные гидрокостюмы с капюшонами. В таком виде мы похожи на команду ниндзя, спешащих в секретное место назначения. На самом же деле, мы компания подростков, вырвавшихся на свободу. Мы по очереди лежим на носу корабля, болтаемся на канатах и скачем с места на место. Мы пытаемся удержать равновесие на полном ходу, сначала в позе ханми, основной стойке айкидо, потом на одной ножке, по очереди стоим у компаса и садимся за руль. Я и Ларри гогочем что есть сил, глядя, как Джек стойчески переносит потоки брызг, летящие ему прямо в лицо. Как раз в тот момент, когда я начинаю думать, что, по сравнению со вчерашним, это не более чем увеселительная прогулка, мотор внезапно глохнет.

Маттелли, наш раненый капитан, немедленно принимается за работу, несмотря на свою забинтованную руку. Мотор ревет! Мы радуемся. Проработав с четверть мили, он вновь останавливается. Маттелли снова заводит его, но, почихав несколько минут, он глохнет опять. На этот раз окончательно. Теперь со всех сторон начинают сыпаться ругательства.

«Чертова армия!»

«Чертово старье, которым они нас снабжают!»

«Чертов механик! Я ему сверну шею, если только мы вернемся назад!»

«Черта лысого мы вернемся назад, даже если отправимся вплавь по этому чертовому морю!»

«Ни хрена мы не выплывем отсюда!»

Я оглядываюсь вокруг. Насколько хватает взгляда - кругом только море, небо и линия горизонта. Полное безлюдье делает это застывшее величие еще прекрасней.

«Как в чертовой программе «Победа в море», - говорит кто-то. Маттелли откидывает крышку мотора и начинает копать в нем. Наконец он обнаруживает течь в системе подачи горючего. Он пытается заделать ее, прикручивая какую-то штуковину куском проволоки.

После нескольких неудачных попыток завестись наши возбужденные разговоры прекращаются, уступая место одинокому завыванию ветра и мерным ударам волн о борт. Скоро начнет темнеть. Я пытаюсь представить себе, как далеко мы сможем уйти на наших игрушечных веслах.

Вдруг из ниоткуда до нас доносится звук мощного мотора, который прорезает пространство и нарастает, постепенно приближаясь к нам. Наконец мы видим судно для ловли омаров и понимаем, что нас тоже заметили. Пока судно медленно подходит к нам, я успеваю разглядеть название «Песня ветра», аккуратными буквами написанное на борту, и неожиданно мне на ум приходит одинокий фургон, спешащий через прерии. Шкипер, единственный человек на борту, оказывается здоровенным мужчиной лет тридцати пяти в рыбацких сапогах, штанах с широкими подтяжками и в толстом шерстяном свитере. Он ловко подводит «Песню ветра» к нашему борту и ни слова не говоря бросает нам линь, который мы привязываем к носу своей лодки. Мы все, за исключением Рэдона, который решает остаться в лодке, перебираемся к нему на борт. По-прежнему не говоря ни слова, шкипер разворачивает «Песню ветра» на северо-запад, заводит мотор и буксирует нас к берегу.

В своих черных костюмах мы выглядим, как тюлени, которые, встав на задние лапы, любопытно заглядывают в лари, полные омаров. Наш хозяин, не обращая на нас никакого внимания, смотрит вперед, различая ему одному знакомую дорогу посреди бескрайнего океана. Маттелли говорит ему, что нам нужно созвониться с материком, и он, не поворачивая головы, молча кивает. Впереди показывается земля. Вскоре мы медленно входим в небольшую бухточку, которая, постепенно расширяясь, превращается в гавань, заполненную до отказа рыбацкими суденышками. Мы пришвартовываемся в доке, где толпятся рыбаки, выгружающие из своих сетей дневной улов омаров. Шкипер жестом указывает на небольшое здание, на котором большими буквами написано: «Кооперативное общество по ловле омаров острова Литтл Крэнберри».

Маттелли делает звонок и получает сообщение, что через некоторое время за нами придет катер береговой охраны. К счастью, у кого-то находятся с собой деньги. Отчаянно проголодавшись, мы жадно поглощаем донатсы и пьем кофе. Местные детишки смотрят на нас с выражением крайнего удивления на лицах, а женщины бросают косые подозрительные взгляды.

Я выхожу на пирс, чтобы полюбоваться багрово-красным закатом. На востоке месяц начинает свой привычный путь по темнеющему небу. Темные силуэты чаек, крачек и зуйков прочерчивают в небе замысловатые фигуры. Сейчас между днем и ночью, светом и тьмой, приливом и отливом я неожиданно чувствую себя легко и свободно. В этом безмолвии, в промежутке между мирами мои мысли, опасения и тревоги тают без следа. Бурные переживания прошедшего дня, от детской радости до мрачных опасений, уплывают, как мимолетные тени. Слезы на моих щеках мгновенно сушит ночной ветер. Я начинаю безудержно смеяться, пока слезы и смех не сливаются в хриплые всхлипывания, идущие из самой груди. В каком-то полубезумном состоянии я чувствую, как прошлое и будущее, растворяясь, превращаются в сплошное перламутровое сияние пустоты. Как очень давно сказал Демокрит: «В мире нет ничего, только пустота и атомы».

26 октября

Белый корпус катера береговой охраны четко вырисовывается впереди. Я чувствую неприятную тяжесть в низу живота. Через несколько минут мы погрузимся на катер, и начнутся наши учения по прыжкам в воду. С тех самых пор, как в расписании впервые появились эти прыжки, я ждал их с замиранием сердца и тайной тревогой. Морские заплывы потребовали от нас силы и выносливости, даже обычное маневрирование на лодках оказалось опасным и непредсказуемым, но что прыжки с движущегося катера станут настоящим испытанием на прочность, это я знал с самого начала. Естественно, парни подливают масла в огонь. Как сказал Дракер: «Айкидо и медитация - все это хорошо в додзэ, но когда ты вылетаешь из вертолета или прыгаешь из катера на скорости в двадцать узлов, вот тогда посмотрим, чего ты стоишь».

Нам предстоит погрузиться на катер и совершить три прыжка на скорости в десять, пятнадцать и двадцать узлов. Палуба находится над водой на высоте примерно двенадцати футов. После третьего прыжка нам придется самим возвращаться на берег, преодолев три километра вплавь. Когда мы взбираемся на борт, Картер, смеясь, говорит: «Ну, сэнсэй, ищи свою середину». Нам приказано выстроиться в шеренгу вдоль бортов и выпрыгивать по одному по команде руководителя. Когда подходит твоя очередь, нужно повернуться спиной к носу катера и ждать сигнала. После того как ты всплывешь на поверхность, следует поднять руку. Это будет означать, что с тобой все в порядке, после чего к тебе подплывет лодка и заберет тебя. Прыжки производятся строго по секундомеру, так что на колебания не остается времени.

Когда катер подходит к назначенному месту, Мередит говорит: «Держи равновесие, сэнсэй. Прыгнешь неправильно - костей не соберешь».

«Да уж, знал я одного парня, который отбил себе все на свете. Пока его втаскивали на борт, он успел нахлебаться под завязку», - подключается Брэддок с непроницаемым выражением лица. Это правда, что я боюсь, хотя и сам не знаю чего. Мне никогда не удавались дисциплины, связанные с высотой или скоростью, так что эти занятия определенно вызывают у меня опасения. А парни чувствуют это и нарочно дразнят меня. Им не терпится увидеть, чего я стою.

«Боишься, сэнсэй?» - Картер перекрикивает рев мотора, так что каждый, включая и команду катера, слышит его. Его вопрос вызывает в моей памяти случай, который как-то произошел со мной и моим сыном. Однажды мы с ним строили дом на дереве. Приставив деревянную лестницу к стволу, я начал взбираться к развилине ветвей, находившейся на расстоянии примерно тридцати пяти футов над землей. Я лез довольно спокойно, хоть и ощущал некоторую тревогу и старался двигаться как можно осторожнее. И вдруг на полпути Ди Джей остановился и дрожащим голосом сказал: «Я боюсь. Я не полезу дальше». Страх сковал меня. Я попытался собраться духом. «Это же просто, - сказал я как можно спокойнее, - ты сможешь это сделать».

«Нет, я боюсь, - отвечал он. - Я не полезу».

Моя тревога нарастала вместе со страхом. «Я отец, я за все отвечаю, - сказал я самому себе. - Мне надо сосредоточиться». Я сделал глубокий вдох, улыбнулся как можно беззаботнее и спокойно сказал: «Ди Джей, ты сможешь. Просто сделай шаг. Как я».

Он заколебался, взглянул мне прямо в глаза и спросил: «Ты боишься?»

«Нет, я не боюсь», - отозвался я, пытаюсь не выдать себя.

Без всякого упрека и совершенно искренне он произнес: «У тебя такое лицо, как будто ты боишься».

И в этот момент я почувствовал невероятное облегчение. Маска, которую я надел на себя, была сброшена. Я был свободен. Я разрешил себе быть таким, каким я был на самом деле - я признался себе, что действительно боюсь.

«Ты прав, - сказал я. - Я боюсь, так же, как и ты». Он лукаво улыбнулся. Я протянул ему руку, и мы проделали остаток пути вместе. Мы сидели на развилке ветвей, не скрывая своего страха. Мы вместе боролись со своими внутренними врагами, и это сделало нас ближе друг другу. То, что я нашел в себе силы признаться в своей слабости, позволило нам перевести общение на более искренний и, учитывая ситуацию, более безопасный уровень.

Я взглянул на Картера точно так же, как мой сын взглянул на меня: «Да, я боюсь». Волна облегчения охватила меня, когда я сделал это признание. Картер посмотрел на меня и кивнул. Остальные наблюдали за нами молча. Рев мотора начинает нарастать, и катер, накренившись, несется по волнам. Наблюдая как шеренга людей впереди меня медленно тает, я чувствую, как все мое тело пронизывают электрические токи. Когда человек впереди меня делает свой прыжок, мощная струя воздуха наполняет мои легкие. Вот оно, СЕЙЧАС. Сигнальщик подает мне знак, и я уже лечу в воздухе, зависая на мгновение где-то между голубой Атлантикой и белыми облаками над головой. В ушах гудит отдаленный рев мотора. Я чувствую удар, вода вокруг меня взрывается, и затем наступает глубокая ватная тишина. Я выскакиваю на поверхность, как пробка, и выбрасываю руку в воздух. Меня наполняет невероятный восторг и счастье оттого, что все получилось. Лодка забирает меня. Множество рук похлопывают меня по спине. Я чувствую себя так, будто только что сделал шаг навстречу самому себе.

Последний прыжок делается на скорости двадцать узлов, что значительно быстрее, чем при двух предыдущих попытках. Несмотря на страх и возбуждение, все во мне ликует в радостном ожидании. Я начинаю привыкать к своему страху, и увеличение скорости - это лишняя возможность не только испытать себя, но и попытаться сохранить присутствие духа во время полета и вообще извлечь как можно больше опыта из этого испытания. Я вхожу в воду, чересчур наклонившись вперед, и чудом избегаю серьезных последствий. Выскакивая на поверхность, я понимаю, что потерял ориентацию, взбавок волны от катера захлестывают меня с головой. Я успеваю наглотаться соленой воды. Наконец я замечаю Брэдока, своего напарника, и, не переставая откашливаться, плыву рядом с ним три километра обратно к берегу. Океан ласково держит меня на своей могучей спине, небо над головой кажется бездонной голубой чашей. Но в первый раз за все время пребывания здесь я не чувствую удовольствия от своей работы.

27 октября

Твердый ледяной панцирь, сковавший землю, выглядит, как древняя рукопись. Я читаю: перемены, мимолетность, недолговечность. Свинцовое небо давит на беззащитную землю.

Неумолимый суровый холод, от которого некуда скрыться. Даже чайки как будто тоже притихли перед неумолимостью зимы и не решаются взлететь, робко сбившись в стайки. Небольшими разрозненными косяками тянутся к югу запоздалые утки и гуси. Поздняя осень - это самое суровое время года. Даже животные, которых природа подготовила к зимовке - белки, медведи, утки, люди - и те сопротивляются до конца наступлению холодов.

То, что мы сейчас делаем, выглядит настолько неестественным, что, даже осторожно обходя ледяные наросты и приближаясь к воде, я убеждаю себя: «Это действительно происходит с тобой. Вокруг все замерзло, лежит лед, а тыходишь в море, чтобы плыть». Справа и слева от меня идут люди. На их лицах застыло мрачное выражение, и они не говорят ни слова. Кое-кто уже погрузился в темную воду. Два километра туда, два километра обратно. Меня удивляет, как быстро мое открытое лицо привыкает к холоду. Может это просто самовнушение? Я не чувствую своего носа. Несмотря на слой полипропилена, шерстяные носки, спортивный костюм, шерстяной свитер и шапку, я все равно ощущаю, как холод обволакивает меня, проникая через полудюймовую толщину гидрокостюма. Плывая на спине, я могу видеть, как каждый мой выдох мгновенно превращается в небольшое облачко пара. На обратном пути я занимаю себя тем, что пытаюсь найти название девяти оттенкам серого цвета в небе над головой, от фиолетового до угольно-черного. На берегу мы стягиваем с себя свои мокрые черные шкуры и молча бежим две мили до лагеря. Возвратившись домой, я нахожу шкурку рыжей белки под полом своей палатки. Она уложена мордочкой вниз, так, чтобы были видны задние ноги и хвост, и выглядит так, будто пытается юркнуть под палатку. Пораженный, я останавливаюсь и молча гляжу на нее. Вскоре появляется Орезон. Он протягивает мне шампур с запеченным на костре беличьим мясом. Я уже готовлюсь отчитать его, но он осторожно подает мне шампур и раздражается лаконичным хайку: «Я только что зажарил ее. Это вкусно. Попробуй, тебе понравится». Я был прав. Это что-то глубоко личное, но не то, что я предполагал. В его действиях нет ничего злобного, скорее элемент священнодействия: «Берите, ешьте, это тело Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, того, кто отдал свое тело и кровь... »

«Ты убил ее с помощью дзе?» - спрашиваю я.

«Да», - просто отвечает он и уходит прочь.

Я иду в лес, держа в руках закопченный шампур, и сажусь на рыхлую лесную подстилку. В двух шагах от меня лежит трухлявое бревно и рядом с ним помет какого-то мелкого животного. Я убеждаю себя, что если бы все вокруг было неизменно и существовало вечно, то не было бы ни рождения, ни обновления. Та часть меня, что придерживалась вегетарианства всю сознательную жизнь, преклоняется перед этим моментом. Я начинаю медленно жевать жесткое, волокнистое мясо, пока оно не превращается в кашу. Я скатываю ее в руках и бросаю на землю. Она смешивается с трухой полусгнившего дерева, с пометом, с желто-зеленым перегноем, превращаясь в плотные, темные катышки. «Берите, ешьте. Это тело и кровь Вселенной, что дала нам разум и сердце, которые мы должны отдать ради любви и сострадания».

ЦЕЛОСТНОСТЬ

1 ноября

Хотя всего два дня прошло с тех пор, как мы вернулись обратно в Форт-Дэвис, кажется, будто морские учения остались далеко позади, а лагерь, вообще, был сто лет назад. По-хорошему, нам бы нужно неделю, чтобы как следует обработать данные, но программа совсем не оставляет нам времени на это, и мы вынуждены, не оглядываясь, мчаться вперед. Через два дня к нам приезжает Майк Блонделл, который проведет недельный семинар по физиологии, после чего мы приступаем к курсу по синхронизации мозговых волн.

В ходе проекта «Троянский воин» айкидо - единственное звено, которое остается неизменным, независимо от программы. Вчера я вывесил расписание соревнований по айкидо. Это вызывает у них радостно-напряженное ожидание.

«Мне кажется, я не готов к этим соревнованиям», - говорит Тейер. Он выглядит растерянно, как четырнадцатилетний подросток, которому предстоит поцеловаться первый раз в жизни.

«Все будет нормально. Расслабься, - говорит Джексон и, как всегда, пускается в рассуждения о вреде беспокойства. - Зачем волноваться? Я лично ни на что не реагирую и никогда ни о чем не переживаю». Он с важным видом выходит из раздевалки, расправляя на ходу ги.

Все переглядываются. Кто-то деланно кашляет, кто-то хихикает в углу. «Да уж, это точно. Берите пример с сарджа. Он всегда расслаблен, как никто другой», - замечает кто-то.

«Если сардж расслаблен, то хотел бы я знать, кто тогда напряжен», - добавляет Мартин.

«Может, ему стать психологом-консультантом?» - смеется Дракер.

Как только мы входим в зал и кланяемся в знак приветствия, все мгновенно забывают об этом случае, но то, что произошло в раздевалке, очень показательно. Я внутренне надеюсь, что Джексон когда-нибудь поймет это. Он привык думать о себе как о славном добром парне с юга, все схватывающем на лету, который «уже навидался всего за свою жизнь» и которого «ничем не удивишь». К нему относятся с симпатией и уважают как опытного военного, но его слова и поведение на мате - это небо и земля. Как-то позже Уилсон заметил: «Мне было даже приятно увидеть, как зажато и напряженно он ведет себя на мате, потому что именно таким я себе его и представлял».

Когда кто-то готовится нанести тебе смертельный удар, твоя жизненная философия и представления о самом себе не имеют большого значения. Важно, умеешь ли ты отразить атаку так, чтобы защитить себя и одновременно не навредить сопернику. Когда ты выходишь на мат, никого не интересуют твои рассуждения о том, как ты отлично умеешь расслабляться, всех интересует, можешь ли ты быть расслабленным в своих движениях. Умеешь ли ты «плыть» в потоке энергии? Можешь ли сохранять равновесие в сложной ситуации? Сливаться с партнером? Все это чрезвычайно трудно. Ты должен обладать быстрой реакцией, внутренней силой и иметь смелость признавать свои ошибки. Об этом писал мастер Уэсиба: «Соперник находится внутри нас... оно (айкидо) существует не для того, чтобы исправлять других, оно существует для того, чтобы исправлять свое

собственное сознание». Осознание своей моральной ответственности приводит нас к пониманию, что гармония (как и все остальное) начинается с самих себя, и для разрешения любого противоречия, нужно сначала разрешить его внутри себя.

В ходе занятий айкидо обязательно проявляются чувства страха, агрессии, эгоизма и соперничества, но мы понимаем, что это наши собственные чувства и что именно нам предстоит с ними бороться. Мы понимаем, что у нас нет никаких оснований снимать ответственность с себя и винить внешнего «врага». В этом смысле, айкидо является прикладной философией, которая не просто помогает вырабатывать концепции по тем или иным вопросам, но в действительности учит наши тело и душу жить по принципам мира и согласия. Иными словами, занимаясь айкидо, мы начинаем жить в соответствии со своими убеждениями. Айкидо учит, что настоящая сила - это результат гибкости, восприимчивости, согласия и расслабления, что насилие никогда не разрешает конфликта и что в своей основе все люди - члены одной большой семьи.

6 ноября

Майк Блонделл курсирует из угла в угол класса, как огромный миноносец в бушующем море. Несмотря на то, что все взгляды прикованы к нему, он абсолютно спокоен и невозмутим. Это круглый человечек весом не менее ста килограммов, значительная доля которых откровенно свешивается поверх пояса. Именно его комплекция вызвала больше всего возражений у Джека. Он даже высказывался против того, чтобы мы приглашали Блонделла. По его мнению, этот человек одним своим видом перечеркнет идеи, которые мы проповедуем, и послужит лишним поводом для всеобщего недовольства. Я в чем-то согласен с Джеком, и все же мне нравится Блонделл. По-моему, душа этого человека гораздо больше его живота. Несмотря на свои внушительные размеры, Блонделл передвигается с достоинством и грацией, которые приличествуют бывшему Тюленю - боевому пловцу морского спецназа, участнику войны. Кроме того, он настоящий профессионал, обучающий людей более глубоко и осознанно относиться к собственной эмоциональной жизни. До сих пор парни резко бойкотировали этот вопрос, что лишний раз доказывает его важность.

Майк пишет слово «Целостность» на большом куске ватмана и показывает его классу, для убедительности постукивая по нему карандашом. «Что это такое?» - спокойным голосом спрашивает он. Как и следовало ожидать, сначала идет обычная волна сопротивления.

«Ты уверен, что правильно написал это слово?» - выкрикивает кто-то из дальнего угла комнаты.

«Да если бы у нас было это, - тянет Дадли с переднего ряда, - мы не оказались бы в спецназе». По рядам проносится смешок.

Майк улыбается, при этом лицо его освещается изнутри: «Есть другие варианты?» Высказываются разные предположения. Майк принимает каждое со вниманием, иногда прося дать разъяснение или привести примеры.

«Таким образом, можно ли сказать, - подводит он черту, - что целостность означает единство мыслей, слов и поступков?» Все единодушно соглашаются. Тогда он говорит: «А теперь давайте посмотрим, в каких случаях мы нарушаем эту целостность в своей жизни».

На протяжении недели тридцать человек, солдаты и преподаватели, принимали участие в этом семинаре, посвященном главным образом психологическим и эмоциональным проблемам. В ходе семинара мы рассматривали такие понятия, как чувство долга,

честность, ответственность, взаимопомощь, открытость, целостность и то, какое значение они имеют в нашей жизни. Только теперь мне стало ясно, что мы должны были проходить этот материал с самого начала, в первые две недели проекта, потому что это необходимая основа, на которой должно строиться все остальное. Если бы мы поступили именно так, то сейчас, рассуждая, к примеру, о чувстве долга, мы все понимали бы под этим одно и то же, и действовали соответственно. Применительно к лагерю, это значило бы, что курильщики, беря на себя обязательство не курить, осознавали бы все практические последствия такого решения.

На одном из первых занятий Майк объявил им, что, стараясь поддержать имидж крутых парней, они теряют очень важную эмоциональную составляющую своей жизни, чем вызвал бурю негодования. Вслед за этим он сказал, что если они будут подавлять в себе чувства, то никогда не смогут достичь истинного предела своих возможностей. В ответ на это они подняли страшный крик и галдеж. Потом посреди всеобщего волнения вскочил Данэм и с горящим лицом и сжатыми кулаками рванул вперёд. Я был уверен, что в следующее мгновение он набросится на Майка, и на всякий случай приготовился защищать его. Но, увидев Данэма, Майк невозмутимо сделал шаг ему навстречу и встал, спокойно поджидая своего соперника. Это было великолепной иллюстрацией ханми, основной стойки в айкидо - Майк не защищал себя, он не был агрессивен, он просто присутствовал. Все вокруг застыли в молчании, словно приклеившись к своим стульям. Данэм остановился в бешенстве в двух шагах от Майка и начал кричать на него. Майк невозмутимо стоял перед ним, не делая попыток ни успокоить его, ни дать отпор. Это была лучшая демонстрация техники айкидо, которую я когда-либо видел. Не прошло и нескольких минут, как Данэм затих и, пристально посмотрев на Майка, пробормотал что-то себе под нос и вернулся на место.

«Вот отличный образец целостности, - спокойно сказал Майк. - На ваших глазах этот человек выплеснул наружу все чувства, которые испытывал. То, что он продемонстрировал, абсолютно соответствовало его внутреннему состоянию. Вот вам единство мыслей, слов и поступков».

Но что было самым трудным для этих парней, так это необходимость открыто говорить о своих эмоциональных переживаниях - убеждениях, страхах и ожиданиях. Конечно, они и раньше обсуждали друг с другом свои личные проблемы, но теперь им приходилось делать это на более глубоком уровне. Когда Майк впервые объявил им, что они будут делиться своими чувствами, мыслями и убеждениями, Фарли тут же вскочил и горячо запротестовал против этого. Очень откровенно и убедительно он объяснил, что он солдат, что отец учил его никогда не делиться своими чувствами и что его даже теперь тошнит от одного слова «делиться». На протяжении десяти минут он горячо делился своими мыслями, объясняя, почему он не намерен ничем делиться.

Чем больше каждый говорил о своих чувствах, тем теплее и искреннее становилась атмосфера в комнате. Даже те немногие, кто наотрез отказался участвовать, были тронуты рассказами своих товарищей, рискнувших подвергнуть себя эмоциональному испытанию. В какой-то мере это был ответ Уильяму Джеймсу, призывавшему искать духовный эквивалент войне. Хотя ничто не угрожало их физической жизни, жизнь эмоциональная висела на волоске. Для многих это было страшнее, чем попасть под смертельный огонь противника. Конечно, прыжки с парашютом - вещь опасная, но на этой неделе, стоя перед своими

товарищами по команде, они столкнулись с риском куда большим. Я еще раз убедился, что, поступая искренне, мы поднимаемся на более высокий нравственный уровень. Признаваясь в своих чувствах, мы раздвигаем внутренние рамки точно так же, как, совершая героические поступки, мы обнаруживаем в себе нечто такое, о чем раньше и не догадывались.

Одно из упражнений состоит в том, чтобы, сидя лицом к лицу с партнером и глядя ему прямо в глаза, спрашивать: «Что для тебя самое важное?» После того как человек дает ответ, нужно повторять этот вопрос снова и снова, пока на поверхность не всплывет истинное значение слов, не проявится скрытый смысл. Я усаживаюсь напротив Данэма. Он чувствует себя неловко от того, что мы сидим так близко и от того, что приходится глядеть мне прямо в глаза.

«Что для тебя самое важное?» - спрашиваю я.

Он прокашливается, делает глотательное движение и поднимает голову. «Ричард, - начинает он сконфуженно, - ты очень важен для меня. Ты мой учитель, я многому учусь у тебя... в айкидо и во всем остальном». Он замолкает, собираясь с мыслями. «Но, - он опускает взгляд и начинает ерзать на стуле, - когда ты носишь эту розовую майку, ну... это просто выводит меня из себя. Я видеть этого не могу». Секунду он колеблется, потом сжимает кулак в знак солидарности и, просияв лицом, говорит: «И все-таки ты мужественный человек! И мне это нравится. Просто... понимаешь... я сам не знаю, как это совместить».

8 ноября

После изучения всевозможных систем нейронной обратной связи Джоуэл, Мишель и я решили связаться с доктором Джимом Хардтом и попросить его разработать его многоканальную систему обратной связи для нашей необычной программы. Готовясь к напряженному месячному курсу по развитию динамической активности мозга, Джоуэл и Мишель пригласили Джима приехать к нам на базу, чтобы установить свою систему и настроить ее перед началом работы. Пока идут предварительные испытания этой суперсовременной техники, я, Джек, капитан Торн и Энн Бартли с удовольствием соглашаемся побыть «подопытными кроликами».

Решено, что после утренней тренировки я буду забирать половину парней в до-дзе, а Джоуэл и Мишель в это время будут заниматься в лаборатории с остальными. После обеда мы будем меняться группами. Те, кто занимался исследованием работы мозга, будут переходить на мат, чтобы на практике применять свои знания, пытаясь соединить технику владения внутренней энергией с техникой рукопашного боя. Такое превосходное сочетание умственной и физической практики будет продолжаться в течение целого месяца, и все это время мы втроем будем проводить в интенсивных занятиях по шестнадцать часов в сутки. Для парней это должно стать исключительной возможностью достичь глубокой умственной, физической и нравственной целостности.

Когда я впервые вижу Джима Хардта, в моем мозгу проносится: «О, нет!» Квалифицированный психолог, специалист по изменению состояния сознания путем синхронизации мозговых волн, чудаковатый гений, Хардт - худенький, ниже среднего роста, человечек в круглых очках и белом халате с монограммой Д-р Джим Хардт на левом нагрудном кармане. Он приехал, чтобы ввести парней в курс тренинга по синхронизации

мозговых волн. Этот женоподобный человек с удивленно приподнятыми бровями выглядит как типичный академик, с головой ушедший в свою науку. «Эти парни съедят его живьем».

Я отвожу Джека и Джоуэла в сторону: «Парни от него мокрого места не оставят. Это все равно что отдать агнца на заклание волкам. Мы не можем этого допустить».

«Я понимаю тебя, - отвечает Джек, - но теперь уже ничего нельзя поделать».

«Это лучший в мире специалист. Я видел, как он работает. Он высочайший профессионал в своем деле», - добавляет Джоуэл.

Они провожают Хардта в класс для вводной беседы. Я забегаю в офис, чтобы сделать короткий звонок. Подходя к двери класса, я на минуту останавливаюсь, внутренне готовясь к катастрофе. Но, войдя в класс, я вижу, что Хардт стоит перед парнями в своем белом халате и спокойно рассуждает о значении синхронизации мозговых волн с таким выражением лица, будто сам Ньютон сошел со своего портрета в школьном кабинете физики. В комнате стоит абсолютная тишина, все глаза впились в него. Своим мягким, мелодичным голосом он объясняет сложный механизм деятельности мозговых волн и возможности управления ими, при этом его тонкие белые руки порхают, как две голубки. Парни жадно ловят каждое слово. Он спрашивает, есть ли вопросы. Наступает продолжительная тишина. Когда же, наконец, вопросы начинают сыпаться, он разъясняет все тонкости работы нервной системы так, будто говорит о простейших вещах. Большинство хотят знать, смогут ли они стать суперменами. Он отвечает: «Наши возможности безграничны, и мы должны развивать их».

Даже Рэмбо не нашелся бы, что возразить. Ведь он признавал, что «самое сильное оружие - это человеческий мозг».

Когда мы по одному выходим из комнаты, я присоединяюсь к группе парней: «Ну, что скажете?»

«По-моему, отлично».

«Управление сознанием - это то, что нам нужно».

«В этом что-то есть».

«Получше, чем лагерь».

«Объясните мне одну вещь, - прошу я. - Я был уверен, что вам не понравится Хардт. Но, похоже, вы в восторге от него».

Они пожимают плечами.

«Ведь он совсем не тот тип, что вам нравится, - продолжаю я. - Но вместо того чтобы вцепиться в него, вы сидите как шелковые. В чем дело?»

«Он толково объясняет, - отвечает Джибб. - Так, что все можно понять и пощупать. В этом есть логика. Ты можешь всегда узнать, продвинулся ты или нет. А с медитацией ты никогда не знаешь, где находишься». Остальные согласно кивают.

«Хардт? - оживляется Дракер. - Ты прав, это не наш тип. Но он знает толк в своем деле, это точно. Такое ощущение, что он сам испытал все, о чем говорит. В нем есть целостность».

Целостность. Искренность. Самообладание. Эти три качества по-прежнему остаются самыми важными для современного воина. Я обманулся, когда поспешил оценить Хардта по внешности и думал, что парни сделают то же самое. Воины бывают разные. Я знаю безногих людей, которые обладают большим чувством равновесия, чем люди абсолютно здоровые. Настоящий воин не зависит ни от своего физического состояния, ни от социального статуса, потому что главное в нем, это его внутренняя жизнь.

Мои наблюдения подтвердились и в отношении других приглашенных лекторов. Например, Рэнди Чернер, мой бывший коллега по школе «Ломи», приехавший к нам на недельный семинар по физподготовке, заметно нервничал, выступая в первый раз перед парнями. К моему большому удивлению, никто не обрушился на него с критикой и не попытался поднять на смех. Когда я позднее поинтересовался об этом у Фарли, он сказал: «Конечно, мы видели, что он волнуется, но он не скрывал этого и был самим собой. Он не старался выглядеть лучше, чем есть. Каждый может оказаться на его месте. Он был настоящий».

Полную противоположность ему составил именитый учитель карате, который провел с нами несколько дней. Это был крупный, отлично сложенный мужчина, и его боевое искусство было выдержано в агрессивном, воинственном стиле. Он двигался очень быстро и ловко расправлялся с любым противником. Сначала я думал, что парни будут от него в восторге. Тем не менее, когда я спросил их, каково их впечатление, они только небрежно пожали плечами: «Он, конечно, мастер своего дела, но... думает только о том, как показать себя. Ему все время хотелось похвастаться, какой он хороший, а о нас он и не думал. Лично меня он ничему не научил. На вашем месте я бы никогда больше не приглашал его».

Нам нужно пересмотреть свои представления о воине - его поле, росте, силе или умении побеждать в бою. Поле битвы современного воина должно перерасти свои буквальные рамки. Сегодня полем битвы должен стать каждый момент нашей жизни. Для того чтобы жить полноценной жизнью, в согласии с природой, мы должны обладать определенной смелостью. Чагиам Трунгпа Ринпоче ясно выразился по этому вопросу, когда сказал: «Главное для воина... не бояться самого себя. В конечном счете именно это и есть смелость: не бояться самого себя». Когда мы перестаем бояться самих себя, наша жизнь становится истинной и целостной.

10 ноября

Дни стали короче. Когда утром парни приходят в лабораторию биоконтроля, на улице еще темно, а когда поздно вечером уходят, уже вновь собираются сумерки. Помню, я где-то читал, что у эскимосов есть поверье, будто во время полярной ночи душа горит ярче. Лаборатория, где парни проводят по семь часов ежедневно на тренинге по синхронизации мозговых волн, превратилась в своеобразную кузницу, где железная воля и негибкое упрямство постепенно перековываются в новые черты - чувство собственного достоинства и способность к состраданию.

Лаборатория биоконтроля внешне напоминает модернизированный монастырь. Еще это очень похоже на армейскую парикмахерскую. Один человек сидит, в то время как другой зачесывает его волосы назад, протирает его кожу антисептическим раствором и затем приклеивает к голове электроды. В комнате, не прерываясь ни на минуту, стоит гул мужских голосов - разговоры помогают немного расслабиться в этот ранний час. Хардт чувствует себя, как дома, в этом царстве Мишеля и Джоуэла. Он порхает с места на место в своем белом халате, дружелюбно болтая с одним, отвечая на вопросы другого, убирая со лба чьи-то волосы. Его руки находятся в бесконечном движении, словно он дирижирует ему одному слышной симфонией. Видя, как парни возятся друг с другом, я едва не фыркаю от смеха. Они недовольно рычат и от этого выглядят еще забавнее. Смех так и рвется из меня наружу. Когда я, не удержавшись, замечаю: «Солдатик, ты просто милашка. Где ты делаешь свой

маникюр?», они свистят и шикают в ответ.

В кабинете, где парни занимаются синхронизацией, абсолютно темно. Электроды, опутывающие их головы, присоединены проводами к центральному компьютеру. В наушниках они слышат звуковые колебания, соответствующие работе их мозга. Прямо перед ними светится табло электронного счетчика, по показаниям которого они могут оценить состояние своего мозга. Эти занятия нацелены на то, чтобы научить их сознательно вызывать в своем мозгу волны альфа, частота которых колеблется между восьмью и тринадцатью герц. При таких колебаниях мозг находится в расслабленном и одновременно бодром и энергичном состоянии. Освобожденное от обычных «скачущих» мыслей, альфа-состояние мозга способствует быстрому усвоению нового материала и раскрытию творческих способностей человека. Чрезмерные усилия, сопровождающиеся мускульным напряжением, приводят нас к потере многомерного альфа-состояния, в результате чего мы переходим к более плоскому, зажатому бета-состоянию. Как только это происходит, мониторы автоматически сигнализируют о потере альфа-колебаний. Парни постепенно учатся сознательно выходить из альфа-состояния и снова возвращаться в него. По окончании каждого сеанса они проводят двадцать-тридцать минут, синхронизируя колебания с партнером. Звуковые сигналы, идущие от двух партнеров, пытающихся связать в единое целое электромагнитные колебания своего мозга, напоминают ритмы латиноамериканского карнавала. После занятий Хардт, Джоуэл и Мишель расшифровывают результаты и отвечают на вопросы.

Хотя Мишель много делает для нашего проекта, мне практически не видна ее работа, потому что она большую часть времени проводит в лаборатории с Джоуэлом и никогда не бывает на наших ежедневных занятиях. С другой стороны, я не присутствую при ее общении с парнями. Тем не менее, ясно, что ее участие в проекте очень важно, и она незаменимый работник в своей области.

Некоторые, например, Шелл или Мартин, схватывают науку очень быстро и мгновенно добиваются высоких результатов. Остальные сталкиваются с куда большими трудностями. Наибольшие проблемы возникают у ветеранов Вьетнама. Очевидно, в свое время, стремясь справиться с психологическим стрессом, им приходилось часто подавлять альфа-состояние мозга. И теперь они по инерции продолжают внутренне сопротивляться открытому и расслабленному состоянию, во-первых, потому что оно дается им с большим трудом, а во-вторых, потому что в нем они чувствуют себя слишком уязвимыми. Мне кажется, что такие занятия могли бы стать отличным средством реабилитации при лечении посттравматического стресса, который так часто преследует ветеранов. С их помощью они смогли бы в спокойной, доброжелательной атмосфере вновь открыть для себя благотворное воздействие альфа-состояния.

После занятий в лаборатории парни выходят на улицу и направляются к до-дзе. Они непривычно спокойно ведут себя в раздевалке и во время разминки. Когда я поворачиваюсь к ним, чтобы поприветствовать поклоном, они кажутся непривычно погруженными в себя. Сейчас они просто сидят передо мной, но в них что-то изменилось. Нет ни сутулых плеч, ни неловких поз - они просто спокойно сидят. Это то, что в дзэн-буддизме определяется как необычность обыкновенного. Сейчас в них чувствуется мягкость, которая не имеет ничего общего ни с наивной сентиментальностью, ни с кроткой застенчивостью, скорее, это безграничная открытость души. Чагиам Тругпа говорит, что «... доброе и печальное сердце воина рождает бесстрашие».

В этом состоянии у них появляется внутренняя целостность, придающая силу и плавность их движениям. Рейдер и Данэм демонстрируют впечатляющую свободную технику дзю ваза, двигаясь безо всякого напряжения. Они сами удивлены тем, как легко и свободно они достигают желаемого. Когда я хвалю Данэма за успехи, он говорит: «Мне так легко это дается, такое ощущение, как будто я вовсе ничего не делаю».

«Состояние альфа - это айки в айкидо, - говорю я. - Это состояние, при котором сила достигается путем соединения расслабления и сосредоточенности». Их рациональным головам это ничего не говорит, но на деле они ощущают правоту моих слов.

«Не знаю... все стало по-другому. - Джибб качает головой. - Мое айкидо, конечно, стало лучше, но я чувствую себя чертовски слабым».

Все долго молчат, слышно только, как завывает ветер, постукивая в оконную раму. В нашей расслабленности есть ощущение присутствия, отчего нам кажется, что в нас происходит какая-то работа, хотя мы ничего не делаем. Мне нравится быть в этом состоянии, молча пропускать через себя каждое мгновение. Мы сидим в полной тишине, но в моей голове раздается львиное рычание. В прозрачности этого хрупкого мгновения есть нечто ужасное и всепоглощающее. Мы по-новому смотрим друг на друга. Я не боюсь их взглядов и не боюсь заглянуть глубже в их глаза. На мгновение мы одна душа, одно тело, одно сердце.

Из этой бездонной и спокойной глубины появляется Рейдер. Он идет мне навстречу, его рука поднята для вертикального удара шомен. Я отступаю в сторону, сливаюсь с его движениями и вывожу его атакующий удар в спираль. Он продолжает атаковать, и мы сливаемся в непредсказуемой дзю ваза. Через несколько мгновений мы меняемся ролями. Я атакую его, он становится моим нагэ, а я его укэ. Он отлично владеет техникой и нацеливается нанести удар в мою середину. Я замечаю, что сейчас в нем нет привычной резкости и непримиримости. Не напор, а именно открытость движений делает его таким сильным. Мы останавливаемся, не сговариваясь, как будто читаем мысли друг друга. Потом мы низко кланяемся друг другу. Я поворачиваюсь к остальным и кланяюсь, как будто говорю: «А теперь вы сделайте то же самое».

Несколько недель назад, когда я зашел в зал, где Рэнди Чернер вел занятия по физподготовке, меня вдруг посетила странная идея: мне показалось, что в углу зала, как результат проделанной Рэнди работы, лежали сваленные в кучу доспехи. Мне показалось, я вижу кованые нагрудники, многослойные наплечники, наколенники, щиты, шлемы, мечи и пики, сброшенные как попало в одну серебряную груды. И я подумал, что каждый из этих предметов отражает поведение людей, способ духовного, эмоционального и физического самовыражения. Эта фантазия заставила меня улыбнуться и вспомнить о мастерстве и силе воздействия уроков Рэнди. Но радость, которая вызвала эту улыбку, происходила от сознания того, что освобождение от этого тяжелого и мощного вооружения обнажает человеческое сердце. И внезапно я увидел это сердце, нежное, сильное и непоколебимое, бесстрашно открытое миру. Работа с Рэнди, упражнения на гибкость и растяжки, лагерь, Майк Блонделл, ежедневные занятия по айкидо, тренинг по синхронизации мозговых волн - все это послужило магической химией, посеявшей в душах этих парней семена бесстрашия.

Я спрашиваю себя: может ли такой воин существовать в самом сердце современной армии, в спецназе? Как он, с его чувствами и переживаниями, сможет жить в организации, построенной на единообразии и шаблонности? Можно ли выжить, разрываясь в противоречиях? Джибб прав, говоря, «становясь открытым, я чувствую собственную

слабость». И все же мы должны спросить себя: разве можем мы позволить себе отказаться от такого воина? Балансируя на грани жизни и смерти, мы отчаянно нуждаемся в герое, который действует с позиции высоких нравственных принципов, а не с позиции силы и агрессии. Четырнадцатый Далай-лама, духовный лидер Тибета, сказал об этом так: «Возможно, наступило время, когда западный мир, проникнув в атом и покорив космос, смог, наконец, осознать, как хрупка и беззащитна жизнь на земле. Теперь становится все более очевидным, что на первый план должна выйти наука познания человека. Конечно, физика позволила нам создать бомбы, биология - смертельные вирусы, химия - нервный газ и так далее, но только порочные устремления людей могут привести эти страшные арсеналы в действие. Люди должны научиться управлять своими чувствами, они должны придать им новую форму, новое направление. И это возможно только благодаря науке, которая обращена внутрь человека».

11 ноября

Сегодня вечером я и моя подруга Кэтрин встречаемся с Яновски и его подругой в местном французском ресторанчике. В своем классическом костюме с двубортным пиджаком Яновски выглядит просто великолепно. Годы, проведенные в Европе, наложили отпечаток на его манеры. Его подруга приехала к нему из другого штата, и заметно, что он очень рад этой встрече. Мне любопытно, как поведет себя Яновски за пределами наших обычных отношений. Это очень приятный человек, я хотел бы иметь такого друга, как он. Из-за того, что он не стремится выглядеть мужественным и суровым, как большинство парней, его поведение естественно и непринужденно. Мы начали с разговоров о проекте, потом перешли к другим темам и постепенно обсудили все, начиная от внешней политики и кончая оптимальными сроками посадки сахарного горошка. После этого мы поговорили о возможности его занятий на трехмесячных курсах по психофизиологии, которые я веду в «Ломи-скул».

Во многих отношениях Яновски удачно сочетает в себе противоречивые качества традиционного воина. Как старший медик он совмещает современные научные знания с тонкой интуицией древнего шамана. В душе он целитель, но это не мешает ему с легкостью разбирать и собирать винтовку, а также метко стрелять из самых разнообразных типов автоматического оружия. Работая в организации, требующей жесткого подчинения, он умудряется сохранять независимость мышления.

В конце нашей встречи я спрашиваю его, не жалеет ли он о том, что не был на войне. «Я не хотел бы попасть на войну, - коротко отвечает он. - Меня устраивает мирная служба». Закурив сигарету, он продолжает: «Я считаю, что спецназ должен предотвращать войны. - Он колеблется несколько секунд, поигрывая сигаретой в пепельнице. - Но... меня волнует, как бы я повел себя в случае опасности, если бы кто-то угрожал моей жизни. Не то чтобы я хотел почувствовать себя мужчиной, просто мне важно проверить себя».

«Узнать, смог бы ты убить кого-то?» - спрашиваю я.

«Конечно, это тоже вопрос, - отвечает он. - Но это не так важно. Меня больше волнует ситуация, когда я сам буду в опасности, и как поведу себя».

«Похоже на войну», - говорю я. Это возвращает нас к старым добрым временам, когда воины сходились один на один, как Давид и Голиаф.

В этом диалоге снова звучат отголоски нашего вечного стремления к некоему

посвящению. Что это такое, о чем мужчины тайно мечтают на протяжении всей своей жизни? В какое братство мы хотим быть допущенными, полноправными членами какого общества хотим стать? Это желание является столь же древним и неискоренимым, как и желание первобытного человека выпрямиться и встать на ноги.

То, что Яновски четко разделяет ситуацию, в которой ему угрожают и в которой угрожает он, весьма показательно. Его представление о посвящении связано не столько со стремлением убить другого, сколько с желанием испытать себя. Это желание является не просто стремлением доказать себе собственную смелость, - это наша мечта о героизме. Мы хотим вступить в тот особый круг людей, в котором могли бы ощутить в себе того героя, которого каждый из нас носит внутри.

То, что в ядерной войне личные качества солдата не играют никакой роли, ни для кого не секрет. Тем, кто по-прежнему верит, что обычная война все еще служит ареной для воспитания и проверки личного героизма и выработки высоких нравственных идеалов, я советую прочитать великолепную книгу Ричарда А. Габриела «Герои не требуются: психоз и сумасшествие войны». Габриел пишет: «В настоящее время Советский Союз и Америка оснащены такими видами обычного вооружения, рядом с которыми оружие времен Второй мировой войны кажется детской игрушкой. Взрывная мощность большинства современных вооружений превышает мощность оружия времен Второй мировой, по крайней мере, в пять раз. Скорость стрельбы возросла почти в десять раз. Точность - в двадцать раз, а возможности по обнаружению объектов противника выросли на несколько сот процентов. Армия получила такие новейшие системы вооружений, которые и не снились в 1945 году. В результате со времени окончания Второй мировой войны возможность нанесения боевого удара возросла, по меньшей мере, на шестьсот процентов. Развитие военной техники достигло такого уровня, что даже так называемые обычные виды вооружений могут иметь необычные последствия. Нет никаких сомнений, что как в ядерной, так и в обычной войне противники обречены на гибель».

Известный британский военный историк Джон Киган даже склонен считать, что большинство современных обычных видов вооружений обладают не меньшей, если не большей разрушительной силой, чем ядерное оружие. К примеру, общеизвестный факт, что истребитель F-14 «Фантом» может нанести удар, по своей мощи превышающий удар ядерной крылатой ракеты. Далее в своей книге Габриел пишет, что «столкнувшись с последствиями обычной войны, люди начнут массово лишаться рассудка. Военная техника достигла такого уровня развития, что ее применение грозит самому существованию человечества. Результатом войны станет гибель миллионов людей и всеобщее безумие».

Для того чтобы помочь солдатам сохранить рассудок в безумных условиях современной войны, Америка и Советский Союз лихорадочно разрабатывают особое химическое вещество, способное блокировать ощущение страха. Такое вещество позволит солдату дольше оставаться в боеспособном состоянии, поскольку, даже «осознавая» опасность, солдат будет лишен способности «чувствовать» страх. Иными словами, выполняя задание, «химический солдат» не будет реагировать на чувство беспокойства или страха. Наркотик спровоцирует в нем такие симптомы и характер поведения, которые мы привыкли определять как «психически ненормальные». Иными словами, выражаясь психиатрическими терминами, «химический солдат» станет типичным «агрессивным психопатом». Мы собираемся превратить наших солдат в сумасшедших, чтобы они смогли «нормально» вести себя в бою!

В заключение Габриел пишет, что «для «химического солдата» военная доблесть будет лишена всякого смысла. Такие качества, как смелость, мужество, стойкость и готовность к самопожертвованию имеют значение только для психически нормальных людей. Они проявляются в условиях, когда человек усилием воли преодолевает свой страх. Героями становятся те, кто подавляет свой страх в экстремальной ситуации. Смелый человек - тот, кто может побороть свой страх. Жертвуя своей жизнью ради других, герой боится смерти, но сознательно идет на это, сознавая, что тем самым он спасает жизнь другим и утверждает жизнь на Земле. Если же посредством химических препаратов страх будет устранен из сознания солдата, тогда не останется ничего, что нужно было бы преодолевать. Моральные человеческие ориентиры окажутся размытыми и, в конце концов, совершенно исчезнут. Люди лишатся человеческих качеств и перестанут погибать за человеческие идеалы. Они будут просто погибать. Воинская доблесть - смелость, героизм, стойкость, мужество и готовность к самопожертвованию - будут заменены стандартными рейтингами, отмечающими уровень индивидуальной эффективности боевой единицы. А показателем такой эффективности будет число убитых».

Стремление решать свои проблемы с помощью войн - это показатель духовной нищеты нашего общества. Самая насущная проблема, которая стоит перед нами - возможно, в ней же кроется ключ к нашему спасению, - состоит в том, что в наш век атома и мощнейших технологий война перестает быть местом, где воин может испытать свою личную доблесть. Мы ведь не можем просить Марса или других богов войны дать нам возможность отличиться в бою. Воин-охотник, защищавший своих сородичей от опасности и демонстрировавший свою смелость в племенных войнах, жил в совершенно другом мире. Он в честном бою поражал копьем единственного соперника. Мы одним нажатием кнопки можем уничтожить миллионы.

12 ноября

Бен Дракер - редкостный экземпляр, целая банда головорезов в одном лице. Он стоит, как лихой ковбой, - бедра вперед, руки в боки. Взгляд такой, что хоть гвозди вбивай. Мальчишкой он после смерти отца попал в руки к дяде, который держал его в ежовых рукавицах. Естественно, после окончания школы Дракер ни дня не задержался дома. Он откровенно презирует армейские порядки и постоянно вызывает нарекания начальства за неуставную длину баков или слишком буйную шевелюру. Недавно он стал отцом, и это несколько смягчило его суровый, непреклонный нрав.

С самого начала Дракер отказывался признавать айкидо, сомневаясь в том, что оно «работает». «Попробуй докажи, что твоя ки сильнее моей молодости и моих мускулов», говорит его презрительный взгляд. Он постоянно пытается вызвать меня на ссору и всегда делает это в присутствии остальных. «Айкидо ничто по сравнению с хорошим боксом или борьбой! Лично мне это совершенно не нужно, ни на работе, ни дома». Дракер на целую голову выше меня, на добрых двадцать килограммов тяжелее, да к тому же на двадцать лет моложе. Если я не отвечаю на его провокации, он смотрит на меня сверху вниз подавленно и злобно.

Сегодня вечером в конце особо трудной тренировки очередная выходка Дракера, наконец, выводит меня из себя. «Ладно, Бен, я покажу тебе, как это работает», - взрываюсь я и чувствую, как поток адреналина ударяет мне в голову, но отступать уже поздно. Почти

полгода назад, принимая решение участвовать в этом проекте, я впервые задумался о том, как мне следует вести себя в подобных ситуациях. С тех пор я внутренне готовился к ним и одновременно боялся их.

«Не понял». - Он смотрит на меня удивленно.

«Ты хочешь узнать, как эта штука работает, сейчас я покажу тебе», - говорю я, снимая хакаму.

На самом деле мы оба хотим этого. Я хочу узнать, действительно ли утонченность и изящество моего искусства смогут перевесить его молодость и агрессию, а ему давно хочется отойти от мелочной демонстрации собственного превосходства и испытать кое-что посильнее. Дракер может дать мне ответ на вопрос, который не давал мне покоя с тех пор, как я согласился работать с этими парнями: Что случится, если кто-то из них бросит мне вызов? Будут ли они жестоки? Смогу ли я причинить им боль? Или, что хуже всего, потеряю контроль над собой и перечеркну все, чему учил их? Стало ли айкидо - искусство, основанное на законах гармонии и согласия - частью меня самого настолько, чтобы погасить агрессию этого человека? Я испытываю страх от своих сомнений, точно так же, как он от своей дерзости, но мы оба слишком взволнованы, чтобы признаться в этом. Мы сами заказали эту музыку, и теперь нам ничего другого не остается, как танцевать под нее.

В сгущающейся темноте мы начинаем молча кружить друг вокруг друга. Глаза Дракера превращаются в узкие щелки. Раньше чем я успеваю о чем-нибудь подумать, перед моим носом проносится его огромный кулак. Меня охватывает паника. Сигнал об опасности начинает бешено мигать в моей голове. Передо мной стоит молодой лев, приготовившийся нанести смертельный удар своей жертве. Мысли вихрем проносятся в моем мозгу. Меня то охватывает желание схватить железный прут, то бежать, отказавшись от этой безумной затеи. Но по мере того как его удары становятся все чаще и сильнее, что-то внутри меня переключается. Мое дыхание становится ровнее и глубже, я обретаю равновесие, мощное биение сердца ровными волнами расходится по всему телу. Теперь, когда я сбросил напряжение, я начинаю различать ошибки в его технике, читаю сигналы его тела, которые предшествуют ударам, вижу, как он напрягается, ожидая моего ответа. Я даже нахожу время на то, чтобы мысленно похвалить его за силу и ловкость. Однако ощущение беззаботной игры мгновенно проходит, когда я едва успеваю отвернуть плечо от его сокрушительного удара. Я мгновенно вспоминаю, с каким серьезным противником имею дело. Не раздумывая, я уворачиваюсь от следующего удара, делаю шаг вперед и хватаю его за горло. Он, пошатываясь, пятится назад, но я еще сильнее сжимаю его горло. Это причиняет ему боль только тогда, когда он сопротивляется, поэтому он быстро затихает. Мы застываем и долго глядим друг другу в глаза... потом я ослабляю свой захват и, повернувшись, ухожу в раздевалку. Все кончено. Схватка заняла не более минуты, но в моей памяти не осталось никаких подробностей.словно мощный электрический разряд содрогает мое тело. Мы одеваемся молча. Потом выходим из до-дзе, не сказав друг другу ни слова.

Я не думаю, что этот эпизод примирит нас с Дракером или сделает нас друзьями до гробовой доски, но он обязательно послужит толчком к перемене в наших отношениях. Я надеюсь, что сейчас мы оба сделали большой шаг навстречу друг другу. Он изменит свое мнение об айкидо, а я стану больше прислушиваться к его желаниям, которые в какой-то степени совпадают с моими.

Мы оба убедились в том, что айкидо «работает», только для меня это не связано с победой или поражением. Я знаю, что, если бы я реагировал неправильно и пытался давить на него

силой, он, вполне возможно, расправился бы со мной в два счета. Если бы я струсил и убежал, наши отношения зашли бы в тупик, и недовольство распространилось бы на других парней. «Сработал» закон гармонии, «сработали» основные принципы айкидо - слияние, равновесие, ки.

Все изменилось, когда мы посмотрели друг другу в глаза. В этот момент стена, стоявшая между нами, разрушилась. Хотя я сжимал его горло в своей руке, во мне не было ни ненависти, ни агрессии, ни желания победить. С таким же успехом мое горло могло быть в его руках - результат был бы тем же. Это был выбор между жизнью и смертью, и мы выбрали жизнь. Любой поступок, - неважно, бросает он нас в пропасть уныния или поднимает к вершинам радости - в конечном счете сводится именно к этому выбору, выбору между жизнью и смертью. Если мы выбираем жизнь, то отстаиваем свое существование. Если смерть - начинаем новый виток насилия.

Одну из самых впечатляющих историй на эту тему я услышал от Роберта Риэлта, выпускника Вест-Пойнта, офицера спецназа, ветерана войны, а ныне полковника в отставке, преподавателя в одной из трудовых колоний. В середине шестидесятых Риэлт командовал подразделением спецназа. Его отряд вел наблюдение за дорогой на Хошимин, вылавливая перебежчиков из Северного Вьетнама. Он объяснил мне, что, находясь на задании по несколько недель кряду и не имея возможности пополнить свои запасы, члены его отряда были вынуждены таскать все снаряжение с собой, отчего нередко вес рюкзака достигал пятидесяти килограммов. Перед каждой операцией он обычно упаковывал и распаковывал свой рюкзак десятки раз, чтобы освободить дополнительное место и избавиться от лишнего груза. Дело доходило до смешного: ему даже приходилось обрезать ручку у зубной щетки. Впрочем, говорил он, стоило потаскать пару дней по джунглям такой чудовищный рюкзак, как подобное действие становилось вполне понятным.

Пошутив еще по этому поводу, Риэлт возобновил свой рассказ. Однажды, находясь на очередном задании, они взяли в плен отряд партизан из Северного Вьетнама, двигавшихся по дороге на Хошимин. Отдав пленных под стражу, он принялся внимательно обыскивать их вещи в поисках секретных материалов.

Риэлт подробно описал мне, что он встречал в каждом рюкзаке: «носок с рисом, фотографию родных, сменную одежду, крошечный кусочек мыла, рукопись со стихами и...» тут Роберт смягчил свой тон и, откинувшись в кресле, широко улыбнулся: - «... и тут я наткнулся на зубную щетку с обрезанной ручкой!» Он засмеялся, вспоминая об этом, а потом, посерьезнев, сказал: «Я вызвал этого человека и спросил его, чей это рюкзак. Он сказал, что его. Я долго думал, как мне следует поступить. Потом я отвел его в джунгли без оружия, с суточным запасом еды... и отпустил на все четыре стороны. Конечно, это не повлияло на исход войны, и я помолил Бога, чтобы этот партизан не вернулся убивать американских солдат. Сказать по правде, - спокойно и искренне сказал он, - когда я наткнулся на эту нелепую щетку с обрезанной ручкой, я понял, что с этим человеком меня связывает нечто большее, чем с моими соотечественниками, оказавшимися во Вьетнаме вместе со мной. Я проникся сочувствием к этому человеку и к тому, что он делает. Я просто не мог позволить, чтобы он попал в тюрьму».

Мы часто думаем, что посвящение в воины должно сопровождаться грохотом боя и звуком фанфар, а на самом деле оно происходит весьма обыденно и даже подчас там, где этого никто не видит. Если открыть глаза и взглянуть на себя по-новому, я думаю, можно найти возможность подвига в каждом мгновении жизни. Что же касается рассказа Боба

Риэлта, то он лишний раз напоминает о тех моментах, когда каждый из нас делает свой выбор - жизнь и созидание или косность и смерть.

ПУТЬ ВОИНА

13 ноября

Когда парни впервые увидели Биру Алмейду, я уловил разочарование в их глазах. Я описывал им Биру, моего учителя по капоэйре, двукратного чемпиона Бразилии по капоэйре в тяжелом весе, как одного из величайших мастеров боя. Возможно, они представляли себе доблестного голливудского героя, который на некоторое время сойдет со своего пьедестала, чтобы раскрыть им свои секреты. Кроме того, услышав, что Бира великолепно играет на музыкальных инструментах и руководит оркестром, что он самостоятельно выучил английский язык за шесть недель, знаком с известными бразильскими музыкантами и художниками и к тому же водит дружбу с самыми красивыми девочками с Ипанема Бич, они, должно быть, ожидали увидеть мускулистого Аполлона с бронзовым загаром, один вид которого способен наводить ужас.

Но со своей густой бородой, всклокоченной кудрявой шевелюрой, толстыми линзами очков и неизменной улыбкой на лице Бира больше похож на проводника по рекам Амазонии, чем на профессионального преподавателя боевых искусств. Когда он заходит в до-дзе, парни не могут скрыть своего удивления. Их оцепеневшие взгляды говорят: «Это, должно быть, ошибка. Кто этот человек?» Но от Биры исходит неотразимое обаяние. «Привет, привет! Как дела?» - говорит он с чувственным бразильским акцентом, пожимая руку каждому. Он двигается легко и непринужденно, и от его жизнерадостного добродушия в раздевалке как будто становится светлее. Неожиданно все начинают улыбаться и весело поглядывать друг на друга.

Выйдя на мат, Бира тут же принимается играть на беримбау, однострунном инструменте, сопровождающем бои в капоэйре. Резкие мрачные звуки наполняют зал. Это древние звуки, которые совмещают в себе мистический ужас и радостное веселье. Бира начинает подпевать себе. Его низкий, густой голос наполнен силой и чувством. Он поет об измене, мести и прощении. Ритм и слова подсказывают каждому капоэйристу, как вести себя в роде, ритуальном танце, где меряются силами два участника. Ритм, который сейчас выбрал Бира, называется ангола. Это густая мерная мелодия, которая символизирует собой древнюю рептилию, которая ползет, извиваясь, в густом, непроходимом лесу.

Повинуясь указаниям Биры, мы образуем плотный круг и начинаем хлопать в ладоши в такт музыке, подпевая хором вслед за ним. Сегодня на нас надеты белые брюки и белые майки, вместо традиционных японских ги. В такой одежде мы похожи на древних язычников, совершающих священный ритуал. Один за другим мы по очереди «играем» с Вирой. Его озорная улыбка действует гипнотически. Эта игра и сложная, и захватывающая одновременно. Сходясь с каждым из нас, он демонстрирует свою восхитительную силу, после чего его соперник всякий раз неизменно отлетает далеко назад. Он заставляет нас находиться в постоянном движении, сливаться с его атаками, расширять свое восприятие и освобождаться от напряжения.

Темп музыки нарастает, хлопанье сливается в сплошной гул, голоса заполняют весь зал. «Besouro antes de morrer Abriu a boca e falou... », - поет Бира. «Ai, ai, ai, Sengir Sao Bento

Parana e, Parana e, Parana... », - подпеваем мы хором. Майки отброшены в сторону, пот ручьями льется на мат. Как пробки, мы один за другим выскакиваем из круга, повинувшись безжалостным ударам Биры. В этом древнем ритуале борьба происходит в форме танца, глубинный экстаз души выражается в страстной пении. Мы начинаем ощущать агрессию, но она не имеет ничего общего со страхом или злобой. Кровь стремительно несется по жилам, дыхание учащается, мы забываем о своем страхе перед близостью и сливаемся в единое тело. Лица выражают иступленный восторг. У апачей есть ритуал, который, по словам Д.Г. Лоренса, называется «птичьи лапки, семенящие в ритме танца». Но то, что я вижу, больше похоже на мощную и гибкую пантеру. Я давно мечтал участвовать в этом древнем ритуале прощания, скорби и возвращения, и теперь захвачен его неукротимой силой. Нарастающий ритм наших движений и голосов исцеляет душу. Я блаженно отдаюсь воле танца

В своей книге «Капоэйра, бразильское боевое искусство» Бира так описывает силу воздействия беримбау:

«Я часто уходил из дома, спускался с холма, а звук беримбау продолжал звучать во мне. Сколько раз я провел в одиночестве, часами играя на беримбау! Тогда я пускался путешествовать по глубинам своей души, открывая для себя новые образы, познавая собственную слабость и силу, ощущение жизни в согласии с Вселенной. Во власти этих волшебных ощущений я играл капоэйру в ночной темноте, сидя на мягком песке бразильских пляжей. Вскоре я научился слышать беримбау, я начал чувствовать его звучание во всем, в отблесках на воде, в облаках, в кромке песка, оно отдавалось в моем теле, дрожь в каждой его клеточке. В те моменты я сознавал величие музыки капоэйры, ощущал каждый оттенок ее звучания.

Беримбау приносит глубокое умиротворение, когда он звучит в грустном одиночестве, его ритм может быть черным и сильным, это глубокий и властный ритм, который проникает в самое сердце. Он заполняет душу, время, все вокруг мощным звучанием океанского прилива. Густая аура исходит от каждого прикосновения к струне и медленно окутывает тебя. Волшебная сила беримбау покоряет душу вопреки твоей воле.

Порой беримбау может зажечь огонь в твоём сердце, подобно звуку военных труб, и тогда твои движения приобретают невероятную легкость. В такие мгновения ты не ощущаешь страха. Твой противник может осыпать тебя градом ударов, не достигая цели. Смертельные удары словно повисают в пустоте. Возникает такое ощущение, будто твое тело становится нематериальным и не может сопротивляться. Нападение и защита сливаются в единое целое. Мощные удары проносятся мимо, не причиняя вреда. Под властью беримбау тебе ничто не угрожает».

Не многие люди, которых я знаю, так полно воплощают в себе черты идеального воина, как Вира. Один его путь от драчуна и задиры до последователя духовных истин мог бы служить образцом для подражания. На первом уровне ученик играет, не понимая, что на самом деле происходит. Он не чувствует пространства. Он ничего не видит. Он не только не способен ощущать движения своего противника, но даже его собственные движения неподвластны ему. Я называю этот этап «игрой в темноте». Постепенно ученик обретает чувство опоры и плавность в движениях. Этот этап называется «игрой в воде». Шаг за шагом овладевая капоэйрой, он приобретает совершенство в технике...

Я достиг уровня «игры со светом» много лет назад, занимаясь так напряженно, что, бывало, после тренировки терял по три с половиной килограмма. Я был бойцовской

машиной и стремился во что бы то ни стало преодолеть себя и своих соперников не только в капоэйре, но и в других видах борьбы». На этой стадии происходит переход от физического мастерства к мастерству духовному, к пониманию философии боевого искусства. В это время начинается развитие искусства духа. «После четырех лет «игры со светом» я почувствовал, что достиг своего предела, и мне стало грустно. Я приобрел такую великолепную физическую форму и такой уровень самообладания, что мог запросто справиться с любым противником. Мне незачем стало больше тренироваться. Я не мог улучшить свое искусство ни физически, ни технически. Я оказался в тупике. Как будто каменная стена выросла передо мной. Капоэйра не могла мне больше ничего дать. Поэтому я решил посвятить себя бизнесу и сменил спортивную форму на деловой костюм. Через четыре года я закончил школу бизнеса, женился, переехал в Сан-Паулу и начал работать в одной крупной компании».

Три года он не тренировался и даже не притрагивался к беримбау, пока однажды утром не проснулся совершенно преображенным. Он вдруг понял, чего лишал себя все эти годы, и его потянуло вернуться к роде и к тайнам древнего искусства. «Вот тогда-то я понял, как нужно играть на четвертом уровне, который я называю «игрой с хрустальным шаром». Меня больше не волновали чисто физические аспекты борьбы - ни сила, ни техника, ни скорость. Я просто стал учиться читать мысли своего соперника и оказываться в нужном месте в нужный момент».

На этом этапе Бира понял, что он должен уехать из Бразилии, чтобы продолжить свое обучение. Соединенные Штаты показались ему наилучшим местом для духовного совершенствования своего искусства. Углубляя свои знания по всем направлениям, он стремился найти универсальное выражение для этого искусства.

«Тогда я достиг последнего уровня, который я назвал «игрой с сознанием». Соперник должен делать то, что ему приказывает твое сознание. Это предназначено для единственной цели - помочь твоему сопернику, даже врагу, измениться и с помощью капоэйры достичь гармонии с окружающим миром. Капоэйра - это ритм жизни, ритм вселенной. Занимаясь капоэйрой, ты отыскиваешь этот ритм и настраиваешься на него. Пока ты находишься в согласии с этим ритмом, ты не можешь сделать ни одного неверного движения. Этот ритм веселый и радостный, он полон дисгармонии, как и наша жизнь, но он помогает сглаживать неровности. Он вбирает в себя всю непредсказуемость мира и помогает преодолевать трудности на пути».

Несколько лет назад я участвовал в семинаре по проблемам, связанным с угрозой ядерной войны, в ходе которого встал вопрос о различиях между современным милитаризмом и традиционным воинским искусством. Среди участников дискуссии были писатели и антропологи, последователь китайского боевого искусства тай-цзи-чжуань, а также известные люди вроде поэта Гари Снайдера. Бира тоже принимал участие в работе семинара. Во время дискуссии он горячо возражал против самой возможности сравнения современных способов ведения войны и традиционного воинского искусства: «Я занимаюсь капоэйрой, поэтому позвольте мне подойти к этому вопросу с точки зрения борца. Для капоэйры борьба - это, прежде всего, способ самопознания. В любом поединке вы в первую очередь противостоите самому себе. Борьба только помогает вам обнаружить свои слабые и сильные места. Я убежден, что боевое искусство - это способ исследования самого себя, а значит, и возможность развития личности. Это глубоко индивидуальный процесс, который ни в коей мере нельзя отнести к миллионам людей, истребляющим друг друга с помощью

современных видов вооружения, или к ядерному противостоянию государств».

«Я считаю, - продолжал он, - что ядерная война - это очень удобный вид войны. Человек, нажимающий на кнопку, не испытывает страха. Конечно, он может испытывать чувство мщения, но это совершенно не похоже на то, что ощущаешь во время поединка. Давайте вспомним то время, когда единственным оружием людей были копья, мечи и палки. Когда ты встречаешь своего противника один на один с мечом в руке, ты можешь полагаться только на собственное мастерство или на быстроту своих ног.

В поединке все выглядит по-другому. Когда ты сражаешься с противником, он становится тобой. Ты борешься с собственным страхом, с собственной слабостью и с собственной жизнью. Есть только ты и твой противник, и никого между вами. Я провел тысячи поединков в своей жизни, поэтому я знаю, о чем говорю. Ты понимаешь, что ты должен победить. Но эта победа - победа над самим собой. А в современной войне человек лишается чувства собственного достоинства. В любой момент он может оказаться самураем, брошенным против своей воли умирать в грязной бойне».

14 ноября

Уже поздно. В окно я вижу, как луна пробивается сквозь завесу темных облаков. Ветер колотит в оконную раму, и в комнату вползает ночной холод. На втором этаже открывается дверь, и кто-то идет по коридору. Это Джек готовится к завтрашним занятиям, или Джоуэл закончил свою вечернюю медитацию. Сегодня вечером я был в гостях у Рейдера, в его казенном домике на две семьи, которые дают в армии женатым военным. Мое собственное детство, проведенное в военных городках, оставило неизгладимый отпечаток в моей памяти, а может, и в характере. Точно так же, как в доме моего детства, в доме Рейдера все очень просто, чисто и без претензий. Здесь ценят семейное тепло, а не богатство.

Сегодня мне бесконечно грустно. Немногим более года прошло с тех пор, как я развелся с женой, и рана только-только начала затягиваться. Из-за этого проекта я не могу быть со своими детьми, и это усиливает мою вину перед ними. Я очень хочу иметь семью, но совершенно не знаю как. Когда я начинаю задумываться об этом, то понимаю, как далеко мне до настоящего воина: я даже не в состоянии сохранить семью.

К концу нашей встречи Рейдер сообщает мне нечто такое, что приводит меня в состояние легкого шока. Тренинг по синхронизации мозговых волн натолкнул его на мысль о создании особого подразделения спецназа, которое могло бы собирать разведданные посредством дистанционной визуализации и перехватывать вражеские сообщения с помощью специальной фокусировки сознания. То, что он предлагает, выглядит следующим образом: группа отборных солдат собирается в темной комнате и пытается сосредоточиться, пока все вместе они не направляют свое коллективное сознание в назначенную точку. Смеясь, он добавляет, что при таком подходе армия избавилась бы от кучи неприятностей: не нужно было бы ни десантироваться с полной выкладкой, ни прочесывать незнакомую местность, ни наблюдать за передвижением вражеских войск, сутки напролет просиживая в засаде и рискуя в любую минуту попасть в руки противника.

Сначала мне понравилась эта идея. Мне показалось, что такой вариант мог бы стать приемлемой и разумной альтернативой ужасам войны. Можно даже пойти дальше и представить себе, что войны разыгрываются в астральной плоскости, без лишней суеты и толкотни. Конечно, у кого-нибудь будут то и дело плавиться мозги, но на то ведь и война,

чтобы подвергать себя опасности! С другой стороны, цивилизация будет держаться под контролем. Война превратится в поле боя астральных воинов. Граждане будут спать спокойно, зная, что ежесекундно «зеленые береты» бесстрашно ведут Звездные Войны Сознания, поражая врагов демократии в любой точке планеты.

Но чем больше я думал об этом, тем очевиднее для меня становилось то, что, пойдя человечество по этому пути, оно очень скоро столкнулось бы с перспективой еще более ужасной, чем современные военные технологии. Если принять во внимание безграничные возможности мозга и прибавить сюда невероятную скорость современного технологического прогресса, сценарий Рейдера может обрести реальность в обозримом будущем (кстати, в Советском Союзе уже идут эксперименты по дистанционной визуализации). Ученые грозятся, что через каких-нибудь полсотни лет будут изобретены роботы с человеческим интеллектом. Уже сейчас есть роботы, выполняющие некоторые операции гораздо быстрее и эффективнее человека. Но нужны ли нам роботы-террористы, способные доставлять ядерные посылки по указанному адресу? Или мозговые волны, уничтожающие цивилизацию?

Возможно, это была бы умная, даже блестящая технология, но мне это напомнило фильм 1950 года «Запрещенная планета» с его «существами из ид». Психологи и философы предупреждают нас о том, что сила нашего сознания не только во много раз превышает наши физические возможности, но и по своему характеру гораздо более разрушительна, чем все современные виды оружия, созданные человеческим разумом. В фильме «существа из ид» примитивны и действуют бессознательно, поэтому их жадность и зависть абсолютно непредсказуемы и не знают границ. По крайней мере, применение современного оружия сдерживается определенными рамками сознания и некоторыми моральными нормами, какими бы шаткими они не были.

Парапсихолог Джул Эйзенбуд как-то заметил, что способность воевать с помощью сознания может являться рудиментарным признаком, а вовсе не современным изобретением человечества. Возможно, говорит он, в животном мире хищник и его жертва, оказывающиеся как бы случайно на природном «поле битвы», на самом деле, вовлечены в телепатическую связь с подавлением воли с одной стороны и подчинением с другой. Далее он высказывает догадку, что в древних сообществах, возможно, когда-то было наложено табу на убийство путем телекинеза, что служило одновременно (хоть и непреднамеренно) доказательством признания его огромной разрушительной силы. Вполне возможно, что современные вуду и шаманство - это лишь слабые отголоски того коллективного решения, к которому пришли наши предки, отказавшись от убийства оружием сознания. Мы, как сумасшедшие, участвуем в гонке вооружений, накапливая горы оружия, только чтобы не брать ответственность за свой истинный потенциал - за тех страшных (и могущественных) существ, которыми мы являемся.

Но не окажется ли так, что, вернув себе экстрасенсорное оружие и затолкав ядерного джинна обратно в бутылку, мы пробудим к жизни еще более опасное (потому что менее контролируемое) средство уничтожения? Что это - реальная история нашего биологического вида или просто очередной миф, призванный замаскировать истину? В моем мозгу окончательно все запутывается, и я замолкаю, неожиданно понимая, что, в конце концов, это всего лишь выдумки.

Да, мне нравится, что Рейдер ищет альтернативные решения, но, к сожалению, он ищет их не там. Каким бы привлекательным ни казался его сценарий, на самом деле он только

приведет к новой разновидности войны, вместо того, чтобы искоренить войну как таковую. Любой человек, не задумываясь, может перечислить «причины» возникновения военных конфликтов - экономические, национальные, географические, идеологические, расовые, религиозные, а также их многочисленные разновидности. Но корень зла, лежащий в основе этих причин, которые, на самом деле, являются всего лишь симптомами, заключается в древней, набившей оскомину проблеме, которую лишь эксплуатируют авторы, рассуждающие о различиях между психологическим и физическим оружием. Наше мировоззрение покоится на клубке противоречий, который вкратце можно было бы сформулировать как отделение души от плоти, являющееся нам в бесконечном множестве сочетаний: душа и тело; инстинкт и разум; земля и небо; божественное и низменное; личное и глобальное; природа и цивилизация; человеческое и животное; доктор Джекил и мистер Хайд; устаревшее и современное. В то время как фундаменталистская церковь объявляет тело греховным, а значит, плохим, ученые-рационалисты, напротив, рассматривают тело как некую машину, которую можно просчитать и спрогнозировать. Неважно, кто вы - христианин, иудей, мусульманин или ученый, - ваше сознание постоянно бомбардируется идеями о двойственности человеческой природы через систему образования, средства массовой информации, а также через невидимые, но мощные волны бессознательного.

Мы выбрали весьма странный способ улучшить собственную жизнь - бегство от собственного тела. Но разве это бессознательное бегство не есть первая война? И разве, сохраняя эту двойственность в себе, мы не рискуем постоянно вести войну с самими собой, а значит, и с другими? Ведь после того, как днем мы одержим победу над врагом, вечером мы сядем за стол со своими близкими, и война продолжится внутри нас. Мы должны спросить себя - говоря «спросить», я имею в виду испытать и почувствовать, - что есть такого внутри нас, что заставляет нас, закрыв глаза, мчаться прочь от самих себя. Разные нравственно-психологические теории дают свое объяснение этому пороку, но все они сходятся в том, что, к сожалению, он неискореним, потому что закладывается еще при рождении, в момент обрезания пуповины, при отделении ребенка от матери, нарушении потока информации, идущего от родителей, разрыве связи с Божественным. Какими бы биологическими или психологическими ни были эти причины, они оставляют в нас невидимые бреши и пробоины и наполняют сожалением о потере первоначального единства. Когда мы впервые обнаруживаем в себе эти бреши, мы приходим в ужас, не столько из-за ощущения пустоты, сколько из-за безграничной тоски по утраченной целостности и желания заполнить пробелы. Эта тоска может быть невыносимой, даже выходить из-под контроля, но она свидетельствует о нашем жгучем желании быть целостными. Мы воспринимаем свое подсознательное желание исцелиться как неопределенное состояние слабости, и, боясь признаться в недостатках, отказываемся от своего тела. Это разделение души и тела потом отражается на нашем восприятии мира: это я, а это другой. Это союзники, а это враги. Раздробленный мир, в котором мы живем, - это отражение наших раздробленных душ.

Когда я говорю этим парням, что мы должны научить наши тела жить более полной жизнью, они не понимают, что я имею в виду. Они отвечают, что хотят заставить свое тело лучше работать. Они хотят сделать свое тело биологически совершенным механизмом, телом супермена, которое позволит им делать то, чего они не могли делать раньше, хотят стать идеалом мужчины. Тут я останавливаю их. Я говорю им, что имею в виду не дрессированное тело, а тело, в котором есть жизнь, со всеми чувствами и переживаниями.

Мы должны сделать первый шаг к самим себе - благословить союз нашей души и нашего тела. Когда мы живем в своем теле, мы начинаем понимать, что быть доставляет большее удовлетворение, чем иметь, а любить гораздо важнее, чем быть правым.

Они настораживаются, когда я начинаю говорить о чувствах, и замыкаются, когда я упоминаю любовь. Конечно, поначалу жизнь в собственном теле пугающе непривычна. Когда эти парни впервые испытали погружение в собственное тело, они пришли в ужас. Жить в собственном теле - значит жить истинно в согласии со своим человеческим естеством, то есть сознавать всю свою беспомощность и слабость. Мы все умрем. Это страшит нас. Но это также дает нам право выбора. Если однажды нам суждено умереть, мы должны использовать свой шанс жить, полностью воплотить свой дух в человеческом существовании. Даже если мы боимся собственной тоски, потому что она напоминает нам о том, что мы когда-то потеряли, все равно мы не перестаем страстно и непрестанно тосковать по внутреннему единству. Мы ощущаем эту тоску, только когда живем в физической реальности. Осознавать это болезненно, но из осознания этого, из глубокого материализованного сознания вырастает сострадание, а вместе с ним и понимание, что любой человек, независимо от его половой, национальной, расовой принадлежности, степени благосостояния и образа жизни, живет с тем же ощущением внутренней пустоты и жажды по утраченному единству. Мы одно тело.

Мы силимся бежать от этого мучительного признания, но наше утешение - ложь. Английский писатель Джон Фаулз сказал: «Все что мы делаем, это всего лишь попытки заполнить или уменьшить пустоту, которую мы ощущаем внутри». Наверное, самыми опасными развлечениями, которые мы себе придумали, являются страх и жажда наживы, ведущие к войне. Может быть, в душе мы убеждаем себя, что, если мы подчиним себе кого-нибудь и возвысимся над ним, то перестанем чувствовать эту боль. А может быть, мы думаем, что если у нас будет «мере вещей», как поет Трейси Чапмэн, то мы забудем про океан зияющей пустоты. На своих уроках я говорю парням, что в этом состоит наша главная проблема. Воин должен познать то, чего он больше всего боится. Он должен пройти весь путь познания своей души и тела и научиться жить на том разломе, где мир раскалывается на части. Настало время, когда мы должны осознать безысходность своего положения и перестать делать вид, что мы все знаем. Жить в неопределенности, но жить каждое мгновение, искренне и открыто, - в этом сила и смелость воина.

16 ноября

Вчера мне снился меч, который разрубает крепкий узел. Сегодня на тренировке по айкидо я долго объясняю парням технику слияния: сливайтесь со своим партнером, сливайтесь с его атакой, сливайтесь с моментом, работайте с ситуацией, а не против нее. Я медленно показываю, как нужно выполнять движения, поясняя каждый шаг и довожу его смысл до высокой философии. Они задают мне правильные вопросы, из чего я понимаю, что они внимательно слушают меня. Но едва они выходят на мат, как все летит кувырком. То, что они делают, даже отдаленно не напоминает слияние. Они никак не могут преодолеть свою привычку встречать нападение лоб в лоб. Если ты кричишь на них, они кричат еще громче. Если ты толкаешь их, они толкают тебя еще сильнее. Если ты возражаешь им, они воспринимают это как оскорбление и нападают на тебя. Они мгновенно обостряют любое противоречие и доводят его до конфликта. Для них нет середины: если ты не со мной,

значит, ты против меня, - вот их основная позиция.

Я раздражен и своим видом даю им понять это. Но многие воспринимают это как сигнал действовать еще упорнее, и занятие грозит перерасти в обычную потасовку. Я знаю, что должен сделать усилие, чтобы слиться: меч, разрубающий толстый узел, напоминаю я себе. Айкидо - это очень сложная наука. Чтобы получить черный пояс, люди тренируются по четыре-пять раз в неделю на протяжении пяти лет. Утомление организма на тренировках достигает девяноста семи процентов. Некоторые приемы даже называются «двадцатилетними бросками», потому что требуется двадцать лет, чтобы овладеть ими. Нередко можно встретить людей, которые занимаются этим искусством пятьдесят лет и, тем не менее, называют себя учениками. Оттого что эти парни тренируются ежедневно по два часа в день на протяжении шести месяцев, они не смогут стать не только мастерами, но даже просто хорошими айкидистами.

Сержант Данэм жестом подзывает меня к себе. «Я понял, - говорит он с таким видом, будто только что открыл теорию относительности. - Мы привыкли бросаться друг на друга, наваливаться со всей силой, а в айкидо нужно вести противника за собой, работать с ним». Его лицо светится от гордости, глаза глядят непривычно открыто. Мое сердце наполняется радостью. Он продолжает смотреть на меня с тем странным и открытым выражением лица, как ребенок, который ожидает, чтобы его похвалили: «Умница, правильно». Я останавливаю занятия и прошу всех оставаться на своих местах. Потом я прошу Данэма повторить свое открытие вслух. Он говорит то, что сказал мне. Я прошу его продемонстрировать, как он это понимает. Он сливается с силой своего партнера так великолепно, что тот кубарем летит через весь зал. Потом он поворачивается ко мне и говорит то, что я много раз слышал от остальных и что сам говорил, когда для меня в первый раз открылась истинная сила и величие айкидо: «Это было так просто. Как будто я ничего и не делал».

В нашем обществе принято считать, что альтернативой конфликту может быть только ответный удар или бегство, и наша система образования активно поддерживает такую точку зрения. Американская военная политика даже возводит такой подход в ранг закона природы. Айкидист же учится отвечать на агрессию тем, что входит в центр атаки, сливается с ее энергией и потом направляет ее в нейтрализующий захват или бросок. Если поставить на место атакующего привычные жизненные неурядицы, например, конфликт с коллегами, с начальством, опоздание на важную встречу и так далее, то вполне можно перевести слияние в русло повседневной жизни и научиться справляться с любыми проблемами. Несмотря на свое разочарование, я не могу не видеть, что парни начинают понемногу ощущать ту невероятную легкость и силу, которые заложены в технике слияния. Они начинают понимать, что, работая с энергией атакующего, вместо того, чтобы противостоять ей, они, к своему удивлению, приходят к разрешению конфликта. На собственном опыте они убеждаются, что следование за силой атакующего гораздо более эффективно, чем ответная атака. Их это удивляет и вдохновляет одновременно, и все же я вижу, что в их головах царят смятение и паника. «Да, - говорят они мне, - слияние - это мощный прием, но ведь он противоречит всему, чему нас учили до этого».

И снова мы сталкиваемся с главной проблемой: как они смогут подчиняться политике ответного удара, на которой строится современная армия, если они уже познали силу слияния с конфликтной ситуацией? Разве многократно усиленная ответная агрессия (читай: мощь огня) не является единственной, официально утвержденной стратегией ведения боя? Если мы будем отвечать слиянием на удар агрессора, не поддадимся ли мы ему? Я не

утверждаю, что на эти вопросы есть простые ответы или что айкидо - это решение всех проблем, с которыми встречается наша армия и политика, насквозь зараженные привычкой к насилию и агрессии. Но я знаю, что оно уже оказало поразительное влияние на этих парней - как на их физическое состояние, так и на образ мыслей. Когда их накачанные мышцы реагируют на приказ расслабиться, они сами становятся более гибкими и более восприимчивыми к себе и к окружающим. Кроме того, привычка следить за своим центром заставляет их мгновенно реагировать на потерю равновесия, а это значит, что они начинают ощущать ответственность за свои агрессивные действия. Что еще важнее, они увидели, что существуют альтернативные пути решения конфликта. На подсознательном уровне они начинают понимать, что слияние с конфликтной ситуацией - это часто наиболее эффективный, правильный и наименее опасный способ решить проблему. Коренные изменения происходят и в их манере повседневного общения. В до-дзе, в классе, на военных учениях или за домашним обедом - везде я вижу, что язык и дух айкидо начинает едва заметно проявляться в их словах и поступках. Они позволяют себе больше чувств и больше истинной силы - той, что идет изнутри.

18 ноября

Брат Дэвид Стейндл-Раст, монах-бенедиктинец, провел с нами два с половиной дня. Скромный и тихий, брат Дэвид излучает глубокое и заразительное внутреннее спокойствие. После того, как он подробно описал нам свой боевой опыт от того момента, как его, австрийского подростка, забрали в германскую армию, до того, как ему в последнюю минуту удалось избежать расстрела, парни спросили его, почему он решил стать монахом. «Мой друг дал мне почитать «Устав св. Бенедикта», - начал он с австро-германским акцентом, - и когда я прочел его, то подумал: «Вот то, что я давно искал». Но где я мог найти подходящий монастырь? Святой Бенедикт жил пятнадцать веков назад. Кто-то посоветовал мне поехать в монастырь Монт-Савиор. Что ж, сказал я себе, выберу то, что первым попадется мне на пути - хороший монастырь или хорошую девушку. После нескольких часов в Монт-Савиоре я понял: это то, что надо! Это было в 1953 году, и до сих пор я состою в братстве». Теперь он по полгода живет в монастыре, а остальное время проводит, разъезжая с лекциями и проповедями по всему свету.

«Я постоянно благодарю Господа за то, что он дал мне, - сказал он. - Мы за многое должны быть благодарны - за пищу, за верных друзей, за здоровье наших детей». Он рассмеялся и добавил: «Я мог бы целый день перечислять, за что мы должны быть благодарны Господу». Он удивил парней, сказав, что между монахом и солдатом есть много общего, особенно в том, что касается служения другим, строгой дисциплины и преданности своему делу.

Посреди урока он решил спросить парней об их религиозных предпочтениях. Больше всего рук было поднято в пользу христианства, остальные распределились между агностиками и атеистами. Джонсон, который аттестовался агностиком, выставив, как всегда, вперед нижнюю челюсть, с вызовом спросил: «Что вы подразумеваете под словом «бог»? Откуда вы знаете, что ведете истинно духовную жизнь?»

Нисколько не смутившись, брат Дэвид определил духовность как чувство принадлежности или связи с другим человеком, с природой, с обществом или с глубоким внутренним переживанием.

«У вас есть такое чувство?» - спросил он Джонсона. Лицо Джонсона смягчилось. «Я чувствую очень тесную связь с моим маленьким сыном. И, конечно, я очень привязан к своим товарищам». В комнате становится тихо. «Я стал особенно остро ощущать, что я часть чего-то большого, - продолжил он, - после рождения моего ребенка. Это был самый радостный и важный день в моей жизни».

«Тогда, - просто сказал брат Дэвид, - с моей точки зрения, это и есть духовная жизнь. На самом деле, ваша жизнь наполнена глубокой духовностью».

«Да, теперь, когда вы объяснили, мне действительно кажется, что в моей жизни есть духовность». - Джонсон удовлетворенно сел на место, сияя глубокой радостью.

Прощаясь, брат Дэвид сказал, что, по его убеждению, путь, который выбрали эти парни, - это путь к чему-то высокому и значительному. Он сказал, что стремление достичь чего-то большего - это всегда показатель человеческой нравственности. «Вы идете по пути преодоления себя, - мягко сказал он. - Мне совершенно ясно, и я надеюсь, что вы согласитесь со мной, что ваша профессия может быть средством служения священному долгу. Если вы захотите, профессия, выбранная вами, сможет быть отражением ваших высоких нравственных принципов». На мгновение в комнате стало тихо, каждый пытался осознать смысл сказанного. Когда брат Дэвид уходил, то произошла очень трогательная сцена. Парни, не сговариваясь, встали, чтобы выразить свое уважение к нему, и многие подошли, чтобы пожать ему руку. Они признали брата Дэвида как воина сердца.

19 ноября

Первый снег. Холодный фронт надвигается с северо-востока. Все вокруг словно заснуло под белым покрывалом. Мое раздражение против холода и ветра неожиданно утихает. Эта перемена происходит так внезапно, что мое настроение начинает бешено скакать где-то между благоговейным восторгом и бесшабашным весельем. Мне то хочется бежать сломя голову в это бескрайнее белое пространство, то тихо сидеть, прислушиваясь, как земля замыкает свой круг.

Мы с моей подругой Кэтрин едем на северо-запад в Барр, чтобы встретиться с друзьями из «Общества медитации осознанности», буддистского центра, основанного в начале восьмидесятых. Джозеф Голдстейн и Шэрон Зальцберг, основатели центра и давние друзья, сейчас заняты проведением очередного трехмесячного медитативного курса, но, несмотря на все заботы, искренне рады нашему приезду. Центр располагается в огромном классическом доме с множеством комнат и переходов. Раньше здесь располагалась христианская семинария. Внутри висит тихий и торжественный полумрак. После военной базы я словно попадаю в другой мир. Все здесь так тихо и непривычно, что, когда я иду по замершим коридорам мне кажется, будто я разрезаю плотный неподвижный воздух.

Мы с Джозефом - абсолютные противоположности, но это не мешает нам крепко дружить уже десять с лишним лет. Это длинный и нескладный человек. Встречая меня, он шутовски гладит меня по голове и спрашивает с серьезным видом: «Так и не вырос за последний год?» В ответ я ворчу, что он слишком засиделся в своем центре и беру его в захват. Несмотря на свой солидный рост, он полон озорства, за исключением тех случаев, когда разговор заходит о дхарме - тогда радостная просветленность и одухотворенность преображают его лицо. Его книга «Опыт достижения просветления, или возвращение к природе», которая входит в список обязательного чтения для наших солдат, отражает

легкость и простоту его восприятия и одновременно глубокую философию его учения. После окончания философского факультета Колумбийского университета Джозеф стал волонтером Корпуса Мира и с ним объехал Таиланд и Индию. Там он впервые познакомился с буддистской медитацией. С того времени он целиком посвятил свою жизнь преподаванию и практике медитации. Как всегда, мы пускаемся обсуждать, каким должен быть воин с точки зрения медитативной и военной практики. Хотя мы с Джозефом сильно расходимся по некоторым философским вопросам, тем не менее, мы оба считаем, что характер воина играет центральную роль в глубоком познании души и тела. Смелость и совершенство - вот темы, которые неизменно всплывают в наших непрекращающихся спорах по этому вопросу. Сегодня вечером Джозеф добавляет в список воинских качеств «умение ждать», имея в виду терпение и невозмутимость разума.

«Умение ждать для меня, - говорит Джозеф, - значит умение действовать в отсутствии страстей».

Я замечаю, что выжидание можно легко принять за бездействие или даже неуверенность. Джозеф поясняет, что идея в том, чтобы сохранять «невозмутимость сознания, несмотря ни на что». Нам обоим это напоминает слова китайского мудреца Чжуан-Цзы, который сказал: «Недеяние мудреца - это не бездействие. Оно непритворно. Его ничто не может смутить. Сердце мудреца безмятежно, оно, как зеркало, которое отражает небо и землю... Пустота, спокойствие, невозмутимость... молчание, недеяние - вот истинное состояние неба и земли».

Я думаю, что умение ждать - это сложное и, тем не менее, очень важное понятие для современного воина. После долгих дней, месяцев и лет непрерывных тренировок он начинает испытывать неудержимое желание проверить себя: «На что я способен?», «Смогу ли я применить свои знания на деле?». Из истории нам известны примеры, когда хорошо обученная регулярная армия начинает рваться в бой и, в конце концов, неизбежно оказывается втянутой в военное сражение, государственный переворот или гражданскую войну. Возможно, умение ждать еще более важно для армии в мирное время. Полезно вспомнить, как в период продолжительного мира средневековые японские самураи наряду с военными искусствами занимались медитацией, сочинением поэзии и составлением цветочных композиций. Они находили мирный выход для своей могучей внутренней энергии. В моей памяти всплывают слова Данэма: «Мы просто хотим сделать что-то. Мы хотим быть полезными. И это необязательно должна быть война». Так почему бы нам не создать специально обученные подразделения, которые могли бы участвовать в решении различных национальных и международных проблем? Или даже разработать для них особые проекты по борьбе с наркоманией и преступностью в больших городах, по сбору разведданных и сохранению безопасности или реабилитации пострадавших.

Последствия неумения ждать слишком хорошо известны. Взять хотя бы случай, который произошел с американским военным кораблем «Винсенном», сбившем иранский пассажирский лайнер над Персидским заливом. В результате погибли все находившиеся на борту люди - двести девяносто человек. Капитан фрегата «Сайдз» Дэвид Карлсон, который в тот момент находился на расстоянии двадцати морских миль от случившегося, рассказал, что «Винсенн» был известен среди военных моряков как «крейсер-робот» за чересчур воинственные настроения его команды. Он высказал догадку, что команде «Винсенна», скорее всего, не терпелось показать, «на что они способны». Особенно им не давала покоя новейшая зенитная система AEGIS, установленная на борту. Результатом такого нетерпения или недостатка бдительности стала страшная катастрофа, причинившая огромное горе и

страдание большому количеству людей и последствия которой дают о себе знать до сих пор.

Когда мы едем назад вдоль заснеженных полей, мне снова приходит на ум, что Джозеф и брат Дэвид невероятно далеки от солдат спецназа... и все же похожи на них. Несмотря на то, что те и другие представляют собой диаметрально противоположные миры, какими всегда являлись священники и воины, они обладают одинаковыми качествами - смелостью, дисциплинированностью, чувством долга, стремлением к познанию. Если принять, что Джозеф - это воин разума, брат Дэвид - воин сердца, а солдат спецназа - воин хара, или действия, то, соединив их образы в один, можно получить ницшеанское представление об идеальном человеке: Разум, Душа и Тело.

24 ноября

Пару дней назад на День благодарения я был в Калифорнии, когда на моих глазах произошел один неприятный случай. Я стою в очереди на почте, чтобы отправить посылку на Восточное побережье. К прилавку подходит молодая мамаша с двухлетним сынишкой. Мальчик капризничает и не хочет сидеть на месте. Она, роясь в кошельке, приказывает ему успокоиться. Он хочет засунуть руку к ней в кошелек, она не разрешает ему. Он, видя что-то интересное в кошельке, все же пытается засунуть туда свою ручонку. Тогда она резко оборачивается к нему и со всего размаху шлепает его по лицу. «Я сказала тебе, не лезь!» - визжит она. Два человека впереди меня оборачиваются, служащий продолжает невозмутимо писать, не поднимая головы. Злоба охватывает меня. Ребенок краснеет и начинает завывать. Мать поворачивается к нему и угрожающе замахивается: «Сейчас же замолчи», - шипит она. Мальчик трясется и сдавленно всхлипывает. Я был взбешен.

Мне хотелось собственной рукой вклеить ей хорошую затрещину. Выйдя с почты, я долго не мог успокоиться и был вынужден бродить по улицам, прежде чем сесть в машину. Заметка в газете переключает мое внимание. Журналист сообщает о необычном баре в одном мичиганском городишке. В этом заведении принято устраивать развлечения под названием Вечеринки Мокрых Трусиков. Посетителям-мужчинам раздают пластиковые пистолеты, которые вместо пуль стреляют водой. Женщины поднимаются на сцену в бикини, и под грохот рок-музыки мужчины начинают стрелять, пытаясь попасть женщинам промеж ног. Те визжат и подпрыгивают. Хозяин бара подзадоривает стрелков словами: «Жарьте, парни! Если бы во Вьетнаме у нас были такие стрелки, как вы, мы бы ни за что не проиграли!» Женщина, которой досталось больше всего выстрелов, выигрывает сто долларов.

А вот и красноречивые отзывы самих стрелков: «Я сделал ее. Она возбудилась. Я знаю, ей это нравится. Ей это нравится, и она знает, что я знаю, что ей это нравится». Это говорит продавец компьютеров.

«Это помогает расслабиться после трудного дня. Я работаю по двенадцать часов в сутки, а здесь я могу отдохнуть и снять накопившуюся агрессию» - рабочий с завода пластмасс.

«Не каждый день так повеселишься..., где еще можно пострелять в таких хорошеньких кошечек? Это просто здорово» - автомеханик.

«Это дает ощущение силы и власти. Настоящее мужское занятие. Я целюсь ей прямо в клитор. Она знает, что я целюсь ей между ног, и она знает, что это я, и ее это возбуждает» - мастер с химического завода.

«Сначала им это не нравится, но потом, когда они как следует намокнут, они входят во

вкус. Им не может это не нравится» - автомеханик.

Я думаю о том, что ребенок на почте когда-нибудь вырастет и однажды тоже пойдет в бар, где начнет стрелять из пластикового пистолета женщинам между ног и сам не будет знать, почему он это делает. Его жена будет злиться на него за это и начнет вымещать свое зло на ребенке. Этот ребенок вырастет и отомстит за это другим женщинам. Придет ли конец этому порочному кругу?

Почему среди солдат я гораздо реже встречаюсь с проявлением зла? Может быть, потому что парады, марши, мечи, алебарды, копья, команды, муштра, флажки, эмблемы, нашивки, медали, церемонии, золотая тесьма и звания трансформируют низменное насилие, превращая его в некое яркое и привлекательное действие?

28 ноября

Небо цвета кобальтовой сини. Отблеск заходящего солнца трогает край крыши. Мутные капли тающего снега сползают по крыше, висят на краю, как будто задумавшись о своей судьбе, и легко срываются вниз. Я вспоминаю, как три месяца назад сидел здесь, за этим столом и с восторгом любовался пышной зеленью полей и красотой влажного летнего дня, как потом здесь же наблюдал за приближением осени и быстрой сменой красок. А теперь снежная целина простирается насколько хватает взгляда до самой кромки леса. Большинство певчих птиц уже улетели, и только пернатые хищники да мрачные, нахохлившиеся вороны сидят на голых ветках вязов. Сегодня ходил в отдел снабжения, чтобы забрать снаряжение для предстоящей зимней операции в Юте. Ожидается, что будут морозы, поэтому я набираю довольно много вещей, да еще полмешка всяких принадлежностей, которые могут пригодиться во время месячных учений. Для армии спецназ - это особая статья, и я приятно поражен высоким качеством экипировки и лыжного снаряжения. Я практически не умею кататься на лыжах, поэтому с волнением ожидаю предстоящих занятий, которые, кстати, будет вести Хорст Эйбрахам, инструктор мирового класса.

Зимние учения начнутся на первой неделе января и продлятся до первой недели февраля. В это время у нас не будет привычных занятий, поэтому мы, преподаватели, будем в основном выполнять функцию наблюдателей. По плану операции, парни должны будут десантироваться в обстановке, приближенной к военной, провести большую часть первой недели, акклиматизируясь и отрабатывая навыки ходьбы на лыжах, а потом проделать ночной лыжный переход по трудно проходимой местности до заранее намеченного укрытия.

Следующие две недели они проведут в этом укрытии, наблюдая за всеми перемещениями военного транспорта на данной территории. В ходе этих учений нам предстоит определить, как повлияла наша программа на уровень их профессиональной подготовки. Подобные зимние операции имеют весьма печальную репутацию в армии, так как они часто сопровождаются различными травмами, от сломанных ног до обморожений и тяжелых простуд. Нам предстоит понять, насколько полезными оказались наши уроки по самоисцелению, правильному питанию, концентрации внимания и сохранению равновесия. То время, что им предстоит провести в укрытии, часами оставаясь в неподвижном положении, подолгу обходясь без сна, наблюдая и подробно отмечая номера проходящих военных машин и при этом оставаясь незамеченными, станет во многом проверкой их медитативных способностей и умения сосредоточиваться - то есть тех навыков, которые они

приобрели во время лагеря и на занятиях в лаборатории биоконтроля. Им также придется соблюдать особую осторожность, так как предполагается, что «враг» может засечь их в любую минуту.

По сути, нам тоже предстоит проверить себя, поскольку мы будем постоянно находиться рядом с парнями, деля с ними все тяготы этих учений. Намечено, что в операции будут участвовать Джек, Хорст и я. Я с нетерпением жду начала этой необычной и сложной операции, хотя, надо признаться, чувствую себя совершенно не готовым к ней. Я еще никогда не проводил столько времени на морозе, так что, похоже, в предстоящие несколько недель меня ждут настоящие испытания.

1 декабря

Чудесный свежий денек. Резкий ветер быстро гонит по небу облака. Темная тень большой хищной птицы, похожей на грифа, проносится над головой, с шумом разгоняя стайки коричневых воробьев. Я и еще четверо парней стоим на вершине небольшого холма. Хорст обучает нас премудростям лыжного спуска. Наше задание спуститься вниз в полном горнолыжном снаряжении. Я рад возможности побыть учеником и покататься в таком красивом месте.

Неожиданно ко мне подкатывает Рейдер. Он наступает мне на лыжу, наваливается на меня, и я, потеряв равновесие, неловко палясь под ноги остальным. Если это была проверка, то я проиграл. Мне обидно, что он застал меня врасплох, и я по-дурацки барахтаюсь в снегу, напрасно пытаюсь дотянуться палкой до Рейдера, чтобы отомстить ему. Вконец запутавшись в своих лыжах и палках, я ругаю Рейдера на чем свет стоит и вообще веду себя как полный идиот. Стоящий рядом Дадли говорит: «Эй, Ричард, что ты там делаешь, скажи на милость? Может быть, тебе лучше подняться на ноги, а потом уж разбираться с Рейдером?»

Я злюсь на Рейдера и на себя. Планы мести один за другим начинают приходить мне в голову. Я покажу ему кузькину мать на тренировке или при всех отчитаю за плохую технику. Или я завалю его на следующем тесте по айкидо. Скажу, что у него не тот настрой. На самом деле, я сам виноват: он сумел застать меня врасплох, и в суматохе я проворонил возможность удержаться па ногах. Где-то в глубине души я уверен, что впредь это послужит мне хорошим уроком, но сейчас это меня мало утешает, потому что я в бешенстве.

3 декабря

Холодно и пасмурно. Я взвинчен до крайней степени. Сегодня я обедал с одним старинным приятелем, и он с ходу завел надоевший разговор о том, этично ли преподавать в армии. Я уже столько раз слышал об этом, что, едва он открывает рот, как я уже начинаю чувствовать приступ бешенства. Он пытается убедить меня в том, что выдергивать любое нравственно-философское учение из его контекста чревато опасностью. Когда я замечаю, что не пытаюсь быть духовным учителем, он продолжает настаивать на своем: «Ты думаешь, что, обучая военных айкидо или карате, можно игнорировать агрессивную составляющую этих боевых искусств?»

«Я не пытаюсь ничего игнорировать, - отвечаю я. - Просто я думаю, что наше общество стало бы намного разумнее, если каждый его член был бы обучен искусству, дающему

возможность не только защищать себя, но и трезво оценивать степень собственной агрессивности». Его глаза темнеют, и он смотрит на меня неодобрительно.

«А что бы ты сказал, - продолжает он, отчетливо выговаривая каждое слово и тыча при этом пальцем в мою грудь, - если бы один из твоих учеников применил айкидо в борьбе против сандинистов?»

Мне становится смешно, и я гляжу на него, пытаюсь понять, не шутит ли он. Но он глядит совершенно серьезно.

«Ну, что бы ты тогда сказал?» - говорит он напыщенно, придвигая свой палец еще ближе к моей груди.

Я спокойно, но решительно беру этот палец и отвожу его назад. Другой рукой я опрокидываю стакан с водой так, что она проливается на его брюки. «Вот черт, чуть не облился».

Когда я обдумываю случившееся, то с удивлением обнаруживаю сходство между Рейдером, наступающим мне на лыжу, и самим собой, выворачивающим палец своего знакомого. Обучая этих парней, ты глядишься в зеркало. Что ж, впредь это будет мне уроком.

5 декабря

Через неделю к нам приезжает сэнсэй Саотоме. К его приезду я пересматриваю программу занятий и ужесточаю требования на тренировках. Здесь у меня есть личный интерес: я хочу, чтобы парни выглядели как можно лучше во время его визита.

Сегодня я объяснял иrimi наге, прием, который в буквальном переводе обозначает «входящий бросок». Это очень мощный и скоростной прием, знаменитый «двадцатилетний бросок». Я кланяюсь своему укэ, отхожу на два-три шага от него, и он стремительно бросается на меня, подняв правую руку и готовясь нанести удар мне в лицо. Одновременно я двигаюсь к нему, поднимаю свою правую руку навстречу его руке, но не для захвата, а для сцепления. Со стороны наши руки выглядят, как скрещенные мечи. В последнее мгновение я уворачиваюсь от его удара и кладу свою руку на внутреннюю сторону его руки. Движущая сила его атаки увлекает его вперед, он повисает на моей руке, его ноги отрываются от земли, и он летит, кувыркаясь в воздухе. Через секунду все кончено.

Я демонстрирую это движение снова и снова, отмечая каждую деталь, подчеркивая настрой и характер этого приема. Парни наблюдают очень внимательно, стараясь запомнить все до мелочей. Все основные принципы айкидо - истинная середина, слияние, расслабление, вхождение, владение ки - соединились в этом приеме. Я провожу аналогию между этими принципами и работой спецназа: все части должны работать слаженно, в едином ключе. Когда я замечаю, что вхождение в атаку напоминает известную формулу «решение проблемы находится в самой проблеме», на некоторых лицах отражается понимание, другие глядят с недоумением. «И так все запутано. Зачем добавлять сложности?», кажется, говорят они.

Они кланяются друг другу и начинают отрабатывать иrimi наге самостоятельно. С самого начала видно, что они пытаются «схватить» идею, а не прочувствовать ее, отчего их движения выглядят неловкими и напряженными. Как многие из нас, эти солдаты привыкли, что от них, прежде всего, требуется быстрота реакции. Их тела, словно выючные животные, должны выполнять команды разума. Для них мощная грудь, накачанные бицепсы и широкие

плечи - это эквивалент силы, поэтому в поединке они пытаются подавить соперника напором, как в родео. На самом же деле, чрезмерно развитая верхняя часть тела делает их чрезвычайно неустойчивыми.

Я останавливаю занятия. Мы снова проходимся по упражнениям, которые помогают им переключить внимание со своих мощных торсов на бедра - то, что японцы называют хара, или центром. Мы уже много раз выполняли эти упражнения, но из-за своей привычки вкладывать всю мощь в верхнюю часть своего тела они никак не могут положиться на силу равновесия и ощутить потенциал, заложенный в бедрах и хара. Как только они начинают спешить или теряют контроль, они тут же забывают о середине и мгновенно возвращаются к своим излюбленным толчкам и ударам. Только после того, как они убеждаются в безуспешности этой тактики, они начинают открываться для айкидо и понимать важность движений, идущих из хара. Каждый раз при переходе к новому приему мне приходится напоминать им об этом.

Со временем они начинают постепенно отказываться от прежней тактики и рационального мышления и переходят к хара. Здесь они открывают для себя совершенно новые возможности. Их движения становятся более плавными, они начинают предугадывать направление атаки соперника. Их дыхание становится глубже и ритмичнее, расслабленность приходит на помощь физической силе и напору. Они начинают понимать, что, прислушиваясь к своему телу, они могут получить ценную информацию о самих себе, о других и об окружающем мире - информацию, которая недоступна рациональному сознанию.

Отзываясь об этом необычном подходе, командир части как-то сказал мне: «Я в первый раз сумел выучить последовательность движений, не пытаясь их запомнить. Я понял, что, если я чувствую движения, то могу повторить их позднее, причем не только в айкидо. Я начал использовать этот метод и в других занятиях, например, в стрельбе по летающим мишеням».

Приобретая опыт в айкидо, парни начинают понимать всеобъемлющий характер этого искусства. Они признаются, что теперь им стало значительно легче перемещаться с тяжелым снаряжением на плечах. Многие уже заметили, что по сравнению с прошлым годом, им стало легче сохранять равновесие во время лыжных спусков. Некоторые отметили, что использование принципа слияния даже улучшило их отношения с начальством. В общем, парни стали вести себя более уравновешенно и свободно, как на мате, так и за его пределами. И, наконец, среди них есть такие, кто, подобно мне, просто влюбились в айкидо. Уже сейчас они забрасывают меня вопросами, где можно будет продолжить обучение после окончания нашего проекта.

7 декабря

Мы отправляемся потренироваться на близлежащий горнолыжный курорт. В своем камуфляже, выданном для зимних учений, мы выделяемся среди толпы. Когда мы стоим в очереди на подъемник, один парень в модном комбинезоне бросает нам вызов: «Эй, парни, любите играть в войну?»

«А ты любишь болеть раком?» - говорит Орезон. Среди лыжников раздаются разрозненные аплодисменты.

10 декабря

«Мусуби». Глядя на стоящих на коленях парней, сэнсэй Митсуги Саотоме складывает руки в виде треугольника. Его непроницаемый взгляд, смуглая кожа и самурайский вид делают его похожим на монгольского хана. Продолжая держать руки в форме треугольника прямо перед собой, он быстрыми шагами движется вперед. Его движения очень красивы и обманчиво просты. Он напоминает семгу, плывущую против течения. Его новенькая хакама и безукоризненно белая ги шуршат, когда он неожиданно поворачивается лицом к сидящим парням. «Не бороться, - говорит он с сильным акцентом. - Соединяйтесь с партнером. Мусуби. Входите в его ки». Он разводит руки и свивает их в спираль перед собой. «Вы понимаете, о чем я говорю?» - Он внимательно смотрит на парней. Его непроницаемый взгляд и плоское бесстрастное лицо неожиданно освещаются широкой белозубой улыбкой. Глаза задорно поблескивают. «Отлично, - смеется он. - А теперь попробуйте вы».

Некоторое время мы отрабатываем движение, потом он хлопает в ладоши, приказывая нам остановиться. Он берет из стойки боккен и жестом предлагает мне взять другой. Я осторожно приближаюсь к нему, выставив свой боккен вперед для защиты. Я не знаю, что он задумал, поэтому занимаю выжидательную позицию. Он откладывает свой меч в сторону и встает передо мной совершенно незащищенный. Его голова и грудь открыты для атаки. Я подхожу ближе, готовясь нанести ему удар шомен по голове. В этот момент я ощущаю, будто наталкиваюсь на что-то в воздухе, как будто невидимый кусок трубы торчит из его тела. Несмотря на расстояние между нами, я чувствую, будто меня кто-то держит, не давая приблизиться к нему. Саотоме стоит абсолютно спокойно, как будто любит заходом солнца, а не борется с вооруженным противником, готовящимся нанести ему удар. Я обхожу его слева, пытаюсь отыскать отверстие в трубе. Он следит за мной, и незримая стена возникает между нами, где бы я ни появлялся. Я делаю резкий ложный выпад, как будто хочу воткнуть свой меч ему в горло, но с его стороны не происходит ни малейшего движения. Он находится в абсолютном равновесии. Как будто я имею дело с человеком, которому не страшны ни боль, ни смерть. Странно, но чем сильнее я хочу ударить его, тем больше чувствую, что не он, а я сам нахожусь в опасности. Потом неожиданно я отыскиваю брешь в невидимой стене, но когда я решительно бросаюсь туда, то чувствую, будто меня затягивает какая-то неудержимая сила. Я еще суетливо пытаюсь нанести ему удар сверху вниз, но уже в следующее мгновение Саотоме стоит рядом, широко улыбаясь, и легко прижимает конец своего меча к моему горлу.

Мы откладываем мечи. Я яростно атакую, а он демонстрирует ту же технику, но уже без оружия. Он с легкостью направляет мою энергию в спираль, бросает меня и пригвождает к полу. Каждый раз, атакуя его, я чувствую, что мой удар должен вот-вот достичь его, но в самое последнее мгновение он успевает на волосок уклониться от линии моего удара, и вот я уже лечу в чудовищный вакуум, поддерживаемый незримой силой, пока мои ноги не оказываются выше головы, и я не приземляюсь на пол. Он поворачивается к парням и говорит: «Учитесь ждать. Будьте спокойны внутри. Не надо на скакивать на противника». Он изображает, как они пытаются справиться с соперником. «Ждите и сливайтесь с партнером. Применяйте мусуби».

После полутора дней тренировок с сэнсэем Саотоме я то впадаю в радостное возбуждение, то начинаю ощущать глубокое отчаяние. Я очень рад встрече с сэнсэем Саотоме, но меня грызет ощущение собственного провала. Я вижу, что парни до сих пор не

избавились от напряженности и скованности первых недель занятий. Джек говорит, что я устал и слишком строго отношусь к себе. Он утверждает, что по сравнению с первым месяцем занятий, мы ушли далеко вперед. Но хуже всего то, с чем я никак не могу смириться, может быть, потому что это истинная правда, что в присутствии своих учителей я чувствую себя отцом и ребенком одновременно. Джек говорит, что главной причиной моего невроза являются неопределенные отношения с собственным отцом. Я согласен с ним.

Я замечаю, что парни стали по-другому относиться к приезжим лекторам и отчасти к нам, постоянным преподавателям. Я заметил это еще по брату Дэвиду, приезд сэнсэя Саотоме подтвердил мои наблюдения. Раньше, сидя на первой лекции какого-нибудь незнакомого человека, они тихо и внимательно слушали его, чутко реагируя на все происходящее. Во время второй встречи начинали задавать вежливые, но коварные вопросы. А к началу третьего занятия в них пробуждался хищник, и они яростно набрасывались на свою жертву. Они возражали, вводили в заблуждение, оспаривали доводы, высмеивали и критиковали, как только замечали хоть малое противоречие в том, что говорил преподаватель. Порой они выдвигали умные, глубокие аргументы, в другое время отделялись тем, что просто кричали «Ерунда!» Иногда они даже высмеивали поведение преподавателя. Если он продолжал держаться с достоинством и отвечал искренне, то, в конце концов, заслуживал их уважение. Если он начинал трусливо защищать себя или пытался уйти от ответа, они либо презрительно прекращали свою травлю, либо шли на обострение конфликта. Потом все заканчивалось тем, что кто-нибудь вставал и говорил: «Не обижайтесь. Мы просто пошутили».

Они всегда чрезвычайно остро реагируют на наши недостатки и никогда не упускают возможности выставить их на посмешище. Иногда это безобидные шутки, иногда жестокие уколы в самое болезненное место. Ничто не ускользает от их внимания, но, высказывая свои замечания, они часто выходят за рамки приличия. Их способ поведения, если можно так назвать, состоит в том, чтобы держать жесткую дистанцию между собой и посторонними. Иногда мне кажется, будто контакт для них возможен только в форме противостояния или конфликта. Общаясь с ними, чувствуешь себя под непрерывным перекрестным огнем. Сначала они демонстрируют тебе остроту своего восприятия, а потом закрываются от тебя, держась на расстоянии вытянутой руки. Они боятся тесного контакта и в то же время хотят, чтобы ты оценил их способности.

За время нашего знакомства я не раз указывал им на то, что их манера поведения очень напоминает принцип маай в айкидо. Маай - это соблюдение верной дистанции между тобой и противником. Если твой противник подходит слишком близко, ты отходишь, если он слишком далеко, ты приближаешься к нему. Эти парни в совершенстве владеют маай. В этом их сила и одновременно слабость. Входя в привычку, такая манера становится неискоренимой, как коленный рефлекс. В душе каждый из них отшельник - одинокий ковбой, скачущий по прериям, и в то же время они очень дружны между собой. Они мастерски балансируют между жизнью в коллективе и неистребимым желанием одиноко раствориться в бескрайних просторах. Конечно, служа в армии, они вынуждены большую часть времени проводить в коллективе. Но мне кажется, что когда они уйдут в отставку, то тут же пустятся в одиночку покорять океан или займутся выращиванием овец где-нибудь на богом забытой ферме.

Я успел заметить, что степень их противодействия обычно нарастает, едва мы начинаем

затрагивать самые болезненные вопросы. Первой линией их обороны служит тот факт, что мы гражданские, и, следовательно, «чужие». Может быть, на это и не стоило бы обращать внимания, если бы это не демонстрировало их глубокого убеждения: вы слишком далеки от нас, и, значит, вам нельзя доверять. Мы неоднократно объясняли им, что наш материал не противоречит их знаниям, а только расширяет их, и, тем не менее, каждое занятие начиналось с того, что нам приходилось преодолевать их сопротивление, от замкнутого молчания до шумных скандалов и открытого протеста.

Только когда мы перешли к конкретным упражнениям и дали им на практике убедиться в правильности наших идей, они согласились прислушаться к нам. Многие из них признались, что раньше уже сталкивались с тем, о чем мы говорим на уроках. Тогда только материал, который они упрямо отказывались усваивать, показался им знакомым. Когда, к примеру, я впервые заговорил об интуиции тела, они, естественно, отнеслись к этому скептически. Но как только мы начали исследовать на практике и упражняться в развитии этой интуиции, многие признались, что раньше испытывали нечто подобное. И даже несмотря на это, нам по-прежнему приходилось сталкиваться с недовольными возгласами, отсутствующими взглядами и откровенным протестом. Только в лагере мы поняли, что сила их сопротивления - это своеобразный барометр, указывающий на то, как близко мы подступили к их слабым местам.

Нам стало ясно, что чем громче они выступают в свою защиту, тем глубже их сопротивление и тем ближе мы к их самому уязвимому месту. Если их крики можно было сравнить с канонадой, под грохотом которой они пытались спрятаться от нас, то непривычная уступчивость служила дымовой завесой. Если огонь не помогал, в ход шла стратегия обольщения и приманок, которые должны были сбить нас с толку. Со временем мы начали понимать, что как только они становились подозрительно покладистыми и уступчивыми, это был сигнал к тому, что мы приближаемся к опасной зоне. Мычание музыки из «Сумеречной зоны» соответствовало первому уровню сопротивления, а покаянные признания в собственном упрямстве или частые извинения - второму уровню, причем и то, и другое маскировало их глубоко укоренившиеся страхи.

Естественно, их настоящие страхи, которые проявились только в лагере, остались незамеченными, потому что они были у нас под самым носом, и только что не бросались в глаза. Зато теперь мы твердо знаем, что больше всего их пугает их собственная слабость. В их профессии любая слабость воспринимается как дефект, поэтому она тщательно скрывается или от нее стараются избавиться как можно скорее. Понятно, что они изо всех сил стремятся сохранить статус-кво.

Когда сэнсэй Саотоме говорит им о необходимости слияния с ки противника, они напрягаются, так как это разрушает их представления о поведении в бою. И все же с сэнсэем Саотоме и братом Дэвидом они ведут себя иначе. С самого начала они выражали свое глубокое уважение к Саотоме, и он отвечал им искренним расположением.

«Я уважаю вас за то, что вы выбрали эту работу, за вашу преданность и честность. Ваша работа ставит вас лицом к лицу со смертью. Для последователя будо очень важно сознавать свою ответственность на этом пути», - торжественно говорит он. Они были польщены, когда он пообещал, что научит их боевому айкидо, которое продемонстрировал на тренировке. После первого занятия, когда мы выходили из до-дзе, я услышал, как кто-то из парней сказал: «Теперь я понял, что значит быть мастером боевых искусств». Воины наконец-то встретились друг с другом.

15 декабря

Когда мы утром выходим из дома, еще темно, а когда возвращаемся домой вечером, уже темно. Холод гонит нас под крышу. Сегодняшнюю утреннюю тренировку мы проводим в до-дзе. Мы выполняем привычные растяжки, силовые упражнения, аэробику и упражнения для лыжников, которые ввел Хорст. Я рад тому, что, несмотря на мороз, мы ежедневно катаемся на лыжах, используя площадку для гольфа в качестве трассы.

Мы только что завершили курс, который называли «Воинские принципы». Парням, было дано задание прочесть определенный материал, а потом сделать обзор трех статей: «За что мужчины любят войну» Уильяма Бройлза младшего, «Что нас толкает к войне» Чарлин Спретнак и «Клинки, штыки, фанфары, трубы, или несколько замечаний по поводу нашей любви к войнам» Джеймса Хиллмана.

В последнее время понятие «воин» стало неизменной частью и любимым словечком в современной психологии, философии, литературе, а также в бизнесе и кино. Доски объявлений пестрят сообщениями о семинарах и тренингах по воспитанию «воина». В наши дни можно быть интеллектуальным воином, воином-борцом, воином-атлетом, воином пути, веселым воином, финансовым воином, женщиной-воином, новым воином, воином земли, воином-монахом, воином-менеджером, воином мечты или совершенным воином. Теме воинства уделяется огромное внимание в прессе, именно потому, что она предполагает возможность разить врагов направо и налево, полагаясь на полную моральную поддержку общества, хотя большинство людей понятия не имеют, что на самом деле заключается в этом понятии.

Тема воинства впервые серьезно заинтересовала широкую публику, когда выпускник факультета антропологии Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе опубликовал «Учение дона Хуана: путь знания индейцев Яки». В своей книге Карлос Кастанеда впечатляюще описывает, как индийский шаман по имени дон Хуан посвящает его в мистическое знание. Дон Хуан говорит Кастанеде, что для того, чтобы быть посвященным в знание, человек должен быть воином. Тем не менее, он не рассматривает воина как человека, идущего на войну. На протяжении тринадцати лет в этой книге и в пяти следующих Кастанеда объясняет, что значит быть воином. Неважно, реальные или вымышленные события описывает Кастанеда, важно, что он именуется воином того, кто находится в духовном поиске путей существования в сложном материальном мире. Воин Кастанеды не похож на голливудские шаблоны с неизменными монгольскими военачальниками и индейскими вождями. Его книги, одна за другой, вдохновили целое поколение американцев на поиск путей духовного совершенствования и настоящей жизни. Эффект, произведенный книгами Кастанеды, был мгновенным и ошеломляющим, и с момента выхода их в свет в мире наблюдается невероятный интерес к личности воина.

До появления книг Кастанеды слово «воин» почти не мелькало в средствах массовой информации. Личности типа дона Хуана либо мало, либо совсем не привлекали общественное внимание. Наш традиционный положительный герой представлял собой смесь Джона Уэйна, Чарльза Атласа, Джеймса Дина да еще любимого спортсмена на выбор. Несмотря на независимый характер, сильную волю и храбрость, им нечем было похвастаться, разве что крепкими кулаками да меткой стрельбой из пистолета. Они были умны и привлекательны, имели крепкие мускулы и бесстрашно бросались навстречу опасности, но по сравнению с доном Хуаном, или даже с Саотоме, они выглядели

примитивными, хоть и добродушными ура-патриотами. Их образы меркли рядом с людьми истинной духовности и, наверняка, они бы лопнули, как мыльный пузырь, от первой же встречи с ки. Говоря о глубине воинского искусства, о-сэнсэй сказал: «Истинное будо в том, чтобы жить в единстве с вселенной, то есть с ее центром».

Законодателем моды, хоть и несколько иного направления, был легендарный самурай Миямото Мусаши, живший в XVI веке. В 1970-х годах его работа неожиданно приобрела популярность среди читателей, в особенности тех из них, кто интересовался японской деловой традицией. В тридцать лет, одержав победу над шестьюдесятью соперниками, Мусаши начал формулировать свою философию «Путь меча», в которой соединились традиции дзэн-буддизма, синтоизма и конфуцианства и которая нашла свое отражение в «Книге пяти колец». Несмотря на то, что эта книга написана воином, она, по словам самого Мусаши, является «руководством для тех, кто хочет познать стратегию». Она вызвала интерес среди американских деловых кругов, благодаря тому, что многие известные японские предприниматели и директора предприятий применяли эту книгу как практическое руководство при ведении дел.

Сейчас семинары под названием «Воин-менеджер» быстро набирают популярность среди руководства крупнейших американских компаний. Их устроители пытаются перенести принципы японского боевого искусства на современную стратегию ведения бизнеса. Появляются новые книги, такие, как, например, «В поисках совершенства» Тома Питера или «Бороться, чтобы побеждать» Дэвида Роджера, с помощью которых древняя японская теория воинского искусства продолжает активно внедряться в американскую систему управления. С одной стороны, это кажется чрезвычайно заманчивым, а с другой, является очередным заблуждением.

В свойственной им прямолинейной и бескомпромиссной манере воины от коммерции пытаются подвести древнюю мораль под современную бизнес-культуру и стремятся отыскать пути самосовершенствования и служения высшим идеалам даже в розничной торговле. Хотя их теория странным образом напоминает марксистский тезис о капитализме как о форме классовой борьбы, тем не менее, они норовят встать выше классовых различий и личной выгоды, заявляя о себе как о благородных сторонниках глобализма и поборниках экономического прогресса.

Изобретаются и другие пути постижения воинского искусства. Мужчины и женщины бегают по лесам и горным ущельям в камуфляжной форме, стреляя друг в друга из автоматов, заряженных краской вместо пуль. За определенную плату можно провести целый день в лесу, ведя игрушечный бой с соперником, держа оборону, беря в плен вражеских бойцов или захватывая «жизненно важные» объекты противника. Некоторые из этих военных игр организованы с такой небрежностью, что порой члены одной команды могут впервые увидеть друг друга непосредственно перед началом игры. Но есть и другие, тщательно спланированные игры, где участвуют хорошо организованные команды, которые подолгу тренируются на специально выстроенных полигонах. Это увлечение становится настолько популярным, что созданы даже общенациональные организации, занимающиеся рассылкой информационных листов с сообщениями о расписании игр и специальных мероприятий, описаниями биографий победителей и историй отдельных команд. Так что же есть в пейнтболе, чего нет в теннисе или баскетболе? Большинство пейнтболистов говорят, что игра привлекает их возможностью преследовать противника или уходить от преследования - этакая современная версия борьбы за флаг. В этой игрушечной войне

менеджеры, рабочие, художники и домашние хозяйки могут, пусть и понарошку, испытать себя физически и интеллектуально, то есть получить то, чего они лишены в повседневной жизни. Не будучи «зелеными беретами», они тоже стремятся участвовать в некоем ритуале посвящения. Эти солдаты на час со своими безобидными пневматическими винтовками подвергают себя опасностям, которые не могут испытать, сидя перед телевизором. Их не устраивает роль зрителей - они хотят участвовать. Они хотят быть на передовой, а не лежать на диване.

Еще более впечатляющим примером увлечения идеей воинского искусства стало массовое движение за развитие интеллектуального и человеческого потенциала. Начавшись на заре 1960-х в Эсаленском институте, «Цайтгайт» (дух времени) оказал мощное влияние на самые различные области знания - психологию, философию, образование, медицину, спорт, религию, искусство, физику и антропологию. Главной целью этого движения стало изучение и обнаружение тех резервов, которые скрываются в каждом человеке. Новое знание, сформировавшееся на стыке наук, и нетрадиционный образ жизни его последователей стали, безусловно, благодатной почвой для возникновения образа идеального воина. Неудивительно, что слово «воин» начало просачиваться в программки разнообразных тренингов по проблемам духовного развития и, наконец, вышло в заголовки семинаров типа: «Путь воина», «Образ воина», «Воинский дух», «Воины без войны» или «Священный воин».

В 1980-х, с наступлением эпохи Нового века, многих мужчин начала всерьез волновать проблема собственной женоподобности. Образ воина явился для них тем идеалом мужского совершенства, достижению которого они хотели посвятить свою духовную жизнь. Идеальный воин был особенно притягателен для мужчин, долгие годы пытавшихся преодолеть в себе психологическое наследие своих суровых и немногословных отцов. Перепробовав все, от медитации и наркотиков до групповой психотерапии, эти «женоподобные мужчины» обнаружили в себе недостаток мужества и смелости и начали спрашивать себя: «Если я не хочу быть похожим на своего отца, то с кого я должен брать пример?» Классический воин казался идеальным путем самопознания, который не угрожал потерей собственного достоинства и давал возможность участвовать в традиционных для мужчины видах деятельности. Для многих просвещенных женщин воин стал способом выражения растущей внутренней силы, неким женским вариантом мачо, позволявшим, однако, избежать превращения в подобие мужчины. Иными словами, этот путь предлагал постигать духовное совершенство, оставаясь чувствительным и не превращаясь при этом в занудливого догматика. Он давал возможность стать достойным и сильным, не становясь жестоким и деспотичным. Однако точно так же показное увлечение воинским искусством породило множество дутых «воинов», продолжавших старую погоню за золотым тельцом под новой личиной, оно пустило гулять по свету огромное количество сумасбродов всех мастей, помешавшихся на идее физического совершенства как единственной цели существования мужчины (или женщины). Как бы там ни было, эти увлечения дали возможность ухода от бесцельного существования и бездуховности повседневной жизни, они позволили каждому ощутить себя защитником планеты, живой природы, угнетенных народов или давно забытых богов.

В конце семидесятых тусконские «Эко-рейдеры», группа радикально настроенных защитников окружающей среды, прославившаяся тем, что поджигала рекламные щиты и «приводила в негодность» бульдозеры на юго-западе США, положила начало движению

«Гринпис», обществу, объявившему своей целью защиту океана и его обитателей. В 1980 году члены экологического общества Earth First! (Земля прежде всего) наделали много шума, поселившись на верхушках редких деревьев в знак протеста против их уничтожения. Именуя себя «воинами земли», участники этих организаций своими активными действиями привлекают внимание общества к загрязнению окружающей природы и физически препятствуют разрушению нашей экосистемы.

Перед уходом на пенсию преподаватель армейского военного колледжа, ветеран Вьетнама Джим Чэннон лично составил кодекс «монахов-воинов», решивших посвятить свою жизнь спасению мира. По замыслу Чэннона, его «монахи-воины» должны стать членами «Первого Земного Батальона». Цель этой организации отражена в клятве, которую дают ее члены: «Я клянусь быть выше интересов долга, чести и страны... Клянусь служить ЛЮДЯМ И ПЛАНЕТЕ». Чэннон рассылает это руководство тысячами экземпляров по всей армии. Он убежден, что «у нас достаточно честных солдат, которые готовы служить высоким принципам. Именно американской армии суждено начать дело служения всему миру».

Джеймс Фэллоуз, автор книги «Национальная оборона», смотрит на этот вопрос с несколько иных позиций, но в конечном счете его мнение совпадает с мнением Чэннона. Он считает, что степень военной готовности нашей страны страдает от того, что министерство обороны не принимает в расчет важность личных качеств солдат. «Мы мало полагаемся на личность воина, возможно потому, что растет пропасть между армией и передовыми слоями гражданского общества».

В рамках нарастающего мирового движения за развитие внутреннего человеческого потенциала все больше и больше людей привлекают идеи личного участия и личной ответственности. Возможно, однажды мы преодолеем собственную ограниченность и перешагнем через шаманские предрассудки шестидесятых и семидесятых. После долгих лет самопознания и самосовершенствования многие люди оказываются в замкнутом пространстве эгоцентризма. Как результат, поколение «Я» все больше стремится к действию. Рост организаций, таких как «Эзальская международная программа обмена» или «Общая почва Джона Марка», показывает, что в мире нарастает сознание, подталкивающее людей принимать активное участие в решении политических и социальных вопросов. Истинный образ воина все больше удаляется от голливудских типажей римского легионера или одинокого рейнджера. Он начинает проявляться там, где мужчины и женщины вдумчиво экспериментируют с новыми формами социального устройства и стремятся обрести целостное восприятие мира.

Как это часто случается в Америке, наш образ воина немедленно приобрел гипертрофированный и коммерциализированный характер, но это не уменьшает его внутренней ценности. На протяжении последних двадцати лет интерес к воинскому идеалу постоянно растет и проявляется в самых неожиданных формах, отражающих скорее особенности современной культуры, нежели древние воинские традиции, и в завуалированной форме отвечающих на вопрос, почему сегодня мы вновь обратились к этой теме. И, тем не менее, неослабевающий интерес к ней показывает, что наше общество отчаянно ищет новые пути существования, которые позволили бы каждому человеку воплотить свои представления о долге, смелости, сострадании и героизме, действуя на основе глубокого понимания собственной природы. Поэтому мы должны по-прежнему спрашивать себя: «Кто этот воин, и почему мы так стремимся к нему?»

Опасность ядерного противостояния обострило нашу бдительность. Атомные

бомбардировки японских городов разбудили общественное сознание. Они заронили то зерно, которое позднее выросло в осознание необходимости выбора и ответственности перед будущим. Когда Эйнштейн сказал, что «с расщеплением атома изменилось все, кроме человеческого мышления», он был глубоко прав. Неумело пытаясь сохранить свое существование, мы лишили себя выхода, загнали самих себя в угол и оказались перед загадкой, куда более сложной, чем загадка Сфинкса. Когда дон Хуан говорит Карлосу Кастанеде: «Я хотел научить тебя следить за каждым своим поступком, поскольку тебе суждено пробыть здесь недолго, так недолго, что ты не успеешь увидеть всех чудес», он намекает на проблеск света, на выход из мрачного тупика. Он обращается к нашему внутреннему воину, чье мужество только крепнет от осознания близости смерти. Для того чтобы выжить в техногенном мире, нам надо возродить воина в себе, научиться жить по высоким воинским принципам, но без войн, проявлять свои агрессивные инстинкты, но не причинять вреда другим. Мы должны научиться жить спокойно и достойно, не лишая при этом спокойствия и достоинства остальных.

Возможно, Родни Коллинз был прав, сказав в 1949 году: «Когда человечеству открываются новые возможности, они появляются в двух ипостасях - в осознанной и неосознанной. С появлением водородной бомбы мы получили представление о нашей неосознанной мощи, о существовании которой даже и не догадывались. Теперь мы должны продемонстрировать такую же мощь в осознанной форме, то есть в сознании каждого человека».

СВЕТ И ТЕНЬ

17 декабря

Наш размеренный ритм жизни и радостное ожидание близящегося Рождества неожиданно нарушаются известием о том, что к нам едет командующий армейскими спецоперациями генерал Стивенс. Сообщение, что он и его окружение прибудут через три дня, приводит всех в состояние легкого шока.

Поступило приказание выдраить до блеска кабинеты, лабораторию, классы и до-дзе, особое внимание приказано уделить форме и длине волос. Хотя парни считают своим долгом презрительно фыркать на это, заметно, что приезд V.I.P.-гостя никого не оставил равнодушным. Мы готовимся вкратце ознакомить его со всеми этапами проекта, пока он будет гостить в части. Я решаю, что в демонстрации айкидо примут участие: Брэддок, Яновски, Голт, Файн, Рейдер и Данэм. Они покажут приемы боя без оружия и первые три приема дзе куми тачи, техники поединка на палках. Готовя их к выступлению, я внутренне радуюсь тому, как многому они успели научиться. Я сохраняю серьезный тон и поправляю малейшие недостатки, но, на самом деле, мне очень приятно наблюдать за ними. Они не только овладели четкой и выразительной техникой, но и обрели дух айки, а вместе с ним уверенную, пружинистую силу. Я вижу, что четыре месяца непрерывных занятий айки в соединении с постоянными физическими упражнениями дали заметные результаты. Мастер Уэсиба важно смотрит на меня с фотографии на стене, и мне кажется, что он кивает головой в знак одобрения.

20 декабря

Безоблачное голубое небо, застывшее над белыми заснеженными полями, заставляет меня на мгновение забыть, что стоит зима. Черный ворон с блестящим оперением громко каркает, когда мы идем по улице мимо штаба, пробираясь через ледяные наросты. Кто-то бросает в него снежок, и он, покружив над нами пару раз, еще раз каркает и улетает строго на запад, словно повинуюсь невидимому компасу.

Я сижу в классе вместе с Джоуэлом, когда входит помощник генерала Стивенса старший сержант Выколиски. В дополнение к медалям за мужество и героизм, на его груди красуются разные знаки отличия, свидетельствующие об участии, по крайней мере, в трех военных кампаниях.

«Доброе утро, сержант», - говорит Джоуэл.

«Отличный денек, сержант!» - говорю я.

«Отличный денек, чтобы бить коммунистов! - бодро выкрикивает он с заметным европейским акцентом. - Одна беда - их не так-то просто поймать». Он шутливо разводит руками и широко улыбается. Позже мне рассказали, что во время Второй мировой войны, будучи участником подпольного движения сопротивления, Выколиски начал сотрудничать с Бюро стратегических служб, после войны эмигрировал в США и вступил в войска специального назначения. Говорят, что в конце войны почти всю его семью расстреляли

советские солдаты, и поэтому теперь он ненавидит коммунистов и отличается отчаянной храбростью в бою.

Из окна я вижу, что генерал Стивенс и полковник Варне, командующий нашей группировки, разговаривают на заднем сидении генеральской машины. Водитель лениво намывает стекла, в то время как два человека спокойно беседуют внутри. Они могли бы сойти за двух мафиози, заключающих важную сделку, или за отцов семейства, договаривающихся о свадьбе своих детей. О чем они говорят? О финансах, о новых видах оружия, о том, стоит продолжать эту программу или нет? Интересно, что они думают о той планете, что достанется в наследство их внукам? Выколиски краешком глаза следит за мной. Может быть, он хочет доложить обо мне своему боссу, а может, его смущает мой сиреневый спортмайндский свитер, который не вяжется с его представлениями о преподавателе боевых искусств.

В комнату неожиданно входит генерал Стивенс, и мы с Джоуэлом мгновенно вскакиваем вместе со всеми в знак приветствия. Глядя прямо перед собой, он бормочет, почти не раскрывая рта: «Вольно». Его свита, как камуфляжный шлейф, стелется позади. Полковник Флинн представляет ему каждого, затем мы сразу проходим в до-дзе. Шесть человек в ги, с дзе в руках прекращают занятия и встают по стойке смирно. Я подаю им сигнал к началу, а сам начинаю объяснять генералу, какое место занимает айкидо в нашем проекте. Тут только, к своему удивлению, я замечаю, какой он крупный мужчина - по крайней мере, на голову выше меня. Он молча кивает, потом спрашивает, зачем нужны дзе, и как парни усваивают новый материал. Как раз в тот момент, когда я начинаю рассказывать ему, что, несмотря на все трудности, парни ведут себя молодцами, я бросаю взгляд на мат и замечаю, что Рейдер и его партнер вытворяют черт знает что. Я не могу поверить собственным глазам. Рейдер выполнял эти приемы сотни раз без сучка, без задоринки, а теперь он ведет себя так, будто на него нашло затмение. Самое страшное, вместо того, чтобы покончить с этим приемом (генерал все равно ничего в этом не понимает), он мнетя на месте и снова повторяет ту же ошибку. Меня охватывает ужас. Я начинаю думать, что он делает это нарочно, чтобы дискредитировать айкидо в глазах начальства. Он поднимает глаза, и я вижу в них выражение полного отчаяния, и это отчасти успокаивает меня.

Ни слова не говоря, Стивенс разворачивается и направляется к выходу, и немедленно возле дверей образуется пробка. Смешанная толпа в зеленом камуфляже, в лиловых свитерах, лакированной черной коже сбилась у выхода. Джек спасает положение. Он демонстрирует самый успешный за этот день прием айкидо, освобождая проход для генерала. Тот выходит, за ним следуют остальные. В дверях я оборачиваюсь и злобно грожу Рейдеру кулаком. В ответ он только пожимает плечами.

В лаборатории Паркер начинает объяснять генералу аксиому биокибернетики, но Стивенс обрывает его на полуслове и спрашивает напрямик: «Как это помогло тебе лично? Ты можешь повысить температуру тела усилием воли?» Паркер бормочет что-то несвязное, а Шелл с Мартином тревожно напрягаются, ожидая своей очереди.

«А... да, сэр, могу, почти что», - наконец, выдавливая из себя Паркер. «Почти что? - думаю я. - Он может это делать. Я сам видел. Почему он не может просто сказать «да, сэр»?» Они что - саботируют проект или потеряли голову при виде начальства? Неужели каждый дрожит за свою шкуру из-за приезда Большого Папочки? Я вспоминаю, что тот же самый вопрос я задавал себе в детстве, наблюдая за своим отцом и его сослуживцами. Стоило на горизонте появиться какой-нибудь шишке, как каждый начинал из кожи вон

лезть, чтобы не потерять свое место. Я помню, как летели невинные головы или, напротив, приобретались неожиданные повышения благодаря одному только ловкому ходу, и как потом все показывали пальцем на тех, кто «лизал» задницу начальству. Хитрая наука. Кажется, только полковник Флинн, наш командир батальона, сохраняет полное спокойствие.

«Можешь сделать это прямо сейчас?» - спрашивает Стивенс Паркера. К этому времени Паркер успевает справиться с волнением и отвечает, что ему потребуется немного времени на подготовку, но он знает, как это делается и у него уже начинает получаться. Стивенс кивает головой и идет дальше.

Позже мы узнаем, что Стивенс остался доволен и парнями, и программой, к большой радости Флинна и Барнса. Встретив Рейдера, я спрашиваю его, что значат его фокусы, но он только раздраженно отмахивается от меня. Я подозреваю, что он не меньше меня недоволен собой.

Глядя вслед Выколиски, я думаю о том, какой ужас пришлось пережить этому человеку, чтобы он так возненавидел коммунистов. Сможет ли он залечить свои раны, уничтожая врагов? Бывают ли дни, когда ему не хочется убивать коммунистов? Сможет ли он когда-нибудь забыть о своей мести? Как будто спустившись прямо с пастельно-голубого неба, мне на ум приходит строчка из Шекспира: «Прощай, Отелло сделал свое дело», и я пытаюсь представить себе, что будет делать Выколиски, когда и ему придет время сказать «протай».

27 декабря

Зима рождает во мне два противоположных настроения: невыразимая лень сменяется жаждой деятельности. Мне то хочется закрыться у себя в комнате со стопкой видеокассет, то вдруг тянет, не разбирая дороги, мчаться по сугробам. Но приближение зимней операции заставляет меня держаться в графике.

Только что я получил рождественскую открытку от командования. На ней изображена ясная, морозная ночь и солдат, который стоит на карауле вдали от домашнего очага. Короткая надпись на развороте напоминает, что свобода и мир даются высокой ценой, и что именно благодаря людям, стоящим на своем посту, мы можем веселиться в эту священную ночь. Я вешаю открытку на стену и пишу на ней: «Мир в душе рождает мир вокруг».

7 января

Темнеющее небо вполне соответствует моему мрачному отчаянию. Я полулежу в кровати. Моя левая нога обложена льдом. Малейшее движение вызывает режущую боль в паху. Я злюсь на свою беспомощность и одновременно боюсь этой не утихающей жгучей боли. За моей злостью скрывается страх: я боюсь, что по собственной вине получил неизлечимую травму.

За день до отправки на зимние учения я тренировался в большом до-дзе в Кембридже, когда неожиданно моя судьба совершила крутой вираж. Я работал с двумя другими черными поясами, и все шло прекрасно, как вдруг острая боль пронзила мне левую ногу с внутренней стороны. Я осторожно сошел с мата, чтобы посмотреть, что случилось. С ногой явно было что-то не в порядке, но то ли мне показалось, что травма несерьезная, то ли я просто убедил себя в этом, потому что привык тренироваться, преодолевая боль, поэтому через минуту я вновь присоединился к своим партнерам. Это было роковым решением, за которое я не могу

простить себя. Через некоторое время, после очередного броска, я вдруг почувствовал себя так, будто острый нож вонзился мне в пах и распорол все внутри. Страшная боль прострелила меня до самого колена. Я вскрикнул и рухнул на маты. Почти ползком я добрался до раздевалки и лег там, не имея возможности двинуться от ужасной боли. Мои испуганные напарники и тренер пытались уменьшить боль, но все было безрезультатно. Я сильно порвал паховую мышцу левой ноги и теперь едва мог двигаться.

Теперь, когда я оглядываюсь назад, то вспоминаю, что слышал внутри себя тонкий, но ясно различимый голос, которому не придавал должного значения: «Будь осторожен. Следи за собой. Ты делаешь что-то не так». Я вновь и вновь спрашиваю себя, почему я не прислушался к этому голосу, и в который раз прихожу к неутешительному ответу: я боялся показать свою слабость. Из-за того, что тогда я поддался своему дурацкому самолюбию, теперь я вынужден терпеть унижительное поражение. Я вновь стал жертвой своего злополучного тщеславия, которое уже не раз подводило меня на протяжении этого проекта. Как нарыв в моей душе, я ношу в себе упрямое желание выглядеть лучше других. На самом деле это не что иное, как проявление неуверенности в себе. Где-то в глубине моего сознания есть пропущенное звено, брешь в восприятии собственного «я», которая толкает меня постоянно доказывать самому себе, что я чего-то стою. Если этот проект и научил меня чему-то, то вывод этот состоит в следующем: когда ты действуешь из этого побуждения, то попадаешь в неприятности. Кроме того, стараясь выглядеть лучше, я не могу сосредоточиться на глубинных процессах в моем сознании. Однообразная тупая боль в ноге заставляет меня признать необходимость более серьезной и вдумчивой работы, которая ждет меня впереди.

Утром я поднялся вместе с Джеком и Хорстом, чтобы проводить их. Расставаясь, я глупо пообещал им не пропадать и поправиться через неделю. Мне горько, что я не могу быть с ними, и вместо этого вынужден быть прикованным к постели.

15 января

Моя нога крепко забинтована, и теперь я могу, прихрамывая, ходить по улице, водить машину, и больше не боюсь, что останусь калекой на всю жизнь: врачи сказали, что признаков грыжи нет, и теперь я пытаюсь вылечить свою порванную мышцу с помощью медитаций. Мы с Джоуэлом вместе ездим на базу и занимаемся статистическими расчетами для нашего будущего отчета о проделанной работе. Проводя вместе много времени, мы, наконец, восполняем пробелы в наших отношениях. Я еще глубже начинаю восхищаться этим человеком. Он вырос почти без отца, никогда не занимался спортом и не участвовал в студенческих организациях, так что эта командировка в спецназ во многом стала для него неожиданной и, по сути, первой попыткой вступления в настоящий мужской мир. Его острое, худое лицо проясняется, когда я говорю ему, что, несмотря на все различия, парни очень уважают его.

Обработывая данные и производя расчеты, мы начинаем понимать, каких впечатляющих результатов достигли парни во время проекта, по крайней мере, так это выглядит на бумаге. Сведения из лаборатории биоконтроля в цифрах показывают значительно возросшую способность концентрации и организации внимания. Такие же результаты мы получаем и в разделе физической подготовки. В отдельных упражнениях, например, в гибкости, некоторые увеличили свои показатели почти на двести процентов. Я знаю, что такие

изменения физического состояния оказывают огромное влияние на интеллектуальную и эмоциональную работу сознания.

Джоуэл рассказывает мне, что когда несколько месяцев назад к нам приехал с проверкой член комиссии из Национальной академии наук, то был поражен успехами парней в области биоэнергетического контроля. Он заметил, что никогда еще не встречался с такими показателями в армии и выразил свое глубокое удивление по этому поводу. «Он не увидел главного, - сказал Джоуэл, - что в своей работе мы использовали синергетический подход. Даже когда я указал ему на это, он не придал этому особого значения. Мы добились успеха, потому что делали упор на взаимосвязанную работу души, тела и разума. Он так и не понял, что именно единый подход ко всем видам деятельности: к тренировкам, общению в коллективе, медитации, бегу и айкидо помог нам сделать этот прорыв».

25 января

Сегодня Джоуэлу передали, что жена сержанта батальона почти полностью избавилась от синдрома Рейно с помощью его биоэнергетического оборудования. Дело в том, что некоторое время назад полковник Флинн рассказал Джоуэлу, что женщина серьезно больна и спросил, не сможет ли система биоконтроля ей помочь. Джоуэл разъяснил ему, как работает оборудование, посоветовал, что нужно делать и снабдил книгами и приборами. Флинн все объяснил ей, и спустя всего три месяца - пожалуйста, полюбуйте! Поистине пути Господни неисповедимы.

1 февраля

Перед рассветом меня будит едва слышный телефонный звонок. Небо светло-лилового цвета, наст блесит, будто отполированный. Телефон стоит в прихожей, и я гляжу в окно, когда поднимаю трубку. Ясное морозное утро, и мне не очень хочется вылезать из постели в столь ранний час. Голос на другом конце провода говорит с сильным французским акцентом.

«Мистера Ричарда Хеклера, пожалуйста».

«Слушаю, говорите».

Сначала слышатся сильные помехи, потом до меня слабо доносится голос, перекрываемый шумом. Это моя старая гаитянская знакомая Эвелин. Последние несколько дней первые полосы «Нью-Йорк Таймс» заполнены сообщениями о кровопролитных боях и насилии, сопровождающих попытки режима Дювалье-сына удержаться у власти на Гаити. Эвелин сообщает мне, что с ней все в порядке, но наша общая знакомая получила огнестрельное ранение. По всей видимости, она ехала домой, когда кто-то из «тонтон-макутов», карательной гвардии режима Дювалье, выстрелил по ее машине. Чудом ей удалось спастись, и сейчас она в госпитале. Только теперь я понимаю, что шум, который я принял за помехи на линии, был на самом деле звуком автоматных очередей. Она рассказывает мне, что в Порт-о-Пренс ружейные и минометные перестрелки продолжались всю ночь.

«Это ужасно». Ее голос срывается, и я слышу рыдания.

Я беспомощно сжимаю кулаки и стою, согнувшийся и злой в холодном коридоре. За окном всклокоченный рыжий пес оставляет желтой струйкой свои отметины. Я хочу хоть

чем-нибудь помочь своим друзьям, но не могу.

«Ненависть ужасна, - говорит она. - Невероятно, что могут делать люди». Она рассказывает мне, как проходила мимо толпы, которая что-то кричала, собравшись вокруг пылающего огня. В центре она разглядела догорающее человеческое тело с отрубленными конечностями. «Они швыряли в него камни и били его палками, - рыдает она. - Я не могу этого понять».

Я говорю ей, чтобы она и ее семья немедленно уезжали оттуда. Она отвечает, что самолеты не летают, а плыть по морю опасно. Они думают остаться. Может быть, их помощь пригодится в стране. Помехи и автоматные очереди возобновляются, связь становится очень плохой, и я едва слышу голос Эвелин. Мы обещаем перезваниваться.

Я в бешенстве от своей беспомощности. Я хочу найти виновного во всей этой трагедии и не могу. Наше правительство, которое вечно оказывается не там, где нужно? Какой-нибудь безликий «тонтон-макут»? Дювалье-сыночек? Или папаша Дювалье? Рецессивный ген? Мы все больны одной болезнью, и линия фронта проходит через человеческие души. Она существует всегда и везде. Ее темная тень касается и моей жизни. Мне вдруг становится страшно за жизнь моих близких, спокойно спящих в соседней комнате. Нашим далеким предкам было легко защищаться от клыков и когтей хищников. Зло, с которым нам теперь приходится сражаться, подобно вирусу, который зарождается в наших душах и медленно пожирает нас, превращая в безумных исполнителей его воли.

За окном легкий снежок проносится мимо спящей березы и исчезает на жестком белом насте. Навязчивые мысли и замерзший суровый пейзаж за окном не дают мне покоя. «Мир в душе рождает мир вокруг», читаю я. Я продолжаю эту битву на своей подушке для медитаций. Мои слезы - это слезы печали о нашей жизни и слезы радости за путь избавления от безумия.

9 февраля

Вернувшиеся с зимней операции парни выглядят чрезвычайно усталыми. Мы даем им несколько выходных, чтобы они смогли восстановить силы и немного побыть с семьями. Естественно, я чувствую себя так, будто я вернулся после месячного отпуска. Сама мысль о канцелярской работе кажется мне невыносимой. Джек полон рассказов об операции, и я завидую ему. Если не считать, что полковник Флинн сломал ногу при лыжном спуске, в общем, операция прошла удачно, а результаты двух наших команд превзошли все ожидания. Флинн подтвердил это, сказав: «Я видел сто пятьдесят команд. Все они возвращались с подобных операций совершенно измотанные, грубые и злые. Наши же команды не выглядели ни усталыми, ни невыспавшимися, ни раздраженными. Все они были в отличном настроении». Батальонное начальство доложило: «Они восстановились очень быстро и сделали самые лучшие сообщения за весь период проведения зимних операций».

Несмотря на то, что нашим командам досталось выполнение более трудной задачи, что им пришлось проделать самые большие переходы и находиться на месте дольше прочих групп, они сумели обойтись без травм и болезней. Число травм среди других команд достигло семнадцати. Наши группы успешно преодолели около тридцати километров по заснеженной гористой территории на высоте от 2300 до 2600 метров над уровнем моря с грузом на плечах около 45 килограммов каждый. Они пробыли в своем укрытии незамеченными в течение десяти дней, и все это время посылали подробные сообщения,

действуя гораздо оперативнее остальных команд.

По сравнению со всеми предыдущими зимними операциями, эта оказалась особенно удачной в том смысле, что парни сумели применить новые знания в исключительно трудных условиях. Они продемонстрировали высочайший уровень контроля над своим физическим состоянием, сохранив при этом способность к творческому решению боевых задач и высокий боевой дух.

11 февраля

Ну, вот и все. Конец настал быстро, слишком быстро для меня. Мне хотелось, чтобы финал проекта был ясным и определенным, но парни уже готовятся к следующим программам, а мы потихоньку пакуем чемоданы. Я отлично знаю их манеру прощаться. Служа в армии, ты заводишь друзей, потом получаешь новое назначение, и вот вокруг тебя снова никого нет. Ты переживаешь и скучаешь, поэтому... не спеши привязываться, расставаться придется слишком скоро.

Я составляю список приезжих лекторов и спрашиваю парней, с кем из них они хотели бы провести вместе год, на войне, на базе или даже дома. «С кем бы вы пошли в разведку? С кем бы хотели служить?» Были взвешены все «за» и «против» и, наконец, большинство проголосовало за брата Дэвида Стендл-Раста, короткого монаха-бенедиктинца.

«Почему?»

«Потому что он не станет давить на тебя».

«В нем есть внутренняя сила».

«Он не будет перекладывать свой груз на твои плечи».

«Он настоящий».

Мне тяжело.

Я чувствую горечь потери.

Я иду в до-дзе и в последний раз беру из стойки боккен, кланяюсь портрету мастера Уэсибы и начинаю рассекать воздух ударами. Пот выступает у меня на лбу и начинает лить ручьями. Свет постепенно тает, и скоро наступает темнота. Я рублю воздух все быстрее и ожесточеннее. Я бью и демонов, и ангелов последних шести месяцев. Я хочу полностью очиститься от них.

Дверь класса отворяется, входит Орезон и направляется к раздевалке. Сначала он не замечает меня, и я продолжаю свои удары. Неожиданно, вздрогнув, он останавливается. «Что ты делаешь в темноте?» - настороженно спрашивает он. Я едва различаю его лицо.

«Ты Князь Тьмы, - говорю я. - Я думаю, ты любишь тень».

«Тень бывает только там, где есть свет», - отвечает он.

ЭПИЛОГ

12 февраля

Я сижу в дальнем углу до-дзе, в то время как Харнер и Роллинз практикуются в преподавании айкидо группе из соседней части. Практика преподавания - это завершающая часть нашего проекта. То же самое им предстоит проделать в лаборатории биоконтроля, на занятиях по физподготовке, рациональному питанию, медитации, культуре общения - короче, по всем дисциплинам, которые они прошли в рамках нашего проекта.

Когда я вижу, как они демонстрируют приемы и рассказывают про айкидо, то понимаю, чему и как успел их научить. Я слышу свои собственные слова, и убеждаюсь, что они объясняют гораздо лучше, чем я, потому что понимают своих учеников изнутри и с большей легкостью могут «входить и сливаться» с их сознанием. Наблюдая за тем, как они рассказывают об айкидо, я чувствую гордость, какую испытывает учитель, видя достижения своих учеников. Но больше всего меня радует то, что они сумели впитать эти знания, сделать их своими.

Я думаю о том, что эти солдаты и я сам - наследники великой воинской традиции. Перед моими глазами проходят тысячи японских самураев; они передают тайны своего искусства тем, кто позднее станут учителями мастера Уэсибы; потом мастер Уэсиба, свидетель атомных бомбардировок, передает свое углубленное знание новым поколениям, которые впоследствии станут моими учителями; потом появляются мои коллеги и я сам, и мы, устав от всеобщей лжи, надеемся, что с помощью обновленного сознания мы сможем сформировать у своих учеников новые представления о древнем искусстве воина. Сейчас на моих глазах происходит передача знаний новому поколению, которому предстоит стать очередным звеном этой бесконечной цепи. Я вижу, как каждое новое поколение вносит в это искусство неповторимый дух своего времени, бережно сохраняя при этом главную и непреходящую ценность айкидо. Мне представляется, что сейчас я стою возле передового рубежа этого древнего искусства, развивавшегося на протяжении последних семи веков. Но сам передовой рубеж проходит там, где эти солдаты знакомятся с принципами айкидо, впервые открывая для себя законы гармонии и всеобщего единства.

Для тех, кто не испытал на себе воздействие айкидо и кто отказывается видеть под военной формой человека, это, должно быть, пугающее зрелище. По мнению таких людей, солдаты непременно будут использовать эти знания в целях разрушения. Я думаю по-другому. Я верю, что введение айкидо в нашей армии - это шаг к более разумной и сострадательной Америке.

Харнер объясняет очередной прием. Он ловко уворачивается от удара Роллинза и затем, направив его атаку в жесткую спираль, бросает его на землю. «Вы привыкли бодаться и на скакивать друг на друга, - говорит он своим командным тоном. - Здесь все не так. Вам потребуется время, чтобы привыкнуть, но вы поймете, что это гораздо легче. Сливайтесь с атакой. Не нужно лезть в драку, чтобы добиться своего». Он улыбается им, но я знаю, что он делает это для меня.

25 марта

Джоуэл, Джек и я собрались у меня дома в Калифорнии, чтобы подготовить отчет о проделанной работе. Нам предстоит обработать не только многочисленные данные экспериментов по биоэнергоконтролю и синхронизации мозговых волн, психометрические измерения, анализы содержания холестерина и жира и различные показатели физического состояния, но и субъективные отзывы участников проекта и преподавателей о марш-броске, зимней операции, морских учениях и айкидо.

Через три месяца мы держим в руках толстенный том из восьмисот страниц с множеством приложений и результатов проверок. В сжатом виде это двести сорок пять страниц текста, которые мы передаем генералу Стивенсу из армейского командования спецоперациями, полковнику Флинну, нашему командиру батальона, полковнику Барнсу, командующему группировкой войск, и некоторым офицерам из военного министерства. По индивидуальным показателям многие участники достигли значительного прогресса, а в среднем способности солдат, участвовавших в проекте, возросли на семьдесят пять процентов по сравнению с началом программы. Результаты объективных данных и субъективных оценок свидетельствуют о следующих изменениях физических и психологических характеристик:

Физические показатели	Увеличение в среднем, %
• представление о концептуально новых подходах к физической подготовке	95
• представление о воздействии характера питания на общее состояние организма	150
• способность к сдерживанию болевых ощущений (навыки самоисцеления)	55
• способность к самостоятельной настройке организма	85
Психологические показатели	
• способность сохранять самообладание в критических условиях	85
• повышение интеллектуальных способностей	100
• координация умственной, физической и эмоциональной работы организма	65
• закрепление основных моральных принципов (ответственность, т. д.)	70
Работа в коллективе	
• сплоченность	50
• лидерские качества	40
Особые навыки и характеристики	
• повышение способностей: к сохранению бдительности в условиях	

неподвижности	70
к самостоятельному регулированию температуры тела в критических погодных условиях	40
к повышению уровня восприятия	80
к быстрому восстановлению сил после нагрузок	100
• контроль за состоянием внутренней энергии (степень выносливости)	90

Самый глубокий отзыв сделал наш командир части, написав следующее: «Этот проект был рассчитан не столько на приобретение каких-либо практических навыков, сколько на то, чтобы изменить сам образ жизни его участников. В этом смысле он совершенно отличается от большинства предыдущих учебных курсов. Перед командованием части стоит теперь важная задача найти применение и сохранить индивидуальные результаты, достигнутые в ходе проекта».

Проект «Троянский воин» оказался чрезвычайно успешным, по крайней мере, на бумаге. Генерал Стивенс и все командование спецоперациями были довольны результатами и дали добро на продолжение нашей работы. Мы предложили, чтобы следующая программа включала в себя подготовку инструкторов для последующей работы в армии. Командование одобрило это предложение. Однако новый командующий группировкой, назначенный вместо полковника Барнса, сообщил нам, что средств для проведения проекта недостаточно. Как нам передали, он выразился в том смысле, что его дело управлять армией, а не заниматься какими-то медитациями, восточными единоборствами и мозговыми волнами. Проект был отложен до лучших времен.

Полковник Флинн был командирован в прославленную Военную академию, капитан Торн получил направление за границу, группы 260 и 560 были расформированы, многие из солдат были направлены в другие места службы или получили распределения в военные училища. Мы продолжаем получать письма от парней с просьбой сообщить дополнительную информацию о медитации или снятии напряжения, многие спрашивают, где они могут продолжить занятия айкидо, или рассказывают о том, как наш проект повлиял на их жизнь.

После сдачи отчета Джоуэл со своим учителем отправился на годичную медитацию. Джек стал управляющим по развитию в «Спортсмайнде» и в свое время оказал большую помощь в организации и проведении групповых психологических занятий для руководства компании AT&T. Я купил небольшое ранчо у подножия гор на побережье к северу от Сан-Франциско, где теперь преподаю айкидо и провожу тренинги и семинары по предметам, о которых упоминается в этой книге.

Через три года после окончания проекта Джек, Ларри Бербак и я провели подобный, правда, несколько сокращенный, курс занятий для Тюленей из морского спецназа.

Был ли «Троянский воин» успешным?

Треть его участников ответили бы отрицательно. С их точки зрения это время можно было бы с большей пользой потратить на подготовку, непосредственно связанную с их военной специальностью. Остальные считают проект чрезвычайно успешным, поскольку он оказал огромное позитивное влияние на их дальнейшую жизнь и работу. Некоторые отмечают, что он оказался успешным во многом благодаря нам.

Вопросы и противоречия, с которыми я столкнулся в самом начале проекта, со временем

приобрели еще большую остроту. Мои личные проблемы, да и обстановка в мире привели к множеству новых вопросов, которые, как коаны в дзэн, кажутся неразрешимыми парадоксами. На мои вопросы просто нет готовых ответов. Я все больше понимаю, что учил этих парней тому, что до сих пор пытаюсь понять сам. Я снова ощутил, что айкидо и медитация - это науки самопознания и саморазвития, которые нужно постигать всю жизнь. И хотя я отошел в сторону от этих путей, они уже стали моими и ждут моего возвращения. Этот проект был успешным, потому что он заставил нас признать глубину и силу сострадания.

А что же воин? Я вспоминаю, как однажды вечером мы сидели с Джеком возле темной воды. Мечтательно глядя в звездное ночное небо, он сказал: «Вера в собственное совершенство - это самая большая ошибка. Вера в свою силу - это самая большая слабость. Быть воином не значит побеждать или добиваться успеха. Это значит идти вперед и ошибаться, подниматься и снова идти вперед. И так всю жизнь».

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Лето 1990 года

Я сижу, прислонившись спиной к стене сарая, и гляжу на древнюю эвкалиптовую рощу. Под моими ногами, как сморщенная кожа, лежит высохшая земля. Высоко в небе медленно кружит, постепенно снижаясь, одинокий краснохвостый ястреб. Его черный силуэт четко вырисовывается на фоне белого летнего неба. Время от времени он опускает голову, вглядываясь в центр невидимой сужающейся спирали. Нет ничего необычного в его полете, но вот он опускается на одну из ветвей, и тут тишину разрезает зловещее «скри-скри», и другой ястреб, сложив крылья, сверху набрасывается на непрошеного гостя.

Завязывается драка. Они сбиваются в клубок, расходятся в стороны, летят кубарем, потом разлетаются, чтобы снова сойтись в своем величественном воздушном танце. Сначала мне кажется, что это только игра: должно быть, два брата из одного гнезда затеяли перепалку. Но через несколько минут я понимаю, что идет серьезная борьба за территорию. Они продолжают драку. Удача переходит то на одну, то на другую сторону. Они скачут и кружатся, пытаясь увернуться от ударов. Гвалт поднимается такой, что даже наша ленивая динго Бел вскакивает на ноги и, подняв уши, начинает прислушиваться к этой ожесточенной драме.

Я люблю их красотой. Их бой вызывает во мне такие же чувства, как и поединок мастеров боевого искусства. Неважно, кто из них победит - столько силы и страсти в их движениях, столько красоты и ярости в этой схватке двух хищников. Я знаю, что делать выводы из увиденного, решать, кто прав, кто виноват, это исключительная прерогатива человека. Что было бы, задумываюсь я, если бы мы могли действовать, повинуюсь инстинктам, и не знали тяжести рационального сознания? Этот вопрос оставляет во мне чувство вины.

Неожиданно один ястреб улетаet прочь, а другой взлетает на сухую ветку, складывает крылья и устремляет суровый, неподвижный взгляд в сторону далеких гор. Когда первый ястреб пролетает над крышей сарая, я краем глаза слежу за ним. Мне хочется понять, как он чувствует себя - может быть, он ранен или расстроен? Потерял ли он свою территорию или не сумел отвоевать чужую? Но его глаза ничего не выражают, это просто взгляд хищника, высматривающего добычу.

У меня на коленях лежит сегодняшняя газета, где на первой полосе сообщение о совсем иной версии драмы, только что разыгравшейся на моих глазах. На зернистой, слегка размытой фотографии иракские танки проезжают по главным улицам кувейтской столицы. Ирак заявляет, что Кувейт всегда находился в пределах иракской территории и что теперь он освобождает кувейтцев, возвращая их земли законным владельцам. Извечный повод для начала войны: потребовать назад захваченную землю, а с ней и все принадлежащие ей богатства: в данном случае - нефть. Еще одним признанным основанием для войны служит религия. В наши дни эти два фактора неразрывно связаны друг с другом. Священная война за возврат территорий, которые по праву принадлежат Ираку. Порочный союз, принесший немало бед в прошлом. Наше излюбленное занятие - воевать за землю, заручившись

поддержкой Всевышнего.

Целую неделю «Нью-Йорк Таймс» помещала репортажи о скоплении иракских войск на границе с Кувейтом. Возможно, если бы раньше Кувейт и его союзники заняли более жесткую позицию, или, как говорят в айкидо, были в ханми с нужной маай (правильная стойка с соблюдением дистанции между партнерами), ситуация никогда бы не зашла так далеко. Но это только догадки, к тому же, кто знает, может быть, кому-то выгодна эта война. Больше всего меня волнует судьба парней из «Троянского воина», я думаю об их семьях и о том, как радикально может измениться их жизнь в связи с последними событиями.

Память возвращает меня на девять лет назад. Путешествуя по диким просторам Восточной Африки, я встретился с менее очевидным, но столь же разрушительным захватом чужой территории. Я и десять моих друзей бродили с вождем масаи и его двумя морани, молодыми воинами, по землям, принадлежащим их племени. Наше путешествие было частью природоохранной деятельности «Первого Земного Батальона». Мы обошли плато и долины гористой территории масаи и потом спустились в отдаленную речную долину заповедника Рунгва, где нас должен был встречать местный смотритель. Назвав себя группой «Мужское материнство», мы приехали, чтобы стать безмолвными свидетелями величия дикой природы, защитниками ее нетронутых уголков. Это также было путешествием в поисках духовного обновления. Мы хотели проникнуть в глубины Африки, не нарушив ее тишины, прислушаться к ее жизни и открыть новые горизонты внутри самих себя.

Шагая вслед за гибкими и грациозными воинами масаи, мы проходим по десять-двенадцать миль в день, но мне кажется, без нас они запросто могли бы пройти в два раза больше. Они ведут себя с простотой и достоинством. Это еще один признак настоящего воина. В своих набедренных повязках, небольших накидках из тонкой ткани и кожаных сандалиях, с копьями и палашами в руках, они выглядят, как неотъемлемая часть природы. Проходя или останавливаясь на ночлег, они не оставляют за собой никаких следов. «Разведке тут нечего делать», - шутит один из моих товарищей в конце первого дня пути. Спокойствие масаи, стремительные повороты реки Мзомбе, величие баобабов и ночное покашливание леопарда вскоре настраивают нас на торжественный лад.

Вождь Койе только что вышел из тюрьмы, где он отбывал шестимесячное наказание за политические выступления в защиту племенных земель масаи. Социалистическое правительство Танзании сгоняет масаи с их земель, пытаясь отучить их от традиционного образа жизни. Сокращая площадь их пастбищ, правительство стремится принудить масаи бросить полукочевую жизнь. «Когда людей поселяют в металлические дома, построенные правительством, - говорит нам Койе, - они начинают болеть. Правительство хочет, чтобы мы переняли чужой для нас образ жизни. Они запрещают нам носить копья и мечи в городах и заставляют нас одеваться, как на западе. Они говорят, что хотят нам помочь, но, на самом деле, они не дают нам спокойно жить. Они даже не пытаются понять, как мы живем и что любим. Они думают только о себе. Они хотят забрать себе наши пастбища и построить на них новые города». Вождь Койе говорил без злости, но в глазах его была печаль.

Мне тоже грустно, не только потому, что правительство ведет себя жестоко и неразумно, но и потому, что скоро может быть уже поздно что-либо делать. Койе хочет, чтобы его люди могли получить образование, не отказываясь от привычного для них образа жизни. Правительство видит в масаи только помеху - отсталый, примитивный народ, который тянет Танзанию в прошлое. Коренных масаи мало заботит Танзания как государство с его

невидимыми границами, отделяющими его от других стран. Они читают природу, как книгу: реки, горы и вулканические кратеры - это их язык, который хранит для них легенды предков, истории животных и заветы богов. Понимая, что это племя воинов может вскоре оказаться обреченным на вымирание, я пытаюсь узнать о них как можно больше. Но моя застенчивость и неловкость мешают мне установить контакт, и я чувствую разочарование. Внутри меня все кипит, оттого что эти люди терпят поражение от пустоголовых бюрократов, которые не делают ни малейшей попытки понять их. Их пытаются лишить разума и сердца. Их древнюю культуру хотят оставить без души.

Слишком вежливые, чтобы открыто разглядывать нас, они все-таки время от времени бросают на нас по-детски любопытные взгляды. Им ничего от нас не надо, и все же их искренне занимают наши плееры, застежки на рюкзаках, складные ножи. Тихо сидя в сумерках, морани тычут друг в друга пальцами и смеются, как это делают молодые парни повсюду на земле. Им очень нравится быть вместе, и, болтая о чем-то, они с явным удовольствием прислушиваются к звукам своих голосов. Кашу, самый высокий из троих, замечает, что я смотрю на него, и какое-то мгновение задерживает свой взгляд, как будто ждет, что я скажу ему. И вдруг на его черном лице вспыхивает яркая улыбка, и он гордо вскидывает голову. Все трое поразительно красивы, но особенно удивительна их осанка. Они не носят накрахмаленных рубашек, не заканчивают университетов и не ходят на работу, как того хочет танзанийское правительство. Вместо этого они сохраняют доброе расположение духа, имеют много свободного времени, обладают чувством собственного достоинства, преданы своей родине и своему народу и бесконечно великодушны. Когда я думаю о том, что их культура может исчезнуть к тому времени, когда вырастут мои дети, мне становится нестерпимо грустно.

Другой, а может быть, все тот же краснохвостый ястреб начинает снижаться над эвкалиптовой рощей, но угрожающее «скри-скри» с верхушек деревьев заставляет его совершить широкий обходной маневр. Я снова взглядываю в газету. Танки на фото похожи на зловещих черных жуков, ползущих по дорожкам ухоженного сада. Приглядевшись, я замечаю, что один из иракских танкистов победоносно поднял в воздух два пальца, и я вспоминаю каллиграфическую надпись о-сэнсэя: «Истинная победа - это победа над собой».

Осень 1990 года

Неожиданно пришедший с океана холодный фронт затягивает небо свинцовыми тучами. После почти пятилетней засухи такая перемена вызывает всеобщее оживление, вокруг только и разговоров что о погоде. Стая горластых ворон кружит над эвкалиптами, и Бел несется на шум, се рыжеватая шкура блестит на солнце. Масляно-черные крылья ворон почти сливаются с темнеющим небом. Я слушаю их суетливые, хриплые голоса и начинаю понимать, почему по индейским легендам вороны считаются предками людей. Многие птицы уже потянулись к югу. Большинство пернатых в основном хищники готовятся к отлету на теплые квартиры. Люди изобрели собственный путь миграции, назвав его операцией «Щит в пустыне». Огромное количество людей и техники ежедневно переправляется сейчас в зону Персидского залива. Сегодня днем мне позвонил один из моих учеников по айкидо, бывший рейнджер. «Я вернулся в армию, и мне предлагают вступить в спецназ. Я звоню вам, - сказал он, - чтобы спросить, как вы думаете, можно ли участвовать в этой войне и при этом оставаться настоящим воином, в духе айки, как вы об этом говорите в

своей книге?» Слушая его, я наблюдал, как внезапная перемена погоды напугала лошадей, и они понеслись изо всех сил по ближнему лугу. Их мощный галоп напомнил мне об армии Чингизхана, об индейских воинах Великих Равнин, бесстрашно скачущих навстречу врагу, о конниках древней Месопотамии, забытых теперь благодаря приходу бронетанковой техники. Я ищу ответа на его вопрос. Но что я могу сказать?

«Сэр, - прерывает он мое молчание, - я не спрашиваю вас, стоит мне снова вступать в армию или нет. Я просто хочу знать ваше мнение, потому что для меня это важно. Я хочу достойно прожить свою жизнь. Я не боюсь умереть и хочу быть полезным своей стране, но если я вернусь в армию, я хочу остаться воином». Я приложил ладонь к окну, и на морозном стекле остался отпечаток моей руки. Мне хотелось сказать ему, что он уже живет, как воин. «Я думаю, ты сможешь оставаться верным себе, нося зеленый берет». В порывах шквалистого ветра лошади носились и скакали по полю, как мальчишки, играющие в футбол. Интересно, помнят ли они военное прошлое своих предков? Довольны ли они тем, что скачут по горам Калифорнии, вдаль от грохота пушек и свиста сабель?

Я возвращаюсь к своим запискам об Африке и вспоминаю, как масаи посвящают своих юношей в воины.

Африканский рассвет нетороплив и долог. Сперва темноту нарушает слабый молочно-белый отсвет, потом восток озаряется нежным оранжево-розовым светом, который медленно наливается малиновыми оттенками, пока, наконец, ослепляющее алое зарево не возвестит о появлении огромного ярко-красного светила. В это время все небо наполняется птицами. Просыпаются крупные хищники и аисты.

В такое ясное, свежее утро мы покидаем деревню Койе, пересекаем небольшую горную седловину и идем вдоль хребта на юго-восток. На отдаленном горном склоне ровный восточный ветер раздувает пожар, и языки пламени поднимаются вверх. Это может быть случайное возгорание, а может быть разожженный костер. В этих местах огонь часто используется для того, чтобы освободить землю от поверхностной растительности или испугнуть дичь. Целесообразность такого метода вызывает споры, и, тем не менее, и простые жители, и смотрители заповедников по-прежнему уверены, что это благотворно влияет на местную флору и фауну. Поскольку пожары случаются часто, животные тоже привыкли к ним. Иногда охотникам так и не удается испугнуть хищника огнем. Сотни светящихся глаз каждую ночь вокруг нашей стоянки лишний раз подтверждают это. Джим Чэннон, основатель «Первого Земного Батальона», замечает: «Мне это напоминает Вьетнам - путешествие с рюкзаком по выжженной земле».

На вершине небольшого холма под разросшимся кустом верблюжьей колючки сидит один из старейшин масаи и точит меч о кусок гранита. «Похоже, вы пришли издалека», - без всякого выражения говорит он. Он трогает голову молодого морани и плюет на нее, что означает благословение у масаи. Потом они с Койе начинают обмениваться новостями. Мы пользуемся этой возможностью, чтобы немного отдохнуть, и растягиваемся в скудной тени кустарника. В перерыве их беседы я спрашиваю Койе о том, как они обучают своих воинов. Он переводит вопрос старейшине, и потом они общими усилиями начинают объяснять мне: «Если появляется работа, требующая силы или смелости, - начинает Койе, - люди спрашивают: «Разве не осталось у нас воинов?» Он делает многозначительную паузу, и я понимаю, что в этой фразе кроется суть воинского искусства в понятии масаи. Он рассказывает, что раньше охота на львов служила ритуалом посвящения в воины, но теперь правительство запретило убивать львов. Набеги на соседние земли с целью угона скота или

разрешения территориальных споров тоже находятся под запретом. «Но если лев или леопард нападет на наши стада или на кого-нибудь из наших людей, то воины выследят его и убьют. И если кто-нибудь попытается украсть наших животных, мы будем воевать. Но сейчас, слава Богу, нет войн, - говорят они важно, - нам нужно быть вместе, чтобы бороться с другими врагами».

Воспитание воина начинается примерно в возрасте пятнадцати лет с обряда обрезания, которое считается важным испытанием зрелости и мужества. Масаи верят, что если начинающий воин может стойко выдержать боль при этой операции, то он с честью преодолеет любые жизненные испытания. После того, как мальчик полностью поправится, для него начинается новая жизнь - жизнь воина. Он отращивает длинные волосы, покрывает свое тело ритуальными узорами из красной охры и берет в руки копье. Он надевает новую одежду, продевает в уши серьги и вешает на шею ожерелье. Молодые воины держатся вместе, между ними завязываются тесные дружеские отношения. Они проводят вместе большую часть времени, вместе пасут скот, исследуют территорию, строят изгороди из колючего кустарника, отражают нападения соседей и охотятся. Все их имущество становится общим, даже женщины. Кроме выполнения своих основных обязанностей по защите племени, они также регулярно участвуют в особых праздниках, где воины собираются, чтобы полакомиться мясом, помериться силой в метании копья, владении мечом, стрельбе из лука, беге, борьбе и ритуальных танцах. Когда поколение воинов достигает возраста тридцати пяти лет, оно замещается подросшей молодой сменой. С грустью расстаются воины со своими длинными, заплетенными в косички волосами. Головы обриваются наголо, что означает переход к новым обязанностям. Теперь они переходят в разряд старейшин. Когда воин становится старейшиной, ему говорят: «Оставь свое оружие и познай искусство языка и мудрость знаний».

Наблюдая за Койе, мирно беседующим со своим соплеменником под лучами палящего солнца, я удивляюсь, насколько он похож на идеального воина. Кажется, ничто не волнует его, и, тем не менее, он зорко наблюдает за всем происходящим. Он спокоен и невозмутим, как гора Меру, виднеющаяся вдаль, и в то же время внимателен и насторожен. Его движения легки и быстры, точь-в-точь как у овсянки, которая покачивается на тоненькой веточке за его спиной. Несмотря на свое мастерское владение копьем и мечом, он скромно отказывается демонстрировать свое искусство. Тем не менее, когда я показываю ему, как работает слияние в айкидо, он живо замечает: «Это то, что нужно политикам». Когда кто-то из нас случайно забывает бутылку с водой, он тут же замечает это и безошибочно возвращает пропажу по адресу. Бережно держа ее в руках, он торжественно возвращает ее хозяину, как человек, для которого каждое действие - это небольшая церемония. Слыша, как хозяин бутылки рассыпается в благодарностях, он не меняет выражения лица, только слегка смущается от излишней суеты по такому пустяковому поводу: он просто сделал то, что должен был сделать. Точно так же он ведет себя, перекладывая себе на плечи рюкзак нашего измученного жаждой и ходьбой товарища. Ничем не подчеркивая свое особое положение, он просто делает то, что от него требуется в данный момент и спокойно уходит вперед, не обращая внимания на сконфуженные протесты хозяина рюкзака. Когда ему предлагают еду, он, не торопясь, ест, но благодарить за угощение не входит в его привычки, как, впрочем, не приходит ему в голову и выразить свою признательность хотя бы взглядом или улыбкой. Иногда он неожиданно исчезает, а когда вновь возникает, словно из ниоткуда, ловко держа в руках копье или меч, я чувствую, какая мощная сила таится внутри этого человека.

Отойдя в сторону, Койе прикрывает глаза ладонью от палящего солнца и вглядывается на запад, где, как старый хребет, выпирающий из-под сморщенной кожи матери-Африки, застыли древние докембрийские горы. Он кладет одну ногу поперек другой и легко стоит, опираясь на копьё, как это принято у масаи. Внезапно время исчезает, и меня охватывает невыразимая тоска. Я готов рыдать, как ребенок, навсегда оставленный своей матерью. Кажется невероятным, что такая картина может существовать в конце сумасшедшего XX века. Я как будто освобождаюсь от тяжести настоящего и оказываюсь в безграничном пространстве, где-то между далеким прошлым и неизбежным будущим. Пронзительно ощущая это мгновение, я погружаюсь в мучительную тоску по этой уходящей жизни и одновременно радуюсь тому, что древнее наследие воинов живо, что оно существует независимо от места и времени. Оно здесь, сейчас, в бесконечной мудрости этого мгновения.

Зима 1991 года

На следующий день после того, как Соединенные Штаты начали свои воздушные атаки на Багдад, я просыпаюсь на рассвете после тревожной ночи. Сегодня я хочу совершить небольшое путешествие по горному хребту на соседнем ранчо, в нескольких милях от моего дома. В городе холодный пронизывающий ветер развеивает желтые ленты, американские флаги полощутся в патриотическом порыве. Я делаю остановку на автозаправке и, сидя за чашкой кофе, замечаю местного бездомного, стоящего на углу безлюдной улицы. Злобно грозя кулаком в пустое пространство, он, не переставая, кричит: «Мне плевать, что вы говорите. Я буду делать что хочу. Пошли вы все к черту!»

Меня почему-то трогает его неистовство. Может быть, он, как и я, возмущен войной? А может, он оракул, вещающий от имени злобных богов, насылающих на Калифорнию вот уже пятую бесснежную зиму? Наконец мне приходит на ум, что он - это отражение коллективного психоза, овладевшего нашими так называемыми мировыми лидерами. Проходя мимо него, я замечаю спекшуюся кровь в его волосах и на висках. «Пошли вы к чёрту! Я буду делать что хочу!» - кричит он, глядя сквозь меня.

И я тоже, думаю я, поэтому и брожу по горному хребту в течение часа, пока, наконец, не нахожу укрытие от ветра за гранитной грядой. Я окатываю инжир и миндаль сладким кофе из термоса, и тут замечаю пару беркутов, парящих над долиной. Прежде чем они успевают исчезнуть в дубовой роще, я десять минут наблюдаю за ними в бинокль и определяю, что это самец и самка. Когда я сижу, обхватив кружку с кофе и пытаюсь согреться, более крупная и темная самка неожиданно возвращается и начинает кружить надо мной. Еще один оракул, думаю я, только на этот раз зачем? Слава Богу, приходит мне в голову, это всего лишь птица, а не F-16. Ну, вот я и сделал, что хотел, теперь пора возвращаться домой, чтобы смотреть по телевизору, как бомбят Багдад.

Какое странное, сумасшедшее время. Все, припав к экранам, смотрят последние новости. «Умные» бомбы, «Томагавки» и «Пэтриоты» становятся предметом всеобщего обсуждения. Людей приглашают вернуться на прежнюю работу, даже местный пятидесятитрехлетний офтальмолог и пара бабушек-пенсионеров приступили к исполнению своих обязанностей; либералы оставляют шествия с зажженными свечами в защиту мира и выстраиваются в очереди, чтобы сдать кровь для раненых; женщины требуют отправки на войну; местный морской пехотинец отказывается от прохождения военной службы по политическим

убеждениям; антивоенные выступления проникнуты воинственными настроениями. Зеленый огонек, дающий моральное разрешение войне, загорелся, и те, кто раньше терпели нападки за требование повысить расходы на военные нужды, теперь празднуют победу. Я разрываюсь между негодованием по поводу растущего числа погибших в Багдаде, и возбуждением, которое охватывает меня всякий раз, когда я вижу, как бомбы величиной с «Фольксваген» сравнивают с землей мосты и полевые аэродромы. Иногда мне кажется, будто я смотрю кубок США по футболу, где моя любимая команда одерживает победу, только здесь страдают и гибнут реальные люди в основном мирное население, женщины и дети. Вечером в до-дзе мы каждый раз завершаем тренировку тем, что посылаем целительную ки людям, оказавшимся в зоне Персидского залива.

Пока мир прикован к очередному шоу, я переживаю событие другого рода: рождение дочки. В сорок шесть лет я снова стал отцом. Глядя, как моя жена рождает, я подумал, что если бы мужчинам предоставляли выбор между родами и войной, они, вероятнее всего, выбирали бы последнее. Она мучилась четырнадцать часов подряд, пока, наконец, не стало ясно, что естественные роды невозможны из-за слишком узкого таза. Пока врач делал кесарево сечение, я заглянул внутрь ее тела, и в этот момент из дрожащей окровавленной плоти появилась новая жизнь. Пока жена отдыхала, я смотрел в глаза моей маленькой дочки. В этой чистоте и беспомощности была божественная мудрость и сила. Я спрашивал себя, в какой мир мы привели ее. Я родился во время Второй мировой войны, Тиффани родилась в самый разгар Вьетнама, а теперь появилась Палома - во время войны в Персидском заливе. Америка живет, как по расписанию, производя на свет войну каждые пятнадцать лет. Мой собственный мир наполнен радостью жизни и мрачным предчувствием глобальных катаклизмов.

Я знаю, что многие парни, с которыми я работал в проекте «Троянский воин», сейчас находятся там. Те, с кем я поддерживал связь в последнее время, резко прекратили писать и звонить. У меня даже не осталось ничего на память от них. Я чувствую, что связь между нами теряется. Я не знаю, где они и что с ними. Они появились и вновь исчезли в своем таинственном мире спецназа. Их присутствие в зоне конфликта заставляет меня глядеть иначе на все происходящее. Когда я пытаюсь понять, что меня больше всего волнует, то понимаю, что переживаю за них и страдаю из-за невозможности быть рядом.

Я представляю себе своих спутников из племени масаи, гонящих стада по землям своих предков. Интересно, докатился ли до них этот отдаленный звук военных барабанов?

Абрикосовый рассвет занимается над землей. Мы сидим у костра, едим черный хлеб и апельсины и запиваем их сладким чаем. Это четвертый день нашего путешествия в долине реки Мзомбе. Сегодня я неожиданно чувствую себя бодрее, чем обычно. Дикие животные, которые начали чаще встречаться на пути, оживляют наше путешествие. Вчера мы наблюдали парочку куду, которые, словно фантастические видения, промелькнули возле реки. Пока мы осторожно выслеживали их, прячась за кустами и термитниками, стараясь держаться с подветренной стороны, верроковский филин, сидя на прибрежной акации, внимательно наблюдал за нами. Следы вывели нас к сухой балке, потом, покружившись, мы вновь вернулись к обрывистому берегу, где в первый раз заметили их, но тут следы внезапно оборвались. Казалось, животные таинственным образом испарились. Я вспоминаю рассказы Хемингуэя и Руарка о чрезвычайной загадочности куду. Нагнувшись над следами, Дейв Петерсон, наш проводник, замечает: «Чем больше стараешься их найти, тем труднее их увидеть. С этими животными приходится держать ухо востро. Надо постараться, чтобы

они тебя нашли».

Сегодня мы движемся на северо-восток по узкой охотничьей тропе. Река сопровождает нас справа. Солнце, как одинокий малиновый глаз, медленно поднимается над выжженной землей. Птицы-носороги, зимородки, белоголовые сорокопуты, скворцы и удоы непрерывно снуют по бескрайнему белому небу. Стадо бабуинов поднимает истерический визг, заметив нас с противоположного берега. Образуя неровное оцепление, крупные самцы сопровождают нас, в то время как самки поспешно убегают прочь, неся чудом удерживающихся детенышей на своих угольно-черных спинах. Гиппопотам, как огромный торчащий из воды валун, наблюдает, как мы разорванной цепочкой пробираемся через колючий кустарник.

Нас шестнадцать человек: Дейв Петерсон - нечто среднее между Тарзаном, «Крокодилом» Данди и Миклухо-Маклаем - возглавляет шествие с крупнокалиберной винтовкой в руках. «Мужское материнство», наша группа из десяти человек, идет следом. За нами шагают три носильщика, их темная шоколадная кожа блестит под тяжелой ношей. Потом идет неунывающий весельчак Чарли, вождь племени доробо. Кашмири, старый смотритель этой части заповедника Рунгва, замыкает колонну с двуствольным дробовиком в руках. Его грустные глаза и изборожденный морщинами лоб отражают семнадцать лет неусыпной борьбы с браконьерами.

Река становится шире, и песчаный берег резко обрывается. Кроме вчерашних следов и экскрементов размером с футбольный мяч, следов слонов нигде не видно. «Они очень пугливы, - шепчет Дейв. - Большие хитрецы. Раньше их часто убивали, и теперь они не доверяют человеку». Он говорит об этом бесстрастно, словно делает научный доклад, но в его голосе я слышу мучительную боль от человеческого безумия и жадности, которые привели к безжалостному уничтожению слонов в Африке. На мгновение мы печально и почтительно застываем над отпечатком огромной ноги, словно скорбим над могилой дорогого друга. Щебетанье медоуказчика с соседнего баобаба выводит нас из задумчивости. Его взволнованная трель - это приглашение к ближайшему улью, чтобы полакомиться припасенным там медом.

Время движется к полудню, и блеск раскаленного солнца, отражаясь от земли, слепит нам глаза. Мы делаем небольшой привал, чтобы перекусить печеньем и апельсинами, пополнить фляжки водой и смочить свои банданы и шляпы в неторопливо текущей реке. Джек Сири быстро растягивает гамак между колючей акацией и развесистым тамариндом. Джим Чэннон взбирается по его толстому стволу и устраивается на изогнутых ветвях. Остальные растягиваются в его щедрой тени прямо на земле, подложив под головы рюкзаки. В двухстах метрах вниз по течению из оврага появляются два самца импала и осторожно идут к реке. Когда они, наклонив головы, припадают к воде, залитой блеском отраженного солнца, кажется, будто они пьют густое расплавленное золото. При виде этой великолепной картины меня вдруг охватывает невероятный восторг. Мое сознание проясняется, в нем не остается ни одной тревожащей мысли. Пронзительный треск цикад становится бесконечной музыкой Вселенной. Я замолкаю перед простотой и величием этой дикой, первозданной природы. Учув наш запах, импапы вытягивают свои изящные шеи и грациозными прыжками скрываются из вида. Очарование тает, но где-то внутри меня остается ощущение счастья. Неповторимость каждого мгновения - в этом и есть наслаждение жизнью. Богатство, которое приходит не с количеством накопленных вещей, а с осознанием своего бытия.

Мы раскидывали наш лагерь под Южным Крестом, ужинали сушеным мясом антилопы, маисом и черным хлебом. Засиживаясь подолгу у костра, мы говорили о том, что сейчас, как никогда раньше, войны, армия и общество должны направить свои усилия на защиту природы. «Идеи «Первого Земного Батальона», - говорил Чэннон, - должны стать выше интересов долга, чести и страны. Мы должны служить людям и планете. Монахи-воины - это защитники добра, природы и планеты. В Америке уже есть монахи-воины, которые проповедуют путь мира. Современные городские самураи изо дня в день вступают в нравственные сражения за то, чтобы изменить нашу жизнь, чтобы направить ее на достижение высоких идеалов добра». Он смеется над излишней серьезностью своего тона, и его насмешливые глаза сияют. «Да. И что самое забавное, мы можем это сделать!»

Мы решаем пройти еще полтора часа, а потом остановиться на обед. С картой и компасом в руках я иду третьим вслед за Чэнноном и Томом Лутсом, моим товарищем из университетской команды по регби. После очередного крутого изгиба река неожиданно выпрямляется, образуя цепочку больших омутов, перемежающихся каменистыми островками. Справа открывается узкая полоска берега, и я, к своей радости, вижу еще одного гиппопотама. «Нам повезло с животными», - думаю я. И в следующую секунду все неожиданно меняется, как будто начинает мыть в медленном сказочном танце. События словно происходят в одно мгновение, отказываясь повиноваться законам времени. Дейв, который стоит слева от меня, вдруг увеличивается в размерах и начинает светиться, как будто его биополе неожиданно возрастает в несколько раз. Он начинает пятиться, как защитник на футбольном поле перед тем, как дать пас, и я невольно повторяю его движения. Справа от меня, на расстоянии примерно пятнадцати метров, стоят четыре льва и, склонив головы, пьют из реки. Они одновременно поворачиваются к нам и инстинктивно прижимаются к земле, готовясь к прыжку. Их мышцы напрягаются. Молодой лев бросается вправо, три остальных стрелой проносятся прямо передними. Огромная львица резко поворачивается к нам и издает рев, будто раздумывая, стоит ей бежать или нет. Поток адреналина проносится по моему телу, я слышу, словно издалека, как Дейв заряжает ружье. Я не ощущаю страха, не ощущаю вообще ничего. Я просто сливаюсь с настоящим. Все вокруг наполняется жизнью и величавым спокойствием, все живет, неукротимо и радостно. Львица поворачивается и исчезает в лесу. Раздаются еще несколько громогласных рычаний, которые мощным эхом отдаются в моем мозгу. Время возвращается на свое место, и я чувствую, как тысячи серебристых рыбок плещутся в моем теле. Я пытаюсь удержаться в стремительном потоке, который проносится между моими ногами и землей. Лица моих черных и белых братьев светятся восторгом. Как раз когда мы начинаем успокаиваться, гиппопотам делает мощный ложный выпад в нашем направлении, гоня впереди себя волну, и мы дружно отскакиваем прочь. Он выглядит сконфуженно, а мы нервно смеемся. Неуловимая связь между хищником и жертвой, древняя как мир, сидит глубоко внутри нас. Темный силуэт хищной птицы, снижаясь, прочерчивает дугу над нашими головами. Древние докембрийские горы застыли в величавом безмолвии.

Впечатление, которое мы получили от этого происшествия, отличается оттого, что обычно испытывают люди, столкнувшиеся с опасным «приключением» в дикой природе. Это впечатление было гораздо глубже. Мы ощутили, что первозданная природа действительно существует, что в мире есть еще уголки, которых не коснулась разрушительная цивилизация. Такие встречи заставляют понять, что дикая природа по-прежнему живет внутри нас и является частью нашего духовного наследия. И с пониманием

этого приходит осознание высокой ответственности за свои поступки: мы понимаем, что, разрушая природу, мы разрушаем самих себя. Напротив, сохраняя природу, мы выражаем свое уважение к тем ценностям, которые на протяжении миллионов лет создавали наши предки, живя на этих бескрайних просторах, в лесах и возле рек. Если единственная встреча со львами может настолько изменить наши представления о природе и о собственном месте в этом мире, то почему бы нам не отыскать те тайные тропки, по которым мы сможем вернуться назад, к нетронутой девственности своей души?

Рекогносцировка

Через несколько недель после окончания проекта «Троянский воин», в 1985 году, группы 560 и 260 были направлены в Западную Европу для участия в боевых учениях Flintlock, которые проводились совместно с войсками НАТО. Парням предстояло десантироваться на севере Европы и потом продвигаться сотни километров к югу, используя при этом любые доступные виды транспорта и оставаясь незамеченными для «вражеских» солдат или гражданских, которые могли бы сообщить об их местонахождении. Из неофициальных источников мы узнали, что группа 260 действовала исключительно организованно и получила наивысшие результаты. Мы хотели бы думать, что наш проект помог им в этом, но, к сожалению, не имели никаких подтверждений этому, да и солдаты, естественно, не проявляли особого желания признаться в этом.

После учений команды были расформированы. Большинство парней получили направления на новые места службы. Кое-кто продолжал поддерживать контакт с нами. Яновски звонил по телефону и интересовался по поводу медитации. Как он объяснил, у подружки его друга есть эмоциональные проблемы, и он подумал, что визуализация могла бы ей помочь. Маттелли был направлен на языковые курсы и спрашивал про школы айкидо на новом месте службы. Мартин написал, что его тоже перевели и что он с успехом применяет знания, полученные в «Троянской войне», в своей личной жизни. Капитан Торн был направлен в Европу. Дракер прислал загадочную записку, в которой признался, что, возможно, оставит армию, но собирается оставаться настоящим воином, несмотря ни на что. Вернувшись из отпуска, Брэдок написал мне, что благодаря нашей программе он сумел наладить контакт со своими родителями. Рэдон прислал открытку с изображением красотки в бикини, где он спрашивал, не может ли он заехать ко мне в гости, если окажется на Западном Побережье.

Фарли получил направление на Средний Запад. Однажды, когда он зашел записаться в местный спортклуб, до него донеслись знакомые глухие удары из соседнего зала. Заглянув туда, он увидел, что идут занятия по айкидо. Он подошел к тренеру и сказал, что раньше занимался айкидо и хотел бы продолжить занятия. «Какое направление?» - спросил его тренер. Не зная, что ответить, Фарли сказал, что он занимался у тренера по имени Строцци-Хеклер, который преподавал айкидо у них в армии. «Твое имя ничего не сказано этому парню, - писал Фарли. - Что я должен был ответить? Какое еще направление?» Как и все в этом мире, в айкидо есть своя политика, поэтому я ответил ему, к какому направлению я принадлежу и кто мои учителя. Но вместе с тем я посоветовал ему не обращать внимания на бюрократические штучки и просто рассказать тренеру все, что тот захочет узнать. Главное, сказал я, - это сами тренировки.

Однажды, находясь в командировке в Бостоне, я зашел в местный клуб айкидо и, к

своему удивлению, встретил там Голта. Мы радостно бросились навстречу друг другу с распростертыми руками. «Строцци!» - тепло воскликнул он. Его лицо светилось, глаза смотрели на меня открыто. Но, не доходя пару шагов до меня, он остановился и протянул мне руку в формальном даже несколько холодном приветствии. Мы были рады встретиться, но его ждала подруга, и он не мог долго разговаривать. Он рассказал мне, что наши команды распались, и только он, Брэдок и Рэдон остались в 260-й. Он отлично выглядел, я никогда не видел его таким оживленным и общительным. Помню, я тогда подумал, уж не влюбился ли он.

После этой встречи наши контакты с парнями прервались, если не считать редких звонков и открыток.

Наземная операция в Заливе, к счастью, закончилась очень быстро. Вслед за этим Америку захлестнула волна ура-патриотизма. Возвращавшиеся с поля боя войска были встречены с всеобщим восторгом, по всей стране, в домах и общественных местах царила атмосфера победного ликования. Больше всего мы радовались тому, что победа досталась такой легкой ценой. За те сто часов, что длилась операция в Заливе, дома от огнестрельного оружия погибло гораздо больше молодых мужчин, чем на войне. В целом число погибших было примерно одинаковым - сто восемь погибших дома против ста двадцати четырех погибших входе операции. Все пленные были вскоре отпущены, так что пропавших без вести почти не оказалось. По иронии судьбы, одной из главных проблем, с которой пришлось столкнуться армии, было огромное число сдавшихся в плен иракцев. Америка вздохнула с облегчением, когда матушке-пехоте осталось только поставить постскрипtum под успешно проведенной воздушной операцией.

Радость, которую я испытал после скорого завершения конфликта, быстро сменилась нарастающей тревогой в связи со страшным экологическим кризисом, вызванным войной. Мне становилось дурно при одной мысли, что в зоне конфликта горят день и ночь пятьсот нефтяных скважин и что шестьдесят галлонов нефти каждую минуту выливаются в Персидский залив. Потом возникла проблема с тысячами курдов и шиитов, которые покидали свои дома, скрываясь от иракского преследования. Американские солдаты были вынуждены беспомощно наблюдать, как ведется артиллерийский обстрел госпиталей и лагерей беженцев. Я думал о том, что все это могло бы стать объектом внимания «Первого Земного Батальона».

Я безуспешно пытался разузнать хоть что-нибудь о парнях из «Троянского воина». Я очень волновался за них и хотел узнать, как сложилась их судьба. Однажды, через несколько недель после окончания войны, у меня дома раздался звонок. «Привет, - сказал голос в трубке - мои ноги не такие уж тонкие и совсем не похожи на палки». Это был Рэдон, и он только что прочитал эту книгу. Он оставил службу и продолжил учебу, но по-прежнему числится в запасе спецназа. Не так давно пошел работать на стройку, и его назначили бригадиром. «Было очень трудно снова привыкать к гражданке, - сказал он. - Здесь каждый сам по себе, не то что в спецназе. Сейчас я уже почти привык, но два года назад было очень трудно». Когда я спросил его, что он думает о проекте, он ответил, не задумываясь: «Он просто перевернул мою жизнь. После этого проекта я стал больше думать о жизни вообще. Теперь я гораздо больше понимаю». Позднее он написал мне в письме: «Хотя я и не сижу (не медитирую), как ты, но зато почти каждый день использую технику умственного расслабления, которой вы нас учили. Особенно это мне помогало, когда я работал

бригадиром. Я часто мог сохранять спокойствие там, где еще три года назад наверняка бы сорвался.

Что же касается физической подготовки, то я до сих пор использую все приемы, которые вы нам давали в «Троянском войне». Если хочешь знать, то я сейчас в лучшей физической форме, чем в начале проекта. То же самое касается питания. Я слежу, чтобы процентное соотношение углеводов и жиров было восемьдесят к двадцати. Между прочим, на прошлой неделе я пробежал Бостонский марафон за 3:15. Не фунт изюму, дружище.

Но самое главное, изменилось мое представление о войне. Если раньше я считал, что воином может быть только проверенный в бою солдат, то теперь я думаю, что воином может быть любой человек, по-настоящему преданный своему делу. Я убеждаюсь, что войны есть везде - и в армии, и за ее пределами. Постепенно я перестаю относиться с пренебрежением к гражданским, Строщи. Невозможно всего описать в письме. Мне так много хотелось бы сказать тебе, но нет времени, поэтому заканчиваю. Поздравляю тебя с новой женой и с рождением ребенка, Ричард. И передай привет Джеку и ребятам, если кого увидишь». Несколько месяцев спустя я уже писал ему рекомендательное письмо для поступления в Гарвардскую школу бизнеса.

Потом мне позвонил Джим Орезон. Без излишних любезностей он сразу приступил к делу, как будто мы и не расставались с ним на целых пять лет: «Слушай, один мой друг из части только что прочитал твою книгу. Он как раз занимается боевыми искусствами, то да се, ну ты сам понимаешь, и он хотел узнать твой адрес, чтобы написать тебе пару строк, дескать: «дорогой сэр, примите мое уважение, не можете ли вы сообщить мне, к кому можно обратиться за помощью, так как я хочу учиться айкидо, как вы об этом пишете в своей книге и так далее», короче, чепуху всякую. Ну, я ему сказал: «Какого черта ты будешь писать всю эту ерундовину, когда я сам могу позвонить ему и все объяснить. Так, как у тебя дела, говоришь?» Как всегда, растягивая слова, он рассказал мне, что он, Голт и Брэддок были направлены в элитное подразделение по проведению спецопераций и во время войны оставались в стране для предотвращения возможных терактов со стороны иракцев. Кода я спросил его, что он думает о «Троянском войне», он ответил, что, на его взгляд, он принес мало практической пользы. «Но он заставил каждого задуматься о том, как важно владеть собой, добиваться целостности и мыслить независимо. Тут дело даже не в отдельных приемах, а в том, что за ними стоит. Важно то, что заставляет работать эти приемы. Что мне не нравилось в этой программе, так это то, что вы слишком нажимали на нас, чтобы добиться нужных результатов. Это действовало на нервы. Но это опять политика».

Когда я спросил его, стоит ли, по его мнению, продолжать этот проект, он рассказал мне один забавный эпизод. «Слушай, здесь есть парни, которые хвастаются, что участвовали в «Троянском войне». Брэддок, Голт и я как-то стояли с одними парнями, трепались и все такое, как вдруг один парень начинает нам лапшу на уши вешать, что он был в «Троянском войне», да что он там узнал, как там и что, и так далее. Тут я говорю: «Да? Очень интересно, потому что я как раз знаю двух парней, включая меня самого, которые участвовали в этом проекте, но что-то вас не припомнят». Мы посмеялись и решили, что, если посторонние люди хвастаются тем, что участвовали в нашем проекте, значит, он действительно удался. Наверное, слухи о нашей программе каким-то образом просочились в армию.

Орезон дал мне номер телефона Брэддока, и спустя несколько дней я удивил его неожиданным звонком. Он женился на своей прежней подруге и рассказал мне, что

доволен новым местом службы. «Мне повезло, что я оказался здесь. Коллектив очень хороший». Отвечая на мой вопрос о проекте, он сказал: «Мой уровень восприятия вырос во много раз. Что не было продумано в «Троянском воине», так это возраст участников. Люди должны быть немного старше. Трудно воспринимать такой материал, когда ты еще совсем зеленый. Кстати, мы здесь тоже занимаемся визуализацией. Но нам преподают ее не как что-то особенное, а как обычный предмет. И это правильно. Мне кажется, в «Троянском воине» с самого начала ставили очень высокие планки, поэтому у нас и были такие завышенные ожидания».

Капитан Паркер был направлен в аспирантуру, и когда я разговаривал с ним, он преподавал французский в Вест-Пойнте. «Чем больше проходит времени, тем больше я понимаю, как важен был для меня проект. Я приобрел душевное спокойствие. Но самым важным был, пожалуй, курс по воспитанию личной ответственности». Я попросил его объяснить поподробнее, и он обещал обдумать все как следует и прислать письмо. Вскоре он написал мне: «Не будет преувеличением сказать, что моя жизненная «философия» совершенно изменилась (после «Троянского воина»). Я стал больше задумываться о своих поступках (и о чужих тоже). Взять, к примеру, выражение моего лица. Помнишь, ты как-то сказал мне, что у меня часто бывает самодовольная ухмылка на лице? Я всегда помню об этом и слежу за своим лицом. Но важно не это. Важно то, что я начал задумываться, что стоит за всем этим, - осознание этой ухмылки как выражения самодовольства, реальное проявление этого чувства. Такое осмысление касается всего, что я делаю. В результате я чувствую большую ответственность, чем раньше.

Я сам удивляюсь, как сильно изменились мои отношения с окружающими. Я стал менее агрессивным. Я больше не стремлюсь никому ничего «доказывать», и, странно, не «доказывая» ничего, я «доказываю» гораздо больше, чем раньше. Я понял, что когда обдумываешь свои поступки, то становишься менее агрессивным. Это помогает быть честнее с другими людьми, особенно во время споров. Теперь я стараюсь давать себе отчет, почему я не согласен с кем-то, и при этом не чувствую агрессии по отношению к этому человеку - я просто не согласен с ним и все. Из-за этого у меня были кое-какие проблемы в армии (особенно, когда я вернулся в «настоящую» армию в Вест-Пойнте). Только теперь я понял, как вам было трудно с нами.

Тебе, наверное, будет интересно узнать мои реальные достижения, хотя я лично не придаю им большого значения. Я пробежал Парижский марафон на три минуты быстрее, чем до начала «Троянского воина». Уверен, что я никогда бы не улучшил свое время, если бы не техника самоконтроля, которой вы нас обучали во время проекта.

Мой подход к питанию абсолютно изменился. Теперь я редко ем мясо, но совершенно не страдаю из-за этого. Поразительно, как правильное питание улучшает физическое состояние и делает любые движения более легкими. Помню, во время проекта мы часто жаловались, что вы слишком много внимания уделяете изучению техники упражнений. Мы думали, что изучение техники бега, плавания и т. д., конечно, поможет нам лучше бегать или плавать, но не сделает нас лучшими «воинами». Сейчас я понимаю, как мы ошибались. Изучая технику, ты начинаешь понимать, что происходит в твоём теле, когда ты стремишься добиться той или иной цели. Самосознание и, как следствие, способность контролировать себя оказывают огромное воздействие на все стороны жизни».

Три месяца спустя Паркер написал мне, что после десяти лет службы он решил покинуть армию и теперь поступает на работу в банк. «Как ты, вероятно, догадываешься, - писал он, -

я никогда не был слишком высокого мнения о гражданском начальстве, и пока что мой личный опыт только подтверждает это. Я не в восторге от их узколобого отношения к жизни. Еще раз спасибо за твои советы. Для меня очень важно твое мнение».

Из короткого телефонного разговора с Джеймсом я узнал, что он полгода пробыл в Персидском заливе в качестве военного консультанта в кувейтской бригаде. «Было интересно, - коротко сказал он, - но я не уверен, что хотел бы обратно».

«Замучили жара и пустыня?» - спросил я.

«Нет, - ответил он. - Мне понравилась пустыня. В таком огромном пространстве хорошо думается. Представь, вокруг ни души, только край палатки хлопает на ветру..., в общем, иногда там было очень красиво». Он прочитал мою книгу и заявил, что его вера во Христа только укрепилась. Ему остается пять лет до отставки, и он уже подумывает о том, что будет делать дальше.

Наши контакты с Мартином имели широкую географию. Вскоре после того, как была опубликована эта книга, он написал мне письмо из Европы: «Хочу поблагодарить тебя за твою добрую книгу. «Троянский воин» очень помог мне избавиться от токсикомании и посттравматического синдрома. Начиная с марта 1987 года, я заметно иду на поправку. Сам понимаешь, через что мне пришлось пройти, но иначе нельзя. Я считаю, что ты абсолютно правильно описал наше возмущение, особенно в главе «В лагере». Я хотел бы извиниться за свое глупое поведение и недостаток понимания, которые я тогда проявил по отношению к вам. Тогда я еще не начал бороться со своими собственными злыми духами и завидовал вам. За последние полтора года во мне очень многое изменилось.

До того как уехать из Штатов, я целый год был занят на общественных работах. Каждую неделю я около часа проводил в отделении для наркоманов при военном госпитале в Вамаке и еще работал на общественных началах при местной клинике для наркоманов. Это мне очень помогло».

Из лагеря курдских беженцев он писал мне: «Спасибо за открытку. Получил с вечерней почтой. Сегодня мы сменили расположение и теперь базируемся в палаточном лагере. Здесь есть все рода войск. Англичане, французы, канадцы, голландцы и итальянцы тоже держат здесь своих людей. Наша операция прошла блестяще благодаря командиру части, майору Н.. Кстати, я видел полковника Флинна. Он теперь полный полковник. Удалось поговорить с ним пару раз. Мы тут с одним парнем отвечали за безопасность почти трех тысяч курдов, включая отряд Пеш Марга (местные партизаны). Мы стояли прямо рядом с границей, напротив иракского местечка Йекмаля. В нашем лагере было чуть ли не семьдесят пять тысяч беженцев, а нас, суперменов из спецназа, было шестьдесят три. Многие курды, кстати, просили фотографию Джорджа Буша.

Что касается «Троянского воина», в последние месяцы я столько раз сталкивался с нежеланием большинства товарищей и в особенности начальства понять самих себя и научиться жить в настоящем мире. «Ничего не хочу знать» - вот, по-моему, главный принцип армейской жизни. (Во время «Троянского воина» у нас в классе висел плакат, на котором было написано «Чего ты не хочешь знать?», и мы показывали на него пальцем всякий раз, когда кто-то отказывался говорить правду или не хотел отвечать за свои поступки). По-моему, самый большой недостаток - это закрывать глаза на свои недостатки, но в спецназе ты сталкиваешься с этим сплошь и рядом. Теперь, особенно после четырех с половиной лет лечения, меня просто выводят из себя повсеместный инфантилизм и неорганизованность, они действуют на меня так же, как если бы кто-то швырял мне комья

грязи в лицо».

Через неделю после письма Мартина ко мне на автоответчик поступило сообщение от Рейдера: «Привет, это голос из прошлого. Позвони, если сможешь». В это время он занимался на языковых курсах всего в двух часах езды от меня, и мы договорились, когда он со своей семьей сможет приехать ко мне на ранчо. Он не читал моей книги, поэтому я послал ему один экземпляр. Вскоре после этого он позвонил мне и сказал, что книга наталкивает на размышления и заставляет на многое взглянуть заново, и пообещал, что напишет свой отзыв и привезет его с собой либо пришлет по почте. Из разговора с ним я понял, что он во многом не согласен со мной, а также со смешанными чувствами относится к проекту. По мере того как приближался день его приезда, меня все сильнее охватывали противоречивые чувства. Мне не терпелось увидеть его, и в то же время я боялся этой встречи. Я опасался, что она станет маленькой копией «Троянского воина» и заставит нас окунуться в те же противоречия, что и пять лет назад. Я также ждал кое-что еще от этой встречи. Из нашего телефонного разговора я понял, что он упустил главную идею в книге - необходимость пересмотреть наш взгляд на идею посвящения в воины и по-новому оценить традиционно мужские качества. Я хотел, чтобы он понял это. Мне также казалось, что он чувствовал себя недопонятым и недооцененным по достоинству. Очевидно, мы оба хотели одного - признания и понимания со стороны другого.

Но едва Рейдер с семьей появились на пороге моего дома, как все опасения мгновенно улетучились. Я чувствовал себя немного неловко, как это часто бывает при встречах между мужчинами, и все же был очень рад видеть его. Мы посидели за столом, потом моя жена покатала его дочку на лошадах, а я позанимался айкидо с его сыном. Рейдер поиграл с моей дочкой и показал филиппинское боевое искусство моему сыну. Потом он похвастался своими любительскими фотографиями, и мы сделали несколько кадров вместе. У нас было такое искреннее и теплое чувство, как будто мы оба вернулись домой.

Гуляя по ранчо, мы беседовали о том, что ждет «Троянского воина» в будущем. Я рассказал ему о своих планах организовать курсы по углубленному воспитанию воина, которые включали бы в себя айкидо и другие восточные боевые искусства, а также медитацию, основы самоисцеления, коллективного общения и экологического образования. В свою очередь, он рассказал мне, как, по его мнению, спецназ мог бы использовать свои знания в области медицины, сельского хозяйства, психологии и строительства, оказывая помощь неразвитым странам или бедным сельским районам США. Прощаясь, он спросил меня: «А что, если нам с тобой провести здесь курсы повышения квалификации следующим летом? Айкидо, медитация, обсуждения... черт, мы могли бы разработать план работы дня «Первого Земного Батальона» на 1999 год!»

Через несколько дней он прислал мне двадцатистраничный отзыв на книгу. Это был классический Рейдер - блестящий, острый, вдумчивый, резкий и откровенный в своих суждениях. Многие его замечания выглядели весьма убедительно, некоторые, казалось, были вставлены, только чтобы представить собственный взгляд на вещи. В постскриптуме значилось: «Это частные замечания. Не подлежат публикации без письменного разрешения. О.К.». Я пожалел об этом, так как многое из того, что он написал, могло бы войти в эту главу.

К счастью, он дал мне разрешение напечатать следующее: «Был ли «Троянский воин» успешным? Лично я отношусь к той трети участников, которые посчитали, что, «с точки зрения армии», время можно было потратить с большей пользой. Но разве это значит, что

проект не был успешным? Нет! Те знания и опыт, которые мы приобрели в ходе проекта, останутся с нами навсегда. Каждый из нас уже применяет их в своей жизни, и в будущем они затронут еще многих и многих солдат. До какой степени, нам еще предстоит увидеть, но нет никаких сомнений в том, что это будет именно так. Я считаю, что оценивать успешность проекта в зависимости от того, получит «Спортсмайнд» новый контракт или нет, значило бы дискредитировать саму идею проекта и принципы, лежащие в его основе. Если считать именно это критерием успеха проекта, тогда я бы предпочел, чтобы он закончился провалом».

После того как его перевели на новое место службы, он написал: «Как мне достучаться до одного молодого жеребца, который говорит: «Я бегаю быстрее тебя. Почему я должен тебя слушаться?» Только теперь я начинаю понимать парней из «Спортсмайнда»! Для себя я решил, что моя личная задача состоит в том, чтобы сражаться, и не где-нибудь на краю света, а везде, где бы я ни находился в данный момент. Сейчас моя цель - наполнить здравым смыслом свою работу в армии. Первые шаги в этом направлении мы сделали в 560-й несколько лет назад, и сегодня я должен продолжать это дело. Я уверен, что это принесет большую пользу как мне, так и моему подразделению. И тогда я буду знать, что выполнил свою задачу до конца».

Остальные участники проекта: Яновски сейчас старший сержант в службе подготовки офицеров резерва в крупном университете на Среднем Западе. Данэм участвовал в войне в Заливе в должности старшего сержанта. Тейер по-прежнему служит в Форт-Дэвис в чине старшего сержанта. Джонсон вышел в отставку и сейчас работает в строительной компании где-то на юге. Дадли, Харнел и Керби уволились в запас. Флинна назначили командующим специальными операциями в Европе, и он принимал активное участие в войне в Заливе. Харвуд сейчас командир части, тоже воевал в Заливе. Рейдер отзывается о нем с большим уважением. Шелл был назначен представителем американского спецназа при британском САС, что считается очень почетной должностью. По слухам, во время войны в Заливе Дракер и три его товарища проводили разведывательный рейд и были случайно обнаружены иракской девочкой. Они решили не убивать ее и, чтобы не попасть в плен, сражались против целого отряда иракцев, пока к ним на помощь не подоспел боевой вертолет. Эта история мгновенно напомнила мне о Джеймсе и о том, как однажды в лагере он спросил меня, как ему следует поступить, если во время выполнения задания он встретит кого-нибудь из мирного населения.

В последнее время, как в армии, так и в полиции, возрос интерес к нашему проекту. Это, естественно, заставляет меня задуматься о том, что бы я изменил в следующей программе. Прежде всего, я бы поменял рабочую обстановку проекта. Для этого необходимо с самого начала сделать акцент на воспитание чувства личной ответственности, долга, самосознания и правильного поведения в коллективе. Это поможет сразу установить строгие рамки отношений на протяжении всей работы и заложит основы рабочего языка для всех участников проекта. Также я бы обязательно проводил еженедельные собрания, необходимые для прояснения проблем эмоционального характера и закрепления новых форм поведения, которые будут набираться в ходе проекта. Наряду с айкидо я бы ввел ежедневные медитации и сократил бы число приглашенных лекторов, сконцентрировав все внимание на тех проблемах, которые волнуют каждого участника проекта. Что же касается физической подготовки, то я бы не гнался за результатом и уделял поменьше внимания контрольным проверкам. Вместо этого я постарался бы повысить уровень личной

ответственности каждого участника за собственное физическое состояние. Я бы также чаще поднимал вопрос о том, каким должен быть современный воин. Кроме того, поощрял бы участников открыто высказывать свои замечания по поводу методов преподавания. Это помогло бы сократить пропасть между Нами и Ими. В «Троянском воине» мы вели слишком замкнутый образ жизни и старались держаться вне критики. Как верно заметил мой знакомый писатель и поэт Джим Харрисон, когда мы слишком резко сократили употребление мяса и ввели запрет на курение в лагере, то сами способствовали «ситуации, в которой люди были вынуждены вести себя нечестно по отношению к самим себе...», - это было слишком идеалистическим устремлением. Это проблема большинства американских дзэн-общин, как, впрочем, и традиционной церкви - навязчивое стремление сохранить жесткий контроль над собой». Разумеется, в обновленном проекте будут свои неожиданности, трудности и разочарования, но они не должны разобщать участников проекта. Да, и, конечно, очень важно, чтобы в проекте участвовали женщины, как в качестве преподавателей, так и участников.

А как же быть с миссией современного воина-солдата? Я абсолютно убежден, что ответом является охрана окружающей среды. Гари Зукав, бывший офицер спецназа, физик и автор книги «Танцующие мастера Ву Ли», написал статью «Новые задачи армии: армия и окружающая среда», в которой он утверждает следующее: «Сегодня понятие национальной безопасности служит синонимом сохранения жизни на земле. Единственной военной стратегией в современных условиях - стратегией, у которой есть будущее, - является стратегия защиты всего живого на нашей планете. Возможности армии по обучению, содержанию, использованию и организации специальных формирований нет равных. Это единственная общественная структура, которая - гипотетически, равно как и практически - способна справиться с проблемой сохранения окружающей природы в тех масштабах, в которых она существует на сегодняшний день».

Безупречная система материально-технического снабжения нашей армии, блистательно проявившая себя во время войны в Заливе, доказывает способность вооруженных сил внести решающий вклад в дело сохранения планеты. Искусство ведения военных операций могло бы оказаться как нельзя кстати в глобальных усилиях по сохранению природы. Моторизованные части могли бы осуществлять быструю переброску людей и техники в районы, остро нуждающиеся в восстановлении и защите. Разведывательная служба вела бы мониторинг загрязнения окружающей среды и выявляла экологически неблагоприятные зоны. Военные суда патрулировали бы моря в поисках мест загрязнения. Авиация могла бы вести наблюдение за сложными климатическими явлениями. Инженерные войска занимались бы строительством экологически важных объектов. И в то же время ничто не мешало бы армии поддерживать высокую боевую готовность. Больше десяти лет назад Джимми Картер сказал, что защита окружающей среды представляет собой моральный эквивалент войны. Настало время, когда задача сохранения жизни на земле должна стать главной миссией нашей армии.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

БОЕВОЕ ИСКУССТВО МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

16 июня 2000 года

Безжизненные изрезанные горные склоны южной Калифорнии лежат передо мной, как сморщенная шкура спящего животного. Легкая летняя дымка висит вдали над океаном. Высоко в небе над моей головой краснохвостый ястреб кружит в восходящих потоках воздуха. Я сижу в служебной комнате старшего сержантского состава. За стеной слышны хриплые голоса и смех моряков. В воздухе витает теплая атмосфера армейской дружбы. Это острое чувство, которое приобретаешь, пройдя через испытание... человеческим коллективом.

Сегодня состоялась церемония окончания проекта «Морской воин», напряженной шестимесячной программы, которой суждено стать пробным камнем нового учебного курса боевых искусств в морской пехоте. Я вышел на минутку, чтобы немного отдохнуть от веселья и мысленно оглядеть то, что нам удалось проделать за полгода. Только теперь, когда все позади, я начинаю осознавать, как бесконечно я устал. Наконец-то я могу сбросить с себя груз ответственности, который ежеминутно ощущал на протяжении нескольких месяцев. Мне хочется забыть обо всем и расслабиться.

Мою задумчивость нарушает один из солдат. Он подходит ко мне со своей женой, и некоторое время мы неудачно шутим и неловко пытаемся завязать светский разговор. На протяжении шести месяцев мы каждый день проводили вместе по пятнадцать часов в сутки, и теперь, выйдя из своего замкнутого братства и вновь вступив в обычный мир, мы никак не можем подобрать правильный тон. Мы искренне привязались друг к другу, и теперь ищем подходящий способ, чтобы поблагодарить друг друга перед прощанием. Но извечное смущение, которое испытывают мужчины всякий раз, когда они пытаются выразить свое уважение и любовь друг к другу, не дает нам сделать это просто и естественно. Если судить по тому, как я веду себя сейчас, я тоже не слишком преуспел в этом искусстве.

Неожиданно голос Ларри Бербака перекрывает всеобщий шум, потом поднимаются крики и смех. Ларри был моим коллегой как во время «Троянского воина», так и позднее, в работе с морскими «Тюленями». Всю свою жизнь он активно занимается спортом. В университете он выступал за сборную по футболу, потом участвовал в международных соревнованиях по регби, занимался родео, принимал участие в бесчисленных марафонских забегах и соревнованиях по троеборью. Он продолжает соревноваться в различных видах троеборья, на его счету шестнадцать триатлонов Iron Man и двадцать марафонов. Он специалист в области практической физиологии, включающей методику рационального питания, развития гибкости, увеличения мышечной силы и выносливости в условиях предельной физической, умственной и эмоциональной нагрузки.

Мы с Ларри годимся в отцы этим парням, и во время проекта это служило поводом для многочисленных шуток. Однажды, когда мы занимались растяжкой после напряженного кросса, один из них напрямую спросил меня: «Доктор Строцци-Хеклер, а правда, что вы с

Ларри упаковками принимаете геритол?» Другого привели в восторг ботинки Ларри, и он, недолго думая, спросил его, хватило ли ему пенсии, чтобы купить их. В другой раз после выматывающей тренировки они посмотрели на меня и заметили: «Да, видно, «Виагра» действительно работает!» На занятиях по боевым искусствам они не раз с серьезным выражением лица спрашивали меня: «Вы уверены, что справитесь с этим, доктор Строчи-Хеклер?» А потом шумно удивлялись, видя, как я наношу удары, или принимаю чужие. Ларри может дать им фору в упражнениях на пресс и бегает быстрее многих. Несмотря на бесконечное подшучивание, мы чувствовали взаимное уважение друг к другу, и, я думаю, на нашем примере они смогли убедиться, что даже в солидном возрасте человек может оставаться сильным и физически активным.

Когда мой собеседник со своей женой уходят, я снова с удовольствием погружаюсь в тепло летнего вечера. Зачарованный движениями ястреба, лениво кружащего над моей головой, я уношусь на восемь лет назад в такой же летний вечер 1992 года. Тогда было положено начало проекту «Морской воин», а в последствии и всему боевому искусству морской пехоты. Я чинил загон для лошадей, когда в моем доме раздался телефонный звонок. «Кажется, кто-то из Пентагона», - загадочно сказала моя жена. Последние восемь лет я время от времени консультировал военное руководство по разным вопросам, поэтому для меня было не впервой разговаривать по телефону с людьми в погонах, но звонок из Пентагона - это было нечто особенное. Я взял трубку и подошел к окну, чтобы видеть лошадей, пасущихся у незаконченной изгороди. Человек на том конце провода представился Джоном Петерсоном, учредителем и главным администратором Арлингтонского института, экспертного совета из Вашингтона. В прошлом военный пилот, Джон был также вероятным кандидатом на пост командующего Военно-морским флотом США.

Командующий Военно-морским флотом? Для обычного смертного, занимающегося разработкой армейских тренировочных программ, это было как звонок от Папы для рядового католика.

В моей голове немедленно возник образ человека в строгом темно-синем костюме. Он сидел за массивным столом из красного дерева с американским флагом на одном конце и флагом военно-морских сил на другом. Эта картина шла в разрез с моими запыленными ботинками, мокрой от пота рубашкой и запахом конского навоза с улицы. Я задохнулся от восторга - командующий Военно-морским флотом! И вдруг я отчетливо увидел себя, сидящего рядом с человеком в строгом темно-синем костюме за столом из красного дерева. Меня распирало от гордости. Впереди замаячили радужные перспективы. Что он хочет от меня? Лошади за окном, кажется, пока не заметили, что доски еще не прибиты.

Джон прочел проект «Троянский воин», и его заинтересовала возможность использования нашего опыта в других родах войск. Участвовать в программе по подготовке традиционного воина под руководством самого Пентагона было моей давней мечтой. Мысленно я уже пожимал руку человека в темно-синем костюме.

На этом месте в дверь вошла моя маленькая дочка Палома и направилась ко мне. В то время ей было два годика, и она уже давно пользовалась полной свободой перемещения по ранчо. Я отвернулся от нее, чтобы показать, что я занят, но это никак не подействовало на нее, и, куда бы я ни шел, прижимая трубку к своему уху, она упорно следовала за мной по всей кухне. Она топала упрямо и настойчиво, я бы даже сказал, с торжественной важностью. Краем глаза я заметил, что обе ее руки были подняты над головой ладошками вверх, как у молящихся, приносящих дар Всевышнему. Лошади в окне подозрительно

обнюхивали незаконченный проем в изгороди. Мысль, что я веду ответственные переговоры с будущим командующим Военно-морского флота, все больше занимала меня. Где-то в глубине сознания я уже представлял себя важной персоной. С невероятной быстротой в моем мозгу завертелись картины, в которых я уже участвовал в принятии ответственных, судьбоносных решений.

В конце концов Паломе удалось загнать меня в угол и вынудить повернуться к ней. Я взглянул вниз. В ее ладонках покоилась идеально оформленная лепешка из детского горшка. Малышка стояла очень торжественно и серьезно, как будто исполняла какой-то священный ритуал, причем всем своим видом она показывала, что ее подношение предназначалось именно мне. Она не шелохнулась, пока я брал подарок в руки, а потом, повернувшись, медленно вышла из кухни. Мы не обмолвились с ней ни словом. Без единой мысли в голове я слегка поклонился, как бы благодаря ее за незаслуженную щедрость. В следующую секунду весь мир внезапно рассыпался на куски и вдруг составил совершенно по-новому. Я почувствовал твердую почву под своими ногами, все вокруг приобрело четкие очертания. Мои воздушные мечтания как будто растворились в высоком белом небе за окном. Голос в трубке зазвучал откуда-то издалека. Я посмотрел на трубку в одной руке и на лепешку в другой. Провидение словно решило проучить меня за мою несусветную глупость и теперь открыто потешалось надо мной. Прошло много лет после этого разговора, завершились проекты «Морской воин», «Боевое искусство морской пехоты» и «Додзе для лидеров» - учебно-тренировочные программы, положившие начало серьезным изменениям в армии и бизнесе, - а я все вспоминал этот случай. Он, как компас, вел меня, не давая сбиться всякий раз, когда я начинал терять почву под ногами. Я назвал его ПАЛОМА - Памятка о Лепешке, Оказавшейся Мудрее Амбиций.

Спустя несколько месяцев Джон приехал ко мне на ранчо, и мы продолжили наш диалог о методах обучения, скрытых человеческих возможностях и изменяющей роли армии в современном мире. Джон обладает способностью остро чувствовать новые тенденции. Блестяще разбираясь в моменте, он направил нашу беседу на темы, связанные с наукой, технологиями и раскрытием человеческого потенциала. В своей беседе мы неизменно приходили к выводу, что в условиях современного научно-технического прогресса происходит постепенное разрушение традиционных воинских качеств, как в армии, так и в обществе в целом. Под воздействием этого процесса оказываются не только основные человеческие качества, такие как честность, целостность, благородство, чувство долга, самопожертвование и личная ответственность, но и качества, приобретенные в результате целенаправленных усилий, - обостренное сознание, тонкая восприимчивость, высокие умственные и физические возможности. Беседуя, мы не строили никаких конкретных планов, но считали, что, безусловно, настанет момент, когда нашим идеям будет дана возможность воплотиться в жизнь.

Позднее Джон снял свою кандидатуру на пост командующего, решив, что, работая в Арлингтонском институте, он принесет больше пользы, чем в кресле военного чиновника. В конце 1994 года он вновь связался со мной и предложил оказать помощь в организации и проведении проекта Vision-21, рассчитанного на подготовку морской пехоты. Проект имел целью привлечь внимание высшего командования к перспективам развития и путям модернизации морской пехоты. Весной 1995 года, когда на пост командующего морской пехотой был назначен генерал Крулак, группа политологов, физиков, инженеров, военных экспертов, экологов и аналитиков собралась на базе морской пехоты в Кемп-Пендлтоне на

юге Калифорнии, чтобы обсудить Vision-21. Выступавшие доложили о результатах новейших исследований в области биоэнергетики, физики, экологии, познания человека и новых методов обучения, что вызвало живой интерес присутствующих.

Во время своего доклада я постарался в общих чертах обрисовать историю, основные принципы и результаты проекта «Троянский воин». Я представил цифры и изложил свои личные наблюдения, свидетельствовавшие о том, какое огромное влияние оказали новейшие достижения в области развития человека на уровень физической подготовки, умственных способностей, морально-нравственного состояния и отношения в коллективе среди бойцов спецназа. Подкрепив свой рассказ слайдами и графиками, я показал, как существенно повысились способности участников нашего проекта. Вновь просматривая данные, я в который раз убедился, какую исключительную важность имел проект «Троянский воин». Он оказал мощное воздействие на личную жизнь и карьеру участников и кардинально изменил представления военного начальства о системе подготовки воинов. Я сказал, что морские «Тюлени» и парашютно-десантные войска тоже запросили о возможности провести у себя подобные проекты, и, добавил, мы уверены, что в случае их реализации они будут не менее успешны.

Тут я взглянул на свою аудиторию, и весь мой пыл мгновенно угас. Передо мной было море невозмутимых каменных лиц, которые, не мигая, смотрели на меня. Ряды бывалых морских пехотинцев с квадратными подбородками, колючими глазами и одинаково коротко подстриженными затылками. На лицах не отражалось ни единой мысли. Никто не делал записей, не кивал головой, не обменивался впечатлениями - стояла полная тишина. Ни единого намека на то, что творилось у них в голове. Мне стало не по себе. Я понял, что совершил страшную ошибку. Как я мог подумать, что морская пехота заинтересуется экспериментами в такой новой и неисследованной области как наука о человеке? Я почувствовал, что в следующую минуту мне вежливо, но настойчиво укажут на дверь. «Будь что будет», - подумал я, сделал глубокий вдох и завершил свой доклад. Потом спросил: «Нет ли вопросов?»

И тут, к моему удивлению, в воздух взметнулся лес рук, и по залу пронесся взволнованный гул голосов. В каждом вопросе звучала глубокая заинтересованность в том, насколько подобная программа могла бы отвечать особенностям морской пехоты, ее целям и задачам. Мы так увлеклись, что не заметили, как превысили отведенное нам время и были вынуждены освободить зал по просьбе организаторов. Но и в коридоре генералы хватили меня за рукав и продолжают забрасывать вопросами. Каждый хотел, чтобы мы провели подобный проект в его части.

Меня взволновал такой неожиданный интерес. Самым удивительным было то, что мои собеседники много и охотно говорили о духовности. За долгие годы работы в разных организациях я научился быть осторожным в обсуждении проблем, касающихся нравственности и этики. У этого вопроса есть много толкований, и не раз мне приходилось сталкиваться с убежденными сторонниками того или иного взгляда, что всегда уводило дискуссию в сторону. Но люди, окружавшие меня сейчас, искренне интересовались этой проблемой. Они настаивали - нет, требовали, чтобы в нашем проекте духовный аспект был выведен на первое место. Я почувствовал, что, в отличие от многих других организаций, здесь всерьез взволнованы этим вопросом. Это открытие потрясло меня. О чем это говорило? Руководители одного из старейших общественных институтов Америки были искренне и глубоко заинтересованы в духовном развитии молодых мужчин и женщин,

служащих в морской пехоте, а если взять шире, и всего молодого поколения страны. Это удивило меня не потому, что у меня были основания сомневаться в этом, а потому, что в большинстве случаев их коллеги из мира бизнеса - директора предприятий, управляющие, администраторы - не проявляли даже похожего рвения в отношении своих подчиненных. Тогда я совершенно по-новому взглянул на армию. Я увидел, что эти люди движимы добротой и любовью. И я подумал, вот доказательство тому, что наше просвещенное общество должно изменить свое отношение к армии. Я покидал зал с чувством огромного уважения к тем, кто всерьез озабочен не только вопросами национальной безопасности, но и духовным развитием молодого поколения Америки.

Генерал Ричард Хэрни, только что назначенный помощником командующего морской пехотой, пригласил меня пообедать с ним. Это высокий человек с атлетической фигурой и манерами прирожденного лидера. Он держится очень прямо, обладает талантом блестящего рассказчика, умеет внимательно слушать и, вообще, из тех людей, кто живо интересуется своим собеседником. Едва мы сели за стол, как он начал горячо объяснять, почему морская пехота нуждается в серьезной воспитательной программе. Впервые, сказал он, армию захлестнул поток новобранцев, воспитывавшихся в неполных семьях второго, а то и третьего поколения. Они приходят в морскую пехоту, не имея строгих этических и моральных принципов, которые обычно закладываются в семье. В результате в коллективах начинают процветать кражи, драки, нарушение дисциплины и изнасилования. Один из его солдат даже признался, что если он увидит незапертый шкаф своего товарища, то, не задумываясь, вытащит оттуда кошелек. Когда его спросили, почему он так сделает, он ответил, как ни в чем не бывало: «Если шкаф не заперли, значит, хозяину он не нужен. Так какая же это кража?»

Кроме того, военных беспокоит и другая проблема. Степень расового, религиозного и социального расслоения в современной армии достигла небывалой высоты. Это заставляет серьезно пересмотреть основы учебного процесса. Техническое вооружение войск - это, безусловно, очень важно, сказал генерал, но большой ошибкой было бы отодвигать на второй план проблему воспитания бойцов. Он был знаком с моей книгой и поинтересовался, нет ли возможности организовать подобный проект в морской пехоте.

В какой-то момент он схватил за пуговицу проходившего мимо крупного мужчину, которого представил мне как генерал-майора Джима Джонса. Полный, высокого роста генерал Джонс оказался человеком с приятными, мягкими манерами, за которыми скрывались острая наблюдательность и блестящий ум. Оказалось, что вскоре он станет советником министра обороны Кохена - весьма редкое назначение для человека из морской пехоты и свидетельство глубокой личной симпатии министра. Генерал Джонс признался, что в моем докладе его очень заинтересовала часть, касавшаяся восточных боевых искусств. Тридцать лет назад, когда он был командиром взвода во Вьетнаме, на него огромное впечатление произвело тхэквондо, которое практиковали корейские морские пехотинцы. Тогда он заметил, что боевое искусство положительно сказывалось на их дисциплине, боевом духе и общей мотивации поведения. Корейцы даже наводили страх на его подопечных, да и вьетконговцы опасались вступать в столкновения с корейскими отрядами. Позднее, в 1986 году, в Кемп-Пендлтоне, уже будучи командиром батальона, Джонс как-то принял на работу отставного сержанта артиллерии, чтобы тот обучил его солдат восточным боевым искусствам. Результаты поразили его. Солдаты в его батальоне стали меньше пить и употреблять наркотики, семейные скандалы, часто сопровождавшиеся драками, стали

возникать гораздо реже, сократилось число самовольных отлучек, пьяные драки исчезли, возрос боевой дух, и в целом обстановка в коллективе стала намного лучше. Его морские пехотинцы занимались боевыми поединками в свободное время, вместо того, чтобы просиживать в клубе или бездельничать в казарме. Тогда-то он и дал себе слово, что, как только представится возможность, он обязательно начнет обучать своих солдат восточным боевым искусствам.

Я рассказал им об основных принципах обучения боевым искусствам, где наряду с техникой боя и самозащиты человек приобретает новые черты характера, которые изменяют его поведение как, на службе, так и дома. Такой метод обучения может оказаться очень полезным для решения проблем, с которыми сталкивается сейчас армия. Я сказал, что некоторые принципы, например сохранение «истинной середины», важны не только в бою с противником, но и в повседневной жизни, и предложил им продемонстрировать, как они работают. Мы втроем, не долго думая, вскочили на ноги и, стоя между столиками, выполнили несколько приемов на равновесие и управление энергией, какие мы обычно выполняем на тренировках. Это была странная сцена - трое мужчин, выполняющих упражнения айкидо во время обеда, но офицеры за соседними столиками тут же окружили нас и даже выразили желание поучаствовать.

Это неудержимая готовность к действию является отличительной чертой морского пехотинца. Служа в морской пехоте, я имел возможность убедиться в этом. Они гордятся этим качеством, и никогда не упустят возможности проявить себя. Как учитель я обожаю эту черту в людях, а в каждом морском пехотинце ее хоть отбавляй. Неуверенность и сомнения не свойственны морпехам. «Первый в бою» - это не просто девиз, это образ жизни, который учит: будь в самом центре. Учись. Помогай. Действуй».

В тот момент всеобщего веселья я ощутил пьянящее, волнующее чувство, которое возникает всякий раз, когда наша энергия, сливаясь в единое целое, захватывает нас в стремительном потоке. Преподавать восточные боевые искусства, технику боя и духовного развития бойцам морской пехоты, - что может быть более благородным делом? В порыве восторга я вспомнил Памятку о Лепешке, и улыбнулся самому себе. Мужчины и женщины, сидевшие в этом зале, смотрели на нас, как родители на расшалившихся детей. Все они хотели процветания своей большой семье под названием морская пехота, и мне казалось, что я мог помочь им в этом. Глядя на этих офицеров, уверенных в своих силах и страстно желающих видеть новую морскую пехоту XXI века, я не мог даже предположить, что в тот момент мы вместе положили начало делу, которому суждено будет иметь большое будущее. Я не мог знать, что спустя шесть лет я буду оглядываться на этот вечер как на день рождения боевого искусства морской пехоты - учебной дисциплины, которая войдет в национальную программу подготовки морской пехоты.

Прощаясь, генерал Джонс пожал мне руку и просил не пропадать, добавив (позднее я вспоминал его слова с улыбкой): «Может быть, нам удастся протолкнуть что-нибудь в будущем». На протяжении последующих пяти лет я много раз встречался с генералами Джонсом и Хэрни, а также с другими ответственными военными чиновниками из Пентагона и штаб-квартиры морской пехоты. Мы организовали и провели, хоть и в более скромных масштабах, проект для офицеров пехоты и курсов начальной боевой подготовки. По моей просьбе генерал Джонс выступал перед управляющими Capital One, крупнейшей американской компании по выпуску кредитных карт, а генерал Хэрни делал доклад на семинаре по вопросам управления в Институте Строчи. Я приступил к проведению

программы «додзе для лидеров» в крупных корпорациях США, Латинской Америки, Европы и Канады, а также в ряде успешных начинающих компаний.

В январе 2000 года генерал Джонс, уже будучи командующим, пригласил меня на встречу в город Олбани, штат Джорджия, где вместе с командованием морской пехоты мы обсуждали то, что должно было лечь в основу будущего боевого искусства морской пехоты. В заключительной речи генерал Джонс объявил о своем намерении разработать и провести пробную программу уже к концу лета. Зная о бюрократических проволочках в аппарате правительства, я с ужасом подумал: «Этого года?» Действительно, Джонс хотел, чтобы программа и заключительный отчет были выполнены в полном объеме и представлены на рассмотрение генералитета уже осенью. Он был настроен решительно, и мне пришлось спешно приступить к формированию преподавательского состава. Все это время я беседовал с командующим и его помощниками, чтобы окончательно выяснить, какие цели они преследуют, начиная этот проект. Вскоре мне стало ясно, что идея со здания боевого искусства морской пехоты обусловлена двумя основными факторами: необходимостью эффективной боевой подготовки бойцов морской пехоты в изменившихся геополитических условиях и повышения морально-нравственного состояния воинов при выполнении боевых задач на территории страны и за ее пределами.

Из наших разговоров мне постепенно становилось ясно, что для сохранения своих позиций в условиях быстро меняющегося характера современных военных действий морская пехота, и страна в целом, должны кардинально пересмотреть свои взгляды на происходящее. В наш век операций, не связанных с ведением боевых действий, привычная поэтапная схема мышления уже не действует. В процессе проведения невоенных операций по эвакуации мирного населения или оказанию гуманитарной помощи американские морские пехотинцы часто оказываются в окружении враждебно настроенного местного населения. Привычные ориентиры войны, такие, как военная форма, определенный враг или регулярные воинские формирования, часто отсутствуют, что приводит бойцов в состояние растерянности. Солдату приходится действовать по военным законам в условиях политического противостояния, находясь под пристальным наблюдением со стороны средств массовой информации. Так дальше продолжаться не могло. Поэтому и возникла идея создания боевого искусства морской пехоты, целью которого должно было стать воспитание образцового воина, способного успешно справляться с любой боевой задачей и одновременно демонстрировать высокие моральные качества. Но возможно ли это? Изменяющийся характер военных действий, а также нарастающие внутренние проблемы ставят перед морской пехотой новые задачи по воспитанию личных качеств бойцов. Высокий моральный и боевой дух бойцов становится главным условием выживания и эффективности вооруженных сил в современных условиях. Но достижение такой цели осложняется, во-первых, недостатком желающих служить в армии, а во-вторых, низкими моральными качествами и степенью подготовленности новобранцев. В девяностых годах экономический подъем, повышение уровня оплаты труда и общий рост благосостояния оттолкнули многих молодых людей от службы в армии. Как результат недобора, во многих частях снизились требования к призывникам. Кроме того, у новобранцев часто хромает дисциплина и отсутствуют строгие моральные принципы, которые обычно закладываются в семье. Прибавьте сюда возросшую расовую, религиозную и социальную разнородность современной армии, и вы получите сложный и запутанный клубок проблем, с которыми сталкивается сегодня морская пехота. Идея проведения проекта «Морской воин» была

продиктована необходимостью создания новой системы воспитания морского пехотинца. Она должна была отвечать требованиям XXI века с его изменившимися представлениями о проведении военных действий, не рассчитанных, как прежде, исключительно на нанесение смертельного удара по противнику. Целью такой системы воспитания должен был стать боец, демонстрирующий высокую моральную стойкость, как в боевых, так и в мирных условиях. Иными словами, командующий Джонс поставил перед «Морским воином» задачу испытания программы боевых искусств морской пехоты с целью улучшения боевой подготовки и повышения морального духа и сплоченности морских стрелков. Это была попытка достижения традиционного идеала воина: внешне готового в любую минуту дать отпор противнику и внутренне исполненного миролюбия и непоколебимой твердости.

Мы приступили к этому необычному эксперименту 15 мая 2000 года в Кемп-Пендлтоне с бойцами 1-го военно-инженерного батальона из Кемп-Сан-Матео. В программе участвовали сорок два морских пехотинца, успешно закончили сорок. Среди участников проекта был один морской санитар. Одного солдата пришлось исключить из проекта за злоупотребление наркотиками, другой не сумел сдать заключительные экзамены. В проекте участвовали представители двадцати одной военной специальности. Средний возраст участников был двадцать два года, самому младшему было девятнадцать лет, самому старшему двадцать восемь. Мы включили, в учебную группу солдат из разных подразделений, чтобы проверить, насколько быстро они смогут влиться в единый коллектив. Для того чтобы проанализировать достижения по разным направлениям, мы сознательно отбирали участников с разной степенью подготовленности.

В первый же день проекта мы определили морского воина как личность, умеющую отстаивать, защищать и проводить в жизнь высокие ценности своей семьи, коллектива, морской пехоты и Конституции Соединенных Штатов. Для этого он или она должны быть физически сильными, образованными, дисциплинированными и наряду с боевыми навыками обладать высокими этическими, моральными и духовными качествами. Таким образом, наш проект соединил в себе боевую и физическую подготовку с воспитанием высоких личных качеств воина.

Наша программа была построена на холистическом подходе к развитию личности, и ее убедительный успех был результатом практической взаимосвязи между всеми составляющими ее частями. Такая методика кардинально отличается от методики последовательных зачетов, когда каждый предмет сначала преподается, потом по нему сдается зачет, после чего группа переходит к новому предмету. При таком подходе изучаемый предмет оказывается изолированным от других и существует замкнуто внутри собственных рамок. В результате разные предметы идут как параллельные прямые, не пересекаясь, и в итоге теряется целостное восприятие жизни, нарушается связь между теорией и практикой. Например, когда мы изучали тему личной ответственности, мы не ограничивались лекциями или заучиванием определений. Накануне вечером солдатам раздавалась литература по этому вопросу. На следующий день мы проводили краткую лекцию, а потом предлагали участникам разбиться на небольшие группы для обсуждения этой темы. (Работа в таких группах служила дополнительным средством обучения, поскольку она давала каждому возможность высказаться в присутствии товарищей. Это помогло многим выработать в себе лидерские качества - умение разговаривать с людьми и убедительность, что впоследствии бывает необходимо каждому, кто получает повышение по службе). Тема личной ответственности затем находила практическое подтверждение в

течение всего рабочего дня. Так, утром, во время зарядки, бойцы отрабатывали это качество в отношении собственной физической подготовки. Они ощущали личную ответственность за свой вес, выносливость, силу, гибкость или ловкость. Потом мы переходили к завтраку, и здесь происходило то же самое. Зная, каким образом тот или иной продукт влияет на здоровье и общее состояние организма, они учились ответственно подходить к собственному питанию. Во время боевой подготовки тема личной ответственности проходила красной нитью при выборе, как, где, зачем и с кем тренироваться, чтобы быть готовым к бою. Парни также учились осознавать ответственность за применение физической силы, и при этом было неважно, в каких обстоятельствах они прибегали к помощи кулака - во время боевых учений или в субботний вечер в местном баре. Точно так же личная ответственность была важной составляющей отношений в коллективе. Мы старались выработать у парней понимание и практические навыки личной ответственности за работу своей команды, жизнь своей семьи, личные успехи и успехи товарищей по команде. В ходе проекта элемент личной ответственности продолжал быть в центре внимания и, сливаясь с остальными воинскими качествами, он становился частью единого целого. Он всплывал в наших беседах, в теории и практике. Благодаря этому, образ идеального воина жил не только в абстрактных построениях, но проявлял себя изо дня в день в реальных действиях и поступках. Личная ответственность и другие важные черты характера становились для каждого бойца неотъемлемой частью его жизни на службе или дома, во время увольнения или при выполнении боевого задания.

Воинские качества включают в себя:

- Высокую сознательность
- Внимательность
- Решимость
- Уравновешенность
- Ответственность
- Благородство
- Смелость
- Преданность
- Прямоту
- Честность
- Веру
- Достоинство
- Ханми (правильную позицию)
- Уважение
- Слияние
- Сострадание
- Занкшин (непрерывный поток сознания)
- Прими (вхождение)
- Владение собой
- Мусуби (соединение)
- Спокойствие

Центральное место в проекте «Морской воин» занимает боевая подготовка. Навыки боя и уверенное их применение являются необходимыми качествами современного морского

пехотинца. Но, владея этими навыками, боец должен действовать избирательно и умело. Рукопашный бой не должен быть просто вспомогательной техникой на случай, когда отказал автомат или кончились патроны. Техника боевых поединков должна позволять ему принимать взвешенные решения и правильно оценивать обстановку в любой ситуации. Однако это вовсе не означает, что как только человек разучит приемы боевого искусства, уверенность в собственных силах придет сама собой. Владение собой - результат серьезных, глубоких и вдумчивых занятий, в ходе которых боец приобретает умение использовать приобретенные навыки в нужном месте и в нужное время.

Для того чтобы понять, в чем состоят особенности боевой подготовки «Морского воина», полезно взглянуть на то, как обычно относятся в армии к занятиям такого рода. Чаще всего они бывают нацелены на то, чтобы вызвать у бойцов повышенную агрессию или научить их действовать в критической обстановке, когда невозможно применить обычное оружие. Такое отношение основано на традиционном военном алгоритме мышления. Командование было убеждено и порой весьма обоснованно, что если дело дошло до рукопашной, - значит операция провалилась, поэтому обычно такой вид подготовки либо оставляли до лучших времен, либо, в лучшем случае, подвергали запоздалому анализу уже после окончания операции. Однако при современных операциях, не связанных с ведением боевых действий, такой подход больше не представляется возможным. Особую важность приобретает тот факт, что боевые искусства обучают умению эффективно выполнять любую задачу и при этом сохранять присутствие духа - универсальное качество, применимое в самых разных условиях.

Методика, которую мы использовали в нашем проекте, значительно отличается от традиционных программ обучения восточным единоборствам. Обычно такие программы нацелены на то, чтобы в самые сжатые сроки обучить максимальному числу приемов. Но приемы восточных единоборств представляют собой комплексы связанных между собой движений, которые невероятно сложно выполнить в условиях реального боя. Применение этих сложных приемов невозможно без столь же подготовленного партнера, к тому же, как правило, оказывающего минимальное сопротивление. Кроме того, в реальных условиях редко удастся выполнить технические приемы на полной скорости и в полную силу, на которую они рассчитаны. Человек может выучить все движения, научиться координации и сохранению равновесия, он будет правильно выполнять соединения с партнером и овладеет техникой динамического расслабления, но все эти навыки окажутся бесполезными в реальной схватке. Дело в том, что для овладения этим сложным мастерством, требуется куда больше времени. Более того, большинство приемов теряют свою эффективность, если они выполняются с низкой скоростью и не на должном силовом уровне. Все это приводит к тому, что ученик теряет уверенность в себе и перестает верить в возможности боевого искусства.

Для того чтобы в короткий период времени не только научить каждого солдата искусству боя, но и заложить в него традиционные этические принципы додзе, в «Морском воине» использовалась следующая основополагающая формула: Техника + Принципы + Личные качества = Мастерство.

Техника. Технические приемы, которые мы изучали, были достаточно просты, доступны и очень эффективны. Основные приемы включали в себя удары коленом, удары локтем и шейные захваты. На каждом занятии мы вновь и вновь отрабатывали эти приемы. Они

включались в программу разминки и ката (комплексы формальных упражнений), а также выполнялись в быстром темпе и в полную силу на мате. Тип одежды при этом варьировал от легкого тренировочного костюма до полной выкладки, включая рюкзаки, каски и автоматы, а бои проводились в условиях, когда противник постоянно менял характер и направление своих атак. Ежедневная отработка этих приемов научила парней эффективно бороться и отражать нападение противника. Точно так же мы обучали их технике захватов, удержаний, удушающих приемов, блокировки и бросков.

Принципы. Для эффективного использования этих приемов в учебную программу были включены основные принципы айки, а именно: правильное распределение тяжести тела, динамическое расслабление, использование духовной силы, равновесие, сохранение «истинной середины», чтение намерений противника, вхождение, плавность движений, слияние и энергия.

Личные качества воина. Воспитание воина - это духовная составляющая боевого искусства. Эта часть программы была основой, на которой строились все остальные элементы обучения. Общеизвестно, что обучение технике боя без должных этических и духовных принципов поведения приводит к пустой демонстрации силы, бездуховности и бессмысленной жестокости. С другой стороны, изучение высокой воинской морали чисто умозрительно, без приобретения практических навыков боя, является бесполезной тратой времени, которая не имеет ничего общего с настоящим мастерством. Однажды, когда я беседовал с командующим, он дал мне понять, что воспитание высоких моральных качеств должно стать главной целью нашего проекта. Более того, он ясно выразился, что от этого зависит успех всего предприятия. Если бы мы посвятили себя только технической стороне боя, нам не удалось бы достичь никаких результатов. Я вспоминаю слова Наполеона, который считал, что отношение физического к духовному должно находиться в пропорции один к пяти.

В своей программе мы учили морских пехотинцев различать и умело реагировать на гипотетическую и реальную угрозу. Вместо обычной реакции на угрозу, где ведущую роль играют страх, мужское самолюбие и эмоции, мы предложили парням широкий выбор действий от полного ухода, ослабления напряженности, нейтрализации противника или защиты до нанесения смертельного удара. Наши занятия помогли парням взглянуть на проблему применения силы с морально-этической точки зрения. Кстати, это приобретает особую ценность сейчас, когда действия наших военных находятся под постоянным прицелом средств массовой информации, и бойцу может в любой момент понадобиться доходчиво объяснить, почему он действовал именно так, а не иначе.

Умение и мастерство. Итогом работы над всеми тремя элементами стало убедительное боевое мастерство, которое наши подопечные могут использовать в самых разнообразных условиях и против самого разнообразного врага. Искусство заключается в применении нужной силы в нужное время. Это кардинально отличается от подхода «техника решает все». Мы учили бойцов творчески подходить к каждой ситуации и к каждому противнику. Мы решительно отвергали поверхностный подход к боевому искусству, когда ученика снабжают готовыми рецептами, вроде «Если противник делает так-то и так-то, то ты делаешь так-то и так-то». Наш проект учил морских пехотинцев каждый раз поступать по-

своему, в зависимости от ситуации.

Со временем число случаев, когда наши ученики сознательно отказывались от драки, будь то в казарме или во время увольнения, стало заметно возрастать. Одни открыто признавали собственные ошибки и отказывались от решения вопросов с помощью кулаков, другие, оставаясь уверенными в своих силах, считали, что не стоит лезть в драку и потом нести за это ответственность. Более того, самые завзятые драчуны не были замечены в стычках на протяжении всего проекта. Многие объясняли, что драка потеряла для них прежнюю привлекательность. Насколько мы могли судить, моряки стали сознательнее подходить к выбору средств при разрешении конфликтных ситуаций. Что важно, они принимали такие решения на фоне возросшего боевого мастерства и чувства самоуважения. Оценки психологов и степень боевой подготовки служат доказательством этого.

Кроме того, нам в короткие сроки удалось достичь большой сплоченности и взаимопонимания среди людей, раньше почти не знакомых друг с другом. Уже по окончании первой недели командование и сами участники проекта с удивлением отметили, как быстро сумел сложиться новый коллектив. Многие признавались, что в ходе проекта они приобрели друзей гораздо быстрее, чем в собственных командах.

В начале и в конце проекта мы провели тестирование по боевым искусствам, общей физподготовке, плаванию, психологическим и физиологическим показателям и концентрации внимания. В результате были получены следующие данные:

ЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА БОЙЦА (Психологическое тестирование):

- Значительно возросшее чувство собственного достоинства.
- Значительно возросшее чувство удовлетворенности.
- Значительно возросшее чувство общего благополучия.
- Значительно возросшее позитивное отношение к жизни (оптимизм и т. д.)
- Значительно возросшая степень критической самооценки.

ТРЕНИРОВКА ВНИМАНИЯ

• Общая способность концентрации и сохранения внимания в присутствии отвлекающих факторов возросла на 33 %.

• 35 % участников улучшили свою способность концентрировать и сохранять внимание в присутствии отвлекающих факторов.

БОЕВЫЕ ИСКУССТВА

- 98 % участников прошли тестирование по боевым искусствам на «отлично».
- 38 из 39 участников показали отличную боевую подготовку в ходе военных операций в городских условиях.

ОБЩАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

- 97,5 % участников улучшили свои личные результаты.
- 74 % участников улучшили свои результаты по подтягиванию на перекладине.
- 46 % участников улучшили свои результаты по упражнениям на пресс.
- 87 % участников улучшили свои результаты в беге.
- У 69 % участников снизился вес тела.

- У 87% участников снизился процент жировых отложений.

Вес тела	Жировые отложения	ОФП	Подтягивания	Пресс	Бег 3 мили
Общее изменение, %					
-1,28%	-17,48%	+12,12%	20,21%	7,21%	-5,33%
Общее изменение					
- 42 кг	- 134,5 %	+ 1045	+ 96	+ 260	-48:32
Личные рекорды					
-5 кг	-10,4%	+87	+8	+30	-06:02
Средние изменения					
-1кг	-3,4%	+25,3	+2,5	+6,7	-01:09

Ниже я привожу отзывы некоторых участников после окончания проекта (имена участников изменены):

Польза для меня лично была в том, что я смог посмотреть на себя и понял, на что способен. Считаю, что такие занятия и тренировки очень полезны для морской пехоты. Занятия, потому что они учат быть более ответственным и сознательным. А тренировки, потому что они дают морским пехотинцам навыки боя и учат, как ими пользоваться

- сержант Халл.

Этот курс помог мне лучше понять цели и задачи современного воина. Тренировки дали мне уверенность в своих силах. От нас требовали, чтобы мы каждый день выкладывались по полной. Это помогло мне оценить свои возможности и лучше понять себя

- лейтенант Дэвидсон.

Я считаю, что это будет отличный курс для морской пехоты, потому что он учит морских пехотинцев быть сильными и уверенными в себе, а это как раз то, что нужно

- капрал Ферген.

Этот курс помог мне лучше справляться со своими эмоциями, особенно со злостью, а также по-новому взглянуть на жизнь. Он открыл для меня возможности, о которых я раньше не знал, и еще помог мне начать уважать себя. Еще мне стало легче в коллективе. Это то, чего мне всегда не хватало

- капрал Баллард.

У меня нет сомнений, что этот курс очень важен для морской пехоты. Он учит правильно

оценивать себя, помогает правильно вести себя с подчиненными, поддерживать хорошие отношения в коллективе, учит правильно питаться и быть здоровым. Я намного улучшил свою боевую подготовку

- капрал Бэр.

Я считаю, что воспитание личной ответственности важнее всего, потому что на меня лично это оказало большое влияние. Я понял, почему мне раньше не везло и что нужно делать, чтобы добиваться своих целей. Мне кажется, рядовые теперь перестанут постоянно ныть, что начальство их прижимает, потому что они поняли, что должны быть ответственными за себя и за свое поведение

- младший капрал Перес.

Этот курс показал нам, что у каждого всегда есть выбор. Я также думаю, что с помощью этого курса мы поняли, как важно чувствовать свою ответственность. Это касается ответственности за себя и свое поведение. Боевая подготовка была очень полезной и серьезной. Еще я думаю, что «истинная середина» очень важна для морских пехотинцев, потому что она может им помочь в службе, а если нужно и в бою

- лейтенант Эттал.

Я как морской пехотинец хочу отметить, что польза этого курса была в следующем:

1. Боевые искусства. Очень полезны в любых военных операциях.
2. Тренировка внимания помогает концентрироваться на различных объектах.
3. «Истинная середина» помогает ясно мыслить.

Я считаю, что боевые искусства и середина - это самое главное. Этот курс изменил меня не только как военного, но и как мужа и отца

- старший сержант Заник.

Этот курс научил меня, как достичь тех целей, которые я поставил перед собой, поступая на службу. Я научился защищать себя, особенно в сложных политических ситуациях, когда применение оружия может привести к опасным последствиям. Моя уверенность в себе также значительно выросла

- младший капрал Барн.

Я считаю, что мне это очень помогло по службе, потому что я поступил в морскую пехоту, чтобы испытать себя, а воинские качества - это то, что нужно. Я знаю, что многие тоже хотят быть морскими пехотинцами именно из-за этого, так что эта программа будет им очень полезна

- младший капрал Нейв.

Я стал лучше контролировать себя и свои эмоции, это очень поможет мне в жизни. Курс научил меня уважать и защищать себя. Это очень нужно, чтобы быть хорошим морским пехотинцем. Все было отлично. Каждый морской пехотинец должен пройти этот курс. Если командование решит отказаться от этой программы то, это будет большой ошибкой

- капрал Биллингз.

Если эту программу введут в морской пехоте, то каждый откроет для себя, что значит быть настоящим морским пехотинцем. Люди будут лучше служить, и общий боевой дух повысится

- капрал Стоун.

Польза в том, что когда учишься руководить людьми, сам становишься сильнее. Я узнал много нового, лучше понял себя. Это помогает людям понять, чего им надо от жизни и что им нужно для этого делать

- рядовой 1-го класса Клиффорд.

Мы познакомились с техникой боя, которая лучше рукопашной. Курс помог мне расслабиться

- рядовой 1-го-класса Кейси.

Результаты тестов, субъективные наблюдения и личные отзывы показывают, что у участников проекта заметно повысился уровень физической подготовки, что отразилось на их способности к самозащите, а также возрос уровень самосознания и ответственности за свои поступки. «Морской воин» был пробной программой, которая продемонстрировала возможности воспитания глубоко нравственной, духовной личности, умеющей защищать и отстаивать свои принципы, как словом, так и делом - личности, которую с полным правом можно назвать воином XXI века.

К моменту публикации этого издания (2003 год) опыт проекта «Морской воин» уже был учтен при создании учебной программы по боевому искусству морской пехоты. Теперь она входит в обязательную программу начальной боевой подготовки, а также в базовую программу подготовки офицеров. Любой морской пехотинец имеет возможность пройти эту программу и при желании продолжить обучение вплоть до получения любой из шести мастерских степеней черного пояса. Каждый раз, когда морской пехотинец сдаст очередной экзамен, к его поясу добавляется узкая цветная полоска, которая обозначает степень его мастерства. Это служит не только достойным свидетельством его или ее достижений, но и позволяет другим бойцам определять уровень подготовки своего товарища. Я по-прежнему работаю консультантом, помогая развитию программы и ее внедрению в ряды морской пехоты. В войсках эта идея была принята с большим энтузиазмом, и недавно командующий даже назначил себе заместителя, специально занимающегося программой развития боевого искусства в морской пехоте.

Особой радостью для меня было то, что мой старший сын Джанго принимал участие в боевых учениях морской пехоты как раз в то время, когда я преподавал в Кемп-Пендлтоне. Полдня я провел с ним и его командиром на стрельбище, а после окончания учений он приехал ко мне и побывал на моих занятиях. Получается, что Джанго представляет уже третье поколение военных моряков в нашей семье.

Во время своего пребывания в Кемп-Пендлтоне я имел честь познакомиться с сержантом Ройсом Коффи. Наше знакомство постепенно переросло в тесную дружбу, которая продолжается и по сей день. В то время Коффи был главным сержантом 1-го дивизиона морской пехоты и большим энтузиастом нашей программы. (Сейчас он главный сержант всей тихоокеанской морской пехоты, второе по важности должностное лицо сержантского состава). Он прослужил в морской пехоте более тридцати пяти лет, и имеет столько наград и

знаков отличия, что, боюсь, не хватит места, чтобы их перечислить, достаточно сказать, что, когда Ройс надевает парадную форму, на его груди нет свободного места от медалей и нашивок. В свое время он исполнял обязанности старшего сержанта в разведывательном батальоне и участвовал в боевых операциях в Сомали и «Буря в пустыне». Как человек, всю жизнь увлекающийся восточными единоборствами, главный сержант Коффи имеет черные пояса в тхэквондо (4-й степени), айкидо (2-й степени), кобудо (2-й степени), хапкидо (1-й степени) и высшие мастерские степени в эскримере и кун-фу. Услышав список его регалий, можно представить себе такого рубаху-парня, лениво перекатывающего в зубах сигару, отчаянного сквернословя и любителя пропустить стаканчик. На самом деле, Коффи - вегетарианец, не пьет и не курит, не имеет татуировок, и «чертов», пожалуй, самое крепкое слово, которое когда-либо срывалось с его губ. Но, с Ройсом Коффи я бы, не задумываясь, пошел в разведку.

С тех пор как программа была официально введена в курс боевой подготовки морских пехотинцев, Коффи был и остается убежденным ее сторонником и моим незаменимым помощником. Вместе с ним мы демонстрировали айкидо для 1-го дивизиона морской пехоты, он также помогал мне в проведении школы лидерского мастерства в Институте Строчи. (В ходе этой учебной программы я использовал элементы проектов «Троянский воин» и «Морской воин», а также свой опыт работы с морскими «Тюленями»). Программа длилась шесть дней и была рассчитана на директоров предприятий, правительственных чиновников, руководителей системы образования, здравоохранения, общественных организаций и военного начальства).

Куда бы ни забросила его служба, от Кореи до Бахрейна, отовсюду сержант Коффи присылает мне сообщения о ходе программы. Жизнь на корабле в условиях длительной изоляции всегда считалась исключительно взрывоопасной. Если принять во внимание, что морские пехотинцы вынуждены подолгу находиться бок о бок с матросами судовой команды, то можно понять, почему обычно на борту не проходит и дня без шумных драк и скандалов. С введением на кораблях регулярных занятий по боевому искусству число драк между морскими пехотинцами, а также между пехотинцами и матросами существенно сократилось. Более того, матросы судовой команды, насмотревшись на тренировки морпеха, начали просить, чтобы и для них проводили такие занятия. Однажды на отдаленной сторожевой заставе в Афганистане Коффи столкнулся с небольшим отрядом морских пехотинцев, которые рассказали ему, что занимаются боевым искусством каждый день, и признались, что только это помогает им сохранять присутствие духа в этих исключительно трудных условиях. Каждую неделю ко мне на стол ложатся отчеты, из которых можно понять, что везде, где занятия проводятся регулярно, наблюдается значительное уменьшение употребления алкоголя и наркотиков, сокращается число семейных драк, преступлений и различных нарушений устава, таких как самовольные отлучки, опоздания, драки или аморальные поступки. Программа получила положительные отзывы в СМИ. Телекомпания CNN, газеты «USA Today», «The Washington Post» и «The Wall Street Journal» поместили свои доброжелательные отзывы о ней. (К своему удивлению, 9 октября 2000 года на обложке «The Wall Street Journal» я обнаружил собственную фотографию и рядом с ней статью о «новом боевом искусстве морской пехоты»).

В июле 2002 года командующий созвал всеобщую конференцию командующих подразделениями, для чего с разных концов света съехались тридцать три генерала. В программу конференции была включена и демонстрация боевого искусства морской пехоты.

На заключительном приеме, состоявшемся в расположении штаб-квартиры морской пехоты в Вашингтоне, собрались все участники конференции с супругами. Мне удалось поговорить с некоторыми из них, и я спросил, как им понравилась демонстрация. В ответ, все как один, заявили, что были поражены энергией, силой, красотой и возможностями этого искусства.

От их глаз, тем не менее, остались скрытыми глубокие изменения, которые произошли в характере, взглядах и поведении каждого из участников демонстрации. Я знаю, что эта программа оказывает огромное воздействие на каждого бойца. Она делает его лучше и заставляет по-новому взглянуть на жизнь. Неважно, сколько времени эти парни проведут в армии, четыре или тридцать пять лет, но когда они покинут морскую пехоту, то, безусловно, станут достойными гражданами нашего общества. Честь создания этой уникальной и важной программы принадлежит генералу Джиму Джонсу, 32-му командующему морской пехотой Соединенных Штатов, без чьей настойчивости и проницательности она никогда бы не увидела свет. Для меня было большим счастьем помогать ему в осуществлении его мечты.

Когда генералы со своими женами начали медленно выходить на улицу для вечернего парада, я спросил командующего, остался ли он доволен демонстрацией. Он широко улыбнулся, слегка приосанился и потом сказал: «Они были просто великолепны! Всем очень понравилось. Благодарю вас за участие». Наблюдая, как гаснет свет, и наступает темнота, я вспоминал, как много лет назад появилась эта идея, зародившись в голове одного человека. Когда мы пожимали друг другу руки, мне на ум пришли слова философа и поэта XV века сэра Фрэнсиса Бэкона: «Не знаю, почему сердца военных так склонны к любви».

Октябрь 2001 года

Местный журнал попросил меня прокомментировать события 11 сентября. Ниже я помещаю свой ответ.

События 11 сентября окончательно и бесповоротно изменили нашу жизнь и поставили нашу страну и каждого из нас под угрозу. За это время было высказано очень много по этому поводу как умных вещей, так и откровенной ерунды. Ежедневно очередной специалист спешит вывалить на страницы Интернета собственную версию событий. Эксперты хором убаюкивают нас рассказами о психологических средствах борьбы со стрессом и неуверенностью в завтрашнем дне. Я согласен, давайте все вместе бороться со своей бедой, но давайте не будем выставять себя толпой идиотов, которых могут обвести вокруг пальца все кому не лень. За последнее время поток электронных и печатных комментариев на эту тему достиг такого небывалого размаха, что, я думаю, мне уже нечего добавить к сказанному. Однако последние шестнадцать лет я активно сотрудничал с Пентагоном и министерством обороны, поэтому ко мне поступило много обращений с просьбой поделиться своими наблюдениями и размышлениями по поводу случившегося. Я выскажу свое личное мнение и не претендую на истину в последней инстанции.

С 11 сентября мои контакты с Пентагоном участились. У меня много друзей в министерстве, и я, естественно, был обеспокоен их судьбой. К счастью, никто из них не пострадал. Я также был приглашен в комиссию, специально созданную после событий 11 сентября. По моим наблюдениям, военное командование в целом занимает взвешенную и обдуманную позицию, выступая за то, чтобы при разрешении кризиса наряду с

необходимыми военными действиями активно использовались дипломатические, политические и экономические методы. Люди, с которыми мне довелось общаться, считают, что мы столкнулись с беспрецедентной ситуацией, когда между нами и нашим противником отсутствует четко выраженная линия фронта. Эти люди, мужчины и женщины, глубоко обеспокоены не только судьбой страны, но и судьбами морских пехотинцев, военных летчиков, моряков и солдат, чья жизнь сейчас находится под угрозой. Короче говоря, они предостерегают нас от поспешных и необдуманных шагов. Но конечное решение, как всегда, за политиками.

Сейчас мы оказались в положении средневекового знахаря, который понял, что кровопускание бессильно помочь его пациентам, но, не зная других методов лечения, продолжает совершать бесполезную операцию. Мы тоже знаем, что широкомасштабная война с применением современной техники бессильна нам помочь, но продолжаем надеяться на чудо. Результатом такой политики становится то, что мы ежедневно наблюдаем на экранах телевизоров, как наши авианосцы, вооруженные до зубов, на всех парах спешат в зону Персидского залива. Одних это успокаивает, других изрядно беспокоит. Но те, от кого зависит принятие решений, должны знать, что «восстановить честь и достоинство» страны можно только путем объединения с союзниками, бережного отношения к своим друзьям (а не отказ от них, как только они перестают быть нужными), отделения ислама от терроризма, принятия экономических санкций, признания собственных ошибок и справедливого суда над преступниками. Лично я стою за такой путь решения кризиса.

В течение многих лет я наблюдал, как военные и разведывательные органы били тревогу по поводу возможности возникновения ситуаций, подобных той, в которой мы теперь оказались. Все это время от них отмахивались и не желали слушать, и вот теперь мы пожинаем плоды собственной безмятежности. Начиная с 1993 года, против нас было совершено пять крупных террористических актов как внутри страны, так и за рубежом. И каждый раз мы вели себя так, будто столкнулись с полной неожиданностью. Несколько лет назад я присутствовал на одной встрече, где полковник спецназа описал точно такой же сценарий, как тот, что произошел во Всемирном торговом центре. Несмотря на всю убедительность, у него не нашлось сторонников, готовых пробивать заслоны нашей бюрократической машины с целью получения необходимых средств. Вместо этого деньги налогоплательщиков были направлены на проведение программы политкорректности, чтобы, не дай Бог, чужое замечание не могло задеть чувства новобранцев, делающих первые шаги в армии. Да еще инструкторам отделов кадров было дано указание жестко следить за тем, чтобы в армейских частях в южных штатах мужчины не «унижали достоинство» женщин, обгоняя их во время утренней пробежки. А тем временем 15 % наших военнослужащих живут за счет продовольственных талонов, так как их зарплаты не хватает даже на то, чтобы купить продукты питания и оплатить жилье. И это все те же мужчины и женщины, которые в этом году, как и прежде, проведут День благодарения и Рождество вдали от дома, выполняя свой долг перед обществом.

Мы убедили себя в собственной неуязвимости. Мы твердили, что наша страна - неприступная крепость. Изнеженные и ожиревшие, мы теперь вынуждены столкнуться с врагом, для которого не существует игры по правилам. Зло глухо к призывам к совести, и, с точки зрения морали, смелость - категория нейтральная. Настало время, когда мы, все вместе и каждый в отдельности, должны по-новому взглянуть на свою жизнь и определиться с приоритетами. Мы должны сомкнуть ряды и стать, как один, не отступая

при этом ни на шаг от демократических принципов.

Одновременно мы переживаем исключительно важный момент. Сегодня перед нами открываются два неразрывно связанных между собой пути: путь исторического и духовного развития. Первый требует от нас, чтобы мы отразили нападение противника и научились решать проблемы во взаимодействии со всем мировым сообществом. Второй ставит перед нами задачу не менее, а может, даже и более важную - признание бессмысленности насилия. История не устает убеждать нас в этом, и мы не имеем права не признавать этого, особенно сегодня, когда слишком многое поставлено на карту. Для того чтобы защитить свое право на существование, мы должны дать решительный отпор противнику. Но бороться за мир все равно, что насиловать ради сохранения девственности.

Момент исторического и духовного развития требует от нас, чтобы мы по-новому взглянули на себя не только с политической, но и с общечеловеческой точки зрения. Мы знаем, против чего мы боремся. Теперь нам нужно крепче взяться за оружие и задать себе другой, более важный вопрос: зачем. Террористы хотят разрушить нечто большее, чем наши здания, поэтому мы должны спросить себя, за что мы готовы бороться и умирать. Лично я знаю за что, и мой список не слишком длинен: я хочу, чтобы мои дочери могли играть в баскетбол в шортах, я хочу иметь правительство, способное отвечать за свои действия, я хочу, чтобы у меня были булочки с рубленым бифштексом, которыми я мог бы угощать своих друзей, доступное образование, открытые возможности, свобода слова и вероисповедания, свобода танцевать и бриться, многопартийная политическая система. Мне было стыдно за человечество, когда я наблюдал за нападением террористов, и я гордился за него, когда видел пожарных, рванувшихся вверх по лестнице в то время, когда все бежали вниз. Мы живем, раздираемые противоречиями. Как сказал Кришнамурти: «Война - это всего лишь отражение повседневной жизни». И ее линия фронта проходит через каждого из нас.

Вместо того чтобы паниковать по поводу случившегося или как ни в чем не бывало говорить себе «жизнь продолжается», мы должны наполниться искренним состраданием и жизненной мудростью, мы должны научиться действовать умело и осторожно. Пусть разум станет нашим оружием. Мы созданы для великих дел, так не позволим же себе растратиться по мелочам. Эта страшная катастрофа заставляет нас обратиться к своей великодушной и мужественной душе. Говорят, что, спасая людей, пожарные и полицейские погибли ради нашей свободы. Я предпочитаю думать, что они погибли ради того, чтобы однажды все мы стали мудрее.

Помните о тех, кому пришлось испытать больше, чем нам. Преодолевайте самих себя и приходите кому-то на помощь. Будьте маяком среди неопределенности. Будьте любовью среди безумства. Будьте спокойны и мужественны. Вот то, что я сам говорю себе.

ОБ АВТОРЕ

Ричард Строцци-Хеклер является президентом Института Строцци, центра по воспитанию лидерства и мастерства. Доктор психологических наук и обладатель черного пояса шестой степени по айкидо. Во время учебы в университете Сан-Диего был чемпионом Америки по легкой атлетике среди университетских команд. Победитель забега на 100 метров на отборочных олимпийских соревнованиях и на Играх Центральной Америки в Мехико в 1967 году. Один из учредителей нескольких школ айкидо в северной Калифорнии.

На протяжении последи их тридцати лет доктор Строцци-Хеклер преподаст на курсах лидерства и мастерства для предприятий, государственных служащих, армии, общественных организаций, руководителей здравоохранения и образования. В течение восемнадцати лет являлся консультантом министерства обороны США. Отзывы о его работе в американской морской пехоте были помещены на первой полосе газеты «Уолл Стрит Джорнал» в октябре 2000 года. Автор книги «Анатомия перемен» (The Anatomy of Change), в которой исследуются трансформация работы организма в процессе обучения и развития. Является редактором сборника статей по айкидо под названием «Айкидо и новый воин» (Aikido and New Warrior). Автор книги «Истинная середина» (Holding the Center), исследующей влияние условий жизни, окружения и особенностей восприятия на общую мотивацию и образ жизни. Редактор сборника «Человек и его работа. Использование соматического интеллекта в профессиональной деятельности» (Being Human at Work: Bringing Somatic Intellegence into Your Professional Life), в котором собраны статьи о работе Института Строцци по всестороннему развитию человеческих способностей в процессе трудовой деятельности.

Если вы заинтересовались деятельностью Института Строцци или другими работами Ричарда Строцц-Хеклера, обращайтесь по адресу: mastery@strozziinstitute.com

«На мой взгляд, Строщи-Хеклеру удалось исключительно точно определить одну из самых болевых точек современной американской армии. Настольная книга для тех, кто считает себя настоящим воином».

Майк Е. Хаас, подполковник военно-воздушных сил США,
командующий специальными операциями ВВС

«Что за книга! Рассказ Строщи-Хеклера о необычном эксперименте по подготовке двадцати пяти «зеленых беретов» не оставит равнодушным тех, кто интересуется судьбой воина в современном мире. Но главное - это блестящее повествование о силе и мужестве, размышление о том, что значит быть настоящим мужчиной. Я просто не мог оторваться».

Джорж Ленард, автор книг «Молчащий пульс» и «Совершенный атлет»

«Программа боевого искусства в морской пехоте выросла из осознания того, что каждый морской пехотинец должен обладать высокими воинскими качествами- честью, мужеством и долгом, на которых строилась наша армия на протяжении 227 лет своего существования. Именно этому посвящена работа Ричарда Хеклера о морской пехоте США и его усилия по воспитанию воинов, которые, рискуя жизнью, защищают нашу свободу. Проект «Троянский воин» напоминает об огромной важности этой задачи».

Д. Хэрни, генерал в отставке, бывший помощник командующего морской пехотой США

«Увлекательная летопись событий, происходящих в одной из его частей спецназа, где солдаты проходят необычный курс боевой и психологической подготовки. Отличная книга для военных руководителей, желающих лучше ориентироваться в сложной современной обстановке. Необычная книга Строщи-Хеклера убедительно и вдумчиво повествует о важности комплексного подхода к развитию личности как неотъемлемой части воспитания воина».

Фред Т. Крочек, подполковник частей специального назначения армии США

ISBN 5-17-036172-6

